

Персоналии:

Государственные и военные деятели:	3
Александр Невский,.....	3
Андрей Боголюбский,	12
Аскольд и Дир,.....	26
Батый (Бату),	28
Василий I,.....	29
Василий II Тёмный,	33
Витовт,	38
Владимир Мономах,	39
Владимир Святой,.....	46
Всеволод Большое Гнездо,	63
Гедимин,	65
Даниил Галицкий,.....	66
Даниил Московский,	73
Дмитрий Донской,	76
Иван Калита,.....	87
Иван III,.....	92
Игорь,	147
Игорь Святославич,	151
Мамай,.....	153
Михаил Ярославич Тверской,	154
Олег,	155
Ольга,	158
Ольгерд,	161
Рюрик,	162
Святополк Окаянный,.....	167
Святослав Игоревич,	170
София (Зоя) Палеолог,.....	179
Софья Витовтовна,.....	190
Тимур,	196
Тохтамыш,	197
Узбек,	198
Чингисхан,	199
Юрий Данилович,	200
Юрий Долгорукий,	203
Ягайло,	211
Ярослав Мудрый,	212
Общественные и религиозные деятели, деятели культуры, науки и образования:.....	224
митрополит Алексей,	224
Борис и Глеб,.....	232
Даниил Заточник,.....	239
Дионисий,	243
Епифаний Премудрый,.....	247

митрополит Иларион,	248
митрополит Иона,	250
Кирилл и Мефодий,	254
Нестор,	256
Афанасий Никитин,	260
Пахомий Серб,.....	265
митрополит Пётр,.....	266
Андрей Рублев,.....	270
Сергий Радонежский,	278
Стефан Пермский,.....	290
Феофан Грек,	295
Аристотель Фиораванти.....	300

Государственные и военные деятели:

Александр Невский,

Александр Невский

- великий князь Владимирский и всея Руси, 2-й сын великого князя Ярослава II Всеволодовича, правнука Владимира Мономаха, род. 30 мая 1220 г.; в 1236 г. стал княжить в Новгороде и тотчас же решил обуздать главных его врагов - шведов. С этой целью он прежде всего предпринял с Новгородской дружиной ряд набегов на Финляндию. В отмщение за них, а также побуждаемые папской буллой, провозглашавшей новгородцев союзниками язычников и послушниками наместника св. Петра, шведы в 1240 г. предприняли "крестовый поход" на Русь, отправив на ладьях в Неву многочисленное войско под начальств. Биргера. Биргер послал А. надменную грамоту: "Если можешь, сопротивляйся. Знай, что я уже здесь и пленю землю твою". Поэтич. народн. легенда рассказывает, что в то же время прискакал к А. крещеный финн, по имени Пелгусий, сторож с о. Котлина, человек очень набожный. Он рассказал, что после бессонной ночи, на заре, стоя на берегу моря и всматриваясь в туманную даль вдруг увидел лодку, в которой стояли свв. Борис и Глеб, и первый сказал второму: "Брате Глебе! вели грести, поможем сроднику нашему Александру Ярославичу". - Не дожидаясь сбора новгородск. рати, А. со своей малочисленной дружиной внезапно напал на шведов на месте их высадки, на лев. берегу Невы, и разбил их 15 июля 1240 г. на голову. Русские дрались отчаянно. Сам А. подавал пример доблести, находясь во главе своей дружины: он добрался до Биргера и своим копьем "возложил ему печать на лицо". Значение и впечатление на народ от этой победы было так велико, что он тогда же прозвал А-ра "Невским". Несмотря на это, А. вскоре по своему крутому и властному нраву не поладил с новгородцами и выехал из Новгорода. Но едва он оставил Новгород, как явился новый враг: рыцари Ливонского ордена напали на Псковскую волость, взяли Изборск, подступили к Пскову и сожгли его (1241 г.). Подчинив себе Псков, немцы построили крепостцу в Копорье и вторглись затем в Новгородские земли, грабя и разоряя их до самого Новгорода. Новгородцы опять послали за А. Он явился на призыв и изгнал врагов из новгородск. земель, отняв у них Копорье. Затем в 1242 г., подавая помощь Пскову, А. разбил Ливонских рыцарей на льду Чудского озера, почему эта битва и названа народом "Ледовым побоищем". В 1245 г. А. нанес поражение также и литовцам (у Торопца, у озера Жизца и подле Усвята). Всеми этими победами А. надолго оградил от врагов северо-западные пределы Руси. Сделавшись с 1252 г. великим князем владимирским, А. должен был вести совершенно иную политику по отношению к другим, более могуществен. врагам Руси - татарам. Сознывая невозможность борьбы с Ордой, А. полной покорностью и богатыми дарами приобрел расположение Батыея и его преемников. Еще при жизни велик. кн. Ярослава Батый в 1242 г. призвал А. в Орду на поклон. По смерти отца А. в 1248 г. снова ездил в стан Батыея, а по-

том и в Татарию, к великому хану, был обласкан тем и другим, и получил ярлык на великое княжение - Киевское, а через 2 года ему удалось получить ярлык и на Владимирское княж. Держась с татарами все время осторожной, уклончивой политики, А. не раз ездил в Орду хлопотать за Русь, постоянно дарил ханов, задабривал их вельмож, исправно платил дань и всячески старался сдерживать поработителей. В 1262 г. вспыхнуло восстание против татар во Владимире, Ростове, Суздале, Переяславле и Ярославле, вызванное тяжелым угнетением от татарских откупщиков дани. Полки татарские уже готовы были двинуться на Русскую землю, которой вновь предстоял татарский разгром. Тогда А. в 4-й раз поехал в Орду к хану, чтобы отвратить беду. Он прожил там всю зиму и не только успел отвратить татарский погром, но и выхлопотал у хана освобождение Русской земли от повинности выставять для татар воен. отряды. Это было последним делом А.: больной он выехал из Орды и на дороге, в Городце на Волге, скончался 14 нояб. 1263 г. Митроп. Кирилл, когда узнал о смерти А., так объявил об этом народу во Владимире: "Чада мои милые! разумеите, яко зайде солнце русской земли!" - и все с плачем воскликнули в ответ: "Уже погибаем!" Когда тело А. было привезено во Владимир, все жители вышли на встречу в Боголюбове. "Бысть же плач великий и кричание и туга, яко несть такова бывало". Так был нужен А., умевший ладить с татарами и тем спасавший Русь от конечного разорения. Похоронили его во Владимиро-Рождественском монастыре. А. был очень популярен на Руси при жизни, чему, кроме его заслуг, способствовали и его блестящая, повелительная наружность, высокий рост, громкий, "как труба", по выражению летописца, голос. Соблюдение Русской земли от беды на востоке и знаменитые подвиги за веру и землю на западе доставили А. славную память на Руси, окружили его жизнь преданиями и особыми "сказаниями", привели к признанию его церковью святым (1380). С. М. Соловьев считает А. самым видным историческим лицом от Мономаха до Дмитрия Донского, и даже выше того и другого своей прозорливостью. На месте, где, по преданию, А. победил (1240 г.) шведов, на лев. берегу Невы, Петр I, вырубив лес и высушив болото, в 1710 г. основал монастырь (Александро-Невская Лавра). Сюда 30 авг. 1724 г. были перевезены из Владимира мощи А., где покоятся и ныне. В память А. Петр В. учредил орден св. А. Невского. (Соловьев. История России с древнейших времен, т. III, гл. 3; кн. Голицын. Всеобщая военная история средних времен, части I и II; Костомаров. Русск. ист. в жизнеописаниях, т. I).

{Воен. энц.}

Александр Ярославич Невский

- великий князь Владимирский, святой, сын великого князя Ярослава Всеволодовича и супруги его, Феодосии, род. около 1220 г., был великим князем с 1252 г., скончался 14-го ноября 1263 г. В 1228 г. Ярослав, княживший в Новгороде, уехал, оставив там сыновей своих, Феодора и Александра; удалив-

шись оттуда в 1229 г., они снова вернулись в 1230 г. Конечно, в эти годы за них правили бояре; но с 1236 г., когда Ярослав занял Киев, Александр уже является самостоятельным князем; в 1239 г. Александр женился в Торжке на дочери полоцкого князя Брючислава-Александра; начатые в этом городе свадебные пиры продолжались в Новгороде; после ее кончины Александр женился на какой-то Вассе (Василисе), известной только по надписи на ее гробе во Владимирском Успенском монастыре. Татарское нашествие миновало Новгород; но у Новгорода нашлись другие враги, и борьбой с ними прославился Александр в это тяжелое для русской земли время. У шведов были постоянные ссоры с Новгородом за побережья финские; в 1240 г., может быть, пользуясь стесненным положением северо-восточной Руси, а может быть, под влиянием папских посланий, шведский король Эрих отправил свое ополчение на Неву. Со своей дружиной, с полками новгородскими и приставшими к нему ладожанами, Александр, помолясь в соборе Софийском, вышел на противника, и 15-го июля 1240 г., встретясь с ним при впадении Ижоры в Неву, разбил его наголову и ранил самого начальника шведского войска Биргера: "вложи печать на лицо острым своим мечом", говорит автор "Сказания". Битва невяская, в которой новгородцев пало мало, а враги были поражены, получила в глазах современников легендарную обстановку: рассказывали о том, как старейшине ижорской земли Пелусию явились Борис и Глеб и заявили, что идут помогать сроднику своему, Александру; рассказывали о невидимых силах, избивавших врагов, подобно тому, как избито было под Иерусалимом войско Сеннахерима; рассказывали о подвигах отдельных богатырей. Подвиг Александра был утешением в то скорбное время; но в Новгороде усилилась партия недовольных, и Александр принужден был уехать зимой того же года. Между тем немецкие рыцари, воспользовавшись изменой бояр с Твердилой во главе, заняли Псков и пустошили землю новгородскую. Когда по просьбе новгородцев великий князь Ярослав прислал к ним сына своего, Андрея, то он не мог совладать с немцами; тогда Ярослав послал им Александра, который взял Копорье, перебил и полонил немцев и повесил изменников-чухон. Затем Александр, соединясь с суздальскими полками, взял Псков, захватил или перебил сидевших там немцев и двинулся на Ливонию (в апреле 1242 г.). Неприятель разбил передовой отряд; Александр отступил, чтобы найти выгодное место для битвы и стал на льду Чудского озера. Долго молился он перед битвой и, воздев руки к небу, говорил: "Суди, Боже, и рассуди прю мою от языка *велеречивого*". Немцы врезались в русские ряды клином ("свиньей"); Александр, напав на них сбоку, смешал их строй, разбил и гнал до поздней ночи. 400 рыцарей легло на поле битвы; лед озера покрыт был кровью. Сочинитель "Сказания" и здесь повествует о невидимой силе, избивавшей врагов (5-го апреля 1242 г.). Слава Александра, по словам современника, распространилась до горы Араратской и Рима. Составитель "Сказания" повествует, что еще до невяской битвы приезжал в Новгород один рыцарь Андреяш, из "слуг божиих" (вероятно, ливонский), и, возвратясь, говорил: "Проходил многи страны и языки, не видех такого, ни в царях царя, ни в князех князя". После победы Александр возвратился во Псков, где духо-

венство встретило его с крестами. С немцами был заключен мир. В то время литовцы своими набегами начали тревожить Торопец; Александр явился на помощь и в несколько дней семь раз разбил разных князьков литовских. Когда в 1246 г. Ярослав умер в орде, во Владимире сел брат его, Святослав; Александр, по сказанию, тогда был вызван к Батыю, который прислал ему сказать: "Мне покори́л Бог многие языки, ты ли один не хочешь покориться державе моей"; поговорив с ним, Батый будто сказал: "Воистину поведаше ми, яко несть подобна ему князя". Сказание прибавляет, будто жены моавитские (татарки) пугали Александром своих детей. По другим известиям, Александр и раньше бывал в орде. Трудно определить, в эту ли поездку или, как предполагают (Иловайский), в другую Александр и брат его Андрей должны были отправиться к великому хану в Монголию, откуда вывезли ярлыки на великое княжение: Александр - на Киевское и Андрей - на Владимирское. Александр в Киев не поехал, а жил в Переяславле или Новгороде. Между тем Андрей, женись на дочери Даниила Галицкого, задумал отложиться от татар или, по крайней мере, ему приписывали этот замысел. В то время как Александр был в орде у хана Сартака, сына Батыева (в 1252 г.), против Андрея выслан был царевич Неврай, разбил его, и Андрей бежал в Швецию. Александр сел во Владимире. События эти толкуются разно: Карамзин полагает, что татары хотели наказать Андрея за какое-то ослушание; Беляев, повторяя мысль Щербатова, приписывает дело интриге Святослава; Соловьев подозревает Александра; Иловайский подозревает известие Татищева о том, будто Александр спорил с Андреем о Владимире еще в орде. Положение Александра было тяжелое, но он сумел охранить русскую землю, насколько было возможно. Сев на княжение, он продолжал дело отца своего: собирал жителей, возобновлял города. Первое затруднение встретил он в Новгороде, где посадил сына своего Василия; недовольные Василием новгородцы призвали к себе Ярослава Ярославича Тверского (в 1255 г.). Воспользовавшись спором сторон на новгородском вече, Александр успел примирить с собой Новгород и в 1256 г. защитил его от ожидаемого нападения шведов, которые уже выстроили крепость на Нарове; узнав о походе Александра, они ушли. Александр опустошил часть Финляндии, несмотря на то что часть новгородцев, испугавшись холодов, ушла, а оставшиеся переносили много лишений. Новые затруднения ожидали Александра: от великого хана получено было повеление об обложении России данью; дело это сарайский хан Берке, брат Батыя, поручил родственнику своему, Улавчею. Александр ездил для переговоров и к Улавчею, появившемуся в Нижнем, и в орду; но численников татарских пришлось все-таки принять (1257). Спротивление этому делу встрети́лось прежде всего в Новгороде: сам князь Василий стал на сторону ослушников и, услышав о приближении отца, ушел во Псков. Александр вывел ослушника из Новгорода и переказнил зачинщиков (1258). Ему стоило великих усилий уговорить татар ограничиться на первый раз дарами и уладиться с новгородцами, которые, впрочем, настояли на том, что дань они будут передавать великому князю; это действительно оказалось необходимым, когда появились численники и начались столкновения с ними (1259). В Новгороде

Александр заключил договор с Ганзой о торговле и посадил там сына своего, Димитрия. В 1262 г. наехали на Русь разные среднеазиатские купцы, которым в орде отдали на откуп русскую дань и которые всеми способами притесняли народ, а недоимщиков уводили с собой в рабство. Владимирцы, суздальцы, ростовцы вышли из терпения, собрали вече и избili притеснителей; в Ярославле убили какого-то отступника Зосиму, который ругался над христианством. Неминуемая беда ждала русскую землю; Александр поехал в орду, чтобы отвратить эту беду; современники говорят, что была и другая причина поездки: хан требовал вспомогательной рати; Александр сознавал трудность собрать ее. Уезжая, Александр приказал сыну Димитрию идти на Ливонию. Димитрий взял Дерпт. Хана Александр нашел в Сарае; любопытно, что еще в 1261 г. учреждена была епархия Сарская (Сарайская) - так татары были веротерпимы. Александр с помощью даров достиг своих целей, но возвращался в 1263 г. уже совсем больной; он доехал только до Городца (Нижегородской губернии, Балахнинского уезда), где принял монашество с именем Алексея и скончался. Когда, умирая, он видел около себя плачущих, то сказал: "удалитесь и не сокрушайте души моей жалостью". Когда митрополит Кирилл узнал во Владимире о преставлении великого князя, он сказал: "Зайде солнце земли русской". Все слышавшие об этом событии говорили: "Погибаем". Гроб его привезли во Владимир; все жители вышли на встречу в Боголюбово. "Бысть же плач велий и кричание и туга, яко несть такова бывала". Так нужен был Александр, ясно понимавший, что сопротивляться было не время, что лучшее спасение было в благоразумии и уступчивости, что более можно было выиграть политикой, - умевший ладить с татарами и тем спасший русскую землю. Похоронен он был в Рождественском монастыре. В 1380 г. мощи Александра найдены нетленными и положены в раке, поверх земли; при митрополите Макарии собраны сведения о чудесах его, составлена ему служба и он торжественно признан святым; 30-го августа 1824 года мощи его перенесен в С.-Петербург, где и покоятся в Александро-Невской лавре. Замечательно, что папа искал войти с Александром в сношения. Сохранилась папская грамота, в которой папа лживо уверяет, будто Ярослав принял католицизм, но получил от Александра ответ: "Мы знаем историю веры с начала мира; к чему же нам новые проповедники?". После Александра осталось три сына: Димитрий, Андрей и Даниил.

К. Б.-Р.

{Половцов}

Александр Ярославич Невский

- святой; 2-й сын великого князя Ярослава Всеволодовича, правнука Мономахова, род. 30 мая 1220 г.; на великом княжении Владимирском был с 1252

г., † 14 ноября 1263 г. Отрочество и юность Александр провел большею частью в Новгороде, где отец посадил его княжить в 1228 г. вместе со старшим братом Федором († в 1233 г.), дав в руководители молодым князьям двух суздальских бояр. В 1236 году Ярослав уехал в Киев, получив тамошний стол, и Александр стал самостоятельно править Новгородом. На 20-м году жизни (1239) Александр вступил в брак с дочерью полоцкого князя Брячислава Александрой. В том же году (1239) Александр занимается постройкой крепостей по р. Шелони на западной окраине новгородских владений. В скором времени Александру пришлось прославить свое имя в борьбе со шведами, немцами и литовцами, которые стремились овладеть Новгородом и Псковом в то время, когда остальная Русь подверглась страшному татарскому погрому. В 1240 г. шведы, оспаривавшие у новгородцев обладание Финляндией, побуждаемые папской буллой к крестовому походу на Новгород, под предводительством Биргера вошли в Неву и достигли устья Ижоры, когда весть об их нашествии была получена в Новгороде. Александр с новгородцами и ладожанами быстро двинулся к ним навстречу и на левом берегу Невы, при впадении р. Ижоры, 15 июля 1240 г. нанес шведам полное поражение, при чем самому Биргеру "возложи печать на лице острым своим копием". Эта битва, украшенная поэтическими сказаниями (явление Св. Бориса и Глеба), дала Александру прозвание Невского. В том же году Александр выехал из Новгорода в Переяславль к отцу, поссорившись с новгородцами, потому что хотел управлять так же властно, как его отец и дед. Но обстоятельства заставили новгородцев снова призвать Александра. Орден меченосцев, незадолго перед тем соединившийся с Тевтонским орденом, возобновил наступательное движение на Русь новгородскую и псковскую. В год Невской битвы начато было немцами завоевание Псковской области, а в следующем (1241) самый Псков был занят немцами. Ободренные успехом, немцы приступили к завоеванию Новгородской волости: Водь была ими обложена данью, в погосте Копорье выстроена немецкая крепость, взят Тесов, земли по р. Луге подверглись разорению, и, наконец, немецкие отряды стали грабить новгородских купцов в 30-ти верстах от Новгорода. Тогда новгородцы послали к Ярославу за князем, и он дал им сына Андрея. Но нужен был Александр, а не Андрей. Подумавши, новгородцы отправили владыку с боярами к Александру, который в 1241 году с радостью был принят новгородцами и первым делом отвоевал Копорье. В следующем году (1242), получив на помощь низовые полки (из Суздальской земли), Александр освободил Псков и отсюда, не теряя времени, двинулся в пределы Ливонии и здесь 5 апреля 1242 г. дал рыцарям сражение на льду Чудского озера близ урочищ Узменя и Воронья камня, известное под именем Ледового побоища: рыцари были разбиты наголову. После этого поражения немцы просили мира, согласившись отказаться от своих завоеваний в русских областях и возвратить пленных. После шведов и немцев Александр обратил оружие на литовцев и целым рядом побед (в 1242 и 1245 г.) показал им, что нельзя безнаказанно делать набеги на русские земли. В 1256 году шведы попытались было снова отнять у Новгорода Финское побережье и вместе с подвластною Емью стали строить крепость

на р. Нарове; но при одном слухе о приближении Александра с суздальскими и новгородскими полками удалились. Чтобы утратить шведов, Александр совершил поход в шведские владения, в страну Еми (нынешнюю Финляндию), подвергнув ее опустошению. Так победоносно отражал Александр врагов на западной границе, но совершенно иную политику должен был избрать по отношению к татарам. По смерти отца († в 1246) Александр с братом Андреем поехал впервые (в 1247 г.) в Орду на поклонение к Батю, а отсюда с берегов Волги, по воле Батю, Ярославичам пришлось совершить далекое путешествие в Монголию к великому хану. Два года употребили они на эту поездку и возвратились в 1250 г. с ярлыками на княжения: Андрей, хотя и младший брат, получил по воле хана первый по значению Владимирский стол, Александр же - Киев и Новгород. Александр не поехал в Киев, потерявший всякое значение после татарского разорения, а поселился в Новгороде, ожидая поворота событий в свою пользу. Андрей Ярославич не сумел поладить с татарами, а потому неделю покняжил во Владимире: в 1252 г. против него были двинуты татарские полчища под начальством царевича Неврюя. Андрей был разбит и бежал сначала в Новгород, а оттуда в Швецию. Во время Неврюева нашествия Александр находился в Орде и от сына Батюева, Сартака, управлявшего Ордою за дряхлостью отца, получил ярлык на великое княжение Владимирское. Александр сел во Владимире и с этого времени стал таким же оборонителем русской земли от татар, как ранее от шведов и немцев, но действовал иным путем, применяясь к обстоятельствам, а именно: с одной стороны сдерживал бесполезные восстания своих подданных против татар, с другой - старался покорностью перед ханом доставить возможные льготы русской земле. Много золота и серебра передавал Александр в Орду на выкуп пленных. Андрей Ярославич в скором времени возвратился в Русь и сел княжить в Суздале, при посредстве Александра получив прощение от хана. Немало беспокойства причиняли Александру дела Новгорода, где княжил сын его Василий. В 1255 г. новгородцы, изгнав Василия, пригласили княжить брата Александра, Ярослава, князя тверского. Но Александр желал удержать Новгород за собою, двинулся с ратью к Новгороду и заставил новгородцев без битвы принять княжение Василия. В 1257 г. волнения в Новгороде возобновились вследствие слухов о намерении татар произвести там такую же перепись для обложения жителей поголовною данью, какая была произведена татарскими численниками в земле Суздальской, Муромской и Рязанской. Сам князь Василий был на стороне новгородцев, не хотевших платить тамги и десятины. За это Александр отправил Василия в Суздальскую землю, а советников, подговаривавших молодого князя к сопротивлению татарам, подверг жестокому наказанию. В 1258 г. Александр ездил в орду "читать" Улавчия, влиятельного ханского сановника. Только в 1259 г. посредничество Александра и слухи о движении татарских полков на Новгород заставили новгородцев согласиться на перепись. В 1262 г. вспыхнуло восстание против татар во Владимире, Ростове, Суздале, Переяславле и Ярославле, вызванное тяжелым угнетением от татарских откупщиков дани. Полки татарские уже готовы были двинуться на русскую землю. Тогда Алек-

сандр поспешил в Орду к хану (4-й раз), чтобы отомолить людей от беды. Он прожил там всю зиму и не только успел отворотить татарский погром, но и выхлопотал у хана освобождение русской земли от повинности выставлять для татар военные отряды. Это было последним делом Александра: больной он поехал из Орды и на дороге, в Городце Волжском, преставился 14 ноября 1263 г., по словам летописца, "много потрудившись за землю Русскую, за Новгород и за Псков, за все великое княжение отдавая живот свой и за правоверную веру". Митрополит Кирилл возвестил народу во Владимире о смерти Александра словами: "Чада моя милая, разумеите, яко заиде солнце Русской земли", и все воскликнули: "уже погибаем!".

"Соблюдение Русской земли от беды на востоке, знаменитые подвиги за веру и землю на западе доставили Александру славную память на Руси, сделали его самым видным историческим лицом в нашей древней истории от Мономаха до Донского" (Соловьев, "История России", т. III.). Знаком этой памяти и славы служит особое сказание "О житие и храбрости благоверного в. князя Александра", самый полный текст которого во 2-й Псковской летописи. Церковь причла Александра к лику святых. Мощи его, открытые в 1380 году, по повелению императора Петра Великого были перенесены в 1724 году из Владимира в С.-Петербург, в Александро-Невскую лавру, где почивают и ныне в Троицкой церкви в серебряной раке, пожертвованной императрицею Елисаветой Петровной. {Брокгауз}

Александр Ярославич Невский

- вел. князь Владимирский (1220-1263), с молодых лет княжил в Новгороде и здесь оказал ценные услуги новгородскому торговому капиталу, с успехом ограждая его интересы в войнах со шведами, ливонцами и литовцами. В результате Новгороду удалось удержать за собой финские побережья Балтийского моря и, т. о., избежать срыва своей заграничной торговли. За одну из этих своих побед над шведами на р. Неве в 1240 А. и получил прозвище "Невский". В 1252 А. достает себе в Орде ярлык на великое княжение, т. е. становится старшим русским феодалом, при верховном сюзерене-хане. Скоро между обеими сторонами - ханом и татарами с одной, вел. кн. А. и "лучшими" людьми, боярством и купечеством (интересы которых он выражал), с другой - создается тесный союз на почве взимания с населения дани. Татары, завоевав Русь, обложили данью все население, причем брали одинаковую сумму как с бедного, так и с богатого. Естественно, это было невыгодно "меньшим людям", "черни", которая поэтому и волновалась. В задачу князя входило усмирять ее, склонять к повиновению. В этом отношении особенно много хлопот причинял Великий Новгород, которого непосредственно не коснулось татарское нашествие. Но и в других городах - Ростове, Суздале, Владимире, Ярославле - также происходили на этой почве беспорядки, дохо-

дившие до того, что в 1262, по приговорам "веч", из них были выгнаны татарские сборщики дани. Чтобы умиловать хана, А. пришлось специально поехать в Орду и там уладить дело при посредстве богатых подарков. По дороге оттуда А. умер в г. Городце. Русская церковь, хорошо ладившая с ханом, оценила "мирную" политику А. по отношению к татарам и объявила его святым.

Андрей Боголюбский,

Андрей Боголюбский

- великий князь Владимирский и Киевский, внук Владимира Мономаха, сын Юрия и дочери половецкого хана Аспы, род. около 1111 г. Его отец, Юрий, получил от Владимира Мономаха в удел отдаленную и глухую Ростовско-Суздальскую землю и дал своему сыну город Владимир на Клязьме. Здесь А. Б. и прожил первую половину своей жизни, и только под 1147 г. попадает известие, что отец посылал его и другого своего сына Ростислава против соседнего рязанского князя, который и был ими изгнан. Когда в 1149 г. Юрий вступил в борьбу за обладание киевским великокняжеским столом, незаконно захваченным его племянником Изяславом, А. принял деятельное участие в этой войне и несколько лет провел на юге. Здесь он проявил удивительную личную храбрость в бою, а после боя - осторожность, трезвость мысли, умеренность, миролюбие, понимание обстоятельств и отчетливое представление о политическом преимуществе родного севера сравнительно с чужим югом. Так, во время похода в Волынскую землю, принадлежавшую Изяславу, двинувшись на соединение с отцом под Луцком, А. около Муравицы (в Дубенском у.), во время ночного переполоха, был оставлен своими союзниками - половцами. Испуганный брат его Ростислав несколько раз советовал ему отступить, но А. решил дождаться рассвета, несмотря на настояния Ростислава и даже собственной дружины. Когда же наступил день, А. бросился на неприятеля, вышедшего из Луцка, опередил своих и был окружен. А., которого сопровождали только 2 "детских" (члены младшей дружины), был ранен двумя копьями и едва не погиб от рогатины какого-то немчина. Князю еле удалось отбиться и ускакать. В 1151 г. в битве под Киевом А. также оказал чудеса храбрости. В пылу битвы он переправился за Лыбедь, был окружен неприятелем и непременно погиб бы, если бы один половчанин насильно не поворотил обратно его коня. В битве на р. Руте А. дрался так отчаянно, что копье и щит его были сломаны, шлем свалился с головы, а конь был ранен. При осаде Юрием Чернигова (где заперся союзник Изяслава, Изяслав Давидович), продолжавшейся 20 дней, А. также отличился. Когда Изяслав задумал выгнать брата А., Ростислава, из Переяславля, то А. с братом отстояли город. Участвуя, по воле отца, в обоих походах на Киев, А. не сочувствовал стремлению своего отца во что бы то ни стало утвердиться в Киеве в качестве великого князя. Неоднократно он старался примирить Изяслава с Юрием, хлопотал за первого. После несчастной для Юрия битвы под Киевом в 1151 г., когда он бежал в Остер, А. уговаривал его возвратиться в Суздаль: "Теперь нам нечего делать в русской земле: уедем-ка в Суздаль за тепло". Но Юрий был типичным древнерусским князем, поработенным идеей необходимости для старшего в роде обладать Киевом. В конце концов, после многих битв и превратностей судьбы, Юрию удалось прочно утвердиться в Киеве в 1155 г., где он и скончался в 1157 г. После водворения в Киеве Юрий дал

в удел А. Вышгород. Но А. до такой степени не любил Киевской земли, что в 1155 г. тайно оставил Вышгород и удалился на север с семьей, окруженный приближенными, взяв икону Божьей Матери, по преданию, написанную евангелистом Лукой. После смерти Юрия А. должен был бы, по старому порядку, перебраться в Киев, предоставив Ростовско-Суздальскую землю младшим братьям. Но жители Ростова, Суздаля и Владимира избрали его своим князем, и он выгнал не только своих братьев Мстислава, Василька и Всеволода и племянников Ростиславичей, но также и "передних" бояр старых городов - Ростова и Суздаля, - "хотя самовластец быти всей земле Суздальской". Поход А. на болгар в 1164 г. был последним походом, в котором он принимал личное участие. Волжские болгары вели торговлю с сев.-вост. Русью, и на этой почве, вероятно, и возникали недоразумения, которые пришлось разрешить оружием. Вполне понимая огромное влияние религии и духовенства на современников, А. придал этой войне религиозный характер, представил ее делом богоугодным, почему и взял с собой историческую икону Божьей Матери. Поход был очень удачен: болгары были разбиты, уничтожено было несколько их селений и город Бряхимов. Объявив себя вел. князем владимирским или суздальским, А. подчинил себе соседних князей - рязанских, смоленских, муромских и полоцких, которые сделались его "подручниками" и всегда принимали участие в устраиваемых им походах. Оставшиеся более независимыми от А. Киев и Новгород скоро навлекли на себя его гнев. Когда новгородцы выгнали от себя князя Святослава, его племянника, и пригласили к себе Романа, сына киевского князя Мстислава Изяславича, А. послал на Киев войско, и в 1169 г. Киев был взят приступом и разорен. Там А. посадил князем своего брата Глеба. В 1170 г. А. послал войско под начальством сына Мстислава наказать новгородцев. Поход был неудачен. Новгород был осажден, но успел отстояться, и войско А., после больших потерь, вернулось обратно. Все-таки новгородцам пришлось подчиниться А. и принимать князей по его указанию, т. к. он прекратил доступ хлеба с Волги в Новгородскую область. Второй поход А. на болгар в 1172 г. был неудачен: передовой отряд, под начальством Мстислава, отправился в зимнее время, был встречен сильным болгарским войском, обратился в бегство и едва не был истреблен. Суровая зима заставила вернуться и главную рать. Последнее военное предприятие А. было также неудачно. После смерти Глеба в Киеве (в 1172 г.) А. потребовал у нового киевского князя Мстислава выдачи бояр, заподозренных им в умерщвлении Глеба. На этот раз в походе суздальцев приняло участие 20 князей, а войско, будто бы, доходило до 50.000 чел. Девяти-недельная осада Вышгорода была безуспешна. Прибытие нового войска на помощь осажденному Вышгороду заставило войска А. отступить в беспорядке, тем более, что князья очень неохотно приняли участие в этом походе. Трагическая смерть А. 29 июня 1174 г. прекратила все его дальнейшие замыслы. С годами А., гордый, властный и вовсе не мягкосердечный, становился еще более тяжелым для окружающих, которые становились все неувереннее в своей судьбе. Удалив от себя старых бояр, он окружил себя новыми любимцами, людьми безвестными, сомнительного происхождения; на пер-

вом месте среди них стоял некий яс Анбал (из какого-то кавказского племени); выкрест-еврей Ефим Моизич играл тоже очень видную роль. Но когда у непостоянного князя появился новый любимец, Прокопий, тогда старые соединились с уцелевшими остатками бояр (Кучковичи, родственники А. по первой жене, одного из которых А. приказал казнить) и составили заговор на жизнь А. Ночью 29 июня 1174 г. заговор был приведен в исполнение, и А., изрубленный мечами и исколотый ножами в своей спальне, был окончательно добит на лестнице, куда он выбрался в беспомощности. Последние годы жизни А. не пользовался народной любовью. Его чиновники до такой степени притесняли население, что немедленно после его смерти в Ростовско-Суздальской области началась анархия - ограбления и убийства его тиунов, а трагическая смерть не вызвала взрыва народного негодования. А. Б. представляет собой новый, нарождавшийся тогда тип северного велико-русского князя, воина-собирателя, стремившегося к единовластию, к округлению своей области, порвавшего с прежними родовыми традициями, не любившего ни дробления областей между детьми, ни старых бояр, ни вечевых порядков. Набожный и хорошо образованный для своего времени, он любил иностранцев и охотно принимал их к себе на службу. Русской церковью А. Б. причислен к лику святых; в 1702 г. были открыты его мощи, покоящиеся в г. Владимире, в Успенском соборе.

{Воен. энц.}

Андрей Юрьевич Боголюбский

- великий князь суздальский, сын Юрия Владимировича Долгорукого от брака его с княжной Половецкой, дочерью Аэпы; род. около 1110 года, княжил в Суздале с 1158 г., ум. в 1174 г. Летописи начинают упоминать об Андрее во время знаменитой борьбы отца его Юрия с племянником Изяславом Мстиславичем, не по праву занявшим киевский стол, минуя дядей - слабоумного Вячеслава и Юрия. Изяслав, как известно, сверг с великокняжеского стола Игоря Ольговича; с братом Игоря, Святославом, соединился Юрий, но когда он шел на помощь к Святославу, рязанский князь, Ростислав напал на его Суздальскую область и задержал его поход. Чтобы отомстить Ростиславу, Юрий, в 1147 г., послал на него сыновей своих, Ростислава и Андрея, которые изгнали рязанского князя из его волости. В 1149 г. удалось Юрию победить Изяслава и сесть в Киеве на столе. Тогда посадил он сына своего Андрея в Вышгороде (ныне село в семи верстах от Киева). Юрий, желая более обеспечить за собою свое приобретение, предпринял поход на Изяслава в его Волынскую землю; вследствие этого, положив идти к Луцку, он одной дорогой пошел сам, а другой велел идти сыновьям своим, Ростиславу и Андрею. Несмотря на то, что у Муравицы (местечко Дубенского уезда) Андрей был оставлен половцами, он пошел, узнав о прибытии отца к Луцку, на соединение к нему. Под Луцком Андрей показал чудеса храбрости. Не дав знать сво-

им братьям, один с дружиною пошел он отражать вылазку, сделанную из города; прогнав врагов, он в запальчивости не заметил, что дружина отстала от него, и что он один очутился в толпе обступивших неприятелей; только два "детских" (члены младшей дружины), и то позднее, последовали за ним. Андрей был ранен двумя копьями; какой-то немчин напирал на него с рогатиной "Хочет мне быть смерть Ярославца (сын Святополка Михаила, убитый под Владимиром в 1223 году)", сказал себе Андрей, и, помолясь св. Федору, память которого празднуется в тот день, вынул меч, оборонился от нападения и ускакал из окружавшей его толпы. Когда он был вне опасности, раненый конь его пал, и Андрей велел похоронить его над рекою Стырем, "жалуя комоньство его", прибавляет летописец. Восторженно хвалила Андрея дружина отцовская, "зане мужьскы створи, паче бывших всих ту". После этого подвига Андрей постарался примирить врагов, но скоро Изяслав снова изгнал Юрия из Киева и задумал выгнать сына его Ростислава из Переяславля. Андрей явился на помощь брату, и они отстояли город, а затем Юрий, соединившись с Владимирком Галицким, снова изгнал Изяслава. Андрей был посажен в Пересопице (местечко Ровенского уезда), городе, отнятом от Волынской волости. Сюда Изяслав присылал к нему с хитростью, чтоб высмотреть, крепок ли город; прикрывался же он намерением снова помириться с Юрием. Андрей и на этот раз хлопотал за Изяслава, но неудачно. Отказом Юрия воспользовался Изяслав, чтобы, соединившись с королем угорским, снова двинуться к Киеву. Андрею и Владимирку, преследовавшим его, не удалось его догнать. В 1151 году Юрий возобновил войну; в битве под Киевом, несчастной для Юрия, Андрей оказал чудеса храбрости. Переправясь с половцами за Лыбедь, погнав врагов и снова в увлечении один вскакал в их ряды и был бы захвачен, если бы один половец не схватил его коня за узду и не вывел из боя. Когда Юрий отошел от Киева, Изяслав настиг его близ реки Рута (ныне Роток); расставлял полки для битвы Андрей. Схватив копье, он понесся на неприятелей; копье его было изломано, щит оторван; шлем спал с головы, конь ранен в ноздрю. Изяслав тоже был ранен, но победа оказалась на его стороне, благодаря тому, что половцы, бывшие в полку Андрея, побежали; за ними побежали союзники Юрия и сам Юрий, который удалился сначала в Переяславль, а потом в свой городок Остерский (Черниговской губ., в версте от гор. Остра); здесь он дал слово возвратиться к себе в Суздаль, к чему уговаривал его и Андрей, говоря: "теперь нам нечего делать в русской земле, уйдем за тепло". Когда Юрий ушел, Изяслав сжег его городок; снова началась война. Юрий осадил Чернигов, где княжил союзник Изяслава, Изяслав Давыдович. Двадцать дней продолжались битвы под этим городом, в которых в особенности отличался Андрей; приход Изяслава заставил снять осаду. Наконец, в 1155 г. Юрию удалось окончательно утвердиться в Киеве; тогда он посадил Андрея близ себя в Вышгороде. Здесь Андрей не усидел и уехал в Суздальскую землю; с собой он увез из Вышгорода икону Божией Матери, писанную по преданию евангелистом Лукой. Эта икона, впоследствии названная Владимирской, сделалась величайшею святынею северо-восточной Руси и ныне стоит в московском Успенском соборе. Предание говорить, что,

не доезжая одиннадцати верст до Владимира, конь, на котором везли икону, остановился, что было принято за предзнаменование, и здесь Андрей поставил город Боголюбов, свое любимое местопребывание. В 1158 г., по смерти Юрия, ростовцы, суздальцы и владимирцы выбрали Андрея своим князем, чем нарушалось завещание Юрия, отказывавшего землю Суздальскую своим младшим детям. Младших своих братьев и племянников - детей Ростислава - Андрей изгнал из Суздальской земли, а с ними и "мужи отца своего переднии". Андрей поселился не в Суздале или Ростове, а во Владимире, вероятно, желая избежать влияния бояр старых городов. Свой стольный город он старался украсить: в 1158 году заложил церковь Успения Божией Матери и дал ее духовенству село и десятину в стадах своих и торговых пошлинах; в 1160 году церковь эта была достроена иноземными мастерами; расширил детинец (кремль Владимирский) и построил в городе, в подражание Киеву, двое хором - золотые и серебряные. Андрей хотел быть "самовластным" (по выражению летописи) в земле Ростовской, самовластным он хотел быть и в делах церковных: он изгнал епископа Леонтия, заспорившего с ним о числе постных дней; хотел, говорят, учредить во Владимире особую митрополию, но уступил мнению патриарха, епископ же Федор, упорствовавший в этой мысли, был вызван в Киев и там, под предлогом жестокого обращения с паствой, казнен. В первые десять лет своего управления Андрей почти не вмешивался в дела других русских областей, хотя в это время уже сложилось его преобладание над князьями рязанскими, смоленскими и полоцкими, впоследствии участвовавшими в его походах; но сведений о том, как он этого достиг, не имеется. Тогда же заявил он притязание на влияние над Новгородом. В 1160 году послал Андрей сказать новгородцам: "ведомо вам буди, что я хочу искать Новагорода добром и лихом; целуйте мне крест на том, чтоб иметь меня отцом себе, а мне желать вам добра". После того новгородцы в течение нескольких лет принимали к себе князей по его указанию. В 1164 г. вступил он в борьбу с волжскими болгарами, которые хотя и не были ближайшими соседями Суздальской земли (между ними была земля Мордовская), но находились с нею в торговых сношениях. Быть может, какие-нибудь недоразумения в этом отношении вызвали поход Андрея (походы русских князей на болгар встречаются и ранее, и, вероятно, по той же причине). Андрей выступил сам в поход, взяв с собой Владимирскую икону Божией Матери в знамение религиозного значения войны с мусульманами. По переходе через Волгу совершено было торжественное молебствие; болгары были разбиты совершенно, взято было несколько их городов, в том числе знаменитый Брахимов (по мнению С. М. Шпилевского - Билярск). В память этой победы установлен праздник 1-го августа. В 1172 г. Андрей снова посылал рать против болгар, но она потерпела неудачу. В 1167 г. новгородцы, прогнав поставленного у них Андреем Святослава Ростиславича (сына Ростислава Смоленского), вместе с тем выбрали своим князем Романа Мстиславича, сына Мстислава Изяславовича, тогда княжившего в Киеве и всегда нелюбимого Андреем. Андрей решился наказать своих врагов и начал с Мстислава. К Киеву послал он громадную рать под начальством сына своего Мстислава, к которому присоеди-

нилось одиннадцать других князей; Киев был взят в марте 1169 г. "на щит" и разграблен; в Киеве Андрей посадил брата своего Глеба. Наступил черед и для Новгорода, который обидел Андрея еще тем, что новгородские даньщики избили в Двинской земле Андреевых людей, а на Двинскую землю Андрей имел какие-то притязания. К Новгороду послана была сильная рать под начальством Мстислава Андреевича; Новгород отстоялся (1170 г.); спасение свое граждане приписывали заступлению образа Знамения Божией Матери и учредили праздник этой иконе; но Андрей запретил подвоз хлеба к Новгороду из Суздальской земли, и новгородцы стали принимать от него князей. В 1172 г. умер Глеб; Андрей снова распорядился киевским столом и посадил туда Романа Ростиславича; но скоро он рассердился на Ростиславичей, ибо поверил клеветникам, уверявшим, что они дали убежище убийцам брата его Глеба. Ростиславичи отказались выдать обвиняемых и заняли Киев. Андрей послал сказать им, чтоб они вышли из Киевской волости. Мстислав Ростиславич, обрив голову и бороду послу, послал сказать Андрею: "до сих пор мы любили тебя, как отца, но если ты прислал с такими речами не как к князю, а как к подручному и простому человеку, то делай, что задумал, и Бог нас рассудит". "Потускнело" лицо Андрея, и стал готовить он рать. Говорят, собралось до 50000 человек. Войско это безуспешно осаждало Вышгород, где засел Мстислав Ростиславич; осада продолжалась девять недель, когда к городу подошел Ярослав Мстиславич Луцкий и вступил в переговоры с Ростиславичами. Появление свежего войска заставило бежать Андрееву рать. Князья скоро перессорились между собою, и Ростиславичи опять обратились к Андрею. "Подождите немного", отвечал Андрей, "я послал к братии своей в Русь: как придет от них весть, то дам вам ответ". Но неожиданное событие пресекло эти переговоры в самом начале. 29-го июня 1174 года Андрей был убит своими приближенными. Он велел казнить одного из братьев своей первой жены, Кучковича. Брат казненного, Яким составил на жизнь великого князя заговор, в котором приняли участие зять его Петр Курвов и ключник Андрея, Анбал Яссин. Всех заговорщиков было 20 чел. Ночью отправились заговорщики к спальне князя; но на пути, пораженные страхом, они забрались в медушу (погреб) и, напившись там, вошли в сени. Когда они подошли к ложнице, один из толпы постучался в дверь со словами: "Господине, господине!" - "Кто тут?" спросил Андрей. - "Прокопий" (так звали любимца князя). - "Нет, это не Прокопий", сказал князь мальчику, спавшему в ложнице. Убийцы сломали дверь и ворвались в комнату. Князь вскочил, стал искать меча св. Бориса, который всегда висел над его ложем; но меч еще накануне был снят Анбалом. Двое убийц схватили его. Андрей повалил одного из них; другие, не различая в темноте, напали было на упавшего, но потом, узнав князя, кинулись на него с мечами, саблями и копьями. "Горе вам, нечестивые", говорил Андрей, - "зачем хотите походить на Горясера (убийца св. Глеба)? Какое зло я вам сделал? Если прольете мою кровь, то Бог отомстит вам на небеси". Считая его убитым, заговорщики начали выносить труп того из их числа, который погиб в свалке. Андрей в это время успел уйти в сени и сошел с крыльца. (В Боголюбове до сих пор показывают старое здание, кото-

рое, по преданию, считается остатком Андреева терема. Сохранившаяся каменная лестница считается той самой, по которой сошел Андрей. Изображение этой лестницы находится во многих изданиях и, между прочим, в атласе при истории М. П. Погодина.) Убийцы, заметя, что он исчез, сказали: "Мы погибли, ищите его скорее". Зажегши свечу, пошли искать и нашли его истекшим кровью. Андрей, слыша их приближение, молился про себя. Когда убийцы подошли, Петр отсек князю руку. "Господи, в руке Твои предаю дух мой", сказал Андрей и умер. Потом заговорщики убили Прокопия и стали грабить казну. Поутру послали сказать владимирцам: "Что вы замышляете на нас? мы были не одни, с нами были и из ваших". - "Кто был с вами, тот пусть с вами и останется", отвечали владимирцы, "а нам его не надо". Пока шли эти переговоры, слуга Андрея, Кузьма киевлянин, спрашивал у всех: "где князь?" Ему отвечали: "его выволокли в огород; но не бери его; хотим бросить его псам; кто поднимет тело, тот наш враг и того мы убьем". Подошел к телу, Кузьма начал плакать. В это время проходил огородом Анбал: "Анбал враг!" - сказал Кузьма, - "брось мне ковер или что-нибудь прикрыть его". - "Не трогай, хотим выбросить его псам". - "Еретик! хочешь и сам выкинуть!" - отвечал Кузьма. "Помнишь ли, жид, в каком платье ты пришел, а теперь ходишь в оксамите, а князь лежит наг. Кинь что-нибудь, прошу тебя". Анбал кинул ковер и хорзно (плащ). Обвертев этим тело, Кузьма принес его в церковь, но не мог достучаться - "Кинь его в притворе", говорили ему. Все были пьяны. Кузьма начал причитывать над телом. Два дня пролежало тело на паперти; на третий пришел Арсений, игумен от Кузьмы и Дамиана, внес тело в церковь, положил в каменный гроб и отпел над ним панихиду. Граждане же боголюбские все это время продолжали грабить дворец, а также дома тиунов, посадников и иностранных строителей храма; то же было и во Владимире. Наконец волнение унялось; владимирцы пошли с носилками в Боголюбов и перенесли тело. Народ весь плакал. Андрей погребен во Владимирском Успенском соборе. Церковь признала его святым. Есть предание, будто Всеволод Большое Гнездо велел зашить убийц Андрея в короба и бросить их в *Пловучее* озеро (в 3-х верстах от Владимира, Татищев называет его *поганым*), и будто до сих пор эти короба, обросшие мхом, показываются на поверхности озера и слышатся стоны. Есть известие, что в убийстве участвовала и вторая жена Боголюбского, родом из Яз (Осетинка). Из детей Андрея пережил отца только один Юрий, княживший в Новгороде. После смерти отца он был изгнан, как-то попал на Кавказ, женился на знаменитой Тамаре и затем, изгнанный, умер неизвестно где. Андрей занимал первое место в рядах исторических деятелей своей эпохи. Он не был князем-дружинником, искателем чести занимать киевский стол; он пренебрег этою честью и понял, что только реальная сила может дать перевес. Эту-то реальную силу он и создал на своем диком севере. Он был первым начинателем той политики которая впоследствии объединила Русь Погодин очень метко определяет значение Андрея в следующих словах "он оборотил средоточие русской государственной тяжести в другую сторону он вывел на позорище истории другое племя, великорусское, самое младшее из всех племен наших, из всех племен славян-

ских". Пылкость и страстность его молодых годов обратились к старости в гордое властолюбие: князья, бояре, духовенство, города - все должно было подчиняться ему. Никто из его преемников до самого Иоанна III не поступал так прямо и решительно; сам Всеволод принужден был нередко хитрить; но хитрость была противна гордой натуре Андрея.

Сведения об Андрее Боголюбском можно найти в летописных сводах: в Суздальском (Лаврентьевский список), южно-русском (Ипатский список, где подробнее всех говорится о смерти Воскресенском, Никоновском и др. все обширные истории русские подробно говорят об этом великом князе. Существует монография М. П. Погодина: "Князь Андрей Юрьевич Боголюбский"., М., 1850 г., замечательная обстоятельным анализом летописных известий.

К. Б.-Р.

{Половцов}

Андрей Юрьевич Боголюбский

- великий князь суздальский и владимирский, 2-й сын Юрия Владимировича Долгорукого от половецкой княжны, дочери хана Аэпы, род. (Юрий женился в 1107 г., по Татищеву, "История России", III, прим. 513, Андрей убит на 63 или 65 г. возраста, следовательно, род. в 1109 или 1111 г.) около 1110 г., † в 1174 г. О жизни А. до 1146 года ничего не известно кроме того, что он женился (после 1130 г.) на дочери богатого боярина Кучки, владельца берегов р. Москвы. А. родился и провел более 35 лет жизни в Ростовско-Суздальской земле, которую получил в удел его отец Юрий, младший сын Мономаха. Юрий, деятельный и честолюбивый князь, живя в Суздальской земле, мечтал о столе киевском. Удобный случай предъявить свои права на старший русский стол представился Юрию в 1146 г., когда киевляне пригласили к себе в князья его племянника Изяслава Мстиславича. Между дядей и племянником началась упорная борьба, в которой приняли участие почти все русские области и почти все ветви княжеского дома, а также соседи Руси - половцы, угры и поляки. Два раза Юрий занимал Киев и был изгоняем, и только в 1155-м году, уже по смерти Изяслава († в 1154 г.), он овладел окончательно Киевом и † киевским князем (в 1157 г.). В восьмилетней борьбе из-за Киева А. был деятельным помощником отцу и имел случай не раз выказать свою замечательную храбрость. Впервые А. является на историческую сцену в 1146 г., когда вместе с братом Ростиславом изгоняет союзника Изяслава, рязанского князя Ростислава, из его стольного города. В 1149 г., когда Юрий, победив Изяслава, овладел Киевом, А. получил от отца Вышгород (в 7 верстах от Киева). А. сопровождал отца в походе в Волынскую землю - удел Изяслава. Здесь при осаде Луцка, где засел брат Изяслава - Владимир, А. едва не погиб. Увлечшись преследованием неприятеля, сделавшего вылазку, А. отделился

от своих и был окружен врагами. Конь его был ранен, со стен города, как дождь, метали в него камни, и один немец хотел уже пронзить его рогатиной. Но А., вынув меч свой и призвав мученика Феодора, память которого праздновалась в тот день, стал отбиваться и спасением был обязан коню, который вынес своего господина из битвы и тут же пал (за это А. похоронил коня над р. Стырем). "Мужи отцовские, - говорит летописец, - похвалу ему дали великую, ибо он выказал мужество больше всех бывших там". Будучи храбрым, А. был в то же время "не величав на ратный чин, но похвалы ища от Бога". Осада Луцка заставила Изяслава просить мира, который он и получил при посредничестве А. В следующем 1150 г. Изяславу удалось овладеть Киевом благодаря расположению к нему киевлян. Изгнав Юрия из Киевской земли, Изяслав хотел то же сделать и с его сыновьями, начиная со старшего, Ростислава, сидевшего в Переяславле. Но к Ростиславу явился на помощь А., и вдвоем они отстояли Переяславль. В том же году Юрий вторично захватил Киев при содействии галицкого князя Володимирка. Получив от отца Туров, Пинск, Дорогобуж и Пересопицу, А. сел в Пересопице (местечко в Ровенском уезде Волынской губернии), где мог оберегать границу со стороны Волыни. Сюда прислал к нему Изяслав послов с такими словами: "Брат, введи меня в любовь к отцу. Мне отчины нет ни в Уграх, ни у Ляхов, но только в Русской земле. Проси для меня волости по Горынь". Но посредничество А. не помогло на этот раз, так как Юрий гневался на Изяслава. Тогда Изяслав призвал угров и при помощи их в третий раз сел в Киеве, где был принят жителями с радостью. Юрий бежал в Городец-Остерский (в Черниг. губернии), туда же должен был удалиться и А. В следующем г. (1151) Юрий возобновил войну, но безуспешно: битвы под Киевом и при р. Руте, где А. выказал такое же мужество, как под Луцком, кончились поражением Юрия. Юрий был стеснен в Переяславле Изяславом и принужден целовать крест, что отказывается от Киева и уйдет через месяц в Суздаль. А. сряду же отправился в любимую Суздальскую землю и уговаривал отца последовать его примеру: "нам здесь, батюшка, делать нечего, уйдем за тепло". Но Юрий сделал еще попытку засесть в Городке, был осажден вторично Изяславом и только тогда исполнил крестное целование.

В 1152 г. А. участвовал в походе Юрия на Чернигов, предпринятом в союзе с князьями рязанскими, муромскими, северскими и половцами, при чем показал пример союзным князьям самим водить дружину на приступы. Чернигов не был взят только потому, что на выручку осажденных явился Изяслав Мстиславич. Когда в 1155 г., уже по смерти Изяслава († в 1154) и прикрывавшего его родовым старшинством Вячеслава (старшего брата Юрия), Юрию удалось сделаться великим князем киевским, он посадил А. в Вышгороде. Но в Киевской земле, видимо, не нравилось А., и он без воли отца ушел в Суздальскую землю, в которой и жил с тех пор постоянно. А. взял с собою из Вышгорода важную святыню, икону Божией Матери, писанную, по преданию, евангелистом Лукой (известную ныне под именем Владимирской). Когда везли икону, конь остановился в 11 верстах от Владимира. Это обстоя-

тельство было сочтено за знамение, и на этом месте А. заложил село Боголюбово, которое сделалось его любимым местопребыванием и дало ему в истории прозвание Боголюбского. Отец не хотел признавать симпатий А. к Ростовско-Суздальской земле: по требованию Юрия ростовцы и суздальцы целовали крест младшим сыновьям его Михаилу и Всеволоду, а А., как старшему (старший брат А. - Ростислав † в 1150 г.), Юрий предполагал оставить Киев. Но едва скончался Юрий († в 1157 г.), крестное целование было нарушено, ростовцы и суздальцы "задумавше вси, пояша Андрея, сына его старейшего и посадиша и в Ростове на отни столе и Суждали, занеже белюбим всеми за премногую его добродетель, юже имяше преже к Богу и ко всем сущим под ним". Деятельность А. как самостоятельного князя Ростовско-Суздальской земли весьма важна в историческом отношении: здесь он является начинателем нового государственного порядка, первым русским князем, который ясно и твердо стремится к установлению единой державы и самодержавия. Чтоб быть единым властителем в своем княжестве, А. прогоняет своих младших братьев (Мстислава, Василько и Всеволода), своих племянников (сыновей Ростислава) и старых бояр отцовских. Изгоняя братьев и племянников, А. действовал, как кажется, согласно с волей самой земли, не желавшей разделения. Избранник старших городов Ростова и Суздаля, А. не жил ни в том, ни в другом, вероятно потому, что здесь княжеская власть ослаблялась значением веча и бояр. Стольным городом он избрал пригород Владимир на Клязьме, а жил большею частью в близлежащем от него Боголюбове. А. желал не только возвысить Владимир над старыми городами своего княжества, но и создать из него второй Киев. Почти сразу после избрания в князья А. заложил во Владимире (в 1158 г.) каменную церковь во имя Успения Пресв. Богородицы, одарил ее селами и дал десятину от стад и от торговых пошлин. В 1160 г. была окончена постройка церкви. А., говорит летописец: "украси ю дивно многоразличными иконами и драгим камнем без числа и ссуды церковными и верх (верхи) ее позлати; по вере же его и по тщанью его к Святой Богородице приведе ему Бог из всех земель мастеры и украси ю паче инех церквей". А. расширил крепость во Владимире и в подражание Киеву построил двое ворот: Золотые и Серебряные. В Боголюбове А. также построил великолепный храм Рождества Богородицы. Построение богатых церквей поднимало значение Ростовско-Суздальской земли в глазах иных земель. В 1162 г. А. сделал попытку основать митрополию во Владимире, имея готового кандидата в митрополиты в лице какого-то Феодора или Феодорца; с просьбой об этом он обращался к константинопольскому патриарху, но получил отказ. Летописи сообщают, что епископ Феодор (он был посвящен в ростовские епископы, но жил во Владимире) не хотел признавать власти киевского митрополита, несмотря на увещания своего князя, и что своею гордостью и жестокостью возбудил всеобщую ненависть. А. в конце концов выдал Феодора на суд киевскому митрополиту, где Феодор подвергся жестокой казни. Дело это представляется не вполне ясным.

Мы имеем известия, что А. был довольно самовластен в церковных делах: изгнал суздальского епископа Леона за то, что тот не разрешал есть мяса в Господни праздники, если они придутся в среду или в пятницу. По всей вероятности, нежелание епископа Феодора признавать киевского митрополита объясняется желанием князя иметь автокефального епископа. Нет сомнения, что жестокости Феодора преувеличены. - В 1164 г. Андрей ходил войной на камских болгар, взял их город Бряхимов и сжег три другие города. Успех похода был приписан образу Владимирской Божией Матери, который был взят в поход. (В память победы было установлено празднество 1-го августа.) Другой поход против болгар был предпринят в 1172 г.; на этот раз А. посылал сына Мстислава. А. желал дать первенство Ростовско-Суздальской области над всеми русскими землями; первенство же думал основать на подчинении своей власти Новгорода и Киева. Неизвестно, когда подчинились ему князья рязанские, но мы видим участие их во всех его походах. А. стал вмешиваться в дела новгородские, требуя, чтобы новгородцы принимали угодных ему князей. Когда в 1160 г. в Новгороде сел враждебный Андрею Святослав Ростиславич, А. послал сказать новгородцам: "Будь вам ведомо: хочу искать Новгорода добром и лихом". Эти грозные слова заставили новгородцев изгнать Святослава и принять в князья Андреева племянника Мстислава. В следующем 1161 г. А. помирился с отцом Святослава, Ростиславом, князем Киевским, и по уговору с ним посадил Святослава в Новгороде вопреки желанию новгородцев. Политика по отношению к Новгороду привела А. к столкновению с князьями Южной Руси. В 1169 г. А. отправил огромное войско против киевского князя Мстислава Изяславича за то, что тот дал новгородцам в князья своего сына Романа. Мстислав не был в состоянии сопротивляться силам 11 князей, ставших под знамена А. Киев впервые был взят на щит и разграблен (в 1169 г.). А. не пожелал сам жить в Киеве, а отдал его младшему брату Глебу. Это пренебрежение к Киеву было событием первостепенной важности, событием поворотным в русской истории, показавшим, что центр русской государственной жизни переместился на север, в область Верхней Волги. После взятия Киева А. решил сломить Новгород, где вопреки его воле княжил Роман. Его неудовольствие на новгородцев усиливалось еще столкновением двинских данщиков Новгорода с суздальскими, причем первые одержали верх и даже взяли дань на суздальских подданных. А. двинул на Новгород огромное войско, состоявшее из ростовцев, суздальцев, смолян, рязанцев и муромцев. Но этот поход кончился неудачно: во время приступа суздальцев к Новгороду (25 февр. 1170 г.) осажденные сделали вылазку и обратили в бегство осаждавших. При отступлении суздальское войско много потерпело также от голода. Свое спасение Новгород приписал чуду от иконы Божией Матери и в память этого события установил праздник Знамения Пресв. Богородицы, принятый впоследствии всею русскою церковью.

Тем не менее, Новгород должен был показать путь Роману и принять князя от руки А. (Рюрика Ростиславича), так как А. остановил подвоз хлеба из своего княжества. По смерти Глеба Юрьевича († 1171) А. посадил в Киеве одно-

го из смоленских князей, Романа Ростиславича, трое братьев которого сидели по городам около Киева. Но скоро добрые отношения Ростиславичей к А. нарушились. А. дали знать, что брат его Глеб умер не своею смертью, и указали убийц в лице некоторых киевских бояр. А. потребовал выдачи их от Ростиславичей. Последние сочли донос неосновательным и не послушались. Тогда А. послал сказать Роману: "Неходишь в моей воле с братьями своими: так ступай вон из Киева, Давид из Вышгорода, Мстислав из Белгорода; ступайте все в Смоленск и делитесь там, как хотите". Роман повиновался, но трое других братьев (Рюрик, Давид и Мстислав) обиделись и послали сказать Андрею: "Брат! мы назвали тебя отцем себе, крест тебе целовали, и стоим в крестном целовании, хотим тебе добра, но вот теперь брата нашего Романа ты вывел из Киева и нам путь кажет из Русской земли без нашей вины; так пусть рассудит нас Бог и сила крестная".

Не получив никакого ответа, Ростиславичи решили действовать силой, захватили Киев, изгнав оттуда Андреева брата, Всеволода, посадили там своего брата Рюрика. Другой брат А., Михаил, стесненный в Торческе Ростиславичами, согласился быть заодно с ними, за что те обещали добыть ему к Торческу Переяславль. Узнав об этих событиях, А. разгневался и, призвав своего мечника Михна, сказал ему: "Поезжай к Ростиславичам и скажи им: не ходите в моей воле - так ступайте ты, Рюрик, в Смоленск к брату, в свою отчину; Давиду скажи: ты ступай в Берлад, в Русской земле не велю тебе быть; а Мстиславу молви: ты всему зачинщик, не велю тебе быть в Русской земле". Мстислав, который смолоду не привык бояться никого, кроме Бога, за такие речи велел остричь Андрееву послу бороду и голову и отпустил с такими словами: "скажи от нас своему князю: мы до сих пор почитали тебя как отца; но если ты прислал к нам с такими речами, не как к князю, но как к подручнику, то делай, что задумал, а Бог нас рассудит". А. изменился в лице, услышав ответ Мстислава, и немедленно собрал большое войско (до 50 тысяч), которое состояло кроме жителей Суздальского княжения также из муромцев, рязанцев и новгородцев. Он велел Рюрика и Давида выгнать из их отчины, а Мстислава живым привести к себе. "Умен был князь А., - замечает по этому случаю летописец, - во всех делах доблестен, но погубил смысл свой неводержанием и, раскалившись гневом, сказал такие дерзкия слова". На пути к войску А. присоединились смольняне (хотя и поневоле) и князя черниговские, полоцкие, туровские, пинские и городенские. Успех похода не оправдал ожиданий: после неудачной осады Вышгорода, обороняемого Мстиславом, это огромное войско обратилось в бегство. Влияние А. на юг казалось потерянным. Но смуты из-за Киева, начавшиеся среди южных князей, заставили Ростиславичей менее чем через год опять вступить в переговоры с Андреем и просить у него Киева для Романа. Андрей ответил им: "Подождите немного, послал я к братьи своей в Русь; как будет мне весть от них, тогда дам вам ответ". Но ответа ему не пришлось дать, так как 28 июня 1174 г. в Боголюбове его постигла смерть. Среди приближенных князя, недовольных его строгостью, составилась заговор, во главе которого стали: Яким Кучков, шурин Ан-

дрея по 1-й жене (мстивший князю за казнь брата), Петр, зять Якима, и Анбал ключник, родом *ясин* (с Кавказа). Заговорщики в числе 20 человек пришли к ложнице князя и выломали дверь. Князь хотел схватиться за меч, который принадлежал некогда св. Борису, но меча не было: Анбал заблаговременно убрал его. Несмотря на свой преклонный возраст, князь был еще очень силен и безоружный оказал убийцам значительное сопротивление. "Горе вам нечестивые! сказал Андрей, зачем уподобились Горясеру (убийце Бориса)? какое зло я сделал вам? Если кровь мою прольете, Бог отомстит вам за мой хлеб". Наконец А. пал под ударами. Заговорщики думали, что князь убит, взяли тело своего сотоварища, нечаянно убитого ими в схватке, и хотели удалиться, но услышали стон князя, который поднялся на ноги и пошел под сени. Они воротились и добились князя, прислонившегося к лествичному столпу. Утром заговорщики убили княжеского любимца Прокопия и пограбили казну. Они опасались было мщениа со стороны владимирцев и послали им сказать: "Не собираетесь ли вы на нас? не одною нашею думою убит князь, есть и между вами наши сообщники". Но владимирцы встретили равнодушно совершившийся факт. За убийством князя и грабежом его дворца последовали убийства княжеских посадников и тиунов и грабеж домов их; пограбили также и иностранных мастеров храма. В первый день после убийства А. киевлянин Кузьма, преданный слуга покойного, взял обнаженное тело своего господина, лежавшее в огороде, завернул в корзно (плащ) и ковер и хотел внести в церковь. Но пьяные слуги не хотели отпереть церкви, и пришлось положить тело на паперти. Тогда Кузьма стал причитывать над телом князя: "Уже тебя, господин, и холопи твои знать не хотят; а бывало, придет ли гость из Царьграда, или из иной какой-нибудь страны, из Руси ли, латынец, христианин, или поганый, ты прикажешь повести его в церковь, в ризницу, пусть посмотрит на истинное христианство и крестится, что и бывало: крестились и болгаре, и жидки, и все поганые, видевши славу Божию и украшение церковное сильно плачут по тебе, а эти не пускают тебя и в церковь положить". Два дня тело лежало на паперти, пока не пришел козьмодемьянский игумен Арсений, внес тело в церковь и отслужил панихиду. На 6-й день, когда волнение улеглось, владимирцы послали за телом князя в Боголюбов. Увидав княжеский стяг, который несли перед гробом, народ заплакал, припомнив, что за убитым князем было много добрых дел. Похоронили А. в построенной им церкви Богородицы. Потомство А. пресеклось. Церковь причла князя А. к лику святых. "А. был первый великорусский князь; он своею деятельностью положил начало и показал образец своим потомкам; последним, при благоприятных обстоятельствах, предстояло совершить то, что намечено было их прародителем" (Костомаров, "Русская ист. в биографиях"; Карамзин, "Истор. Госуд. Росс." т. 2) и 3);

{Брокгауз}

Андрей Юрьевич Боголюбский

- русский великий князь удельной поры, княжил в 1157-75, сын суздальского князя Юрия Долгорукого. А. представляет собой тип рус. феодала, возникший вместе с новой системой княжеского хозяйства на Севере. А. прочно обосновывается в Суздальской земле, в своем маленьком городе Владимире на Клязьме, не переходя в старшие города. Внимание его сосредоточивается не на "внешней политике", как у прежних князей, занимавшихся, гл. обр., завоеванием новых земель, сбором дани и захватом пленников, а на внутреннем управлении своей землей, на эксплуатации земли путем эксплуатации крестьянской массы. Новый тип князя-хозяина, А. широко пользовался церковью, как средством укрепления своей власти; чтобы поднять значение Владимира, он выстроил в нем богатые храмы, привез "чудотворную" икону, привлекавшую народ. Желая захватить власть в Киевской и Новгородской землях, А. сажал в Новгороде князьями своих ставленников и жестоко подавлял голодом (не допуская подвоза к Новгороду волжского хлеба) вспыхивавшие новгородские восстания. В 1169 А. прогнал из Киева княжившего там племянника своего Мстислава, разгромил и сжег город, отдав его затем одному из своих младших братьев. Был убит в 1175 собственной дворней.

Аскольд и Дир,

Аскольд (Оскольд, Скальд) и Дир

- два дружинника Рюрика, о которых упоминается в истории начала русского государства. Предание говорит, что у Рюрика было двое "мужей", А. и Д., не родных ему, которые выпросились у него идти к Царю-граду с родом своим (есть известия, что А. и Д. оставили Рюрика по неудовольствию, так как он, размежевывая своим "мужам" земли веревкой на волости, или "верви", обделил А. и Д., которые в обиде ушли). Завидев на Днепре городок Киев, плативший дань *хазарам*, А. и Д. остались в нем, собрав около себя много варягов, и начали владеть землею полян. Надо полагать, что Киев в то время был притоном *варягов* и всяких искателей приключений, чем впоследствии были Тмутаракань и Берлад. По некоторым известиям сюда, в Киев, перебежало из Новгорода много людей, недовольных Рюриком. А. и Д. стали вождями довольно многочисленной шайки, и поляне должны были им подчиниться. А. и Д. воевали со степными варварами, с соседними славянскими племенами - *древлянами* и *угличами*, и с дунайскими болгарами. Имея в своем распоряжении немалое число ратных людей, А. и Д. с дружиной предприняли поход на Византию. Заветная мысль варяга исполнилась, и Русь оказалась у стен Царьграда, приплыв на 200 парусных ладьях в 866 г. Здесь Русь нажила себе славное имя, впервые отмеченное в Византийских хронографах. Аскольдов поход не удался, по греческим свидетельствам, вследствие чудесного заступничества Богородицы: поднявшаяся буря разбила русские ладьи, и остатки дружины возвратились со своими князьями назад в Киев. Византийцы вслед за этим передают о принятии христианства некоторыми русскими, о посылке к ним из Царьграда епископа. Таким образом, этот поход доставил в Киев первые семена христианства: так уже рано обнаружилось значение Киева в нашей истории вследствие столкновения Руси с Византией. В 869 г. † Рюрик, оставив малолетнего Игоря, передал княжение Олегу, как старшему в роду. Олег, продолжая стремление Рюрика к сосредоточию власти, двинулся на Ю. с войском, составленным из всех подвластных ему племен - чуди, славян (ильменских), мери, веси и кривичей. Закрепив за собою Смоленск и Любеч, Олег прибыл в Киев, где княжили А. и Д. Здесь, рассказывает предание, Олег велел скрыть лодки, на которых приплыл, а в них спрятал дружину свою и послал сказать А. и Д., что земляки их - купцы, идущие в Грецию, хотят повидаться с ними. А. и Д. пришли, но тотчас же были окружены скрытыми ратниками Олега, который будто бы сказал им: "Вы не князья, ни роду княжеского" и, указывая на младенца Игоря, прибавил: "вот сын Рюриков". А. и Д. были убиты и погребены на горе на берегу Днепра на холме, уступами спускающемся к реке и увенчанном храмом св. Николая. Место это называется Аскольдовой могилой. Относительно эпизода об А. и Д. некоторые писатели русской истории высказывают сомнения, как, например, Байер, Татищев и др. Д. Иловайский в своих "Разысканиях о начале Руси" (Москва, 1882

г.) полагает, что А. и Д. - продукт народной фантазии. Основывается Д. Иловайский на том обстоятельстве, что византийцы, описывая поход Руси, нигде не упоминают о предводителях его; они рассказывают об обращении этих руссов, об их посольстве в Рим и Константинополь по вопросу о вере, о чуде с Евангелием, причем говорят постоянно об одном князе, а не о двух. Наши летописцы, говорит Д. Иловайский, рассказ о нападении на Константинополь в 866 г. целиком взяли из византийских хронографов, но присоединили к нему имена А. и Д. Очень может быть, что названия каких-либо киевских урочищ вроде "Аскольдова могила" и "Дирова могила" могли послужить основанием к сказанию об этих двух витязях, подобно тому, как название Киев, Хоревщина и Щековина послужили основой для легенды о трех братьях, когда-то княживших у полян. То обстоятельство, что на могиле А. поставлена церковь, а Дирова могила, как свидетельствует летописец, находилась за церковью св. Ирины, указывает, что А. и Д. были христиане. Шлецер ("Oskold und Dir" и "Нестор", в переводе Языкова, т. II, 15) опровергает мнение предшествовавших ему писателей. Морошкин считал А. и Д. хазарскими воеводами.

{Брокгауз}

Дир

- дружинник Рюрика, после призвания варягов в Новгород, вместе с товарищем своим Аскольдом, получил от князя позволение, как гласит предание, идти в Царьград. На пути к нему Аскольд и Дир завладели городком Киевом, платившим дань хозарам, а затем подчинили себе полян. Собрав вокруг себя дружину, по преимуществу из варягов, Аскольд и Дир в 866 г. предприняли поход на Царьград, но под стенами его буря разметала русские лодки и Аскольд и Дир возвратились в Киев. К этому времени византийские известия относят начало распространения в Киевской Руси христианства; думают, что Аскольд и Дир также приняли христианство. После смерти Рюрика преемник его, Олег, распространяя власть свою к югу, явился под Киевом, обманом захватил Аскольда и Дира и приказал убить их, говоря: "Вы не князья, ни роду княжеского" и указал на Игоря: "вот сын Рюриков". На холме на берегу Днепра убитые князья и были похоронены. Личности Аскольда и Дира - полуисторические: история их в том виде, как передают ее сказания, возбуждает во многом сомнение.

III.

{Половцов}

Батый (Бату),

Бату, Саин-хан (1208 -1255), монгольский хан, сын *Джучи*, внук *Чингисхана*. После смерти отца (1227) стал главой *Джучи улуса*. Завоевав *Дешт-и-Кипчак* (Половецкая степь) (1236), возглавил поход в Вост. Европу (1237-43), сопровождавшийся массовым истреблением населения и уничтожением городов. В результате героич. сопротивления рус. народа, мужественно оборонявшего от захватчиков Рязань, Москву, Владимир, Козельск, Киев и др. города, войска Б. понесли большие потери. В кон. 1240 монголо-татары, уже истощённые в борьбе с Русью, вторглись на терр. древних гос-в Вост. Европы (Польши, Чехии, Венгрии, Далмации). Встретив сопротивление народов этих стран и не рискуя оставлять у себя в тылу завоёванные рус. земли, Б. вынужден был весной 1242 начать поспешное отступление на В. Смерть великого монг. хана *Угедея* (дек. 1241) заставила Б. возвратиться в улус *Джучи* для укрепления своего положения. В 1243 в низовьях Волги Б. основал феод, гос-во - *Золотую Орду* со столицей Сарай-Бату, простиравшееся от Иртыша до Дуная. Б. участвовал в перевороте в Монг. империи (1251) и при его поддержке великим ханом империи стал *Мункэ*.

Лит.: Греков Б. Д., Якубовский А. Ю., Золотая Орда и ее падение, М.- Л., 1950; Сафаргалиев М. Г., Распад Золотой Орды, Саранск, 1960.

Ш. Ф. Мухамедьяров. (Большая советская энциклопедия)

Василий I,

Василий I Дмитриевич

- вел. кн. Владимирский и Московский, род. в 1371 г., сын Дмитрия Донского. 12-ти лет от роду, в 1383 г., был послан отцом в Орду тягаться с тверск. кн. Михаилом Александровичем о великокн. столе. Там В. был задержан ханом в обеспечение уплаты моск. долга и лишь через 3 г. ему удалось бежать из Орды и возвратиться в Москву через Пруссию, где он познакомился с дочерью литовского князя Витовта Софьей, на которой впоследствии и женился. Умирая, Дмитрий Донской благословил В. на великое княжение Владимирское (1389 г.), остальные же свои уделы распределил между пятью сыновьями с таким расчетом, что владения одного В. были больше владений всех прочих. Но, не довольствуясь этим, В. после смерти отца поехал в Орду, где выхлопотал себе ярлык на Нижегород. княжество, которое и было присоединено к Москве в 1393 г. Однако при осуществлении этого присоединения В. пришлось вступить в борьбу со своим дядей, кн. Семеном Дмитриевичем, на помощь которому явились татары Тамерлана. В., оставив часть своего войска под нач.-вом кн. Владимира Андреевича Храброго в Москве, сам выступил к Коломне. В авг. 1395 г. Тамерлан, дойдя до Ельца, по неизвестным причинам повернул назад. После этого борьба за Н.-Новгород продолжалась без особого напряжения до смерти кн. Семена в 1402 г. Воспользовавшись междоусобиями в Орде, В. прекратил посылку татарам "выхода". В 1408 г. новый хан Едигей вторгся в Рязанскую землю разбил кн. Федора Олеговича и подступил к Москве. В. бежал в Кострому. Разграбив ряд городов. Едигей простояв у Москвы зиму, должен был вернуться в Орду. В княжение В. начавшаяся при Дмитрие Донском борьба с Литвою не прекращалась. Поводом к вражде служили Смоленск, Новгород и Псков. В 1395 г. Витовт присоединил себе Смоленск, а в 1408 г. двинулся со всеми полками на Москву. В. пошел навстречу к р. Угре, но оба войска, простояв друг против друга 3 мес., в открытый бой не вступили. Между вел. князьями был заключен "вечный мир", по которому р. Угра была признана пограничною чертою. В. Д. умер в 1425 г.

{Воен. энц.}

Василий Димитриевич

- великий князь владимирский и московский (1389-1425). Хотя В. Д., сын Дмитрия Донского, и возведен был на великокняжеский престол послом хана, но с его княжения великое княжество сделалось окончательно достоянием московских князей. Перевес его над другими князьями и над старыми родовыми притязаниями сказался в самый год его вступления на престол. Князь Владимир Андреевич, его дядя, поссорился с Василием, но должен был, однако, уступить племяннику. Он признал последнего старейшим себя, обязал-

ся ходить на войну, сидеть в осаде, где В. прикажет. Вел. князь находил сильную опору в боярстве. Боярские роды начали оседать в Московском княжестве со времен второго сына Калиты, Ивана Ивановича. Эта оседлость дружины породила связь осевших боярских родов с домом Калиты, вследствие которой им невыгодно было, чтобы Моск. княжеством завладела какая-либо другая линия дома св. Владимира; точно так же в выгодах боярства была передача престола от отца к сыну, при которой им было удобнее проводить свою наследственную политику. Возвышая значение московского князя над другими князьями, московское боярство возвысило себя над боярством других княжеств. Боярство в других княжествах, видя усиление Москвы, стремилось служить сильному и богатому московскому князю. Таким положением дел и настроением боярства объясняется легкое падение Нижегородско-Суздальского княжества. В. Д., зная настроение нижегородского боярства, купил в Орде ярлык на Нижний Новгород и Суздаль. Борис, кн. нижегородский, созвав своих бояр, сказал им: "Господа мои и братия, милая дружина! Вспомните крестное целование, не выдайте меня врагам моим". Бояре клялись, и во главе их клялся боярин Румянец, который, между тем, уже давно завел переговоры с Москвою. Когда в Нижний Новгород явились московские бояре с татарскими послами, то тот же боярин Румянец сказал Борису: "Господин князь! Не надейся на нас (на бояр), мы уже теперь не твои и не с тобою, а на тебя". Борис был схвачен с женою и детьми; его немногие доброты разосланы по разным городам. В. таким образом приобрел, кроме Нижнего Новгорода, Городец, Мещеру, Муром, Тарусу, а через несколько лет и Суздаль. - В 1395 г. Восточной России грозила страшная беда. Тамерлан, победив Тохтамыш, перешел Волгу и овладел Ельцом. Москва была в ужасе, но еще живы были соподвижники Дмитрия Донского на Куликовом поле. Московские бояре не пришли в отчаяние, собрали полки и уговорили В. стать во главе ополчения, чтобы с оружием в руках встретить грозного врага. Но Тамерлан, простояв недели две в земле Рязанской и опустошив страну в верховьях Дона, отступил. Причину отступления восточные историки приписывают приближению осени (отступление начато 26 августа). Благочестивое предание повествует, что отступление Тамерлана произошло в тот день, когда в Москву принесли икону Богоматери из Владимира. Костомаров весьма метко указал значение этого перенесения: В. приказал перенести икону, которую Андрей Боголюбский тайком увез из Киева в свой любимый город Владимир; теперь эта икона служила освящением первенства и величия Москвы над другими русскими городами. Но подчинить вполне своей воле Великий Новгород, к чему стремились вел. князья с Андрея Боголюбского, Василию не удалось, хотя и ему, как и его преемникам, весьма много облегчал борьбу раздор Новгорода с бывшим его пригородом, Псковом. В. Д. в борьбе с старым вечником оперся на митрополита, с выгодами которого уже его предшественники, начиная с Калиты, умели соединить судьбу Москвы и своего дома. В 1392 г. в Новгород прибыл митрополит Киприян; он требовал, чтобы новгородцы по-старому относились к нему в делах судебных, ибо незадолго до этого новгородское вече постановило на суд к митрополиту не ез-

дять. Вечевым приговором митрополиту было отказано. Вел. кн. вступился за митрополита, новгородцы отказали и ему. Дело дошло до кровавых расправ. В 1393 г. в Торжке убили московского доброхота; великий князь, захватив Торжок, приказал разыскать виновных, и 70 человек преданы были в Москве мучительной казни четвертования. Новгородцы, опасаясь за свою двинскую торговлю, уступили и прислали митрополиту судную грамоту. В 1396 г. враждебные действия возобновились. Вел. князь хотел захватить Двинскую землю; сначала он успел в том, но в 1398 г. должен был отказаться от Двинской земли, Вологды и других новгородских владений. В 1404 г. опять возникли неприязненные отношения. Новгородский архиепископ Иоанн три года содержался в Москве в заточении, но вел. князь, помирившись с Новгородом, освободил Иоанна и захваченных в этом году новгородских бояр. Ускорению примирения содействовало опасение замыслов Витовта, вел. кн. литовского, который, захватив Смоленск, явно стремился к захвату и Пскова с Новгородом. Витовт, несмотря на родство с Василием, который был женат на его дочери, Софье Витовтовне, был грозный враг. Владая Смоленском и юго-западными русскими княжествами, он недаром носил титул вел. кн. литовского и русского; на восток его владения простирались до Оки. Родственные отношения смягчали борьбу; но Витовт был не из тех людей, которые всему предпочитают родственные связи. Псковичи и новгородцы просили помощи у вел. князя московского. Три раза сходились тесть и зять, и ни разу битвы не было, каждый раз дело кончалось свиданием и миром: 1406 г. близ Крапивны, в 1407 г. у Вязьмы и в 1408 г. на берегах р. Угры. После мира на р. Угре не было больше столкновения у Василия с Витовтом. Для Василия было великим счастьем, что в Орде, после нашествия Тамерлана, 12 лет царствовала неурядица, которая давала Москве возможность свободно действовать по отношению к Литве. В это время казна вел. кн. московского чрезвычайно обогатилась: он в Орду и сам не ездил, и никого не посылал; на требование денег отвечал, что у него денег нет, а между тем, постоянно собирал деньги на ордынский выход. Все эти деньги оставались в казне великокняжеской. Но в Орде все изменилось, когда власть перешла в руки мурзы Эдигея, который, подобно Мамаю, стал распоряжаться и ханами, и ордою. Эдигей хотел заставить В. повиниться, но не решился открыто напасть на Москву и прибегнул к хитрости. В 1408 г. он дал знать В., что идет на Литву, а сам повернул к Москве. В. бежал в Кострому, оставив своего дядю Владимира Андреевича защищать столицу. Эдигей не мог взять Москвы, но отдельные татарские отряды опустошили Переяславль, Ростов, Дмитров, Серпухов, Верею, Нижний Новгород, Городец, Клин. Эдигей, получив известие, что в Орде неспокойно, отступил, разорив на обратном пути Рязань. Но нашествие Эдигея несколько не поколебало значения Москвы. В 1412 г. В. Д. ездил в Орду на поклон к Джела-Ледину (Зелени-Султан наших летописей), по поводу дарования им ярлыка изгнанным нижегородским князьям. В 1399 г. умер тверской великий князь Михаил, давши клятву за детей, внуков и племянников не искать ни Москвы, ни Новгорода. Великий князь рязанский обязался чтить В. как старейшего брата. Братья В. дали такие же

записи, кроме Юрия. В княжение Василия случилось важное событие в истории церкви, которое имело политическое значение: по смерти Киприана, в 1406 г., митрополитом поставлен был грек Фотий, ничего не понимавший в русских отношениях. Его надменное отношение к Витовту дало последнему предлог исполнить давнишний замысел: он созвал всех русских епископов, которые в 1425 г. поставили в киевские митрополиты болгарина Григория Цамблака. Влияние Москвы на южную Россию было ослаблено. В княжение В. Россию посетило и грозное бедствие - мор, и трехгодичный голод. О главном действующем элементе в Москве, т. е. о боярстве, в княжение В. Д., сохранилось показание в письме к нему Эдигея, в котором указывается на смену старого поколения бояр поколением новым; первое слушалось татар, второе было враждебно им. Первое, конечно, восхваляется Эдигеем. Из боярских родов на первом месте стоял род боярина Феодора Кошки и его сыновей, предков Романовых; потом род Ивана Родионовича Квашни, род Вельяминовых, Челяднинных, Всеволожских, Плещеевых, племянников митрополита Алексея, Жеребцовых.

Е. Белов.

{Брокгауз}

Василий II Тёмный,

Василий II Васильевич Темный

- вел. кн. Московский, род. в 1415 г., занял великокн. стол по смерти отца своего, Василия Дмитриевича, в 1425 г. Почти 40-летнее княжение В. прошло в непрерыв. походах - в борьбе с князьями за Москву и с татарами. Особою жесточенностью отличалась борьба с дядею Юрием Дмитриевичем и его сыновьями Василием Косым, Дмитрием Шемякою и Дмитрием Красным, которые не хотели признавать за В. старшинства. Борьба эта тянулась много лет, хотя неоднократно прерывалась заключением "вечного мира". Весною 1434 г. кн. Юрий, разбив В. при р. Куси, заставил его бежать из Москвы в Новгород и сам сел на великое княжение, но вскоре умер. Этим воспользовался В. и вернулся в Москву, заключив мир с сыновьями Юрия, уступив им в удел часть своих земель. Однако через неск. мес. Василий Косой нарушил свою "проклятую грамоту" (крестоцеловальную запись) и захватил Кострому, Галич и Устюг. В., наскоро собрав полки, сам выступил против Косого и, разбив его полки в Ростовской области, взял в плен Василия Косого и ослепил его. Борьба с князьями на время прекратилась, но В. пришлось вновь бежать из Москвы, когда в 1439 г. ее осадил хан Улу-Махмет. Пока В. набирал в Н.-Новгороде войско против хана, татары, разграбив посады возле Москвы, ушли в Орду. В 1443 г. татары царевича Мустафы ворвались в Рязанскую землю. В. выслал против них Оболенского и Голтязева. К этим воеводам присоединились мордва и рязанские казаки с рогатинами, топорами, сулицами и ослопами. Все эти ратные люди шли на лыжах. На р. Листани произошел жестокий бой, окончившийся лишь к вечеру полной победой русских, причем цар. Мустафа был убит. Спустя 2 года хан Ялу-Махмет послал против В. сыновей своих Мамутяка и Ягуба. В. с своими полками подошел к Суздалью и здесь, возле Евфимиева монастыря, при р. Нерль, вступил в бой. Моск. войска были разбиты наголову и бежали, а сам В., сильно израненный, попал в плен, откуда был освобожден за большой выкуп. Прибыв в Москву, В. нашел ее занятой Дмитрием Шемякою, который объявил себя вел. князем, ссылаясь на то что В. получил свободу лишь благодаря клятвенному обещанию отдать хану моск. княжение. 14 фвр. 1446 г. В. был вероломно захвачен Шемякою в Троицком монастыре, ослеплен и отправлен в заточение в Углич. Жестокое преследование Шемякою всех сторонников В. вызвало сильный ропот среди моск. людей и духовенства, и уже в след. году Дмитрий Шемяка освободил В. из заточения и, заключив с ним мир, дал ему в удел Вологду. Но В., к которому стали стекаться все недовольные Шемякою, уехал в Тверь. В то же время к нему на помощь явились татары и многие мелкие князья, бежавшие перед тем в Литву. Видя себя покинутым, Шемяка бежал. В 1450 г. возле Галича Костромского войска В. одержали победу над войсками Шемяки, который спасся в Новгород. Наступившая в 1451 г. смерть Шемяки прекратила много-лет. борьбу В. за права на великое княжение. Но борьба с татарами ве-

лась почти до конца княжения В. Последний поход его на Казань был начат в 1461 г. и закончился без боя миром во Владимире. В. умер 27 мрт. 1462 г. от "сухотной болезни". Несмотря на исключительно тревожный характер своего княжения, В. неуклонно стремился проводить политику своих предшественников, "собирателей земли русской". Ему удалось даже почти уничтожить вольность Велик. Новгорода и Пскова, которые, оставаясь формально независимыми от Москвы, обязаны были платить дань вел. князю. (*Карамзин, История гос. Рос.; Соловьев, История России; Свод летопис. известий о Новгородской земле; Экземпларский, Великие и удельные князья Северной Руси*).

{Воен. энц.}

Василий Васильевич Темный

(1425-1462) - княжение сына В. Д. показало, что сила, значение и направление политики Москвы не зависели от личности князя. В. В. был человек характера слабого и злого, никогда не обнаруживал ни политических, ни военных талантов, после отца остался десяти лет и, следовательно, лет десять не мог сам управлять, в 16 лет был слепцом. При всем том сила и значение Москвы, в его тридцатидвухлетнее княжение, в продолжение которого он 26 лет не мог править то по молодости, то по слепоте, не только не умалились, но еще возросли. Этот многозначительный факт показывает, что усиление Москвы находило сочувствие массы населения во всех княжествах, давно благодаря церкви чаявшего единства Русской земли. Кроме того, и Московское княжество сложилось крепко благодаря дружному содействию трех элементов - князя, дружины и духовенства, между которыми в ту пору принципиального разлада еще не существовало. Когда первый был слаб, остальные два действовали с удвоенною силою. Самое начало княжения В. В. было весьма печально: зараза возобновилась, масса людей умирала от язвы (род чумы), а в 1430 г. была страшная засуха; земля (т. е. торф в болотах) и леса горели, воды в источниках и колодах иссохли, звери и птицы гибли в лесах, рыба - в воде; голод присоединился к язве, которая возобновилась в 1442 и 1448 гг. В то же время и в семействе Калиты открылась небывалая усобица. Дядя В. В., Юрий Дмитриевич, князь Галича Костромского, не хотел признать племянника старшим великим князем и сам заявил притязание на великокняжение, но встретил сильный отпор со стороны духовенства и бояр. Митрополит Фотий, если не сам по себе, то под влиянием общего голоса духовенства, не решился нарушить установившийся порядок передачи престола от отца к сыну, а московским боярам совсем нежелательно было возобновлением старины уступить первенство галицким боярам. Фотий сам ездил в Галич уговаривать Юрия смириться, грозя ему не одним духовным оружием. Когда князь Юрий, собрав чернь из города и окрестных сел, расставил ее по горе, чтобы показать силу и многолюдство Галицкого княжества, Фотий ему

сказал: "Сын мой, князь Юрий, не видывал я никогда столько народа в овечьей шерсти", т. е. - люди в сермягах плохие ратники. После разных колебаний Юрий в 1428 г. смирился, признал себя младшим братом племянника и обязывался не искать великого княжения под В. В. В 1431 году произошел, однако, между дядей и племянником разрыв. Соловьев приписывает перемену отношений между дядей и племянником смерти Витовта, который умер в 1430 г. и который, конечно, не дал бы в обиду своего внука. Свояк и побратим князя Юрия, Свидригайло, заступил место Витовта в Литве, и с этой стороны Юрий считал себя обеспеченным; но, зная, что большинство московского боярства и духовенства против него, не решался действовать собственными силами и всячески искал опоры в Орде, где и приобрел сильного покровителя в лице мурзы Тегина. Но за Василия Васильевича хлопотал его боярин, Иван Дмитриевич Всеволожский, человек хитрый, ловкий. Соловьев называет его достойным преемником тех московских бояр, которые при отце, деде и прадеде В. В. умели удержать за Москвою первенство и создать ее могущество. Всеволожский, как истый московский боярин, коротко знал ордынские порядки и отношения; он сумел возбудить зависть в остальных мурзах, напугать их близким союзом Юрия со Свидригайлом и выиграл дело; В. В. получил ярлык на великокняжение. Юрий должен был на время скрыть досаду неудачи и ожидать благоприятной минуты для достижения своей цели. Минута эта вскоре настала: боярин Всеволожский поссорился с вел. князем. В. В. обещал Всеволожскому жениться на его дочери, но не сдержал слова и, по воле матери, женился на Марье Ярославне, внучке Владимира Андреевича. Всеволожский вспомнил старину боярскую, т. е. право бояр, оставив князя, отъехать на службу к другому князю, и отъехал к Юрию, которым принят был радушно. В то же время в Москве сыновья Юрия потерпели посрамление. Дело было на свадьбе вел. князя и вышло из-за пояса, который от Дмитрия Суздальского, в приданое за дочь, перешел к Дмитрию Донскому. На свадьбе тысяцкий Вельяминов подменил этот пояс и отдал сыну своему, Николаю, за которым была другая дочь Дмитрия суздальского. От Вельяминовых пояс перешел, тоже в приданое, в род князя Владимира Андреевича, а потом к сыну Юрия, к Василию Косому, в приданое за его женою. Софья Витовтовна, узнав на свадьбе, какой был на Косом пояс, при всех сорвала его с Косого. Юрьевичи тотчас выехали из Москвы. Юрий, быстро собрав силы, напал на Москву и выгнал из нее В. В., а потом взял его в плен. Юрий, провозгласив себя великим князем, дал племяннику в удел Коломну. Сюда к В. В. стекались князья, бояре, воеводы, дворяне, слуги, откладываясь от Юрия. Борьба возобновилась. Вскоре Юрий умер; сыновья его, Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный, помирились с В. В., но Василий Косой упорно продолжал борьбу и, захваченный в 1434 г. в плен, был ослеплен по повелению великого князя. Братья Косого не могли тотчас после его ослепления отомстить великому князю. Самый энергичный из них, Дмитрий Шемяка, ждал, однако, только удобного случая, чтобы возобновить борьбу с надеждою на успех - и дождался благодаря неудаче В. В. в походе против казанских татар. Около 1439 г. хан Улу-Махмет был изгнан из Золотой орды бра-

том своим и засел в Казани, откуда он и его сыновья не переставали делать набеги на рязанские и нижегородские земли. В 1445 г. В. В. выступил против Улу-Махмета, был разбит близ Суздаля и взят в плен. Хан отпустил В. В. за большой выкуп и с ним целые отряды татар, которые вступили на службу вел. князя. Вследствие этого в рядах московского боярства возникли смуты и несогласия, чем и воспользовался Димитрий Шемяка. Он нашел себе поддержку в князе Иване Можайском. В 1446 г. союзники захватили В. В. в Троицком монастыре, привезли его в Москву и ослепили. В. В. сослан был в Углич, мать его - в Чухлому. Малолетние сыновья Василия, Иван и Юрий, бывшие у Троицы с отцом, спасены князем Ряполовским, который укрыл их сначала в селе своем Боярове, а потом заперся с ними в Муроме. Приверженцы В. В. бежали в Литву; во главе их стояли: потомок Владимира Андреевича, князь Василий Ярославич, и князь Оболенский. Первого с честью приняли в Литве и дали в кормление Брянск, Гомель, Стародуб, Мстиславль и другие города. Федор Басенок, боярин В. В., наотрез объявил, что не хочет служить Шемяке; его заковали, но он успел освободиться и также бежал в Литву. Шемяка, при посредстве Ионы, епископа рязанского, нареченного митрополита, заставил Ряполовского отдать детей Василия Темного, как стали звать В. В. после ослепления, поклявшись пожаловать их волостями и выпустить на свободу их отца, но не сдержал слова и заточил их в Угличе вместе с В. В. Тогда князья Ряполовские, Стрига Оболенский, бояре Ощера с братом Бобром, Драница, Филимонов, Русалка, Руно стали собирать дружины; одни двинулись к Угличу, другие в Литву, где соединились с бежавшими туда ранее приверженцами Василия. Шемяка созвал бояр на совет, что делать с Василием? Иона упрекал Шемяку, что он ввел его в срам, и просил снять с него грех, выпустить Василия и его сыновей. Шемяка послушался, взяв с Василия проклятые грамоты не искать великого княжения, т. е. В. заранее признавал себя проклятым, если поднимет руки на Шемяку. В. получил в удел Вологду; но едва приехал туда, как к нему стали собираться его приверженцы, а Трифон, игумен Кириллова-Белозерского монастыря, снял с В. клятву. В. соединился с вел. князем тверским Борисом Александровичем, малолетнюю дочь которого помолвил со своим семилетним сыном Иваном, и с тверскими отрядами двинулся к Москве; на пути к нему присоединились его литовские доброжелатели и сыновья Улу-Махмета. Татары объявили, что пришли на помощь к вел. князю Василию, отблагодарить его за прежнее добро и за хлеб. Участие татар в восстановлении В. на престоле весьма замечательно, если принять в соображение, что некоторые из его приверженцев, напр., боярин Ощера, и после оставались горячими приверженцами татар, да и самому В. при ослеплении ставили в вину, что он наводил татар на Русскую землю и жаловал их больше русских. Шемяка бежал, признал В. великим князем и, в свою очередь, дал на себя проклятые грамоты; но искреннего мира между ними быть не могло. В 1449 г. Шемяка осадил Кострому, но был отражен боярином Федором Басенком. В 1450 г. Шемяка был разбит под Галичем и бежал в Новгород. Галич занят был великим князем. Но Шемяка не прекращал борьбы и после потери Галича. Тогда В. и его приверженцы прибегли к гнус-

ному злодеянию. В 1453 г. в Новгород прибыл дьяк Степан Бородатый; он склонил на свою сторону Котова, Шемякина боярина, и Котов подговорил повара Шемяки отравить последнего. Шемяка умер, поев курицы, пропитанной ядом. Подьячий, привезший В. известие о смерти Шемяки, пожалован был в дьяки. Иван, сын Шемяки, и Иван, князь Можайский, друг Шемяки, бежали в Литву. Не лучше была судьба и семейства Василия Ярославича серпуховского, который за некую крамолу - какую, неизвестно, - схвачен и заточен в Угличе, а потом переведен в Вологду. Семейство его бежало в Литву.

Независимости Новгорода Великого при Василии Темном угрожала окончательная гибель. Василий Васильевич и его бояре, мстя за прием, оказанный Шемяке, выступили против Новгорода с войском; воеводы, князь Стрига Оболенский и Федор Басенок, разбили новгородцев под Русою. Новгород обязался платить великому князю черный бор в своих волостях и судные пени; кроме того, Новгород отменил вечные (вечевые) грамоты и обязался писать грамоты от имени великого князя московского. Смирение Новгорода понятно: ему со всех сторон угрожали враги, а ливонский магистр, в 1442 г., готовился поднять на Новгород еще и скандинавские земли. Псков во всем повиновался великому князю. Иван Федорович, великий князь рязанский, сначала искал помощи у великого князя литовского, а потом, умирая, отдал сына своего, Василия, на руки великого князя московского. В. В. взял малолетнего рязанского князя в Москву, а в рязанские города послал наместников.

В княжение Василия Темного положен был конец зависимости Русской церкви от константинопольского патриарха: митрополит, грек Исидор, подписавший флорентинскую унию (см. это сл.), должен был бежать из Москвы, вследствие чего собор русских епископов, без согласия патриарха, нарек в 1448 г. в московские митрополиты рязанского архиепископа Иону. В княжение В. В. возобновлен был город Казань и основано было Царство Казанское упомянутым выше Улу-Махметом. Ко времени этого княжения относится и возникновение Крымского ханства.

Е. Белов.

{Брокгауз}

Витовт,

Витаутас (1350-1430), великий князь Литвы (с 1392), сын *Кейсгута*. После унии Литвы с Польшей 1385 В., опираясь на литов. и рус. бояр, живших в рус. областях Литвы, боролся за независимость Литвы от Польши и добился от польского короля *Ягайло* признания за собой (на правах наместника) Вел. княжества Литовского. Препятствовал объединит. политике моск. князей; заключил договоры с враждебными Москве князьями тверским (1427), рязанским (1430), пронским (1430); захватил Смоленск (1404); вмешивался в дела Новгорода и Пскова и трижды (1406-08) вторгнулся в пределы Моск. кн-ва. Литов. владения при В. достигали верховьев Оки и Можайска. В. отнял у татар Юж. Подолию и расширил свои владения до Чёрного м.; упорно воевал с нем. рыцарями. В. и Ягайло были организаторами разгрома нем. рыцарей в *Грюнвальдской битве 1410*. В 1422 В. вернул Литве Жемайтию, захваченную орденом (1398). Опираясь на находящихся у него служилых людей, В. попытался устранить удельных князей Гедиминовичей на Руси и посадить своих наместников. Упразднение В. местных княжений в Подолии, Киеве, Витебске и др. привело к повышению политич. значения литов. бояр.

Лит.: Любавский М. К., Очерк истории Литовско-Русского государства, М., 1910; Паш у то В. Т., Образование Литовского государства, М., 1959; (*Большая советская энциклопедия*)

Владимир Мономах,

Владимир Мономах

- русский князь, внук Ярослава Мудрого, сын Всеволода, кн. Смоленского, и супруги его, дочери греч. имп-ра Константина Мономаха, представляет среди князей уд.-веч. периода яркую фигуру князя-воина, умного и доброго администратора. С ран. возраста В. М. начал принимать участие в охотах на дик. зверей и побывал, как он сам говорит в своем поучении детям, и на рогах у тура, и в лапах медведя, и под клыком кабана. Бесстрашный и неутомимый, он рано начал и свое боев. поприще. В 1076 г. отец вверил ему начальств-ние над дружиной для похода в Силезию, на помощь польск. кор. Владиславу III против чехов. В 4-мес. походе принимали участие еще дружины вел. кн. Киевского Святослава и Олега, кн. Волынского. Войска дошли через Глогову (Глогау) до Чешского леса (Бемервальда). В 1078 г. В. М. с дружиной отца своего ходил на поддержку его брата и союзника Изяслава против Всеслава, кн. Полоцкого, и сжег Полоцк. Когда же союзники Всеслава, призвав половцев, вторглись в южн. Россию, разбили войска кн. Всеволода на р. Оржице и взяли Чернигов, В. М. поспешил на помощь отцу и обложил Чернигов. В происшедшей под стенами его битве пали Изяслав, и его место на великокняжеском столе в Киеве занял Всеволод, отец В. М. Но против него шли, с одной стороны, сыновья Святослава, Олег и Роман, снова призвавшие половцев, а с другой - Всеслав Полоцкий. В. М. прежде всего обратился на Святославичей, шедших к Чернигову, и, переманив на свою сторону половцев, сокрушил братьев. Роман был убит, Олег бежал в Грецию. После этого он пошел на Всеслава, осаждавшего уже Смоленск. Всеслав не принял боя и, зажегши Смоленск, бежал в свою полоцк. землю. В. М. преследовал его конницей и опустошил его владения. В 1079 г. он снова ходил в полоцк. область и взял Минск. В период 1080-92 гг. В. М. совершил целый ряд удач. походов: против торков, живших в Переяславской области и против вятичей и половцев, грабивших южн.-рус. области. В 1093 г. Всеволод ум., но В. М. уступил вел. княжение в Киеве сыну Изяслава, Святополку. Половцы снова вторглись в рус. пределы и угрожали Киеву. В. М. поспешил к нему на помощь и, уступая настояниям Святополка и его бояр, веривших в воен. таланты В. М., перешел р. Стугну и дал половцам сражение (26 мая 1093 г.) под стенами гор. Триполя. Киевская рать, составившая крыло рус. боев. порядка, не выдержала натиска половцев и отступила; центр и лев. крыло пытались еще держаться, но были сброшены в Стугну. В. М. едва спасся от побоища и укрылся в Чернигове. Здесь его след. 1094 г. осадил вернувшийся из Греции Олег Святославович, снова приведший на Русь полчища половцев. В. М. оборонялся упорно, но должен был уступить силе и удалился в Переяславль. Однако уже в 1095 г. В. М. и Святополк отомстили половцам, разорив их земли, а затем обратились против Олега, который бежал из Чернигова в Стародуб, оттуда пробрался на с., овладел Муромом, Ростовом и Суздалем, но был разбит на р.

Клязьме сыном В. М., Мстиславом. Между тем половцы снова подступили к Киеву и, в то время как В. М. с Святополком разбили одно их полчище на р. Трубеже (19 июня 1097 г.), другое овладело Киевом и разграбило его. Это несчастье побудило В. М. обратиться ко всем рус. князьям с предложением прекратить междоусобные войны брани, привлекавшие на Русь орды хищников, и на съезде в Любече (1097 г.) он уговорил их помириться и действовать сообща против половцев. Хотя этот приговор князья и скрепили крестн. целованием, но междоусобия продолжались, и только в 1103 г. В. М. удалось соединить князей в общ. походе на половцев. В урочище Сутень, на Днепре, собрались кон. и пеш. дружины почти всех рус. князей и 4 апр. разбили наголову половецкие войска. После этого, действуя сообща, под общим руководством В. М., русские одержали ряд побед над половцами под Лубнами, возле Переяслава, на Дону и на р. Сале. С тех пор, говорит летописец, "слава о рус. подвигах прошла по всем народам: грекам, ляхам, чехам и дошла даже и до Рима". Половцы перестали тревожить рус. землю. В 1113 г. умер Святополк, и киевляне избрали своим князем В. М. Время его княжения считается самым цветущим в истории Киева. Набеги враждеб. племен уже не беспокоили рус. земли. Печенеги, торки, берендеи были изгнаны им из рус. пределов, сыновья его успешно охраняли Русь от половцев, волжских болгар и чуди, совершая походы в Финляндию. В. М. был так силен и пользовался таким влиянием на младш. князей, что никто из них уже не пытался оспаривать у него старшинство. Заняв киевский стол, В. М. обратил все свое внимание на устройство своего княжества. Ему приписываются важные дополнения к кодексу "Русская Правда". Месть за убийство была устранена и заменена платежом денеж. штрафа; ограничено было взимание процентов при займе; значит. облегчено положение холопов, запрещено обращать в холопство за долги и т. п. Эпоха В. М. была также расцветом художеств. и умствен. деятельности на Руси. В Киеве и др. городах было воздвигнуто много больших и красивых храмов и переведено на славян. язык много греч. книг. Сам В. М. написал т. н. "поучение" своим детям, в котором, подробно излагая свою жизнь, дает детям советы, как вести себя. "Никого смертью не казнить", "все делать самим, во все вникать, не полагаться на тиунов и воевод", "в походе самим снаряжать стражу, а проходя с войском по рус. землям, не позволять делать вреда жителям". Наконец, он велит своим детям учиться, указывая на своего отца Всеволода, который, сидя дома, выучился пяти языкам. В. М. скончался в 1125 г. близ Переяслава, 72 лет от роду. По собствен. словам его в поучении детям, он совершил 83 крупн. похода ("маловажных не упомяну"), заключил с половцами 19 мир. договоров, взял в плен более 100 их ханов, а более 200 казнил и потопил в реках. Имя В. М. было так популярно, что впоследствии содалась легенда, будто визант. император прислал ему знаки царского достоинства, "венец и бармы".

{Воен. энц.}

Владимир-Василий Всеволодович

- прозванием Мономах, великий князь киевский, сын В. Ярославича - самый замечательный из русских князей дотатарского периода нашей истории, оставивший по себе громкую славу и добрую память. В. род. в 1053 г. Когда Святослав черниговский отнял Киев у Изяслава, Всеволод сел в Чернигове, а сын его Владимир - в Смоленске (1067-68 гг.). В. служил и Святославу, и опять занявшему Киев Изяславу как старейшим князьям: по поручению первого он помогал (1075) полякам против немецкого императора Генриха IV, на которого ходил через Богемию за г. Глогау, в нынешней Силезии; по приказанию второго он дважды ходил на полоцких князей (1077). Когда отец его Всеволод сел в Киеве, Мономах занял стол в Чернигове. В следующем 1079 г. Олег Святославич вместе с братом Романом и половцами хотели попытаться выгнать Мономаха из Чернигова, но это им не удалось: В. остался в Чернигове, владея в то же время и Смоленском. Ему приходилось бороться с князьями полоцкими, с полудикими вятичами, с половцами и торками, с князьями-изгоями Ростиславичами; последних он по приказу отца выгнал из Владимиро-Волынской области и посадил во Владимире Изяславова сына Ярополка (1081), а когда Изяславич в чем-то провинился против Всеволода - Давида Игоревича. Вскоре, однако, В. примирил Ярополка с отцом своим и через это опять доставил ему Владимир (1086). Другой Изяславич, Святополк, в 1088 г. добровольно оставил Новгород, и Владимир посадил там сына своего Мстислава.

В 1093 г. скончался Всеволод. В. не хотел воспользоваться своим положением и занять Киев: он пригласил на великокняжеский стол княжившего тогда в Турове двоюродного брата своего Святополка Изяславича, который был старше его летами и притом сын старшего Ярославича. Почти все время княжения Святополка В. был верным его союзником, несмотря на то, что киевляне сильно были привязаны к В. и не любили Святополка. Когда в год своего вокняжения Святополк предпринял поход против половцев, Владимир присоединился к нему с своей дружиной. На реке Стугне состоялся совет, на котором В. стоял за мир, между тем как киевляне требовали битвы и настояли на своем. Русские войска перешли Стугну. 20 мая произошла битва. Половцы сначала кинулись на Святополка и смяли его, потом ударили на Владимира и брата его Ростислава. Русские не выдержали натиска и побежали. При переправе через Стугну Ростислав утонул; пытаясь спасти его, едва не утонул и сам В. Половцы пошли к Киеву; при с. Желани 23 июля они опять жестоко побили русских, рассеялись по селениям и начали забирать жителей в полон. В следующем 1094 г. орда половцев двинулась с Олегом Святославичем на Владимира, который не довел дела до кровопролития и удалился из Чернигова в Переяславль. С этого времени В. становится непримиримым врагом половцев, нередко даже в ущерб своей репутации как князя благодушного и справедливого. В 1094 г. к В. пришли для заключения мира два половецких князя, Итлар и Китан. В залог верности В. отдал последнему

сына своего Святослава. В это время к В. пришел из Киева от Святополка Славята и стал советовать князю убить Итларя; В. сначала колебался, но потом склонился на предложение. Нужно было сначала выкрасть у Китана Святослава; за это взялся Славята. Он проник ночью в стан Китана и не только благополучно освободил Святослава, но и убил Китана и его людей. Вслед за тем Итларя позвали на завтрак к В., и когда он явился, его и всех половцев перестреляли. Со стороны половцев нужно было ожидать мести. Святополк и В. звали Олега Святославича к себе, чтобы идти на половцев. Олег, которому половцы могли пригодиться в его столкновениях с князьями, отказался. "Пусть Бог нас рассудит", - сказали князья, пошли на Олега, выгнали его из Чернигова, осадили в Стародубе и держали в осаде до тех пор, пока он не обещал прибыть в Киев на совет об обороне Русской земли (1096).

Между тем в Киевскую область ворвались половцы: хан Боняк с своей ордой жег окрестности Киева, а Тугоркан осадил Переяславль. Владимир и Святополк побили половцев Тугоркана; сам Тугоркан пал в битве. Но Боняк ворвался в Печерский монастырь и произвел там страшное опустошение. Олег не являлся в Киев; он пошел в Смоленск, а отсюда к Мурому. Здесь в битве с ним пал сын Мономаха, Изяслав. Другой сын Мономаха, Мстислав новгородский, помогавший брату и взявший верх над Олегом, советовал последнему обратиться к князьям, обнадеживая его, что они не лишат его русской земли. Олег так и сделал. Памятником этих сношений осталось письмо Мономаха к Олегу, ярко рисующее симпатичную личность В. В 1097 г. на съезде в Любече собрались князья: Святополк, Мономах, Святославичи: Олег, Давид и Ярослав, князь волынский Давид Игоревич, червонорусские князья Володарь и Василько Ростиславичи. Предметом совещания были меры, какие нужно принять для охраны русской земли от половцев. Душой этого совета был Мономах. Решено было оставить междоусобную вражду, каждому владеть своими волостями и всем преследовать нарушителей постановлений съезда. Но не успели князья разъехаться по своим волостям, как совершилось злодеяние, не слыханное дотоле на Руси: Давид волынский оклеветал перед великим князем Васильком, будто бы вместе с В. умышлявшего на жизнь Святополка, и Василько был ослеплен (см.). В. пришел в ужас, когда дошла до него весть об этом. Он призвал к себе на совещание Олега и Давида черниговских, советовал поправить дело, искоренив зло в начале; иначе начнет, говорил он, убивать брат брата, и земля русская погибнет: ее возьмут половцы. Святополк оправдывался, ссылаясь на Давида как на виновника злодеяния; но князья понимали, что великий князь виноват столько же, как и Давид, и пошли на Святополка. Последний в страхе хотел бежать, но киевляне не пустили его, советуя вступить с Владимиром в переговоры, зная, что он "многомилостив". В. склонился к миру, когда Святополк обещал наказать Давида. Последний призвал на помощь Боняка. Таким образом, желание Мономаха сплотить князей против половцев не исполнилось. В 1100 г. Давид Игоревич отдался на княжеский суд. Съезд князей в Уветичах (Витичеве) объявил Давиду, что за его злодеяние князья не хотят дать ему владимирского стола, но

оставляют его на свободе - пусть сидит в Бужске и Остроге. Святополк придает ему Дубен и Чарторижск, В. дает 200 гривен, да столько же Олег и Давид Святославичи. После Витичевского съезда В. уехал в Ростовскую область, а Святополк и Святославичи потребовали, чтобы Володарь взял Василька из Теремовля к себе, говоря, что для них обоих достаточно будет Перемышля. Столь несправедливое дело В. не хотел поддерживать, но не противоречил князьям, потому что не желал междоусобий. В 1103 г. половцы нарушили мир, и В. поднял на них князей. В. и Святополк со своими дружинами съехались в Долобске и пригласили в поход и Святославичей. Давид принял предложение, а Олег по своим отношениям к половцам отговорился нездоровьем; пришел с своей дружиной полоцкий князь Давид Всеславич, пришли и еще некоторые князья. На урочище, называемом Сугень, князья встретили половцев и разбили их наголову (4 апр.). Здесь легло до 20 половецких князей, а один, Бельдюз, взят в плен и убит по приказу Мономаха. В 1107 году половцы пошли на Русь, но В. вместе с другими князьями разбил их наголову под Лубнами. В 1111 г. князья - В. с детьми, Святополк, Ярослав, Давид - совершили блестящий поход к Дону и два раза, при притоке Дегея и при р. Сальвице, жестоко разбили половцев. В 1113 г. Святополк скончался, и киевляне на вече выбрали своим князем В. и звали его к себе. Мономах медлил приходом. Киевляне вторично просили В. поспешить, выставляя на вид, что в противном случае народ ограбит вдову Святополка, бояр и монастыри. Тогда В. сел на киевском столе как избранник Киевской земли помимо старшего из князей, Олега Черниговского. Время великокняжения В. было самым цветущим в истории киевской Руси. Половцы встречали дружный отпор; удельные князья смирились, а непокорным приходилось чувствовать на себе сильную руку великого князя. Так, вскоре по вокняжении Владимира в Киеве половцы пришли в Переяславскую область, но бежали, как только услышали, что на них выступил великий князь с сыновьями, племянниками и Олегом Святославичем; а в 1116 г. Глеб Всеславич минский за неповиновение великому князю осажден был В. в Минске и вынужден умолять о мире. Когда вскоре после того Глеб напал на Смоленск, В. вывел его из Минска и в качестве пленника привел в Киев, где он и умер в заключении. В 1116 году по делам зятя своего, греческого царевича Леона Диогеновича, и внука, Василька Леоновича, В. посылал воеводу своего Яна Вышатича на дунайские города имп. Алексея Комнена; но в 1122 г. В. примирился с преемником Алексея, Иоанном, и даже выдал за него внучку свою, дочь Мстислава. Сыновья В. успешно воевали с инородцами: Ярополк - с половцами, Мстислав новгородский - с чудью, Юрий суздальский - с болгарами. Владимиро-волынский князь Ярослав Святополкович дурно жил с своей супругой Мстиславной, внучкой Мономаха, и этим вооружил против себя В., от которого вынужден был бежать в Венгрию (1118). В. отдал удел его сыну своему Роману, а по смерти последнего - другому сыну, Андрею, которого в 1120 г. посылал на ляхов, помогавших Ярославу при покушении возвратить его удел.

В. известен в истории и как законодатель. В год вокняжения в Киеве он созвал в с. Берестово мужей своих; туда же прибыл муж и от Олега Святославича. Здесь, в общей думе, положено было ограничить произвольное взимание рез (процентов), которое при Святополке доходило до больших злоупотреблений. Установлено было, что ростовщик может брать проценты только три раза, и если возьмет три раза, то уже теряет самый капитал. От разных причин, как войны, набеги половцев и т. п., являлись неоплатные должники. При В. установлено было различие между тем неоплатным купцом, который потерпит нечаянно от огня, воды или неприятеля, и тем, который испортит чужой товар, пропьет его или "пробьет", т. е. заведет драку, а потом должен будет заплатить виру, или "продажу". В первом случае хотя купец и не освобожден совершенно от платежа долга, но и не подвергался насилию: продавалось только его имущество, причем гость, т. е. купец из другого города или иноземец, имел первенство перед другими займодавцами, потом следовал князь, а затем уже прочие займодавцы получали остальное. Точно так же от разных причин на Руси умножились бедняки, поступавшие в наемники к богатым. Это - так называемые "закупы". Закон В. ограждал закупов от произвола хозяев, но угрожал им полным рабством, если они уйдут, не исполнив условий. Определено было три случая обращения в холопство: добровольная продажа, женитьба на женщине рабского происхождения и поступление без всякого договора в должностные лица у частного человека (тиунство без ряду). За долги нельзя было обращать в холопство; всякий, кто не имел возможности заплатить, мог отработать свой долг и отойти. При Ярославе холопа убивали, если он наносил побои свободному человеку, - теперь господин платил за него пеню. За холопа и рабу виры не полагалось, но убийство их без вины наказывалось платежом князю "продажи".

Время Мономаха было временем первого расцвета художественной и литературной деятельности. В Киеве и других городах строились церкви и украшались живописью; сам Мономах построил несколько церквей и, между прочим, на Альте, где был убит Борис. Ко времени В. относится составление нашей первоначальной летописи, начало печерского Патерика, составление по византийским образцам житий людей, прославившихся святостью жизни, как Антоний и Феодосий печерские, св. Ольга, равноапостольный Владимир, Борис и Глеб и пр. Игумен Даниил составил описание путешествия своего в Иерусалим; наконец, сам В. написал "Поучение своим детям", замечательный литературный памятник того времени. В. назван Мономахом по деду со стороны матери, которую наши летописи называют "греческою царвеною", "грекинею" и "мономахиною", а некоторые известия не летописного характера прямо именуют Анной, дочерью императора Константина Мономаха. Есть и другое объяснение названия В. Мономахом: будто бы он ходил на генуэзцев, занявших Тавриду, и при взятии Кафы убил в поединке генуэзского князя, за что и прозван Мономахом, т. е. единоборцем. Немудрено, что такая крупная, замечательная личность вызывала народную фантазию на составление подобных сказаний. Народ не мог обойти ее и о своих поэтических про-

изведениях: Владимир былин не есть исключительно В. равноапостольный, а отчасти и В. Мономах. Так, между былинами Владимирова цикла есть былина о боярине *Ставре*, которого В. Красное Солнышко посадил в погреб. В новгородской летописи под 1118 годом находим известие, по которому Владимир Мономах призвал из Новгорода за грабежи и посадил в погреб сотско-го *Ставра* с несколькими боярами, его соумышленниками. Составилась легенда, будто византийский император прислал В. знаки царского достоинства, венец и бармы, с митрополитом Неофитом, который венчал его на царство; впоследствии московские государи венчались венцом, который называли шапкой Мономаха. В. скончался 19 мая 1125 года "у милой ему церкви" на реке Альте и погребен в Киево-Софийском соборе. В. был женат три раза; первой его женой была английская королева Гида Гаральдовна.

А. Э.

{Брокгауз}

Владимир Святой,

Владимир Святославич

Материал из Википедии — свободной энциклопедии

http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D0%B8%D0%BC%D0%B8%D1%80_%D0%A1%D0%B2%D1%8F%D1%82%D0%BE%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D1%87_%28%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F%29

Влади́мир I Святосла́вич (др.-рус. Володимѣрь Святославичь, ок. 960 — 15 июля 1015) — князь новгородский в 970 — 988 годах, киевский великий князь, при котором произошло крещение Руси.

Стал новгородским князем в 970, захватил киевский престол в 978 году. В 988 выбрал христианство в качестве государственной религии Древнерусского государства. В крещении получил христианское имя Василий. Известен также как Владимир Святой, Владимир Великий, Владимир Креститель (в церковной истории) и Владимир Красное Солнышко (в былинах). Прославлен в лике святых как равноапостольный; день памяти в русском православии — 15 июля по Юлианскому календарю.

Происхождение и воспитание

Сын великого князя Святослава Игоревича от ключницы Малуши родом из города Любеч, милостницы княгини Ольги. Сын рабы («робичич» по словам Рогнеды), по обычаям язычников мог наследовать отцу-князю.

Год рождения Владимира неизвестен. Его отец Святослав родился в 942 (летописная хронология условна в этом периоде), а старший сын Владимира Вышеслав — около 977, откуда историки выводят год рождения Владимира 960-й с точностью до нескольких лет. Как сообщают поздние источники XVI века (Никоновская и Устюжская летописи), Владимир Святославич родился в селе Будутине (Будятине):

«Володимиръ бо бе отъ Малки, ключници Олжины; Малка же бе сестра Добрыне, — и бе Добрыня дядя Володимиру; и бе рожение Володимеру въ Будутине веси, тамо бо въ гневѣ отслала ея Олга, село бо бяше ея тамо, и умираючи даде его святей Богородици» (Никоновская летопись).

Мнения исследователей о локализации Будятиного села расходятся. Владимир Святославич возможно родился под Псковом (д. Будник), Гомелем (с. Будатин) или Владимиром-Волынским (с. Будятычи, укр. Будятичі), куда разгневанная княгиня Ольга сослала Малушу.[7] Как предполагал Д. Прозоровский, будучи раздатчицей милостыни (занятие христианки), Малуша

нарушила со Святославом заповедь «не прелюбодействуй», и именно это вызвало гнев Ольги.

О дальнейшей судьбе Малуши летописи не сообщают, а малолетний Владимир вернулся в Киев, где находился под присмотром княгини Ольги. Воспитанием его, возможно, занимался дядя по матери Добрыня, так как в обычаях Руси было делом привычным доверять воспитание наследника старшим дружинникам.

Княжение в Новгороде

По Повести временных лет Владимир среди сыновей Святослава был третьим по старшинству после Ярополка и Олега. Выдвигалась также гипотеза, что на самом деле он был вторым (старше Олега), так как получил от отца при его уходе на войну с Византией в 970 году важный Новгород, в то время как Олег довольствовался Древлянской землёй с центром в Овруче. Наставником и воеводой юного Владимира в Новгороде стал Добрыня.

Скандинавские саги рассказывают о том, как будущий король Норвегии Олаф I Трюгвасон провёл детство и юность в Новгороде. Мать Олафа, Астрид, бежала от убийц мужа в Новгород к конунгу Вальдемару (Владимиру), у которого служил её брат Сигурд, но по дороге она с ребёнком была захвачена разбойниками в Эстонии. Сигурд, собирая налоги в Эстонии по повелению Владимира, встретил случайно Олафа и выкупил его из рабства. Олаф рос под покровительством Владимира, позже был взят в дружину, где пользовался популярностью среди воинов.

Киевское княжение

Приход на киевский престол

После гибели в 972 году князя Святослава Киевом управлял Ярополк. В 977 году разгорелась междоусобная война между Ярополком и его братьями. Удельный древлянский князь Олег, отступая в бою с Ярополком, был раздавлен во рву падавшими лошадьми. Владимир при этом известии бежал к ярлу Норвегии Хакону Могучему. Всею Русью стал править Ярополк Святославич. Тем временем Владимир в Скандинавии набрал с Добрыней варяжское войско и в 980 году вернулся в Новгород, выгнав посадника Ярополка.

Владимир захватил перешедший на сторону Киева Полоцк, перебив семью варяжского правителя города Рогволода. Его дочь Рогнеду, просватанную прежде за Ярополка, он насильно взял в жёны. Затем с большим варяжским войском осадил Киев, где заперся Ярополк. По версии летописи воевода Ярополка Блуд, подкупленный Владимиром, заставил Ярополка бежать в маленький городок Родень, запугав мятежом киевлян. В Родне Владимир заманил Ярополка на переговоры, где два варяга «подняли его мечами под пазухи». Беременную жену Ярополка, бывшую греческую монахиню, Владимир взял в наложницы.

Когда варяжское войско потребовало себе за службу дань с киевлян, Владимир обещал им, но через месяц отказался, а варягов отослал на службу в Константинополь с советом византийскому императору развести тех по раз-

ным местам. Часть из варягов Владимир оставил себе для управления городами.

По летописи Владимир вокняжился в Киеве в 980 году. Согласно самому раннему Житию Владимира монаха Иакова («Память и похвала князю Владимиру», 2-я половина XI века) это случилось 11 июня 978 года. Из ряда хронологических соображений кажется более вероятной дата 978, а дата 980 получена, видимо, при вторичной расстановке годовой сетки в летописи путём неправильного пересчёта. Так летописец упомянул о 37 годах правления Владимира, что также указывает на 978, как год прихода Владимира к власти.

Языческое правление

Новый князь киевский (величался также хазарским титулом каган) принял меры к реформации языческого культа. Воздвиг в Киеве капище с идолами шести главных богов славянского язычества (Перуна, Хорса, Даждьбога, Стрибога, Семаргла и Мокоши, без Велеса), также есть сведения, что князь ввёл, подобно скандинавам, практику человеческих жертвоприношений богам.

Так как есть косвенные сведения о симпатиях прежнего князя Ярополка к христианской вере и его контактах с латинским Западом, то весьма вероятно предположение о языческой реакции при Владимире, то есть борьбе с ранее утверждавшимся в Киеве христианством. Археологическим подтверждением этого может служить находка на месте Владимирова пантеона остатков каменного строения со следами фресковой живописи — по всей видимости, существовавшей при Ярополке церкви. Во время гонений в Киеве погибли одни из первых христианских мучеников на Руси — варяги Фёдор и Иоанн.

Повесть временных лет так передаёт образ жизни Владимира до крещения: «Был же Владимир побеждён похотью, и были у него жёны [...], а наложниц было у него 300 в Вышгороде, 300 в Белгороде и 200 на Берестове, в сельце, которое называют сейчас Берестовое. И был он ненасытен в блуде, приводя к себе замужних женщин и растляя девиц».

Православные источники утверждают, что после крещения князь освободил от супружеских обязанностей всех бывших языческих жён. Рогнеде он предложил выбрать мужа, но она отказалась и приняла монашеский постриг.

Крещение

Летописное повествование о «выборе вер» («испытании вер») Владимиром носит легендарный характер. Ко двору вызывались проповедники ислама, иудаизма, западного «латинского» христианства, но Владимир после беседы с «греческим философом» остановился на православии. Несмотря на агиографический трафарет, в повествовании есть историческое зерно. Так, Владимир говорит «немцам»: «Идёте опять, яко отцы наши сего не прияли суть» (то есть ступайте назад, ибо наши отцы этого не приняли). В этом можно видеть отзвуки событий 962 года, когда германский император присылал в Ки-

ев епископа и священников по просьбе княгини Ольги. Не принятые на Руси, они «еле спаслись».

Сведения о посольстве в Хорезм русского правителя 2-й половины X века (имя с арабского восстанавливается как Владимир), желавшего, чтоб его страна приняла ислам, сохранились в арабских и персидских источниках. Так среднеазиатский врач и историк аль-Марвази (начало XII в.) сообщает:

«И когда они обратились в христианство, религия притупила их мечи, и вера закрыла им двери занятия, и вернулись они к трудной жизни и бедности, и сократились у них средства существования. Тогда захотели они стать мусульманами, чтобы позволен был им набег и священная война и возвращение к тому, что было ранее. Тогда послали они послов к правителю Хорезма, четырёх человек из приближённых их царя, потому что у них независимый царь и именуется их царь Владимир — подобно тому, как царь тюрков называется хакан [...] И пришли послы их в Хорезм и сообщили послание их. И обрадовался Хорезмшах решению их обратиться в ислам, и послал к ним обучить их законам ислама. И обратились они в ислам».

Согласно летописи в 987 году Владимир на совете бояр принял решение о крещении «по закону греческому».

В следующем 988 году он захватил Корсунь (Херсонес в Крыму) и потребовал в жёны сестру византийских императоров Василия II и Константина VIII Анну, угрожая в противном случае пойти на Константинополь. Императоры согласились, потребовав в свою очередь крещения князя, чтобы сестра вышла за единове́рца. Получив согласие Владимира, византийцы прислали в Корсунь Анну со священниками. Владимир вместе со своей дружиной прошёл обряд крещения, после чего совершил церемонию бракосочетания и вернулся в Киев, где сразу же повелел опрокинуть языческие идолы.

Согласно монаху Иакову, более раннему источнику, чем «Повесть временных лет», князь Владимир крестился в 988 году, взял Корсунь на 3-й год после крещения с целью захвата христианских святынь и только потом вытребовал себе жену от византийских императоров.

Сирийский историк XI века Яхья Антиохийский излагает историю крещения по-другому. Против византийского императора Василия взбунтовался его военачальник Варда Фока, который одержал несколько побед.

«... и побудила его [императора Василия] нужда послать к царю русов — а они его враги, — чтобы просить их помочь ему в настоящем его положении. И согласился он на это. И заключили они между собою договор о свойстве и женился царь русов на сестре царя Василия, после того как он поставил ему условие, чтобы он крестился и весь народ его стран, а они народ великий [...] И послал к нему царь Василий впоследствии митрополитов и епископов и они окрестили царя [...] И когда было решено между ними дело о браке, прибыли войска русов также и соединились с войсками греков, которые были у царя Василия, и отправились все вместе на борьбу с Вардою Фокою морем и сушей.»

По Яхью соединённые силы русов и греков разгромили войска Фоки под Хрисополем в конце 988 года, а в апреле 989 года союзники в сражении под

Абидосом покончили с Вардой Фокой. Арабский историк начала XIII века Ибн аль-Асир также сообщил о крещении русов в версии, близкой к Яхью Антиохийскому, но отнеся событие к 986 году, причём царь русов в его изложении сначала крестился, потом женился и тогда пошёл воевать с Вардой Фокой.

О размере русской военной помощи Византии и крещении сообщает также армянский историк Стефан Таронский, современник князя Владимира: «Тогда весь народ Рузов [русов], бывший там [в Армении, ок. 1000 г.] поднялся на бой; их было 6 000 человек — пеших, вооружённых копьями и щитами, — которых просил царь Василий у царя Рузов в то время, когда он выдал сестру свою замуж за последнего. В это же самое время рузы уверовали в Христа.»

Детали хронологии — на каком этапе описываемых событий Владимир принял крещение, произошло ли это в Киеве, в городе Василиве или Корсуне — были утеряны в Руси ещё в начале XII века, во времена составления «Повести временных лет», о чём летописец прямо сообщает. Тем более дискуссионен этот вопрос в современной историографии. Датой Крещения Руси традиционно считается летописный 988 год, хотя исторические свидетельства указывают на 987 как год крещения самого князя Владимира и 989 как год

Крещения Руси.

Основные составляющие сюжетной линии Корсунской легенды, в которой отражены события Владимирова крещения, буквально совпадают с поверьями, связанными со святым источником и чудотворной иконой Пресвятой Богородицы в с. Будятичах на Волыни (отождествляемых с местом рождения Владимира). Это обстоятельство свидетельствует о том, что в Будятичах функционировали легенды о Святителе Руси.

В крещении Владимир принял имя Василий, в честь правящего византийского императора Василия II, согласно практике политических крещений того времени.

В Киеве крещение народа прошло сравнительно мирно, в то время как в Новгороде, где крещением руководил Добрыня, оно сопровождалось восстаниями народа и подавлением их силой. В Ростовско-Суздальской земле, где местные славянские и финно-угорские племена сохраняли в силу отдалённости определённую автономию, христиане оставались меньшинством и после Владимира (вплоть до XIII века язычество господствовало у вятичей).

Крещение сопровождалось учреждением церковной иерархии. Русь стала одной из митрополий (Киевской) Константинопольского патриархата. Епархия была создана также в Новгороде, а по некоторым данным — в Белгороде Киевском (не путать с современным Белгородом), Переяславле и Чернигове. Не препятствовал Владимир и деятельности западных проповедников. Когда его сын Святополк взял жену из Польши, вместе с ней в ок. 1000 г. прибыл Рейнберн, епископ Кольберга (Колобжега), позднее окончивший жизнь в темнице. При помощи немецкого миссионера Бруно Кверфуртского, лично встречав-

шегося с Владимиром, в 1007 году была учреждена епархия у печенегов, по-видимому недолговечная.

Военные походы

В 981 году (по другой версии, исходящей из более ранней даты вокняжения Владимира и политической обстановки в Польше — 979) Владимир воевал с польским князем Мешко I за приграничную Червенскую Русь. Завоевание Червена и Перемышля.

В 981—982 Владимир совершил поход на вятичей, который закончился обложением данью.

В 983 Владимир покорил балто-литовское племя ятвягов и установил контроль над Судовией, что открывало путь к Балтике.

В 984 Владимир совершил поход на радимичей, чьи земли лежали между Киевом и Новгородскими землями. Покорение радимичей объединило северные и южные регионы Руси.

В 985 Владимир воевал с «болгарами». Некоторые исследователи идентифицируют их с дунайскими болгарами, однако по «Памяти и похвале» противником Владимира были «серебряные», то есть волжские булгары. Одержав победу, Владимир заключил с булгарами мир на выгодных для Руси условиях. В том же 985 он обложил данью Хазарию.

В 988 году Владимир предположительно покорил земли Таманского полуострова.

В 988—989 осада Корсуня в Крыму. По ПВЛ город сдался после длительной осады, когда русские перекопали трубы, по которым в город поступала вода из колодцев. Затем византийские императоры прислали свою сестру Анну замуж за Владимира, после чего он вернул город Византии и по возвращении в Киев приступил к крещению народа.

В 991 году поход в днестровские земли против белых хорватов.

В 992 успешная война с Польшей за Червенскую Русь.

В 994—997 Владимир повторил поход против волжско-камских булгар и двинулся на Северный Кавказ.

Владимир вёл активную внешнюю политику: за время правления им было заключено множество договоров с правителями разных стран. Это были: Стефан I (король Венгрии), Болеслав I Храбрый (король Польши), Болеслав II (король Чехии), Сильвестр II (папа римский), Василий II (император Византии).

Проблемой Руси оставались постоянные набеги печенегов: в 990, 992 на Переяславль, 993, в 996 состоялась битва у Василево, в 997 нападение на Киев, в 1001, в 1013 состоялось польско-печенежское вторжение на Русь. Воспоминания о печенежской войне уже век спустя приняли эпические формы (легенда о Белгородском киселе, о Никите Кожемяке и др.). Для обороны от печенегов был построен ряд крепостей по южному рубежу Киевской Руси. По южным и юго-восточным границам тогдашней Руси, на правой и левой стороне Днепра, выведены были ряды земляных окопов и сторожевых «застав», чтобы сдерживать нападения кочевников. По свидетельству византийского

императора Константина VII Багрянородного, печенеги кочевали на расстоянии одного дня пути от Руси.

В 1006—1007 гг. через Киев проезжал немецкий миссионер Бруно Кверфуртский, направляясь к печенегам для проповеди Евангелия. Он остановился погостить у князя Владимира, которого в письме к императору Генриху II называет сеньором руссов (лат. *senior Ruzogum*). Князь Владимир уговаривал миссионера не ездить к печенегам, говоря, что у них он не найдёт душ для спасения, а скорее сам погибнет позорною смертью. Князь не мог уговорить Бруно и вызвался проводить его со своей дружиной (лат. *cum exercitu*) до границ своей земли, «которые он со всех сторон оградил крепким частоколом на весьма большом протяжении по причине скитающихся около них неприятелей». Вероятно, Бруно говорил про Змиевы валы, длина которых в Киевской области составляет около 800 километров.

Законодательство и чеканка монеты

Все законы Владимир принимал при согласовании со своим советом, который состоял из его дружины (военных начальников) и старейшин, представителей разных городов. Званы были вместе с боярами и посадниками и «старейшины по всем градом».

Большие города были устроены по-военному, образовали каждый цельный организованный полк, называвшийся тысячей, которая подразделялась на сотни и десятки. Тысячей командовал выбиравшийся городом, а потом назначаемый князем тысяцкий, сотнями и десятками также выборные сотские и десятские.

Старцы, или старейшины, городские являются об руку с князем, вместе с боярами, в делах управления, как и при всех придворных торжествах, образуя как бы земскую аристократию рядом с княжеской служилой.

Владимиру приписывается «Церковный устав», определяющий компетенцию церковных судов. Долгое время считался подделкой XIII в., ныне возобладала точка зрения, согласно которой это подлинный устав Владимира, но с позднейшими добавлениями и искажениями.

По летописи, Владимир поначалу и согласился с представлениями херсонесского духовенства о необходимости смертной казни, но потом, посоветовавшись с боярами и городскими старцами, установил наказывать преступников по старому обычаю, вирой. Некоторые исследователи считают, что Владимир пытался изменить порядок престолонаследия; см. ниже.

Владимир начал также чеканку монеты — золотой («златников») и серебряной («сребреников»), воспроизводившей византийские образцы того времени. На большинстве монет Владимира изображён князь, сидящий на престоле, и надпись:

«Владимѣрь на столѣ» (Владимир на престоле); есть варианты с погрудным изображением (см. рисунок) и другим текстом легенды, в частности, на некоторых вариантах сребреников указано имя святого Василия, в честь которого Владимир был назван в крещении. Судя по неполногласной форме слов (не Володимѣрь, а Владимѣрь; не золото, а злато), монетные мастера были бол-

гарами. Златники и сребреники стали первыми монетами, выпущенными на территории Руси. Только на них сохранились прижизненные символические изображения князя Владимира, человека с небольшой бородой и длинными усами.

По монетам известен и княжеский знак Владимира — знаменитый Тризуб, принятый в XX в. Украиной в качестве государственного герба. Выпуск монеты был обусловлен не действительными экономическими потребностями — Русь прекрасно обслуживалась византийской и арабской золотой и серебряной монетой, — а политическими целями: монета служила дополнительным знаком суверенитета христианского государя.

Культурно-социальная политика

Времена Владимира ознаменованы началом распространения грамотности на Руси — что связано с Крещением. Как и многие другие прогрессивные реформы, проводилась она насильственно:

«Посылал он собирать у лучших людей детей и отдавать их в обучение книжное. Матери же детей этих плакали о них; ибо не утвердились ещё они в вере и плакали о них как о мёртвых».

Учителями выступали не столько византийцы, сколько болгары, в том числе учившиеся на Афоне. Через поколение на Руси выросли уже замечательные мастера слова и знатоки литературы, такие, как один из первых русских писателей митрополит Иларион.

При Владимире начинается масштабное каменное строительство на Руси, хотя первые сохранившиеся постройки относятся ко времени его сына Ярослава. Заложены города Владимир-на-Клязьме (990 г.), Белгород (991 г.), Переяславль (992 г.) и многие другие.

Киевлян Владимир щедро угощал на пирах каждое воскресенье, даже, по преданию, приказал развозить на телегах еду и питьё для немощных и больных. Особое внимание оказывал дружине, с которой советовался о делах государственных и военных, ни в чём ей не отказывал, говоря: «Серебром и золотом не найду себе дружины, а с дружиною добуду серебро и золото, как дед мой и отец мой с дружиною доискались золота и серебра.»

Семья и дети

Владимир был до крещения известен как «великий распутник» (лат. *fornicator maximus*, по словам немецкого хрониста Титмара Мерзебургского), имевший несколько сот наложниц в Киеве и в загородной резиденции Берестове. Помимо этого он состоял в нескольких официальных языческих браках, в частности, с уже упоминавшейся Рогнедой, с «чехиной» (на союз с Чехией он, по некоторым данным, опирался в борьбе с Ярополком, союзником германского императора) и «болгарыней» (из волжских или дунайских болгар — неизвестно; по одной из версий, это была дочь царя дунайских болгар Петра, а Борис и Глеб были детьми от неё). Кроме того, Владимир сделал наложницей вдову своего брата Ярополка, греческую монахиню, похищенную Святославом во время одного из походов. Вскоре она родила сына Святополка, кото-

рый считался «от двух отцов»; Владимир рассматривал его как своего законного наследника, в то время как сам Святополк, по косвенным данным, считал себя сыном Ярополка, а Владимира — узурпатором.

После крещения Владимир состоял предположительно в двух последовательных христианских браках — с византийской царевной Анной и, после её смерти в 1011, с неизвестной «мачехой Ярослава», попавшей в плен к Святополку в 1018 году.

Дети (всего 13 сыновей и не менее 10 дочерей):

От «чехини» (по «Саге об Олаве сыне Трюггви» — Аллогии, по Татищеву — варяжки Оловы):

- Вышеслав, князь новгородский, старший сын Владимира. Умер до смерти отца.

От княгини Юлии, вдовы Ярополка Святославича (жена с ок.978):

- Святополк Окаянный, князь туровский, затем киевский. Возможно был сыном не Владимира, а Ярополка Святославича, но Владимир признал его своим сыном.

От Рогнеды, дочери полоцкого князя Рогволода (жена с ок. 977):

- Изяслав, князь полоцкий. Летопись содержит красочный рассказ о том, как маленький Изяслав вступился за мать, покусившуюся на жизнь Владимира, и был отправлен с ней на удел в Полоцк. Умер также при жизни отца, молодым, в 1001 году. Родоначальник полоцкой ветви Рюриковичей.

- Мстислав; если он упоминается в некоторых версиях списка сыновей Владимира не по ошибке (имя Мстислава повторено дважды, см. ниже), то, скорее всего, умер в младенчестве.

- Ярослав Мудрый, князь ростовский, после смерти Вышеслава — новгородский, после победы над Святополком — киевский.

- Всеволод, князь Владимира-Волынский, иногда отождествляется с «Виссивальдом, конунгом из Гардарики», погибшим в Швеции в 993 году.

- Предслава, сделана наложницей польским князем Болеславом I Храбрым.

- Премислава (ум. 1015), по некоторым источникам с 1000 г. жена венгерского принца Владислава (Ласло) Лысого (ум. 1029).

- Мстислава, в 1018 г. среди других дочерей Владимира была захвачена польским князем Болеславом I Храбрым.

От Адельи (по поздним, не вполне надёжным данным):

- Мстислав Тмутараканский, князь тмутараканский и черниговский, после успешной войны с Ярославом правитель половины Руси; умер в 1036, не оставив наследников.

- Станислав, князь смоленский (сведения об уделе Станислава не вполне надёжны).

- Судислав, князь псковский, в 1024—1059 в заточении, умер в 1063, пережив всех братьев.

От Мальфриды (по поздним данным):

- Святослав, (ум. 1015), князь древлянский.

От царевны Анны (двоюродная сестра императоров Василия и Константина) «болгарыня»:

- Борис, князь ростовский.
- Глеб, князь муромский.

Неизвестно, от какой жены:

- Позвизд, судя по языческому имени родился до крещения Владимира.
- Добронега-Мария (ум. 1087) (скорее всего она была дочерью от второго христианского брака) — стала женой короля Польши Казимира I.

Кроме того, у Владимира было ещё несколько дочерей, неизвестных по имени. Всего дочерей Владимира на 1018 г. было в живых не менее девяти, как мы знаем из хроники Титмара. Точная судьба всех их неизвестна.

Польский историк Анджей Поппэ выдвинул весьма правдоподобную гипотезу, что жена новгородского посадника Остромира Феофана была дочерью Владимира I Святославича и Анны Византийской. Кроме того, возможно, дочерью Владимира была жена маркграфа Северной марки Бернхарда II Младшего фон Хальдеслебена (ум. 1044) и мать маркграфа Вильгельма (ум. 1056).

Последние годы

В последние годы жизни Владимир, вероятно, собирался изменить принцип престолонаследия и завещать власть любимому сыну Борису. Во всяком случае, именно Борису он доверил свою дружину. Двое старших из оставшихся в живых сыновей — Святополк туровский и Ярослав новгородский — почти одновременно восстали против отца в 1014 году. Поэтому, когда Владимир скончался от болезни в загородной резиденции Берестове 15 июля 1015, окружающие скрыли его смерть. Дело в том, что Святополк находился в Киеве: он не должен был узнать об этом раньше горожан, иначе попытался бы узурпировать власть. Тело князя, обернутое ковром, тайно вывезли ночью на санях и привезли в Киевскую Десятинную церковь, где он и был похоронен; мраморные саркофаги Владимира и его жены стояли посередине храма. Десятинная церковь разрушена монголами в 1240 году.

В 1632—36 гг. в Киеве при разборе руин были обнаружены старые саркофаги, принятые митрополитом Петром Могилой за погребения Владимира и Анны, а затем после извлечения останков закопаны вновь. Идентификация гробницы (или гробниц) была произведена по надписи, которая однако явно позднего происхождения и содержит фактические противоречия (датировка от Рождества Христова и т. п.). Место погребения было заново раскопано Н. Е. Ефимовым в 1826, действительно были найдены саркофаги, но не соответствующие описанию XVII века.

Останки (мощи), извлечённые из захоронения, были розданы в киевские и московский соборы и к настоящему времени оказались утрачены. Современные исследователи сомневаются в том, что это действительно были раки Владимира и Анны.

Память о Владимире Крестителе

Точных данных о начале церковного почитания (и формальной канонизации, если такая была) князя Владимира нет. Возможно, Владимир первоначально поминался вместе со своими сыновьями, святыми Борисом и Глебом. По косвенным данным, уже в первые годы после его смерти возникла агиографическая традиция, уподоблявшая князя апостолу Павлу, причём житийные рассказы об обращении Владимира (ослепшего и чудесным образом исцелившегося по молитвам христиан) встречаются и в западноевропейских памятниках этого времени. Уже в «Похвале кагану Владимиру» митрополит Иларион именуется князя «блаженным» («О блаженный и троблаженный княже Володимѣрь, благовѣрне, и христорлюбиве, и страннолюбче, мѣзда твоа многа предъ Богомь!»), хотя историки церкви признают его слова скорее пожеланием канонизации нежели свершившимся фактом.

Согласно сербским Прологам XIV века, восходящим к древнерусским оригиналам середины XII века, официальное признание Владимира святым к середине XII века ещё не состоялось. Русские летописи также умалчивают о канонизации Владимира Крестителя.

Первые надёжные сведения об официальном почитании Владимира как святого равноапостола относятся к XIV веку: все Прологи и богослужебные книги того времени имеют память св. Владимира под 15 июля. Ряд исследователей выдвигал гипотезу, что начало почитания могло быть связано с победой новгородцев в Невской битве (1240 г.), которая произошла 15 июля, но во многих древних списках жития Александра Невского (ум. 1263) в перечне святых дня Невской битвы как раз отсутствует имя Владимира. Вероятно, канонизация могла состояться во 2-й половине XIII века, так как именно этим периодом времени датируется Пролог с вставкой из проложного жития святого Владимира.

В 1635 митрополит Киевский Петр Могила обрёл мощи Владимира из руин Десятинной церкви, что полагает начало почитанию его останков.

Внимание к дню памяти св. Владимира было привлечено церковно-общественными торжествами по случаю 900-летия Крещения Руси в 1888. Указом Святейшего Синода 1888, «для запечатления навсегда в благоговейной памяти православных чад русской Церкви имени Просветителя русского народа», день памяти св. Владимира определено отнести к праздникам, имеющим в Уставе знак креста в полукруге — «имже бдение совершается»; до того полагалась полиелейная служба. Тогда же строятся в России Князь-Владимирские храмы, наиболее замечательный из которых — Владимирский собор в Киеве.

В русской эмиграции церковное почитание князя в условиях начавшейся в 1929 году в СССР тотальной ликвидации организованной церковности приобрело определённое политическое звучание; 18/31 декабря 1929 года Архиерейский Синод (Русская Зарубежная Церковь), по докладу митрополита Антония (Храповицкого), постановил «установить день Св. Равноапостольного Князя Владимира, Просветителя Руси, (15 июля ст. ст.) общим русским церковно-национальным праздником и просить архипастырей и пастырей Русской Православной Зарубежной Церкви в этот день особенно отметить зна-

чение русской православной культуры и в церковной и государственной жизни русского государства. <...>»

Поскольку князь Владимир жил до раскола христианской церкви (схизмы 1054), он почитается и католиками.

Русская Церковь совершает его память в день его преставления — 15 июля по Юлианскому календарю. В тот же день, 28 июля по Григорианскому календарю, празднуют её римокатолики; св. Владимир считается покровителем украинских и российских католиков.

С 2002 года Святой Равноапостольный Великий Князь Владимир считается небесным покровителем внутренних войск МВД России. Его образ освящён в Главной иконе внутренних войск, которая хранится в Преображенской церкви Храма Христа Спасителя. Начинание по обретению внутренними войсками МВД России особо почитаемой иконы и святых покровителей воинских коллективов благословлено Патриархом Московским и всея Руси Алексием II.

24 июня 2008 года на Архиерейском Соборе РПЦ Патриарх Алексий II в своём докладе сказал: «Сегодня в общецерковном календаре день 15/28 июля, когда мы чтим память равноапостольного князя Владимира, „идолы поправшаго и всю Российскую землю Святым Крещением просветившаго“ (величание святому), даже не выделен красным цветом и рассматривается как „средний“ праздник. А ведь Крещение Руси, совершённое святым князем, духовным вождём нашего народа и героем наших народных былин, стало величайшим событием отечественной истории, без которого не родилось бы в ней всё лучшее и возвышенное, что неразрывно связано с православной верой. Полагаю, что день великого князя Владимира надо и отмечать как великий праздник.»

Былинный и фольклорный образ

В былинах известен под именем Владимира Красно Солнышко, «ласкового князя Владимира». Ко времени его правления относятся подвиги трёх богатырей. Типичный образ князя Владимира в былинах — собирательный: в нём объединены черты некоторых более поздних правителей, а историческая достоверность, возможно, искажена.

Парные образы Владимира (в крещении - Василия) и его матери Малуши представлены в украинских святочных фольклорных фигурах Василия и Маланки (Меланки, Миланки). В церковном календаре день св. Мелании завершает годовой круг, день св. Василия его начинает. Это календарное обстоятельство сблизило в народном воображении святого Василия Великого и преподобную Меланию римлянку, превратив их в стойку фольклорную пару, сохранив не только упоминания о реальных исторических персонажах (Владимире и Малуше), но и целый ряд деталей, которые отражают правовые нормы Хв. и характеризуют тогдашний быт

Города, памятники, ордена

- Владимир основал в 990 году и назвал в честь себя город Владимир, ныне областной центр Российской Федерации.
- В X веке имя Владимира приобрёл город Владимир-Волынский, ныне в Волынской области Украины.
- В 1782 году императрица Екатерина II учредила Императорский орден Святого равноапостольного Князя Владимира в 4 степенях.
- В 1853 году князю Владимиру был поставлен памятник в Киеве. Первоначально идея, родившаяся в окружении киевского генерал-губернатора Дмитрия Бибикова, воздвигнуть памятник князю Владимиру на пустой высокой горе над новым центром города — Крещатиком, вызвала возражения Киевского митрополита Филарета (Амфитеатрова)[40].
- В 1957 году Русская православная церковь учредила орден Святого равноапостольного великого князя Владимира в 3 степенях.
- В 1999 году в Белгороде открыт памятник святому равноапостольному князю Владимиру-крестителю Руси. Скульптор Клык В. М. Высота памятника равняется 22 метрам.
- В 2007 году во Владимире открыт памятник Владимиру Святому и епископу Суздальскому Феодору работы скульптора Сергея Исакова.
- В 2010 году в г. Коростень открыт памятник юному князю Владимиру и его матери Малуше.

Владимир Святославич, великий князь киевский

(в крещении Василий) - чтимый православной церковью за крещение Руси святым и равноапостольным вел. кн. киевский, сын Святослава Игоревича от Малуши, ключницы св. Ольги, род. в начале второй половины X в. Летописные сказания о нем, как и вообще о первых Рюриковичах, как записанные позднее изображаемых ими событий в своих подробностях носят на себе легендарный характер или представляют как действительный факт догадки летописца о том, как должно было совершиться то или другое событие. Собираясь окончательно завоевать дунайскую Болгарию и навсегда поселиться в ней, вел. кн. Святослав разделил свою землю между сыновьями своими, которых оставлял на Руси как бы своими наместниками (970). Владимиру достался Новгород; он был обязан этим благодаря дяде своему по матери, Добрыне (см. это имя), с которым и отправился на новгородское княжение. В 972 г. Святослав убит был печенегами. В 977 г. вел. кн. Ярополк рассорился с братом, Олегом древлянским, который в этой ссоре погиб, а удел его взят Ярополком. Владимир, опасаясь властолюбивых стремлений брата, вместе с дядей бежал в Швецию, откуда года через два (979 г.) возвратился с варяжской дружиной в Новгород, занятый после его бегства наместниками Ярополка. Подкрепленный новгородским войском, В. выступил против Ярополка.

ка, известив, что идет на него. По пути к Киеву В. подошел к Полоцку, где княжил Рогволод. Дочь последнего Рогнеда была уже сговорена за Ярополка, но В. вознамерился взять ее в жены. Ответ Рогнеды на предложение В., что она "не разует сына робичича", т. е. не выйдет замуж за сына рабыня, должен был оскорбить не только князя, но и Добрыню, как брата Владимировой матери. За этим отказом последовало взятие В. Полоцка, убиение Рогволода и двух сыновей его, а Рогнеду В. взял себе в жены насильно. Заняв Киев, В. осадил Ярополка в Родне; вскоре Ярополк был убит в отцовском киевском дворце (980). Варяги, с помощью которых В. стал единым князем, требовали в дань себе с каждого жителя по две гривны, но скоро увидели невозможность добиться чего-нибудь от князя, хотя бы силою; они просили отпустить их в Грецию, и В. исполнил их просьбу, предупредив императора, чтобы он ни в каком случае не позволял им возвращаться в Русь. Говоря о первых годах княжения Владимира, летописец выставляет на вид его ревность к языческой религии, его женолюбие и воинственность. На холме близ теремного дворца он поставил новый истукан Перуна с серебряною головою и идолы других божеств. То же делал в Новгороде дядя его, Добрыня. Кроме нескольких жен, Владимир, по словам летописца, имел до 800 наложниц. Во второй год по своему княжению (981) Владимир воевал с польским королем Мечиславом, взял Червень близ Хелма, Перемышль, Туров и др. города, известные под именем червенских (ныне Галиция). Радимичи, жившие по р. Сожи, и вятичи, жители берегов Оки и ее притоков, хотели отложиться от В., но были укрощены. Почти одновременно В. подчинил дани страну ятвягов, народа дикого, жившего в лесах и болотах нынешней Гродненской губернии. В благодарность за победы В. принес богам человеческие жертвы (см. св. Иоанн и Феодор - варяги). В 985 г. В. предпринял поход на камско-волжских болгар, богатый торговый народ. С Добрыней и новгородцами он отправился на судах вниз по Волге, а берегом шли его наемники или союзники, конные торки, в первый раз упоминаемые летописью. В. победил болгар и заключил с ними мирный договор, который обе стороны клялись не нарушать или тогда только нарушить, когда камень станет плавать, а хмель тонуть на воде. В 988 г. В. принял христианство. Рассказ об обстоятельствах, предшествовавших этому событию и сопровождавших его, не лишен вымыслов. В летописном повествовании об испытании вер слишком резко бросается в глаза восточно-христианская эрудиция, народившаяся после разделения церквей; взятие Корсуня, или Херсонеса, греческого города на юго-западном берегу Крыма, носит легендарный характер. Несомненно, что В. крестился в Корсуне и в то же время вступил в брак с греческой царевной Анной, сестрой императоров Василия и Константина. Из Корсуни он вывез первых духовных и необходимые принадлежности для богослужения. В Киеве В. крестил детей и народ. Последний крестился в Днепре, без явного сопротивления. Это зависело частью от того, что христианство уже не было новостью в Киеве, где еще при дяде В. был храм пророка Илии, а главным образом от того, что язычество русских славян не успело образовать правильной системы и не имело ни храмов, ни определенного сословия жрецов. Более живучести оказало языче-

ство на севере, по соседству с финскими племенами, в Новгороде (см. Богомил и Добрыня), в Ростово-Суздальской земле (см. Ян Вышатич) и в Муромской (см. Константин св., муромский чудотворец).

В. деятельно занимался распространением христианской веры в подвластных ему землях: строил храмы, снабжал их утварью и т. д. В самом Киеве он построил церковь св. Василия и церковь Богородицы "Десятинную", названную так потому, что на содержание ее и ее духовенства шла десятая часть княжеских доходов. В Киеве и других городах он приказал брать у знатных граждан детей в обучение грамоте. Летописец говорит, что матери, провожая детей в школы, плакали о них, как о мертвых. Сам В. после крещения является под пером летописца преобразившимся, благодушным, проникнутым духом христианской любви. По сказанию летописца, он хотя сначала и согласился с представлениями духовных, вывезенных из Корсуня, о необходимости казнить злодеев, но потом, посоветовавшись с боярами и городскими старцами, установил наказывать преступников по старому обычаю, вирую. В. отличался племенной славянской веселостью: любил пиры и празднества, стараясь примирить эти удовольствия с требованиями христианской морали. Пиршества обыкновенно устраивались в дни больших церковных праздников или по случаю освящения храмов, и князь пировал в такие дни не с одними боярами: он созывал людей отовсюду, кормил и поил их, приказывал развозить пищу и питье по городу для тех, которые почему-либо лично не могли явиться на княжий двор. В то время Русь сильно беспокоили печенеги. Чтобы обезопасить от них Русь, В. строил новые города по рекам Десне, Остеру, Трубежу, Стугне, и населял их новгородскими славянами, кривичами, вятичами, даже чудью; укрепил стеной киевский Белгород, куда перевел многих жителей из других городов. В 993 г. В. воевал с хорватами, жившими по соседству с Галицией и Седмиградской областью. В том же году на Русь пришли печенеги, с которыми В. встретился на р. Трубеже. Эта встреча украшена в летописи поэтическим сказанием о поединке печенежского богатыря с киевским кожемякой, решившим дело в пользу русских. В 996 г. печенеги подступили к Василеву на р. Стугне; жизни В. угрожала при этом большая опасность (см. Васильков). Под 997 г. находим в летописи легендарное сказание об осаде печенегами Белгорода. К последним годам жизни В. наши историки приурочивают войну его с норвежским принцем Эриком, о которой говорит исландский летописец Стурлезон.

За год до смерти В. огорчен был сыном своим Ярославом, на которого собирався уже идти с войском. Но болезнь, а потом нападение печенегов на Русь задержали его. Среди приготовлений к походу на Новгород В. ум. в любимом селе своем Берестове 15 июля 1015 г. Бояре сначала скрывали смерть В., потому что он не сделал распоряжения относительно преемника себе. Тело его погребено в Киеве в Десятинной церкви. У В. было от пяти жен 11 сыновей: Вышеслав, Изяслав, Ярослав, Всеволод, Мстислав, Станислав, Святослав, Борис, Глеб, Позвизд, Судислав; двенадцатый, Святополк, был собственно

сыном Ярополка. Матерью Бориса и Глеба считают княжну болгарскую, которую некоторые известия называют Милоликой; по другим известиям, они были детьми греческой царевны Анны Романовны, но по более достоверным сведениям, она имела только дочь, Марию-Доброгнуву, бывшую за польским королем Казимиром I. См. "Полн. собр. лет.", т. I-X и XV, под всеми упоминаемыми в статье годами, и литературу по поводу 900-летия крещения Руси.

А. Э.

{Брокгауз}

Владимир Святой

- сын киев. князя Святослава Игоревича. Дошедшие до нас летописи, повествующие о жизни и деятельности кн. Владимира, заключают в себе так много легенд и прямого вымысла, несомненно позднейшего происхождения, что представляется чрезвыч. трудным указать, где именно кончается сказка и где начинается истор. факт. Тем не менее можно считать установленным, что вся жизнь В. протекала почти в непрерывных воен. походах не только против сосед. народов. но и против рус. князей, не желавших признавать его своим старш. князем. Распря между В. и его братьями началась вслед за смертью их отца. Старший сын Святослава, Ярополк, желавший расширить свой киевский удел, напал на своего брата Олега, убил его и, захватив Древлянскую землю, двинулся на Новгород, принудив сидевшего там В. бежать за Балт. море. Через 2 г., набрав дружину из варягов, В. в свою очередь напал на Ярополка в Новгороде, прогнал его к Киеву, убил и сам занял великокняж. стол. Сделавшись вел. князем и объединив под своей властью все рус. земли, В. предпринял ряд походов на своих сев. и зап. соседей. Пока воевода его Волчий Хвост усмирал радимичей и вятичей, В. с чужеземн. ратью покорил литов. племя ятвягов, живших в будущей Гродненской губ., и отнял от Польши землю Червенских городов. Дядя В., Добрыня Никитич, с больш. успехом совершил поход на в., против болгар, населявших бассейн р. Камы. Одновр-но с этими походами В. приходилось принимать энергич. меры против печенегов, половцев, хазар и разных тюркских бродяч. племен, делавших опустошит. набеги на южн. границы рус. владений. Для защиты В. строил укреп. города и населял их частью пленниками, частью переселенцами из внутр. областей. Остатком таких укреплений в наст. время являются т. н. Змиевы валы. К концу X в. власть В. простиралась от Киева до Балтики и от Вислы до Камы. На юге граница владений В. проходила недалеко от Киева, как об этом свидетельствует Брунон, извест. миссионер, лично посетивший В. в Киеве. "В течение двух дней, - рассказывает он, - В. с войском провожал меня до самого крайнего предела своей страны, которую он оградил для защиты от кочевников весьма длинной и крепкой линией укреплений". Но не воен. походы и не борьба с соседями создали В. славу и бессмертие. С его именем ис-

тория связала введение и распространение на Руси христианства, этой крупнейшей культурной реформы. Ей предшествовала война с греками, во время которой В. потребовал, как одно из условий мира, греч. царевну Анну себе в жены. Получив согласие под условием принятия христианства, В. ознакомился с его сущностью и принял таковое по греч. обряду как лично, так и для своего народа. С принятием христианства В., по свидетельству летописей, совершенно преобразился. Воен. походы, охота, пиры с дружиной, чем была наполнена жизнь В. до крещения, заменились мирн. заботами о церквах, школах, суде и попечениями о благосостоянии народа. Князь-дружинник, типичный язычник, сделался образцов. семьянином и примерн. христианином. В. умер 15 июля 1015 г. в своем любимом с. Берестове. Правосл. церковь причислила его к лику святых.

{Воен. энц.}

Всеволод Большое Гнездо,

Всеволод-Дмитрий Юрьевич Большое Гнездо

(*Большое Гнездо*, т. е. отец многочисленного семейства) - сын Юрия Долгорукого; род. в 1154 г. В 1162 г., изгнанный из Суздальской земли вместе со старшими братьями Андреем Боголюбским, он с матерью (мачехой Андрея) уехал в Константинополь. В 1169 г. мы видим его в громадной рати Андрея, взявшей приступом Киев 8 марта. В. остался при дяде Глебе, которого Андрей посадил в Киеве. Глеб вскоре умер (1171 г.) и Киев занял Владимир дорогобужский. Но Андрей отдал его Роману Ростиславичу смоленскому, а потом брату своему Михалку торческому; последний сам не пошел в разоренный город, а послал туда брата В. Оскорбленные Ростиславичи ночью вошли в Киев и захватили В. (1173 г.). Вскоре Михалко выменял брата на Владимира Ярославича галицкого (1174 г.) и вместе с ним ходил, при войсках Андрея, на Киев, для изгнания из него Рюрика Ростиславича. В 1174 г. Андрей был убит, и Суздальская земля избрала в преемники ему старших племянников его Ярополка и Мстислава Ростиславичей, которые пригласили с собой и дядей своих, Михалка и Всеволода. Вскоре начались междоусобия. В 1175 г. Михалко умер, и владимирцы призвали к себе В., а ростовцы - Мстислава, и опять началось междоусобие. Верх взял В. По рязанским делам В. пришел в столкновение со Святославом Всеволодовичем черниговским, некогда радушно приютившим его. Святослав вторгся в Суздальскую область, но должен был удалиться в Новгород. В 1182 г. князья примирились, и Всеволод обратился на богатую, торговую Болгарию. Потеря любимого племянника, Изяслава Глебовича, остановила удачно начавшийся поход и парализовала энергию В.; заключив с болгарами мир, он возвратился во Владимир (1183 г.). Через три года он опять посылал на болгар войско, и воеводы его возвратились с добычей и пленниками. Половцы охотно служили В. за деньги, но в то же время часто беспокоили своими набегами южные владения его, особенно рязанские уkraine. В 1198 г. В. проник в глубину степей их и заставил их от реки Дона бежать к Черному морю. В 1206 г. сына его, Ярослава, Всеволод Чермный, князь черниговский, выгнал из южного Переяславля. Великий князь выступил в поход; в Москве к нему присоединился старший сын его, Константин, с новгородцами, а потом муромские и рязанские князья. Все думали, что пойдут на юг, но обманулись: В. донесли, что рязанские князья изменяют, дружат с черниговскими. Великий князь, позвав их на пир, приказал схватить их и в цепях отправил во Владимир; Пронск и Рязань были взяты; последняя выдала ему остальных своих князей, с их семействами. В. поставил здесь сначала своих наместников и тиунов, а потом - сына Ярослава. Но против последнего рязанцы возмутились, и В. опять подошел к Рязани с войском. Приказав жителям выйти из города, он сжег Рязань, а рязанцев расселил по Суздальской земле; той же участи подвергся Белгород (1208). Два рязанских князя, Изяслав Владимирович и Михаил Всеволодович, избегшие

плена, мстили В. опустошением окрестностей Москвы, но сын В., Юрий, разбил их наголову; те укрепились на берегах реки Пры (или Тепры), но В. вытеснил их и отсюда; затем, при посредстве митрополита Матвея, нарочно приезжавшего во Владимир, В. примирился с Ольговичами черниговскими и скрепил этот мир брачным союзом сына своего Юрия с дочерью Всеволода Чермного (1210). В. скончался в 1212 г. Детей он имел только от первого брака с Марией, княжной чешской, которую некоторые известия называют ясыней (из города Ясс), а именно: четырех дочерей и восьмерых сыновей: Константина, Бориса († в 1188 г.), Юрия, Ярослава, Глеба, Владимира, Ивана и Святослава.

А. Э.

{Брокгауз}

Гедимин,

Гедиминас (г. рожд. неизв.- ум. 1341), великий князь литовский с 1316. Вёл ожесточённую борьбу с нем. рыцарями, нанёс им ряд поражений (особенно сильное - под Пловцами в 1331). В 1322 заключил союз с князем Мазовии и в 1325- с королём Польши Владиславом Локетком, скрепив последний браком сына Владислава Казимира со своей дочерью Алдоной. Г., как и его предшественники, продолжал захват зап.-рус. земель. Вассалами Г. стали минский, лукомский, друцкий, берестейский, дрогичинский князья. На Волыни с 1340 княжил его сын Любарт. Г. препятствовал объединит. политике Моск. княжества, стремясь оторвать Псков и Новгород от Руси. В этой борьбе Г. опирался на союз с Тверью, скреплённый браком дочери Гедимина Марии с кн. Дмитрием Михайловичем (1320). Г. первым стал титуловать себя королём литовцев и русских. Поздняя традиция считает Г. основателем столицы Литвы Вильно (Вильнюс), к-рый впервые упоминается в его письмах 1323. Убит при осаде нем. крепости Баербург.

Лит.. 'Послания Гедимина, Вильнюс, 1966; Никитский А. И.. Кто был Гедимин?, Русская старина, 1871. кн. 8, т. 4; Пашуто В. Т., Образование литовского государства. М., 1959; (*Большая советская энциклопедия*)

Даниил Галицкий,

Даниил (Данила) Романович Галицкий

(1201-1264) - южно-русский князь, старший сын Романа Мстиславича, удельного Волынского и Галицкого князя, правнука Владимира Мономаха. После смерти Романа (1205) в Галицко-Волынском княжестве начинаются продолжительные смуты. Галицкие бояре, утесняемые Романом, стараются не допустить его сыновей до княжения и выдвигают своих претендентов, не давая однако утвердиться им на княжеском столе. Вследствие этих смут Даниил с братом Васильком жил в Польше до 1214, когда ему был возвращен родовой удел. Первоначально княжество Даниила состояло только из восточной половины Волыни с гор. Владимиром-Волынским. Постепенно Даниил подчинил себе Зап. Волынь, приобрел Галич с его волостью, покорил пинских князей, захватил Киев (1236), усмирил галицкое боярство и сделался наиболее могущественным среди феодалов князей. Дальнейшему возвышению Даниила положило конец татарское нашествие. В 1240 татары взяли и разрушили Киев; продвигаясь далее, они обратили в развалины Владимир-Волынский, Галич и др. города. Даниил вынужден был признать себя татарским данником. Однако он не отказался от борьбы с татарами и выдвинул план христианской лиги для борьбы с ними, вошел в сношение с римским папой (1246), который прислал ему королевский венец (1255), сблизился с венгерским королем и польскими князьями. Реальной помощи от Запада Даниил не получил. Зависимость его от Золотой Орды была значительно меньше, чем северно-русских князей, но Поднепровье навсегда ушло из его власти. Эпоха княжения Даниила - расцвет Галицкого княжества. Центральным пунктом княжества становится г. Холм, основанный Даниилом. По призыву Даниила в его владения из местностей, разоренных татарами, бежали всякого рода ремесленники и художники, шли поляки, немцы, евреи и армяне. Промышленность и торговля находили себе покровительство у Даниила, которого летописи изображают как выдающегося полководца и хорошего дипломата.

Даниил Романович Галицкий

(1201-1264) - один из замечательнейших удельн. князей и выдающихся полководцев древн. Руси; сын кн. Волынского и Галицкого Романа Мстиславовича, правнука Мономаха, Д. остался после смерти отца 4-х л. и едва не погиб в удельн. усобицах; мать еле спасла его, увезя в Польшу к кн. Лешку. Затем малолет. Д. был отправлен к венгер. кор. Андрею, другу отца его, и воспитывался при его дворе. 12-ти л. Д. был посажен боярами на Галицкий стол, но должен был вновь спасаться бегством в Польшу. В 1213 г. ему удалось получить Волынское княжество; Галич же достался сперва Коломану Вен-

герскому, потом - Мстиславу Удалому, потом - вновь Коломану. Боев. крещение Д. получил в войне с поляками и венграми, веденной им в союзе с Мстиславом Уд., причем юный князь выказал больш. мужество. В 1224 г. Д. в битве на р. Калке был ранен в грудь. После ряда удач. войн и походов против князей пинских, северских и черниговских - в 1228 г., поляков - в 1229 г. и венгров в 1229-1230 гг. Д. овладел Галичем, который у него потом неоднократно оспаривали и венгры, и кн. Михаил Черниговский, и половцы (разбившие его при Торческе в 1234 г.). Подчинив себе в 1236 г. Киев. Д. стал самым могуществ. князем и благодаря своим дипломат. и воен. качествам и госуд. уму, сделался "собирателем" рус. земли. Но нашествие татар разорило все города и веси Д., и он был вынужден бежать в Венгрию. После ухода татар Д. пришлось заняться восстановлением городов, бороться с мятеж. галиц. боярами и, наконец, надо было вести войну с черниг. князьями и венграми, окончившуюся блестящ. победой Д. при Ярославле (1249). Д. хотя и вернул свое прежнее могущество, но не решился вступить в борьбу с Батыем и, когда тот в 1250 г. пригрозил ему новым нашествием, Д. пришлось поехать в Орду и признать себя данником хана. В 1252 г. Д. вместе с венграми совершил поход против Оттокара Чешского, когда рус. дружины впервые дошли до Вены. Мечтая организовать крест. поход против татар, Д. завел переговоры с папой Иннокентием IV, добился от него издания двух булл, призывавших христиан Вост. Европы против татар, и в 1255 г. получил от папы королев. венеч. Однако крест. поход не состоялся, и Д. один начал войну с татарами. Сперва, действуя против татар. темника Куремсы, Д. до 1260 г. имел частн. успех, но затем, когда Куремсу заменил Бурундой с огром. войском, Д. пришлось смириться. Весьма успешными были действия Д. против Литвы, которую он побеждал много раз. Д. погребен в своем любимом городе Холме, в церкви Богородицы. Среди соврем. ему князей, кроме воен. и дипломат. талантов, Д. выделялся больш. умом, тактом, рыцар. достоинством и дальновидностью. (*Дашкевич. Княжение Д. Галицкого; Соловьев. Д. Галицкий. Современник. 1847; Костомаров. Рус. история в жизнеописаниях. Д. Галицкий; Андрияшев. Оч. истории Волын. земли до конца XIV в. Киев. 1887).*

{Воен. энц.}

Даниил Романович, Галицкий

- старший сын удельного князя Волынского и Галицкого Романа Мстиславовича, правнука Мономаха, родился в 1201 г. В 1205 г. Роман поссорился с польским князем Лешком, с которым до того времени жил дружно, и предпринял поход в Польшу, но в сражении при Завихвосте на Висле был убит. После него остались вдова и малолетние сыновья Даниил и Василько. На первых порах как население родового удела (Волыни), так и галичане признали князем Даниила, причем до его совершеннолетия управлять должны были во Владимире-Волынской дядька малолетнего князя Мирослав, а в Гали-

че народное вече или, вернее, несколько бояр и богачей, влиявших на вече по своему произволу. Между тем Рюрик Ростиславович Киевский, которого Роман в 1203 г. лишил удела и постриг в монахи, снял монашеское одеяние, снова овладел киевским престолом и, соединившись с князьями черниговскими, а также с половцами, предпринял покорение всего наследия Романа. Вдовствующая княгиня галицкая, не полагаясь на верность галичан, обратилась под защиту Андрея, короля венгерского, с которым Роман Мстиславович однажды побратался. Король действительно заступился за Романовичей и, повидавшись с княгиней в Саноке, послал сильное венгерское войско против Рюрика. Половцы тотчас же покинули союзных князей, а Рюрик и черниговские князья принуждены были отступить. Но как только венгерские войска ушли из Галича, война возобновилась. На этот раз к Рюрику пристали, кроме прежних союзников, князь смоленский и берендеи. В самом Галиче вспыхнуло восстание бояр, враждебных дому Романа. Вдобавок с поляками все еще не был заключен мир, и следовало ожидать, что князь Лешко прикнет к союзникам. В таком стесненном положении княгиня снова обратилась к покровительству короля Андрея, но тот не мог ей своевременно помочь, потому что сам был стеснен внутренними раздорами в Венгрии, и вдова с детьми принуждена была бежать во Владимир-Волынский. Вскоре и это убежище оказалось ненадежным: во главе восставших галичан был боярин Володислав, изгнанный когда-то Романом и спознавшийся в земле северской с Игоревичами; он подал мысль позвать этих князей, а когда они отделились от отца и прибыли в Галич, старший, Владимир Игоревич, был посажен на галицком столе, второму, Роману Игоревичу, дали Звенигород, а третьему, Святославу Игоревичу, решено было отдать Владимир-Волынский. Довольный таким решением галичан, Игорь со своими союзниками, приостановился в походе, и волынцам было послано сказать: "Выдайте нам Романовичей и примите князем Святослава, а то города вашего на свете не будет". Узнав об этом, вдова с детьми и с дядькою Мирославом бежала ночью через пролом в городской стене и, не зная где искать защиты, прибегла к покровительству польского князя Лешка, с которым велась еще война. Лешко принял ее с рыцарским великодушием и вместе с ее младшим сыном Васильком оставил ее у себя, а старшего, Даниила, отправил к королю Андрею, побуждая того вторично вступить за Романовичей. Но Андрей, задобренный Игоревичами, отказался от вмешательства, и Даниил остался воспитываться при его дворе. Васильку Лешко отдал в лен Брест, куда и перебралась вдова Романа со своим младшим сыном.

Вскоре между Игоревичами начались междоусобия, в которых приняли участие венгры и поляки. Во Владимире-Волынском утвердился (вместо Святослава) Александр Всеволодович, племянник Романа и тесть Лешки. Галич переходил из рук в руки. В конце концов это надоело галицким боярам: они выпросили у Андрея малолетнего Даниила и вторично посадили на галицком столе, а Игоревичей схватили и повесили. С этого времени неурядицы в Галиче только усилились. Двенадцати лет от роду Даниил должен был бежать

от хотевших его убить заговорщиков к матери, в Бельз. На галицком столе короткое время побыл Мстислав Пересопницкий, потом вокняжился боярин Володислав, убийца Игоревичей; но Мстислав был прогнан, а Володислава Лешко взял в плен и заточил. Тогда по уговору короля Андрея и Лешка на галицкий престол был возведен королевич венгерский Коломан, обрученный с трехлетней дочерью Лешка, а Даниилу был возвращен его родовой удел - Волынский, из коего Александр был изгнан (1214). В следующем году Галичем овладел Мстислав Удалой, который выгнал юного Коломана и сам уселся на галицком столе, а дочь свою Анну обручил с Даниилом. По-видимому и это было устроено беспокойным Лешком. Но вскоре Мстислав поссорился с ним и в союзе с юным Даниилом начал трудную войну против соединившихся поляков и венгерцев. В этой войне Даниил сам предводительствовал волынской дружиной и выказал столько мужества, что внушил уважение всем противникам.

В 1116 г. Мстислав ушел в Новгород, а Даниил помирился с Лешком, причем удержал за собою Берестье, Угровеск, Верещин, Столпье, Комов и всю польскую "Украину", но Галича не получил: Галич снова достался Коломану.

Восемь лет спустя (1224 г.) Даниил участвовал в битве при Калке и был ранен в грудь. Вернувшись домой, он снова начал расширять свой родовой удел и подчинил себе Луцк, а у пинских князей отнял Чарторыйск. В 1228 г., по смерти Мстислава Удалого, он овладел всем Понизьем. Тогда против него соединились князья: пинские, северские и черниговские, позвавшие с собою и половцев. Но Даниил вовремя узнал о их намерениях и вступил в союз с поляками, а затем переманил на свою сторону и предводителя половцев Котяна. Нашествие было отбито, и при этом Даниил выказал столько великодушия к побежденным, что сделал из них себе друзей. С этого времени во всех поступках Даниила заметна необыкновенная для того времени дипломатическая ловкость и начинается его быстрое возвышение. В 1259 г. был убит Лешко, и Даниил явился уже покровителем брата Лешки, Конрада, против Владислава Опольского. В эту войну его победоносные дружины доходили до Калиша. На возвратном пути, воспользовавшись приглашением нескольких недовольных венграми галичан, он осадил Галич и, взяв город измором, сел на галицкий престол. При этом, верный своему дипломатическому такту, он придал вид, что только повинуетя желанию "всей земли галицкой" и отпустил королевича с честью. Тем не менее венгры под предводительством Коломанова брата, Белы, подступили к Галичу и начали продолжительную осаду. Но счастье благоприятствовало Даниилу: стояли непрерывные дожди, и в венгерском войске распространились такие болезни, что им пришлось снять осаду, а на обратном пути домой, вследствие тех же дождей и разлития рек, венгерское войско еще более пострадало в Карпатах. Галичане преследовали отступавших и многих побили. В следующем же году, воспользовавшись внутренними раздорами среди галицких бояр, венгры снова пошли на Галич, на этот раз под предводительством самого Андрея. Даниил, покину-

тый галицкой дружиной, должен был бежать в Киев. Князем галицким был объявлен второй королевич венгерский, Андрей. Но не даром Даниил был мастер вести всякие переговоры. Ему удалось уговорить Владимира Киевского прийти к нему на помощь, а затем он переманил на свою сторону князя Александра Бельзского и многих галицких бояр. С ними он осадил Галич, а когда вскоре умер королевич Андрей, убедил галичан сдаться и снова принять его князем.

В 1234 г. Даниил успешно воевал черниговскую землю и владения князей бологовских, но на обратном пути при Торческе был разбит половцами, призванными его врагами. Тотчас же в Галиче вспыхнул мятеж, провозглашен был новый князь (Михаил Черниговский), и только через год Даниилу удалось снова овладеть ненадежным галицким престолом. С этого времени, не доверяя изменчивым галичанам, он поселился в основанном им городе Холме. В 1236 году, после смерти Владимира Рюриковича, Даниил подчинил своей власти Киев, после чего он стал самым могущественным государем среди славян и мог явиться объединителем Руси. В его руках объединенные русские силы вряд ли бы могли быть сломлены татарами. Но этому не суждено было осуществиться. Уже в следующем году татары, под предводительством Батыея, разорили рязанскую землю, потом сожгли Москву, а в 1238 г. истребили Владимир и разбили русскую рать на Сити. Болота и недостаток пастбищ спасли от татар новгородскую землю; но там, где татарам было чем кормить свой скот, они были неодолимы. В 1239 г. они разорили черниговскую землю и в первый раз подошли к Киеву, но, за поздним временем, не предприняли осады. В следующем году они подошли вторично и обложили Киев. Даниил предоставил оборону города тысяцкому Дмитрию. Он не надеялся спасти город и, кажется, даже вывел большую часть жителей, оставив только ратных людей. Сам же он отправился в Венгрию под предлогом сватовства сына, а главным образом, чтобы склонить короля к союзу против татар. Но он не знал изумительной быстроты движения Батыея: прежде, чем он успел вернуться, Киев, Владимир-Волынский, Галич и все прочие города его земли, за исключением неприступного Каменца, лежали в развалинах, а уцелевшие жители скрылись в лесах. Бороться не было возможности. Желая удалить татар из своих земель, а может быть, и досадуя на неоказавших ему помощи венгров, Даниил старался направить опустошителей на Запад, а пленный тысяцкий Дмитрий прямо посоветовал Батыею идти в Венгрию, пока венгры и немцы не соединились. Татары разделились на две части: одни пошли в Венгрию, другие в Силезию и Моравию. Через три года, убедившись в трудности войны вдали от необходимых им степей, они ушли назад, за Волгу.

Даниил и его семейство приютились у мазовецкого князя Болеслава, который предоставил изгнанникам город Вышгород. Когда татары ушли, Даниил занялся восстановлением городов и начал собирать разбежавшихся жителей, но ему сильно мешали смуты среди галицких бояр, которые продолжали свои

козни даже в такие тяжелые дни. Пришлось также воевать с бологовскими князьями, принявшими сторону татар, а потом с черниговским князем Ростиславом, который женился на дочери венгерского короля Белы и старался овладеть Галичем при помощи венгров. Война длилась до 1249 года и окончилась блестящей победой Даниила при Ярославле, после чего галицкий князь вернул себе почти такое же могущество, каким пользовался до нашествия татар, власти которых он все еще не признавал.

В 1250 г. Батый пригрозил Галичу новым нашествием, и, чтобы избавиться свои земли от такого зла, Даниил сам поехал в орду. Батый принял его с честью и обещался не трогать его владений, но с тем, чтоб Даниил признал себя его данником. В 1252 г. Даниил снова побывал в Венгрии, женил своего сына Романа на дочери Белы, вдове маркграфа Баденского (Гертруде), и вместе с венграми совершил поход против Оттокара в чешские земли. В этом походе русские дружины впервые доходили до Вены, но никакой существенной пользы от этой войны Даниил не получил. Удачнее были его походы против Литвы.

Еще до признания над собой власти Батыя, Даниил вошел в сношения с папою (1246 г.), побуждая Иннокентия IV провозгласить крестовый поход против татар. Эти сношения не прекратились и после того, как Даниил сделался данником татар. В горячем стремлении избавить Русь от покорителей, он повел речь о соединении церквей под властью папы, добился двух папских булл, призывавших христиан восточной Европы против татар и в 1255 г. принял от папы королевский венец, причем помазание было совершено в Дрогичине папским легатом. В том же году началась война с татарами. Но крестового похода не состоялось, и галицкий князь оказался против татар с одними собственными силами. Благодаря вялости татарского темника Куремсы, пять лет война тянулась с переменным счастьем; но в 1260 году на место Куремсы явился новый темник Бурандай с огромным войском, и Даниилу пришлось смириться, причем укрепления волынских и некоторых галицких городов были срыты, но других разорений побаивавшиеся Даниила татары себе не позволили. Ввиду высказанного папой бессилия поднять католическую Европу против татар, Даниил порвал всякие сношения с Римом и презрел угрозы папы, хотевшего отлучить его от церкви. Последней войной Даниила была война с Литвою, которая хотела воспользоваться разорением волынских крепостей. Литовцы были разбиты в чистом поле и прогнаны. В 1264 году Даниил Романович скончался от болезни в Холме и был там погребен в построенной им церкви Богородицы.

Даниил Галицкий был выдающийся полководец и хороший дипломат, хотя вел свои переговоры без криводушия, с рыцарским достоинством, умно и дальновидно. Во всех своих делах он находил верного помощника в беззаветно преданном ему брате Васильке Романовиче и опору в православном

духовенстве. Народ его любил, но бояре, несмотря на все его великодушие, относились к нему враждебно.

Ф.

{Половцов}

Даниил Московский,

Даниил Александрович

- младший сын Александра Невского, родоначальник князей московских (1261-1303), получил в удел Москву не позднее 1283 г. В 1283 г. с братом Андреем он действовал против старшего брата, вел. кн. Дмитрия. Когда великокняжеский стол занял Андрей, Д. действовал против него в союзе с племянником Иваном, кн. переяславским, и дядей Михаилом тверским (1296). В 1301 г. Д. ходил к Переяславлю и здесь в битве "некакою хитростью" взял в плен кн. рязанского Константина Романовича. В 1302 г. умер Иван Дмитриевич переяславский, отказавший отчину свою, за неимением детей, дяде, Д. Андрей, давно уже "посягавший" на Переяславль, отправил в последний своих бояр и тиунов; но Д. выгнал их оттуда и посадил там своих наместников. В следующем году, 4 марта, он скончался. Церковь причла его к лику святых. Мощи его обретенны 1652 г. августа 30 и по повелению царя Алексея Михайловича перенесены в основанный им Данилов м-рь. Ср. "Полн. собр. росс. лет." (I, 208, 209; III, 64; IV, 45, 46; V, 200, 202, 204; VII, 176, 181, 183, 220, 230), Филарет, "Жития р. св." 4 марта и 30 авг.

А. Э.

{Брокгауз}

Даниил Александрович

(1261-1303) - удельный князь Московский. Младший сын Александра Невского, Д. получил в удел город Москву с прилегающей к нему небольшой территорией на путях из Южн. и Зап. Руси и земли Рязанской в землю Ростово-Суздальскую, а также на торговом пути из Южн. Руси в Новгород. Не надеясь когда-либо занять великокняжеский стол, Д. в союзе с младшими князьями старался всеми средствами ослабить силу и значение великого князя и, постоянно меняя союзников, не упускал случая расширить свой удел. Типичный князь-вотчинник, Д. был первым московским князем-"собирателем", увеличившим Московское княжество более чем в два раза. Православной церковью причислен к "святым".

Даниил Александрович, князь московский

- князь московский, сын великого князя Александра Ярославича Невского и супруги его, княгини Вассы, род. в 1261 г., умер 5 марта 1303 г.

Князь Даниил, родоначальник князей московских, впоследствии государей и царей "всея Руси" - первый виновник усиления московского княжества; ему, как младшему сыну Александра Невского, достался незначительный удел - город Москва с тянувшимися к ней землями. Первоначальную территорию московского княжества в XIII в. можно с вероятностью определить так: на западе граница его начиналась при впадении р. Рузы в р. Москву, поднималась по Рузе к сев.-зап., затем круто поворачивала на сев.-восток по водоразделу правых притоков Волги, рек Ламы и Дубны, с одной стороны и левых притоков Москвы и Клязьмы с другой; перейдя речку Шерну, приток Клязьмы, граница поворачивала на юг, между речками Гжелкой и Перской пересекала Москву и, дойдя на юге до водораздела правых притоков Москвы и левых притоков Оки, направлялась на запад по самому водоразделу, упиралась в речку Нару (приток Оки) и, повернув к северу, подходила к устью Рузы; следовательно в состав Московского княжества XIII века входили теперешние уезды: московский, звенигородский, рузский, южная часть дмитровского, богородский, бронницкий и подольский. Небольшое это княжество занимало важное стратегическое и, отчасти, торговое положение: оно граничило с княжениями: рязанским, смоленским, тверским, переяславским и владимирским; через г. Москву пролегали наиболее удобные пути из южной и западной Руси и земли рязанской в землю ростово-суздальскую; по Оке, Москве, ее притоку Сходне, Ламе, Волге и Тверце шел водный торговый путь из южной Руси к Новгороду.

Умный и энергичный князь Даниил понял значение своей вотчины: будучи слишком молодым и (по родовым понятиям) слишком слабым для того, чтобы домогаться великокняжеского стола, он примкнул к союзу младших князей, чтобы ослабить власть и значение великого князя; так, в 1282 г., он, в союзе с братьями Андреем Городецким и Святославом Тверским и новгородцами, действует против великого князя Дмитрия Александровича; но когда, в 1294 г., Андрей Александрович Городецкий окончательно сел на великокняжеском столе, то очень скоро между ним и прежними его союзниками произошло нелюбие; для прекращения вражды князя северной Руси съехались во Владимире 1296 г., причем кн. Даниил, вместе с кн. Михаилом Тверским и Иваном Дмитриевичем Переяславским, был против великого князя; заключенное в присутствии татарского посла, при участии духовенства, примирение оказалось непродолжительным; кн. Иван Переяславский поспешил в Орду, и вел. князь сделал было попытку захватить его вотчину, Переяславль (Залесской), но князя тверской и московский преградили ему дорогу. Отставив дружно свои вотчины от великого князя, младшие князья деятельно хлопотали об увеличении их. Кн. Даниил в этом отношении действовал особенно удачно: в 1301 г. он воевал с Константином, князем рязанским, разбил его у Переяславля (рязанского) и взял в плен; следствием этой победы и было, вероятно, присоединение к Москве Коломны и Серпухова. - Князья рязанские были старинными врагами князей владимирских, потомков Всеволода III; воюя с ними и расширяя свои владения на счет их, кн. Даниил не

встречал противодействия со стороны своих родичей - князей; скорее, напротив, он мог рассчитывать на их содействие. В 1302 г. умер бездетным старый союзник московского князя, кн. Иван Димитриевич Переяславский: свою вотчину, Переяславль, он завещал кн. Даниилу. Хотя вел. кн. Андрей и пытался было снова захватить Переяславль, но кн. Даниилу, опиравшемуся на сочувствие Переяславцев, удалось утвердить там свою власть; любопытно, однако, что Переяславль не был присоединен к Москве и впоследствии не считался московским городом (см. духовные Калиты): он остался в числе городов владимирских. Скончался кн. Даниил 5 марта 1303 г., приняв перед смертью пострижение и схиму. Современные летописи сохранили нам немного известий о кн. Данииле. В эпоху ослабления родовых отношений, господства физической силы, кн. Даниил является типичным представителем северорусского князя, блюдущего интересы своей семьи и вотчины; с несомненною политической ловкостью он действует сначала с Андреем Городецким против старшего брата, Димитрия, потом с сыном этого Димитрия против прежнего союзника, - кн. Андрея; кн. Константина рязанского Даниил пленил "некоею хитростью". Не возвышаясь над нравственным уровнем современников, кн. Даниил превосходил их ловкостью и умом: детям своим он передал Московское княжение увеличенное, по крайней мере, вдвое против того, что он сам получил от отца, и тем подготовил успехи своих преемников. У кн. Даниила осталось пять сыновей: Юрий, Иван (Калита), Александр, Афанасий и Борис. Похоронен был кн. Даниил в деревянной церкви св. Михаила, стоявшей на месте нынешнего Архангельского собора. Иоанн Грозный возобновил пришедший в совершенный упадок Данилов монастырь, основание которого приписывается кн. Даниилу.

С. Середонин.

{Половцов}

Дмитрий Донской,

Димитрий Иванович Донской

- великий князь всея Руси, сын великого князя Ивана Ивановича от 2-й его супруги Александры; род. в 1350 г. По смерти отца своего (1359) Д., с братом Иваном († в 1364 г.), остался малолетним. Русские князья поехали в Орду хлопотать о великокняжении; хан Навруз дал ярлык суздальскому князю Димитрию Константиновичу. Малолетний Д. был в Орде в 1361 г., а может быть, и ранее. В Орде произошли "замятни". Хан Навруз был убит, явились два хана: в орде Мурат, за Волгой - Авдул, управляемый темником Мамаем. К Мурату поехали поверенные великого князя Димитрия Константиновича, уже севшего на стол во Владимире, и князя московского, за которого, конечно, действовали бояре. Мурат дал ярлык князю московскому; суздальский не уступал. Тогда бояре осадили Переславль, где заперся князь суздальский; Переславль был взят, Д. вокняжился во Владимире (1362). В 1363 г. хан Авдул прислал свой ярлык Д., который его принял. Мурат оскорбился таким признанием другого хана и снова дал ярлык Димитрию суздальскому, который явился во Владимир. Московские войска, при которых были и князья, изгнали его и опустошили Суздальскую область. Во время этой борьбы князь ростовский должен был подчиниться Москве и князья галицкий и стародубский лишились своих владений. Вскоре князь суздальский не только помирился с московским, но еще просил его помощи, когда, по смерти брата его Андрея, Нижним завладел другой его брат, Борис. Митрополит послал св. Сергия мирить князей, и когда Борис сопротивлялся, в Нижнем были заперты церкви. Борис ушел в Городец; в Нижнем сел Димитрий (1364). Вслед за тем Д. женился на дочери нижегородского князя, Евдокии. Тогда же Москва укреплена каменной стеной (Кремль). Великий князь, по словам летописи, "всех князей приводил под свою власть, а которые не повиновались его воле, на тех начал посягать". Так, он вмешался в ссору тверских князей, споривших между собой о выморочном уделе князя Симеона Константиновича. Первоначально их судил владыка тверской и решил в пользу великого князя тверского Михаила Александровича. Князья обратились к посредничеству митрополита, а Михаил - к великому князю литовскому Ольгерду, и хотя, по видимому, дело было улажено, но в 1369 г. великий князь Д. позвал Михаила на суд в Москву и заключил его и всех его бояр. Они были освобождены татарским послом; тогда Михаил снова обратился к Ольгерду, который пришел с войском и, разбив московские полки при Тростенском озере (в современном Рузском уезде), подступил к Москве. Заключен был договор, выгодный для Михаила. В 1370 г. Д. напал на тверские области; Михаил обратился в Орду к хану Магомет-Султану, ставленнику Мамаю, и получил от него ярлык на великокняжение; но Д. хана не послушался. Михаил в третий раз призвал Ольгерда, который, однако, не имел удачи под Москвой, помирился с великим князем и отдал дочь свою за его двоюродного брата, Владимира Андре-

евича. Михаил снова поехал в Орду, получил ярлык; но Д. ярлык не принял, задарил посла и склонил его на свою сторону. Тем не менее Д. поехал в Орду, предварительно сделав завещание, в котором распорядился наследственными своими владениями, не упоминая о вел. княжении. В Орде его приняли благосклонно. Михаил опять обратился к Ольгерду, который пришел, был разбит под Любутском (Калужского уезда) и заключил мир (1372). Михаил не мирился; Д. пошел на Тверь, с ополчением многих князей, осадил город и принудил Михаила заключить договор, которым он навсегда отказывался от вел. княжения. В том же году Д. победил Олега Рязанского, с которым велись споры о межах, и выгнал его из стольного города; но тот скоро возвратился и помирился с Д. Смирив соседних сильных князей, великий князь мог смело начать действия против татар. В современное смутное для Орды время разные царевичи, действуя от себя, делали нападения на Русскую землю; их иногда отражали, а иногда и они наносили русским поражения. В 1377 г. на Суздальскую область напал царевич Араб-шах (Арапша) из Синей орды (между Каспийским и Аральским морями). Д. послал войско на помощь тестю; по неосторожности русских князей, ополчение их было разбито на реке Пьяной (в современной Нижегородской губернии). Затем татары разграбили область Нижегородскую и сделали набег на Рязанскую. Араб-шах провозгласил себя ханом Золотой орды, но скоро погиб (его монеты найдены в Казанской губернии). В 1378 г. Д. удалось разбить на реке Родне (в Рязанской губернии) посланного Мамаем мурзу Бегича. Таким образом Д. защитил своего недавнего врага Олега. В отмщение за это Мамай собрал большое войско (1380). Д., приняв благословение от св. Сергия, который отпустил на брань двух иноков: Ослябя и Пересвета, встретил Мамайа на Куликовом поле, между реками Непрядвой и Доном (Тульской губернии, Епифанского уезда). С ним было много русских князей и два сына Ольгерда, Андрей и Димитрий. Великий князь литовский Ягайло вступил в союз с Мамаем, но к битве не поспел. Олег рязанский изъявил покорность Мамаю. 8 сентября произошла знаменитая битва, успеху которой способствовало преимущественно своевременное появление из засады отряда, под предводительством Волынского-Боброка (см.) и князя Владимира Андреевича (см.). Д. отличился не только как полководец, составив заранее план, но и показал личное мужество. Переодевание его было общим обычаем средних веков (см. Куликовская битва). Мамай погиб на обратном пути; в Орде явился Тохтамыш, ставленник Тамерлана; он пошел наказывать Д. (1381). Неожиданное нападение его заставило Д. удалиться в Кострому. Москва была взята, правда - обманом. Русь снова покорилась татарам, но народный дух уже оживился. Покоряясь татарам, Д. крепко держал других князей: попытку Михаила получить ярлык он отстранил в Орде, Олега смирил оружием, опустошил землю Рязанскую, новгородцев держал в повиновении. С двоюродным братом Владимиром Андреевичем Д. заключил договор, которым последний признавал Василия Дмитриевича братом старейшим, Юрия - братом равным, остальных - младшими, отказываясь от своих прав на великокняжение. В последнем завещании своем (1389) Д. не только распоряжается наследственными владениями, но и благословля-

ет старшего своего сына Василия великокняжением. † Д. в 1389 г. После него остались дети: Василий, Юрий, Андрей, Петр, Иван и Константин. Грозный с князьями, Д. строго держал и бояр: Вельяминов, сын последнего тысяцкого, был казнен в Москве за содействие Михаилу Тверскому (см.). В этом отношении Д. является достойным предшественником вел. кн. Иоанна Васильевича. Потомство сохранило о нем память как о победителе татар; но его внутренняя политика замечательна, быть может, еще больше.

К. Б.-Р.

{Брокгауз}

Димитрий Иоаннович Донской

- великий князь Владимирский и Московский, сын великого князя Иоанна Иоанновича и второй его жены, Александры, родился 1350 г. 12 октября, скончался 1389 г. 19 мая; наследовал княжение Московское в 1359 г., великим князем Владимирским стал с 1369 года. В 1367 г. вступил в брак с Евдокией, дочерью князя Суздальского Димитрия Константиновича; от этого брака у него было восемь сыновей и четыре дочери; сыновья: 1) Даниил (род. 1371 г.), 2) Василий (род. 1371 г.), 3) Юрий (род. 1374 г.), 4) Симон (умер в 1379 г.), 5) Иван (род. 1380 г.), 6) Андрей (род. в 1382 г.), 7) Петр (род. 1385 г.), 8) Константин (род. 1389 г.); дочери: 1) София, с 1387 г. супруга кн. Феодора Ольговича Рязанского, 2) Мария, с 1394 г. супруга кн. Семена (Лугвеня) Ольгердовича, 3) Анастасия, с 1397 г. супруга кн. Ивана Всеволодовича Холмского и 4) Анна, род. в 1387 г.

В 1359 г. умер великий князь Владимирский и Московский Иоанн Иоаннович, оставив двух малолетних Димитрия и Ивана и малолетнего племянника Владимира Андреевича; Московское княжество было поделено между ними; старший сын Димитрий получил удел старшего сына Калиты; младший удел своего отца, Владимир Андреевич - удел отца своего, князя Андрея; так Московское княжество снова раздробилось на три части, также как по делению Калиты; тогда же хан Наврус дал ярлык на великое княжение Владимирское Суздальскому князю Димитрию Константиновичу, "не по отчине и не по дедине", казалось, создание Даниила и двух его сыновей, - Московское княжество - должно было разделить участь большинства тогдашних княжений: оно должно было раздробиться на мелкие княжения и отказаться от всякой политической роли. Но бояре московские, которых слушаться завещал братьям своим Симеон Гордый, явились охранителями как единства Московского княжения, так и его значения среди других княжений северо-восточной Руси; в 1365 г. умер брат Димитрия, Иван Звенигородский; удел его целиком отошел к Димитрию, а не был разделен между ним и двоюродным его братом, Владимиром Андреевичем. Еще раньше бояре московские воспользовались

усобицами, происходившими тогда в Орде между ханами Муратом и Авдулом, добыли у первого хана ярлык на великое княжение Владимирское своему князю Дмитрию, посадили на коней троих малолетних князей Московских и принудили Дмитрия Константиновича уступить великое княжение старшему внуку Калиты (1362). В следующем году кн. Дмитрий Иоаннович с честью принял во Владимире посла хана Авдула, привезшего ему великокняжеский ярлык; поступок этот вызвал гнев хана Мурата, пославшего немедленно ярлык сопернику Дмитрия Московского, Дмитрию Суздальскому. Дмитрий Константинович снова сел было во Владимире, но просидел на великокняжеском столе только 12 дней: Дмитрий Московский пришел с большим войском и принудил своего соперника отказаться от великого княжения (1363 г.); тогда же Дмитрий Иванович "смирил" кн. Константина Ростовского, а князей Ивана Феодоровича Стародубского и Дмитрия Галицкого изгнал из их владений; эти князья бежали к Дмитрию Константиновичу, но прошло время, когда младшие князья с успехом составляли союзы против великого князя. Дмитрий Константинович не решился вступить в третий раз в борьбу с Московским князем; он отказался от борьбы и тогда, когда в 1365 г. сын его Василий вывез ему ярлык из Орды: Дмитрий Суздальский отказался от всяких притязаний на великое княжение в пользу Дмитрия Московского с тем, чтобы этот последний помог ему в борьбе против брата его, Бориса Константиновича; для скрепления этого союза Дмитрий Московский женился на дочери Дмитрия Суздальского, Евдокии.

В эти годы, 1366-1367, - русскую землю посетила моровая язва, от которой умерло и несколько князей: разумеется, началась борьба за выморочные уделы; - умер и старший из суздальских князей, Андрей Константинович, владевший Нижним Новгородом; младший брат Дмитрия Константиновича, Борис, поспешил овладеть Нижним Новгородом, бывшим тогда уже самым значительным городом в Суздальском княжестве. Московский князь заступился за права своего тестя: он отправил сначала в Нижний преподобного Сергия Радонежского, который наложил по приказу великого князя и митрополита запрещение и запер все церкви в городе; когда подошли московские войска, Борис Константинович смирился и уступил старшему брату Нижний, а сам получил Городец. Так, Суздальское княжество должно было уступить Московскому; к тому же Суздальские князья должны были тратить значительные силы на колонизацию среднего Поволжья, на борьбу с мордвой, владения которой подходили в то время к самой Оке. Летописец отметил, что с этого времени Московский князь стал приводить всех князей в свою волю; на этом пути объединения северо-восточной Руси Дмитрий Иванович встретил прежде всего сильного соперника в лице Тверского князя Михаила Александровича. В Тверском княжестве, как и в Суздальском, происходили распри из-за удела князя Симеона Константиновича, Дмитрий Иванович вмешался в эту распрю и поддерживал соперников великого князя Тверского; тогда Михаил Александрович обратился за помощью к зятю своему Ольгерду Литовскому; на первый раз соперники скоро примирились, но не надолго. В

1368 г. Михаил Александрович поехал в Москву на третейский суд митрополита для решения тяжбы своей с кн. Еремеем Константиновичем; в Москве его схватили, но скоро выпустили, так как испугались трех приехавших в Москву татарских князей. Михаил Тверской обратился за помощью к Литовскому князю. Ольгерд неожиданно вступил в московские пределы, разбив по дороге передовой Московский отряд; он подступил к Москве, где сел в осаду Димитрий, не успевший собрать большого войска. Ольгерд осаждал Москву 3 дня, сильно опустошил окрестности и ушел с богатой добычей. Димитрий Московский принужден был уступить Градок. Через год собравшись с силами, Московский князь начал против Литвы наступательное движение; его войска опустошали Смоленскую волость, ходили к Брянску и в августе 1370 года была объявлена война Михаилу Тверскому, который поспешил уйти в Литву. Сам Димитрий Московский явился в Тверскую область с войском, сильно ее опустошил и взял большую добычу. Ольгерд, занятый борьбою с немцами не мог немедленно помочь Тверскому князю, тогда Михаил Тверской решил ехать в Орду, надеясь с ее помощью одолеть противника. Димитрий Московский распорядился занять все дороги заставами, и Михаилу пришлось отказаться от своего плана: он снова обратился к Ольгерду. Литовский князь двинулся к Москве и снова ее осадил. Брат великого князя, Владимир Андреевич, собрал войско в Перемышле, к нему пришел на помощь кн. Владимир Димитриевич Пронский с полками Олега Ивановича Рязанского. Ольгерд испугался такого большого войска и просил мира, но было заключено только перемирие. Михаил вернулся в Тверь и стал искать помощи с другой стороны, съездил в Орду, получил ярлык и приехал с ханским послом Сарыхожею. Димитрий Московский взял присягу по всем городам с бояр и черных людей не предаваться Тверскому князю и не пускать его во Владимир, а сам с войском стал в Переяславле. Владимирцы не пустили к себе Михаила. Ханский посол Сарыхожа звал к ярлыку Димитрия, но тот его ослушался и ответил: "к ярлыку не еду, Михаила на княжение Владимирское не пущу, а тебе послу путь чист". Посол прельщенный дарами, приехал в Москву и, возвратясь в Орду, очень расхваливал Московского князя. Михаил отправил в Орду сына Ивана. Отправился в Орду и Димитрий, обнадеженный Сарыхожею, и успел всех расположить к себе, был пожалован опять великим княжением и отпущен с большою честью. В Орде Московский князь выкупил сына Михаила Ивана, задолжавшего 10000 руб., и привез его с собою в Москву, где и держал его под стражею до выкупа отцом. Димитрий отправил войско к Бежецкому верху, где был Тверской наместник, наместника убили, а волость пограбили. Этой войне помешала война с Рязанским князем, Олегом Ивановичем, бывшим раньше в согласии с Москвой. Неизвестна причина войны. В 1371 воевода Димитрия Ивановича Димитрий Михайлович Волынский разбил у Скорнищева большое рязанское войско, кн. Олег едва спасся бегством. Торжеству Московского князя помогала вражда между княжескими линиями в Рязани. Кн. Владимир Димитриевич Пронский, узнав о поражении Олега, занял Рязань, но Олег его выгнал, взял в плен и привел в свою волю. После рязанской войны возобновилась тверская. Михаил снова заключил союз с

Литвою, захватил г. Кистму. Князь Кашинский, Михаил Васильевич, отказался от присяги Михаилу Тверскому и заключил мир с Москвой. Михаил, взяв Кистму, пошел к Дмитрову, взял откуп с города, пожег посады и села, людей пленил. Пришедшие на помощь к нему литовцы взяли Переяславль, затем Кашин, князь которого снова признал старшинство Михайла. Союзники пошли к Торжку, взяли его, Тверской князь посадил своих наместников, которых новгородцы скоро выгнали, за что тверичи сожгли Торжок. После этого Михаил пошел на соединение с Ольгердом, который стоял у Любутска. Димитрий Московский разбил сторожевой литовский полк; это устршило Ольгерда, он поставил свое войско за крутым оврагом. Войска бездействовали несколько дней, затем было заключено перемирие. Михаил Тверской обязался вернуть добычу; вывести своих наместников и, если нарушит перемирие, то Литовский князь за него не заступится. Мир был скоро нарушен распрю Михаила Тверского с Кашинским князем, который искал помощи у Москвы, но он вскоре умер, а сын его помирился с Михаилом. Состоялось примирение и с Московским князем.

У Димитрия Московского нашлись враги в самой Москве. В 1374 г. умер тысяцкий, В. В. Вельяминов, на его место никто не был назначен. Сын покойного, Иван, надеявшийся получить эту должность, обманулся в расчете и бежал к Тверскому князю с соружанином Некоматом. Из Твери они отправились в Орду, купили Михаилу ярлык. Михаил, съездив в Литву на короткое время, вернулся в Тверь и объявил войну Московскому князю, надеясь на помощь из Литвы и Орды. Димитрий пошел против Тверского князя, к нему явились на помощь новгородцы, желавшие отомстить за сожжение Торжка. Литовцы, хотя и пришли на помощь Твери, но, испугавшись большого московского войска, ушли назад. Это вынудило Тверского князя просить мира. Великий князь Тверской по этому миру признал себя младшим братом Московского князя и заключил с Москвой оборонительный и наступательный союз, отказался от союза с Литвой, вернул все награбленное и обязался жить по старине с Новгородом и Торжком. Право отъезда за вольными слугами оставлено, исключены Иван Вельяминов и Некомат, села которых Димитрий конфисковал. Впоследствии Иван Вельяминов был схвачен и публично казнен в Москве, народ горевал "о благородстве его и о величестве его" - по словам летописца. Спорные дела между Москвой и Тверью разбирают местные суды, в затруднениях дело переносится на третейский суд Олега Ивановича Рязанского. Так кончилась торжеством Москвы эта борьба с Тверью.

В 1377 году умер Ольгерд, в Литве начались усобицы. Димитрий Московский хотел этим воспользоваться, послал свои войска опустошать литовские земли; его войска взяли Трубчевск и Стародуб. Литовская смута принесла пользу Москве, два брата Андрей и Димитрий Ольгердовичи отъехали в Москву. Раздоры литовских князей отвлекли их от Москвы, лишили их возможности действовать против Москвы. Московский князь обратил теперь свои силы против татар. Еще до Димитрия Ивановича Московское княжество

постоянно усиливалось, Дмитрий с малых лет рос в неповиновении ханам, силою добыл себе великокняжеский стол, а Орда в это время слабела более и более; татары уже не внушали прежнего страха, выросло целое поколение, чуждое страха перед татарами. Московский князь Дмитрий был представителем этого поколения, он действовал иначе, чем его дед, дядя и отец, оружием добыл себе старшинство между князьями, вел продолжительную и опасную борьбу с Литвой, Тверью, Рязанью и вышел победителем. Такой князь, естественно, должен был решиться на борьбу с татарами. В 1373 г. татары из Мамаевой Орды напали на Рязанское княжество, но за Оку их не пустил Московский князь, простоявший с войском все лето на берегу Оки. В 1376 г. московские войска под начальством Дмитрия Михайловича Волынского ходили на болгар под Казань, взяли откуп с города. Казанские князья Асан и Магомет заплатили 1000 руб. Дмитрию Московскому, 1000 руб. Нижегородскому, 3000 р. воеводам и ратным людям. Кроме того русские посадили в Казани своих сборщиков податей (дорогу) и таможенников. В следующем году на места по р. Суре напал царевич Арапша. Московский князь пошел на помощь своему тестю Дмитрию Нижегородскому, о татарах не было вестей, Дмитрий вернулся в Москву, оставив с войском воевод. Московское войско с нижегородским двинулось за р. Пьяну и, не слыша о татарах, позабыло всякую осторожность. Мордовские князья незаметно подвели Арапшу, который и нанес русскому войску жестокое поражение, пошел на Рязань, князь Олег едва спасся. Мордва поднялась против русских, но Дмитрий Московский и Дмитрий Нижегородский послали свои войска и покорили мордву; с пленниками было поступлено очень жестоко, одних убили, других затравили собаками. В следующем году татары снова явились, сожгли Нижний, а волость разорили. Мамай против Московского князя послал отряд, который Дмитрий разбил на р. Воже. Мамай собрал остатки войска и снова напал на Рязанскую землю, Олег Иванович Рязанский ушел на левый берег Оки, а татары взяли гор. Дубок и Переяславль Рязанский. Так шла открытая борьба с татарами. После Вожской победы Московский князь должен был ждать мести от Мамаю, под властью которого тогда соединилась вся Орда. Мамай решил наказать русских князей за их ослушание и заставить платить дань в прежнем размере, как было при хане Ганибеке. Собрал большое войско, Мамай вступил в союз с Ягайлом, кн. Литовским, перешел Волгу и расположился при устье р. Воронежа. Дмитрий приготовился к сопротивлению и собрал войска подручных князей. Все северорусские князья пришли на помощь к Дмитрию, только Олег Рязанский, напуганный татарскими опустошениями, не решился противиться Мамаю он держался выжидательного образа действий. Олег Рязанский известил Московского князя о татарских движениях, но в то же время вступил в переговоры с Мамаем и Ягайлом. У Дмитрия собралось 150 тыс. войска. Это заставило Мамаю попытаться кончить дело миром, но Московский князь соглашался платить только такую дань, какая была условлена между ним и Мамаем в Орде. К 15-му августа русские войска собрались в Коломне. Приняв благословение от преподобного Сергия, Дмитрий выступил 20-го августа из Коломны, 1-го

сентября перешел Оку, а 6-го русские войска подошли к Дону. Собрался военный совет, мнения разделились. Дмитрий решил перейти Дон. В ночь 7-го сентября войска перешли Дон и 8-го утром выстроились на Куликовом поле при устье Непрядвы. Около полудня стали показываться татарские отряды, они спустились с холма на Куликово поле, русские двинулись им навстречу, произошло решительное кровопролитное сражение, кровь лилась на пространстве 10 верст. Дело решил засадный отряд русского войска под начальством Владимира Андреевича и московского воеводы Дмитрия Михайловича Волынского Боброка. В решительную минуту этот отряд выступил из леса и склонил победу на сторону русских. Татар преследовали до р. Мечи, завладели всем их станом. Окончив погоню, Владимир Андреевич собрал остатки русских войск, но Дмитрия не было. После долгих поисков его нашли под срубленным деревом в беспомощности. Доспехи его были иссечены и измяты, но на теле не было смертельных ран: он скоро пришел в себя. В единоборстве с татарским богатырем пал инок Пересвет еще до начала битвы. Пало множество воинов, бояр, князей. Из соединенного русского войска осталось только 40 тыс. Куликовская битва была знаком победы Европы над Азией, ее значение во всемирной истории аналогично по последствиям Католаунской и Турской победам. Куликовская победа освятила новый порядок престолонаследия на северо-востоке, но еще больше ее нравственное значение, она подняла дух народа, оживила надежду на освобождение от ига татар. Громадная потеря людьми делала эту победу близкой к поражению, русская земля оскудела воинством и воеводами. Мамай думал отомстить за поражение, но был разбит Заяицким ханом Тахтамышем, бежал в Кафу и был там убит. Тахтамыш послал объявить о своем воцарении, русские князья приняли его послов с честью и отправили ему дары. В 1381 г. отправленный Тахтамышем Акхозя с 700 татар доехал до Нижнего и далее не поехал из страха. В следующем (1382 г.) Тахтамыш неожиданно ограбил русских купцов в Болгарии, захватил их суда и, перейдя Волгу с большим войском, двинулся к Москве с большою осторожностью. Хан надеялся на успех только при нападении врасплох. Грозные до Куликовской битвы, теперь татары прибегли к хитрости, чем обнаружили свою слабость. Нижегородский князь, узнав о походе Тахтамышя, выслал встретить его двух своих сыновей, а Олег Рязанский упросил хана не воевать его волости и указал за это ему броды на р. Оке. Дмитрий Донской, застигнутый врасплох, ушел на север в Кострому собирать войска, его область после Куликовской битвы сильно обезлюдела. В покинутой Москве поднялись волнения, народ едва выпустил княгиню Евдокию и митрополита Киприана. Волнения немного стихли, когда в Москву прибыл Литовский князь Остей. Он принял начальство и позаботился о средствах обороны. Москвичи пожгли около Кремля посады и сели в осаду. 23-го августа подошли татары, осмотрели город, на следующий день сделали приступ, но были отбиты. При защите Москвы впервые упоминается о тюфяках и пушках. Убедившись, что города силою не взять, Тахтамыш прибег к хитрости; по его приказу нижегородские князья дали клятву, что хан не сделает зла жителям, если они примут его с честью. Жители дались в обман, вышли с да-

рами, но татары вероломно на них напали, ворвались в город и сожгли его. Во время пожара погибло множество книг, свезенных в Москву, как в место более безопасное. По разорении Москвы Тахтамыш разослал отряды во все стороны грабить и пленять жителей. Тверской князь выслал киличю с даром Тахтамышу, хан дал ему ярлык и не тронул его владений. Один отряд Тахтамыша наткнулся на Владимира Андреевича, стоявшего близ Волока, и был им разбит. Испуганный этим Тахтамыш поспешно ушел, разорив по дороге Коломну и опустошив Рязанскую область. Дмитрий Донской вернулся в Москву, очистил город от трупов, на погребение которых израсходовал 300 руб., по рублю за 80 трупов. Бедствием Москвы задумал воспользоваться Тверской князь и поехал в Орду. Дмитрий отправил в Орду своего сына Василия со старыми боярами. Из Орды приехали послы от хана с пожалованием, но Московскому князю пришлось дать великую дань, хан задержал Василия, требуя за него 8000 рублей. Василию удалось бежать. Олег Рязанский, бывший союзник Мамаю, опасаясь Московского князя и бежал в Литву. Дмитрий Донской было послал своих наместников в Рязань, но, увидев, что ее трудно удержать за собой, помирился с Олегом и заключил с ним договор. Великий князь Рязанский признал себя младшим братом Дмитрия, уступил ему некоторые волости, обязался порвать союз с Литвой, действовать заодно с Московским князем. В 1385 г. Олег, собравшись с силами, снова вступил в борьбу с Москвой, неожиданно захватив Коломну. Московские войска разбили его. Дмитрий отправил послом к Олегу преподобного Сергия, которому удалось тихими речами склонить сурового князя к вечному миру. Этот мир был скреплен браком сына Олегова Феодора на дочери Дмитрия Софии.

В 1383 г. по смерти Дмитрия Константиновича Нижегородского его брат Борис получил ярлык на это княжество, но сыновья Дмитрия с помощью своего зятя Дмитрия Московского принудили его уступить им Нижний Новгород. Во всех своих предприятиях Дмитрий Донской находил себе деятельного помощника в лице своего двоюродного брата Владимира Андреевича, кн. Серпуховского. Интересны их взаимные отношения. Они заключили между собой три договора. Братья обязывались жить так, как жили их отцы, кроме того Владимир Андреевич обязался держать великое княжение "честно и грозно", служить без ослушания, а Дмитрий за это будет его кормить по службе. В походы выступать лично, если пойдет сам великий князь, если же пошлет воевод, то и Владимиру посылать своих воевод, которых за ослушание волен великий князь наказывать. По второму договору (1371 г.) Владимир Андреевич обязался не искать великого княжения и под сыновьями Дмитрия, его старшего сына считать своим старшим братом и повиноваться ему. В 1389 г. произошла между Дмитрием и Владимиром ссора. Дмитрий хотел воспользоваться своим правом и наказать бояр Владимира, схватил их и отдал под стражу. Ссора скоро прекратилась, братья заключили новый, третий договор, по которому ясно определены взаимные отношения Владимира к семейству великого князя. Дмитрий называет себя в этом до-

говоре уже не старшим братом, а отцом Владимиру, старший его сын Василий назван старшим братом Владимира, второй сын Юрий - просто братом, а меньшие сыновья - младшими братьями. Так менялись взаимные отношения в княжеской семье и устанавливался новый порядок наследования.

Нам остается указать на отношения Московского князя к Новгороду. Ушкуйники, новгородская вольница, грабили по Волге. Великий князь объявил за это войну Новгороду, но войны не было, заключен был договор, по которому Московский князь обязался защищать Новгород от Литвы, немцев и Твери, а новгородцы платили князю черный бор - подать, обязались помогать против Твери и Литвы и приняли наместников. Разбои ушкуйников не прекращались; в 1375 году они ограбили Кострому, сожгли Нижний Новгород и дошли до Астрахани, где были обманом захвачены и перебиты. Великий князь, окончив рязанскую войну и не тревожимый Тахтамышем, решил в 1385 г. наказать новгородцев и с большим войском пошел на Новгород. Новгородцы просили мира, и только третьему их посольству удалось склонить Дмитрия к миру, по которому уплатили Московскому князю 8000 руб. за разбои на Волге. В ссоре немцев с псковичами Дмитрий хотел быть посредником, его посол в 1367 г. долго жил в Юрьеве, но, не добившись ничего, уехал. Нам остается еще упомянуть об отношениях Дмитрия к митрополиту. Поставленный в 1376 г. патриархом Филофеем ученый серб Киприан в русские митрополиты, не был принят Дмитрием и жил в Киеве, надеясь получить митрополию после св. Алексия. Но великий князь имел своего кандидата Митяя, который после смерти Алексия (1378 г.) самовольно надел белый клобук и не спешил ехать в Константинополь за посвящением. Великий князь, по желанию Митяя, велел собору русских архиереев поставить его в епископы, но на это не согласился Дионисий, епископ Суздальский. Это было причиной раздора между Митяем и Дионисием, который бежал в Грецию. Митяй через 18 месяцев по вступлении на митрополию поехал в Константинополь, великий князь дал ему белые подписанные листы. Митяй в виду Константинополя умер, его спутник Пимен написал на чистом листе, имевшем подпись великого князя, что великий князь желает иметь его митрополитом. Патриарх посвятил его, но Дмитрий заточил Пимена по возвращении его из Греции, и вызвал в Москву Киприана. Киприан во время нашествия Тахтамышя ушел из Москвы и стал жить в Твери. Это рассердило великого князя, он вызвал из ссылки Пимена, а Киприану пришлось уехать в Киев, Пимена Дмитрий недолюбливал, хотел, чтобы у русских был только один митрополит; поэтому Киприан и Пимен судились у патриарха, дело тянулось 3 года и кончилось ничем. Киприан остался в Киеве, а Пимен, видя нерасположение к себе Дмитрия, тайно уехал в Грецию. Это произошло за месяц до смерти великого князя. Дмитрий Донской умер в 1389 г. 19-го мая, 39 лет. Его княжение, богатое событиями, оставило по себе громкую память.

В исторической литературе не сразу установился определенный взгляд на личность Дмитрия; в тридцатых годах Дмитрия называли первоначальни-

ком нашей славы, в шестидесятых, - поведение Дмитрия казалось Н. И. Костомарову трусливым. Из всех событий Дмитриева княжения наибольшее внимание привлекала к себе Куликовская битва; оценка характера и деятельности Дмитрия стояла в зависимости от оценки его участия в этом славном деле. Но Куликовская битва - событие исключительное в долгий период русской истории от конца XIII до половины XVI века; далекий поход в степь и решительный бой с татарами - такие шаги никогда не были в привычках князей из дома Калиты; неудивительно, что и при руководительстве этим походом и в уменье извлечь из него возможные выгоды внук Калиты и прадед Иоанна III оказался не на высоте своего положения. Куликовская битва затмила от историков будничную деятельность Дмитрия, в которой последовательно проводил начало, завещанное Калитой и Симеоном. Дмитрий утвердился на великокняжеском столе вопреки воле татар; Дмитрий считал себя вправе и в возможности распорядиться по своей воле в завещании Владимирским княжеством, которое он навсегда соединил с Московским; выделением своему старшему сыну значительно большей части княжества сравнительно с младшими сыновьями Дмитрий обеспечивал преобладание старшего над младшими в доме Калиты, т. е. в уме его мелькала мысль о государственном единстве русского народа. Эта мысль выгодно отличает Дмитрия от его современников, князей Тверских и Рязанских; при Дмитрии Москва стоит во главе борьбы с татарами и Литвою, двумя народами, угрожавшими самобытности народа русского; а такая роль Москвы содействовала ее возвышению не меньше, чем сбережения Ивана Калиты. Предки приготовили Дмитрию богатые средства, Дмитрий удачно ими воспользовался, хотя и много из доставшегося наследства истратил, но не все в жизни народов поддается точному определению меры и веса.

С. Середонин.

{Половцов}

Иван Калита,

Иоанн I Данилович Калита

- князь и государь русский, вел. кн. владимирский и московский, род. в 1304 г., сын моск. кн. Даниила Александровича, внук Александра Невского, наследовал моск. княжество после смерти брата Юрия, в 1325 г. Все княжение И. прошло в ожесточ. борьбе его за великокн. Владимир. стол с кн. Александром Михайловичем Тверским, а также с Новгородом, помогавшим Александру. Пользуясь благоскл-стью ханов, И. успел достигнуть прекращения татар. наездов на Русь, сделать Москву первенствующей силой среди рус. княжеств и обеспечить великокняж. престол за своим потомством, чем по справедливости заслужил имя одного из первых "собирателей рус. земли". И. умер 13 мрт. 1341 г.

{Воен. энц.}

Иоанн Данилович Калита

- великий князь владимирский (1328-41), князь московский, так называемый первый собиратель русской земли. В борьбе с другими князьями И. не пренебрегал никакими средствами и, раболепствуя перед ханом, при помощи татар счастливо одерживал верх над своими соперниками. Еще при жизни Георгия Даниловича (см. соотв. статью) И. управлял московским княжеством. После смерти Георгия, хан Узбек отдал вел. княжение тверскому кн. Александру. Пользуясь случившимся в Твери, в 1327 г., убийством татарского посла Чолхана (Щелкана), И. поспешил в Орду, возвратился с 50000 ч. татарского войска и опустошил огнем и мечом всю Тверскую землю. В следующем году И. получил от хана ярлык на великое княжение, он не перестал, однако, преследовать несчастного тверского князя. Кн. Александр скрылся в Пскове. Не надеясь взять этот город силой, И. прибегнул к помощи духовенства: угроза митр. Феогноста отлучить от церкви весь Псков заставила кн. Александра удалиться на некоторое время в Литву. Когда он вернулся во Псков, И., в 1339 г., отправился к татарам; по его внушению, хан послал кн. Александру приказ явиться в Орду. Здесь тверской князь был убит, а И. вернулся в Москву с великим пожалованием и, торжествуя победу над Тверью, велел снять большой колокол тверского Спасского собора и перевезти в Москву. Самовластно распоряжался И. и в других княжествах. В Ростове, в 1330 г., его воеводы чинили всякие насилия над жителями и повесили старшего ростовского боярина Аверкия. В 1332 г. И. начал войну с Новгородом, вследствие отказа последнего уплатить старинную дань (так наз. "закамское серебро"), но вскоре заключил мир. В конце княжения он снова потребовал от новгородцев большую сумму денег и, когда они отказались уплатить ее, отозвал своих наместников; эта распря окончилась уже при его сыне. В 1340 г. И., по при-

казанию хана, отправил войско на непослушного Орде смоленского князя Иоанна Александровича и опустошил, вместе с татарами, Смоленскую область. В княжение И. его владения начали пользоваться большим спокойствием и благосостоянием: "Бысть тишина хрисгианам и престаша татарове воевать Русскую землю", - говорят летописцы, разумея под Русской землей в данном случае Владимирское и Московское княжества. И. был бережливым хозяином, старавшимся об увеличении своего княжества и своего богатства; в своем завещании он заботливо пересчитывает все купленные им села и золотые сосуды. На эту черту его указывает прозвище Калита - мешок с деньгами, скопидом (Карамзин объясняет это прозвище иначе - тем, что И. всегда носил при себе мешок с деньгами для раздачи бедным). И. заботился о внутреннем устройстве своих владений и, по одному известию, избавил русскую землю от татей. К сильному князю стекались бояре из Твери, Чернигова, Киева и даже из Орды (мурза Чет). Важным событием в княжение И. было переселение митрополита Петра из Владимира в Москву на постоянное жительство. И. сумел приобрести особое расположение митрополита и по его просьбе воздвигнул в Москве каменный Успенский собор. Новый митр. Феогност, следуя примеру своего предшественника, также поселился в Москве. Кроме названного собора, И. построил в Москве еще три каменных храма и возобновил кремлевские стены (еще деревянные). Несмотря на свое богатство и силу, Калита не сделал важных земельных приобретений. Приобретение им гг. Галича, Углича и Белозерска, на которое указывает духовная Дмитрия Донского, остается под сомнением, так как И. не говорит о них в своих духовных грамотах. По объяснению Соловьева, Калита купил эти города, но оставил за продавцами некоторые права владетельных князей. Перед смертью И. принял пострижение и схиму. Все свое движимое и недвижимое имущество он разделил между тремя сыновьями и женою: г. Москву он оставил в общее владение наследникам, сыну Симеону дал гг. Можайск, Коломну и 16 волостей, Иоанну - Звенигород, Кремичну, Рузу и еще 10 волостей, Андрею - Лопасну, Серпухов и еще 9 волостей, жене Елене с дочерьми - 14 волостей.

Н. П.-С.

{Брокгауз}

Иоанн Данилович Калита I

- великий князь владими́ро-моско́вский, сын князя московского Даниила Александровича, род. в 1304 г., умер 31 марта 1341 г., наследовал Московское княжество в 1325 г., после брата своего Юрия.

При жизни Юрия Иоанн не играл, конечно, большой роли, исполняя только поручения брата, начавшего ожесточенную борьбу с Тверью за первенство. В

1304 г., отправляясь в Орду для решения своего спора с Михаилом тверским, Юрий оставил Иоанна блюсти Москву. Тверские бояре захватили в Костроме другого брата Юриева, Бориса и готовились овладеть Переяславлем, но Иоанн Данилович, узнав об этом, встретил тверичей и разбил их наголову. В 1305 г. Юрий возвратился без великокняжеского ярлыка, но борьба с Тверью продолжалась; об участии в ней Иоанна Даниловича мы ничего не знаем, хотя оно и несомненно; в 1320 г. он участвовал в походе брата, тогда уже великого князя, на Иоанна Ярославича, кн. рязанского, и в том же году уехал в Орду, где прожил более года; конечно, он действовал там против тверского князя, который получил в Орде ярлык на великое княжение. Калита возвратился из Орды в 1322 г. с послом Ахмылом, который, вероятно, послан был ханом, привести в порядок дела на Руси, но только "много пакости сотвори по Низовской земле", разграбил Ярославль и ушел обратно в Орду. В конце 1325 г. умер Юрий, а в 1326 г. Иоанн уже отправился в Орду. В 1327 г., после избиения в Твери посла татарского Шевкала, с его свитой, Калита, неизвестно, по собственному ли почину, или по требованию хана, опять отправился в Орду, откуда возвратился с пятью темниками, т. е., следов., с довольно значительным татарским войском; с этим войском, при помощи Александра Васильевича, князя суздальского, он взял Тверь, Кашин и опустошил тверскую новоторжскую волость; Александр Михайлович, князь тверской, бежал с братьями из Твери еще до прихода татар. После этого Калита уже чувствует себя как бы великим князем: он смело посылает в Новгород своих наместников и опять отправляется (1328 г.) в Орду и вместе с ним и как бы под его покровительством - брат бежавшего Александра, Константин. Иоанн Данилович объявлен был великим князем, а Константин - тверским. Вместе с тем хан приказал представить в Орду и князя Александра. Посольства в Псков, куда скрылся Александр от Калиты и от Новгорода, были безуспешны. 26 марта 1329 г. Иоанн Данилович сам, в сопровождении многих князей, приехал в Новгород, чтобы отсюда действовать на Псков и против принятого псковичами Александра. Из Новгорода князь двинулись на Псков, дошли до Опоки и остановились. Калита как бы давал время одуматься и Пскову, и князю Александру; наконец, Иоанн уговорил митрополита Феогноста наложить отлучение от церкви на князя Александра и на весь Псков. Эта мера подействовала: Александр ушел в Литву, Иоанн Данилович заключил с псковичами мир "по старине, по отчине и по дедине", а митрополит снял свое отлучение.

В 1331 г. Иоанн вместе с Константином тверским ездил зачем-то в Орду; эти частые поездки в Орду истощали великокняжескую казну, и вот, после последней поездки, Иоанн требует от новгородцев так называемого "закамского" серебра (в одной из летописей оно названо "закаменским" - т. е. зауральским). Новгородцы отказали, и Калита отнял у Новгорода волости Торжок и Бежецк. Новгородцы, однако, не решились ничего предпринимать против такого насилия, а Калита, в начале 1333 г., со всеми суздальскими и рязанскими князьями, опять пришел в Торжок, вывел из Новгорода своих наместни-

ков и начал опустошать новгородские волости. Послы от Новгорода напрасно просили великого князя в Новгород на стол, он не принял их челобитья и уехал. Новое новгородское посольство нашло его в Переяславле, предлагало ему 500 рублей с тем, чтобы он возвратил взятые им новгородские волости, но опять безуспешно. Только съездив в Орду, Калита принял послов и сам 16 февраля 1334 г. приехал в Новгород; к примирению склонил князя, по видимому, митрополит Феогност: во время отсутствия Калиты к митрополиту приезжал новгородский владыка, вероятно, с просьбой примирить великого князя с Новгородом. Но есть и другое объяснение происшедшей перемены: кажется в 1335 г. великий князь с новгородцами и со всею Низовскою землею намеревался идти на Псков, так как во Пскове в это время снова занимал стол князь Александр тверской, возвратившийся из Литвы. Уезжая после этого пребывания из Новгорода, великий князь в Торжке узнал, что Литва воюет новоторжскую волость, и немедленно послал против Литовцев свои рати, которые сожгли несколько городов. Согласие Иоанна с Новгородом скоро было нарушено: в 1336 г. Калита ездил в Орду, в 1337 г. послал рать свою за Волок на Двину, во владения Новгорода, вероятно, за данью, так как казна великого князя от поездок в Орду истощилась. Поход, впрочем, был неудачен.

В 1338 г., князь Александр, прощенный ханом, возвратился из Орды на тверской стол; Иоанну, следовательно, угрожала со стороны его опасность; опасность угрожала ему и с другой стороны: среди удельных князей росло недовольство им, за то, что он слишком явно распоряжался в уделах суздальской земли: в Ростове боярин его Василий Кочева вмешивался во внутренние дела города, обирал жителей и т. п.; даже зять его, князь Василий Давидович ярославский, был против него. Ввиду этих затруднений Калита в 1339 г., отправив в Новгород младшего сына своего Андрея, сам с старшими, Симеоном и Иоанном, отправился в Орду. Там он, конечно, не жалел казны своей и он и дети его были в Орде в чести, и в том же году "думую его", т. е. по его наветам, хан Узбек позвал в Орду всех князей. Поехал туда, между прочим, и зять Калиты, Василий ярославский, но Иоанн Данилович, вследствие каких-то своих соображений, выслал 500 человек, чтобы перехватить его; однако Василий ускользнул от погони.

Когда Калита возвратился из Орды, новгородцы прислали к нему с послами выход; но великий князь через тех же послов требовал еще "запроса царева, чего у него царь запрошал". Новгородцы отказали, говоря, что "того не бывало от начала миру". Калита, однако, ничего не предпринял против них; его заботили дела в Орде; осенью 1339 г. он снова послал туда детей своих: Симеона, Иоанна и Андрея, и 22 октября того же года в Орде убиты были князь Александр тверской и боярин его Феодор. В Твери оставались теперь совершенно безопасные для Иоанна князья Константин и Василий.

Калита по смерти Александра приказал снять колокол с главного тверского храма св. Спаса и отправить его в Москву. Это имело символическое значение верховенства московского князя над тверским. После смерти Александра дети Калиты отпущены были из Орды "с любовью". Таким образом великий князь обеспечил себя от всяких опасностей как со стороны Орды, так и со стороны Твери и опять обратился на Новгород, но опять неожиданно отвлечен был в сторону Орды: в 1340 г. он снова туда поехал: хан посылал войска свои на смоленского князя Иоанна Александровича; к ним должны были присоединиться с своими ратями и все северно-русские князья. - В стремлении своем сделать Москву первенствующею в политическом отношении силою, Иоанн Данилович постарался сделать ее таковою же и в церковном: вследствие его убеждений митрополит Петр переселился из Владимира в Москву и здесь 4 августа 1326 г. заложил на место деревянного каменный соборный храм Успения Пресвятой Богородицы.

Иоанн Данилович был женат дважды; от первого брака с Еленой, происхождение которой неизвестно, он имел сыновей: Симеона, Даниила, Иоанна и Андрея, и дочерей: Феотинию, Марию, Евдокию и Феодосию; от второго брака с Ульяной, имя отца которой также не известно, он имел одну только дочь.

"Наста насилование много, сиречь княжение великое московское досталось князю великому Ивану Данилович", говорит летописец; но затем, в летописи же читаем: "и бысть оттоле тишина велика по всей Русской земле на 40 лет и пересташа татарове воевати Русскую землю"; кроме того летописец замечает, что Калита "исправи землю русскую от татей". Имея в виду деятельность Калиты, надо признать более вероятным толкование его прозвища, данное К. Н. Бестужевым-Рюминым: конечно правдоподобнее, что прозвищем "калита", т. е. "мешок с деньгами", народ обозначил его бережливость, скопидомство, накопление богатств, а вовсе не хотел отметить факт частой и обильной раздачи милостыни нищим, для чего якобы этот князь всегда имел с собою мешок денег. Калита был, вероятно, властолюбив не менее чем его брат, но более сдержан, осторожнее шел к намеченной цели, умел пользоваться обстоятельствами, избирал средства хотя и медленно, но верно ведущие к цели, и достиг первенства между князьями, упрочил его за своим родом и наметил программу и характер действий для своих преемников почти на 200 лет.

А. Э.

{Половцов}

Иван III,

Иоанн III Васильевич

- великий князь всея Руси, называемый также иногда Великим, старший сын великого князя Василия Васильевича Темного и супруги его, великой княгини Марии Ярославны, внучки кн. Владимира Андреевича Храброго, род. 22 января 1440 г., в день памяти апостола Тимофея, отчего и назывался по старинному обычаю Иоанном-Тимофеем, умер 27 октября 1505 г. В летописи занесен рассказ о чудесном предсказании, в момент его рождения, его величия и могущества. О его детских и отроческих годах мы знаем, конечно, только отдельные факты. В 1446 г. он был вместе с матерью, когда она встречала в Переяславле вел. кн. Василия Васильевича, возвращавшегося из казанского плена; вместе с отцом он был на богомолье в Троице-Сергиевой лавре, когда 13 февраля того же 1446 г. вел. кн. Василий Васильевич был схвачен князем Иваном Можайским; верные слуги спрятали Иоанна и брата его Юрия в монастыре, затем доставили их ко князю Рязполовскому в с. Боярово, Рязполовский укрывал их в укрепленном Муроме и охранял там своими людьми. Но вскоре явился туда за ними митрополит Иона, которому Шемяка дал клятву оставить детей великого князя на свободе и даже назначить им удел. Рязполовский, отчасти полагаясь на клятву Шемяки, данную всеми чтимому святителю, отчасти опасаясь, что в случае нападения Шемяки не в силах будет отстоять малолетних князей, выдал их Ионе. 6 мая митрополит привез их в Переяславль к Шемяке; последний нарушил свое слово: встретив несчастных детей ласково, он 8 мая отправил их в заточение к их ослепленному отцу, в Углич. Но общее сочувствие к великому князю Василию Васильевичу стало выражаться так ясно, что Шемяка принужден был примириться со своим пленником и даже дать ему в удел Вологду; Василий Васильевич почти немедленно вслед за освобождением своим со всем семейством пошел в Кирилов Белозерский монастырь, где игумен разрешил его от клятвы, данной Шемяке, затем в Тверь, всюду встречая знаки сочувствия и видя постоянное возрастание своих сил. В Твери, в 1447 г., семилетний Иоанн был обручен с пятилетней Марией, дочерью вел. кн. тверского Бориса Александровича. После восстановления своего на московском столе, Василий Васильевич, как бы желая приучить народ видеть Иоанна правителем, старался постоянно держать его на виду: в 1448 г. он был в войске, ходившем против царя Мамутека, в 1449 г. был с отцом в походе против Шемяки; с 1450 г. уже называется во многих грамотах великим князем, рядом со своим отцом. В 1451 г. он был с отцом, когда отец его удалился на север собирать войска против Мазовши. В 1452 г., 4 июля, был обвенчан с обрученной ему Марией Борисовной. В этом же году он ходил в войске, посланном против Шемяки на р. Кокшенгу, в 1454 г. охранял с братом Юрием берег Оки от царевича Салтана, в 1459 г. защищал берег Оки от царя Седи-Ахмата, в 1460 г. опять оберегал переправу через Оку от нового татарского набега; 15 февраля 1458 г. у

него родился сын Иоанн (так называемый Иоанн Иоаннович Молодой). 27 марта 1462 г. умер великий князь Василий Васильевич Темный и Иоанн занял престол московский. 43-летнее правление Иоанна полно замечательными событиями: он соединил под власть великого князя Московского почти всю тогдашнюю восточную Русь - за исключением лишь Пскова и Рязани, существенным образом изменил отношения наши к татарам и первый сознательно начал борьбу с Польско-литовским государством за земли, населенные русским православным населением, которые, по этому, он считал принадлежащими Московскому государству; он начал и умело поддерживал важные сношения с Западной Европой; внутреннее устройство государства занимало его менее, но и тут важно издание им Судебника и увенчавшиеся полным успехом меры по закреплению за Москвой вновь присоединенных областей - Новгорода, Вятки, Твери.

Уделы. - При вступлении Иоанна на престол в Московском княжестве были удельными князьями лишь его четыре брата: Юрий, Андрей Большой, Борис и Андрей Меньшой, II его двоюродный дядя, Михаил Андреевич, князь верейский; самостоятельными еще оставались князья тверские, рязанские, ярославские и ростовские. С Михаилом Андреевичем верейским Иоанн в 1462 г. подтвердил договор, заключенный с ним еще вел. кн. Василием Темным, но в 1465 г., новым договором ограничил его владения и права; в 1463 г. Иоанну уступили свою вотчину князья ярославские и поступили сами к нему на службу; князья ростовские сохранили свою половину Ростова до 1474 года, когда они продали ее великому князю. Мало-помалу Иоанн наложил свою руку на все удельные княжества. В 1472 г. умер старший после Иоанна брат, Юрий, не оставив потомства и не сделав никакого распоряжения относительно своего удела; Иоанн взял было весь его удел себе, но затем явное и сильное недовольство всех остальных братьев заставило его уступить им по несколько волостей; но и при этом Иоанн сумел выговорить у них себе некоторые выгодные условия. В 1480 г. возникло у Иоанна новое столкновение с братьями. К Борису волоцкому отъехал князь Оболенский-Лыко, приговоренный Иоанном уплатить значительную сумму лучанам и жителям Ржевы за разграбление их земли; Иоанн, вопреки старинному праву отъезда, послал своих слуг схватить его в уделе Бориса; первая попытка исполнить это приказание не удалась и Борис заявил, что не допустит взять Оболенского; но тем не менее этот последний был захвачен силою. Тогда братья великого князя, негодовавшие на него и за удел Юрия, и за то, что он ничего не дал им после присоединения Новгорода, поднялись против него. Они двинулись в новгородскую область, надеясь встретить там поддержку. Первая попытка великого князя уговорить их не имела успеха; только второй посланец Васиан, епископ ростовский, убедил их вступить в соглашение с великим князем; братья остановились и послали в Москву для переговоров, но одновременно просили помощи и у Казимира, короля польского. Иоанн согласился на некоторые уступки, особенно ввиду того, что в то же время на Русь двинулись татары; но братья не приняли его предложений. Когда же Казимир

отказался им помочь и первые татарские отряды ушли, они уменьшили свои требования, но были отвергнуты уже великим князем. Однако, с появлением Ахмата на р. Угре, Иоанн снова согласился на уступку братьям некоторых волостей и они явились со своими дружинами к его войску, стоявшему против татар. В 1481 г. взаимные уступки братьев подтверждены были договорами, причем Иоанн успел примириться с братьями на различных условиях, этим разъединил их и сделал еще менее опасными для себя. В 1481 же году умер князь Андрей-Меньшой вологодский и Иоанн получил по его завещанию весь его удел, в уплату за его долг великому князю в 30000 руб. В 1484 г. умерла вдова Василия Темного, великая княгиня Мария Ярославна, в значительной степени смягчавшая столкновения своих сыновей. В 1480 г. Иоанн заключил с оставшимися в живых братьями новые договоры и обязал их не сноситься ни с какими посторонними владельцами и отказаться от всяких притязаний на земли, принадлежащие великому князю. В 1491 г. Андрей-Большой и сыновья его Иоанн и Дмитрий были захвачены и заточены, за то, что вопреки договорам Андрей не послал своих полков с полками великого князя, удел его присоединен к Москве; Андрей и умер в заключении в 1494 г.; вслед за ним умер и Борис волоцкий; его удел достался его сыновьям Федору и Иоанну; Иоанн Борисович умирая в 1503 г., завещал свою часть великому князю, называя его уже государем. Еще ранее Иоанн присоединил и Верейское княжество. В 1482 г. верейский князь завещал свою вотчину, Белоозеро, по своей смерти, великому князю. Но уже в 1485 г. Иоанн отнял у него удел, разгневавшись, или притворившись разгневанным, за то, что Мария, жена сына Михайлова, Василия, племянница Софии Фоминишны, получила от последней в подарок некоторые драгоценные вещи, оставшиеся после смерти первой жены Иоанна. Князь Василий Михайлович бежал в Литву, а отцу его удел был возвращен уже лишь пожизненно и как служилому князю. Михаил в том же году и умер и в завещании он называет Иоанна государем; Иоанн приглашал кн. Василия вернуться из Литвы и вступить на службу к нему, но дело это не состоялось.

Тверь. - Тверское княжество было присоединено к Москве в 1485 г. Великий князь тверской, Михаил Борисович, шурин Иоанна, жил сначала с ним в мире, подтвердил свою прежнюю договорную грамоту, написанную еще при вел. кн. Василии Васильевиче, и помогал Иоанну в обоих новгородских походах. Но после этого приобретения, после свержения татарского ига, после усиления Иоанна на счет братьев, тверской князь, очевидно, понял, что и его владения в скором времени будут поглощены Москвой. Он думал отвратить это с помощью Казимира польского, женился на его внучке и заключил с ним договор, содержащий прямые нарушения его прежних обязательств пред московским великим князем. Произошла война, конечно удачная для Иоанна (в 1485 г.). По новому договору князь тверской сделал Иоанну новые уступки и в некоторых отношениях уже потерял свои права, как равноправный союзник. Иоанн стал явно теснить Тверь: в пограничных спорах если тверичи жаловались на москвитян, то никогда не могли добиться управы, а при недо-

вольствию московитян на тверичей - Иоанн грозно требовал удовлетворения. И вот из тверских владений множество народу пошло в московскую область; и этом нельзя не видеть явной симпатии русского народа к так ясно обозначившемуся в деятельности Иоанна стремлению объединить Русь: ведь обыкновенно, без такой симпатии, пограничные споры ведут не к переселению с одной стороны на другую, а лишь к взаимному ожесточению. В таких обстоятельствах Михаил Борисович снова попробовал завести сношения с Казимиром; но посол его был перехвачен; не принимая оправданий, Иоанн 21 августа 1485 года выступил против Твери; 8 сентября Тверь была обложена, 10 начались под Тверью военные действия, 11-явились из Твери бояре и били челом на службу великого князя московского: в ночь на 11 сентября князь Михаил Борисович бежал в Литву. Вся Тверь присягнула Иоанну; он принял на службу всех тверских бояр, особою грамотою утвердил за ними их земельную собственность. 15 сентября князь Иоанн Иоаннович Молодой был назван великим князем тверским; наместником в Твери был оставлен боярин Василий Федорович Образец-Добринский. В 1492 г. тверские земли были переписаны по-московски в сохи.

Из всех тогдашних княжеств только Рязанское осталось самостоятельным; но Иоанн имел в Рязани сильное влияние: князь рязанский, Василий Иванович с 1456 г. воспитывался в Москве, порученный своим отцом, пред смертью великому князю Василию Васильевичу; в 1462 г., когда князю рязанскому исполнилось 14 лет, Иоанн выдал за него сестру свою Анну и отпустил его в Рязань. Василий умер в 1483 г., оставив двух сыновей, Иоанна и Феодора, между которыми и разделилось Рязанское княжество и которые слушались во всем своей матери, Анны, сохранившей близкие связи с Москвой; в 1503 г. младший Феодор умер бездетным и завещал свой удел, приблизительно третью часть рязанской земли, великому князю московскому.

Новгород. - Но самым важным шагом Иоанна в объединении Руси было, конечно, присоединение Новгорода. Московские князья еще со времени Калиты постоянно боролись с Новгородом, часто имели успех, брали с богатого города большие деньги, но никогда не могли окончательно подчинить его свое и власти. Под конец жизни Василия Темного отношения великого князя московского к Новгороду снова стали натянутыми. Когда вступил на престол Иоанн, новгородские правителя начали действовать решительнее и враждебнее: земли, давно уже уступленные великим князьям московским, они стали снова подчинять своему распоряжению, задерживали пошлины, следовавшие Москве, обращались дерзко с наместниками великокняжескими. Иоанн молчал, частью занятый отношениями казанскими, частью, вероятно, чтобы дать вопросу назреть до необходимости окончательного решения; желая, при этом, быть совершенно правым пред новгородцами, он строго соблюдал "старину" в отношениях к ним: когда Псков в 1463, 1464, 1468 и 1469 гг. просил особого епископа, чтобы не быть подчиненным в церковном отношении Новгороду, в Москве на это не согласились. Иоанн знал, без сомнения, от

своих сторонников о существовании в Новгороде литовской партии и о ее действиях, но ограничивался только напоминаниями, что новгородское духовенство не должно иметь никакого дела с литовским, потому что там митрополит униат, ученик и ставленник Исидора, и что поэтому сношение с ним будет изменою православию. В 1470 г. в Москву явился с обыкновенными земскими делами новгородский посадник Василий Ананьин и на представленные ему в Москве вопросы относительно последних новгородских событий отказался дать ответ, отозвавшись, что не имеет от Новгорода поручения говорить об этих делах. Иоанн отпустил его с выговором и предостережением новгородцам, и сам послал грамоту во Псков, приказывая готовиться к действиям против новгородцев. Псковичи сообщили об этом в Новгород, предлагая свое посредничество; оно, конечно, было отвергнуто, а самое известие о приготовлениях великого князя вызвало в Новгороде еще большее движение; псковичи отвечали великому князю, что готовы ему помогать. Посольство от Пскова пришло в Новгород как раз в то время (в ноябре 1470 г.), когда решено было, все-таки, что нареченный в архиепископы Феофил поедет ставиться в Москву и когда, следовательно, еще была надежда на то, что отношения к великому князю уладятся мирно; но это известие вызвало вспышку ненависти к Москве и литовская партия осилила; к королю Казимиру было отправлено посольство, которое и заключило с ним договор о подчинении ему Великого Новгорода. Увещения Иоанна и митрополита Филиппа остались без последствий. В мае 1471 г. Иоанн по совету с братьями, с митрополитом и боярами решил двинуться на Новгород; было сомнение, не подождать ли зимы, как времени, более удобного для движения в болотистой новгородской земле; но решено было выступить немедленно и на счастье Иоанна лето случилось такое жаркое и сухое, что войско не встретило никаких затруднений от болот. Походу был придан отчасти религиозный характер: Иоанн, как великий князь Дмитрий Иоаннович, перед походом против Мамаю, молился у гробов своих предков и у мощей святых угодников, раздавал милостыню; московский летописец почти с ненавистью говорит о новгородцах, высказывая мысль, что они хуже язычников, потому что те искони не знают Бога, а эти знали и отступили от истинной веры. Иоанн 23 мая послал в Новгород объявление войны, 31 мая отпустил отряд на Двинскую землю и в Заволочье, 6 и 13 июня выступили из Москвы отряды, назначенные действовать против самого Новгорода, 20 июня выступил из Москвы и сам великий князь, взяв с собою братьев Юрия, Бориса и Андрея Меньшого, князя Михаила Андреевича верейского и сына его Василия, царевича Даниара и, наконец, дьяка Семена Бородатого, знатока летописей, чтобы обличать новгородцев историческими справками; управление государством в Москве было поручено князю Андрею Большому и сыну Иоаннову, Иоанну Молодому. 29 июня, когда Иоанн стоял в Торжке, к московской рати присоединилась тверская и пришло посольство из Пскова объявить, что Псков сложил крестное целование к Новгороду; Иоанн приказал псковичам двинуться тоже; 10 июля великий князь был в Вышнем Волочке. Уже 23 июня князь Холмский имел первую и удачную для москвитян стычку у Коростыня, на берегу Ильменя, а

14 июля тот же князь Холмский одержал блестящую победу при р. Шелони; выставленное Новгородом войско было рассеяно; в числе пленных был сын знаменитой Марфы Борецкой, степенный посадник Дмитрий Исакович Борецкий, в числе трофеев - подлинный договор с королем Казимиром; 24 июня в Старой Русе великий князь приказал казнить Борецкого и трех других знатнейших пленников; 50 менее знатных были отправлены в заточение в Москву и в Коломну. 27 июля Иоанн расположился станом на берегу Ильменя. Сюда вскоре явились новгородские послы с покорностью; но только через несколько дней принял их великий князь и склонился на их просьбы о мире. 11 августа 1471 г. заключен был в с. Коростыне договор, по которому Новгород обязался возвратить захваченные земли великого князя, платить великому князю "черную" дань (по-видимому поголовный сбор с черных людей, т. е. с крестьян), а митрополиту судные пошрины, обязался высшую судебную власть признавать за великим князем, королю польскому не подчиняться, архиепископа ставить только на Москве и заплатить великому князю 15500 руб. (более 70 пудов серебра). Иоанн целовал крест на соблюдение условий мира. Уже после его заключения пришла весть, что 27 июля и в Заволочье воеводы великого князя с четырехтысячным отрядом совершенно разбили 12-тысячное войско новгородское. 1 сентября 1471 г., в тогдашний первый день нового года, Иоанн торжественно вступил в Москву, за 20 верст от города встреченный сыном, братом и множеством народа. В декабре того же года освобождены были заточенные новгородские пленники, о которых в церкви с амвона просил великого князя архиепископ новгородский Феофил в самый день своего посвящения. В 1472 г. воевода великого князя кн. Федор Пестрый привел к повиновению великому князю Пермь, которая была уступлена Новгородом Москве, но не хотела мирно подчиниться.

В Новгороде, по-видимому почти сохранившем свою прежнюю самостоятельность, не утихла вражда партий и происходили ссоры между боярами, сопровождавшиеся взаимными грабежами и даже убийствами. 21 ноября 1475 г. приехал в Новгород "миром", но "на суд и на управу" великий князь и пробыл там до 26 января 1476 г. 25 ноября он стал разбирать взаимные жалобы новгородцев и приказал несколько главных обидчиков, известных сторонников литовской партии, взять под стражу. Окончив эти дела, великий князь жил в Новгороде, принимая и давая пиры; по старинному обычаю он получил множество даров; в это же время были в Новгороде послы шведские, которых Иоанн угощал, но договор с которыми, по обычаю, велел заключить от имени Новгорода посадникам и владыке. При отъезде, опять-таки согласно договорам, Иоанн не взял никаких даров; 8 февраля 1476 г. он вернулся в Москву. Вслед за ним туда прибыл архиепископ Феофил с ходатайством об освобождении заключенных, но эта просьба не была удовлетворена. Внутреннее положение Новгорода осталось таково, что многие обиженные начали, вопреки одной из тех привилегий, которыми Новгород наиболее дорожил, являться на суд в Москву, не ожидая, когда великий князь приедет в Новгород.

В феврале 1477 года явились в Москву по некоторым обыкновенным делам новгородские послы, подвойский Назар и вечевой дьяк Захар, и при челобитьи назвали Иоанна не "господином", как называл вообще Новгород великого князя, а "государем" (или, как тогда говорили, государем). Летописец отмечает это, как факт совершенно необычный; называние государем по тогдашним понятиям обозначало более полную степень подчиненности и подданства, чем называние господином; из всех князей впервые назвал так Иоанна умиравший князь Михаил Андреевич верейский в 1485 г. В Москве, впрочем, или не сразу напали на мысль воспользоваться фразой послов, или, быть может, подготавливали необходимые для дальнейших действий силы: она произнесена была в марте, а только 24 апреля отправлены были из Москвы послы, спросить новгородцев, какого они хотят государства? и ехали эти послы так медленно, что прибыли в Новгород лишь 18 мая. В Новгороде вечу до самого их прибытия ничего не было известно об этих происшествиях; надо думать, что Назар и Захар не случайно оговорились, а что дело это было кем то подстроено. Вопрос великого князя, предъявленный на вече, вызвал сильнейшее волнение; слышались обвинения, что дело это устроено боярами, начались шумные собрания; на вече 31 мая двое были убиты, шесть человек подверглись побоям и оскорблениям. Около шести недель продолжались в Новгороде вызванные этим происшествием волнения, но послы великокняжеские жили в Новгороде все это время спокойно, новгородцы их не тронули и, наконец, отпустили их в Москву с честью, поручив передать великому князю, что смута эта возникла по злему умыслу некоторых людей, а что они просят великого князя держать их во всем по старине. Великий князь собрал своих близких и жаловался пред ними, что новгородцы его оскорбили, сами предложили ему сначала "государство", а потом его "снимают"; решено было идти на Новгород войною. Нечего, конечно, и говорить, что все это было лишь предлогом, которого Иоанн давно ожидал, чтобы покончить с Новгородом. Быстро собрана была рать; 30 сентября послано было в Новгород объявление войны; 9 октября Иоанн выступил сам, оставив в Москве сына своего Иоанна Молодого; посланцев новгородских, ехавших к великому князю просить "опаса", т. е. охранной грамоты для великих послов, не велел пускать к себе; во время пути к нему присоединилось ополчение тверское, а во Псков был послан приказ двинуться на Новгород. Только 8 ноября уже великий князь приказал отпустить прежних новгородских посланцев, дав им грамоту для свободного проезда больших послов. 23 ноября, когда Иоанн стоял уже в Сытине, в 30-ти верстах от Новгорода, явились к нему архиепископ Феофил, в сопровождении пяти старых посадников (Якова Короба, Феофилакта Захарьина, Луки Федорова, Якова Федорова и Луки Исакова Аполинарьина) и пяти представителей от концов; это посольство смиренно било Иоанну челом, называя его государем, чтобы он помиловал свою отчину. Великий князь ничего не ответил на их челобитье, но позвал их обедать. На другой день послы предложили боярам, которых назначил великий князь вести с ними переговоры, уплачивать великому князю через три года в четвертый по 1000 рублей, во всем же остальном они думали сохранить старинное

свое положение. Вместо ответа Иоанн приказал полкам придвинуться к Новгороду и на другой день отпустил послов, которым его бояре перечислили их вины по отношению к великому князю, но не сообщили им требований Иоанна, а сказали: "князь великий говорит: захочет Великий Новгород нам бить челом и он знает, как ему нам бить челом". К 30 ноября город уже был совершенно обложен; там происходили волнения; была партия, стоявшая за отчаянную оборону; но восторжествовала сторона, считавшая необходимыми уступки. 4 декабря явился вновь владыка Феофил, но был отпущен с прежним ответом; 5 декабря послы вернулись и повинились, что Назар и Захар назвали Иоанна государем по приказу Новгорода. Тогда им ответили: "если так, то вы все провинились перед великим князем и вот его воля: он хочет государствовать в Новгороде, как на Москве".. Получив два дня на размышление посольство, в еще увеличенном составе, вернулось 7 декабря и предложило разные условия со своей стороны; бояре Иоанна отвечали, что это уже не государствование, когда оно ограничено условиями и на ответ, что они не знают обычая московского, им было сказано: "государство наше таково: вечу и посаднику в Новгороде не быть, все государство нам держать, иметь нам в новгородской области села и земли; суд сохраним по старине, вывода не бойтесь". Только 17 декабря вернулись послы с согласием на эти требования, но просили, чтобы великий князь, или его братья, или хотя воеводы по приказу великого князя целовали крест - но получили отказ; даже не были отпущены посоветоваться в Новгород; только 29 декабря по просьбе послов дана была им аудиенция у великого князя и они из его собственных уст услышали повторение обещаний, данных 7 декабря, и были отпущены в Новгород. Далее шли еще переговоры о даянх великому князю и об отбираемых им у монастырей землях, причем Иоанн сделал небольшие уступки в первоначальных требованиях: именно, сначала Иоанн хотел взять половину вотчин из всех монастырских и владычных и всю новоторжскую область, а затем согласился взять половину земли только у шести наиболее богатых монастырей (Юрьевского, Благовещенского, Аркажа, Антониева, Никольского Неревского и Михайловского на Сквородке), а у владыки, вместо половины, земли, взял всего 10 волостей; затем великий князь уменьшил вдвое размер поземельной дани, которую хотел брать сначала и согласился не посылать писцов переписывать новгородскую землю; новгородцы должны были дать точные сведения сами, под страхом жестоких наказаний за утаенную землю. 18 января 1478 г. весь Великий Новгород бил челом великому князю о принятии в его службу. 20 января Иоанн извещал об этом грамотою мать, сына и митрополита; заместниками в Новгород были назначены два брата князя Оболенские, Иван Васильевич Стрига и Ярослав Васильевич. Были захвачены Марфа Борецкая с внуком, еще шестеро новгородцев, имение их отобрано на великого князя, сами они отправлены в заточение; после отъезда великого князя снят был вечевой колокол, отвезен в Москву и там повешен на колокольне Успенского собора, звонить вместе с прочими. Выехав из Новгорода 17 февраля, Иоанн 5 марта возвратился в Москву.

Но Новгород еще не забыл своей прежней воли и еще не раз пришлось действовать Иоанну против него силою. В 1480 г., когда возникли слухи о движении на Московское княжество Ахмата, новгородцы снова начали какие-то сношения с Казимиром. 26 октября Иоанн, взявши только 1000 человек и приняв возможные меры, чтобы новгородцы не получили весть о его движении, двинулся к Новгороду; при его приближении новгородцы затворились и решили защищаться; Иоанн получил подкрепления и начал обстреливать город; Новгород тогда вскоре смирился и принял Иоанна; немедленно были схвачены и высланы до 50 чел., затем обнаружено участие в заговоре Феофила, он сведен с кафедры и отправлен на заточение в Чудов монастырь; до 100 человек было казнено, столько же семей переселено в другие города; при подчинении Новгорода жители были обнадежены, чтобы не боялись вывода; но теперь после новой смуты меру эту стали применять. В 1481 и 1484 гг. происходили в Новгороде подобная же расправа, но в меньших размерах; в 1487 г. в Новгороде четыре месяца стоял московский отряд и было выведено 50 семей; в 1488 г. открылось намерение убить великокняжеского наместника; многие были казнены, выведено было более 700 новгородцев и взамен их поселены были переведенцы из других городов. Но наиболее сильный удар нанесен был Новгороду прекращением торговых сношений с Ганзою в 1494 г. Со времени полного подчинения Новгорода великому князю, его наместники предъявляли все более и более требований к купцам ганзейским; при самом уже взятии Новгорода несколько этих купцов были заключены под стражу и на некоторое время торговые сношения прекратились; потом они, однако же, были восстановлены. В 1494 г. летом явилось в Москву посольство от Ганзы и, обменявшись с великим князем дарами, представило жалобы на притеснения со стороны московских наместников в Новгороде; в ответ на это с русской стороны выставлены были подобные же претензии и жалобы. Послы, впрочем, были отпущены из Москвы, но по дороге уже под Бронницами, недалеко от Новгорода, арестованы, а 5 ноября 1494 г. все купцы немецкого двора в Новгороде были арестованы, товары взяты на великого князя и самый двор заперт. Всего были схвачены 49 купцов; большинство из них в 1497 г. были отпущены, но четверо так и остались в заключении в Москве. После этого торговые сношения с Ганзою уже не были восстановлены; в 1514 г. заключен был с Ганзою торговый договор на 10 лет, но немецкий двор в Новгороде уже не был открыт. Иоанн, по-видимому, желал вести коммерческие сношения с Западной Европой без посредства Ганзы, которая во всяком случае извлекала больше выгоды из торговли с Новгородом, чем доставляла ему.

Важнейшая колония Новгорода, земля Вятская, сохранявшая значительную степень самостоятельности и по отношению к Новгороду, первое время правления Иоаннова не подчинялась и ему; в 1466 г. вятчане даже опустошали ближайшие к ним владения великого князя, в 1469 г. отказались помогать его воеводам против Казани; но в борьбе против Новгорода вятчане помогали Иоанну. В 1485 и 1486 гг. вятчане опять воевали земли великокняжеские.

Тогда, наконец, в 1489 г., утвердив уже свое влияние в Казани, великий князь отправил против вятчан значительную рать под начальством князя Даниила Щени и Григория Морозова, которые принудили к сдаче главный город вятской области Хлынов и самих вятчан заставили присягнуть великому князю; три главные противника московского владычества были казнены, много семейств разослано из Вятки в московские города; мелкие местные князья были привезены в Москву, но затем отпущены обратно в их владения, в качестве уже князей служилых.

Псков. - Отношения со Псковом при Иоанне сохранили прежний характер. И Москва и Псков очень часто сталкивались с одним и тем же врагом, Новгородом, и это сближало их; кроме того, начиная еще с вел. кн. Василия Дмитриевича, московские князья охотнее и деятельнее всех других князей подавали помощь Пскову, когда он нуждался в поддержке против немцев и уже с того времени замечается, что с одной стороны - Псков тяготеет к Москве, а с другой - что московские князья поддерживают, где только было можно, Псков; впрочем, в одном отношении псковичи никогда не успевали, несмотря на все старания: в Москве ни за что не разрешали им обособиться от Новгорода в церковном отношении. И при Иоанне были отклонены просьбы псковичей, клонившиеся к этому, представленные в 1463, 1464, 1468 и 1469 гг. Вообще Псков покорно исполнял требования великих князей, а Иоанн со своей стороны поддерживал прежние добрые отношения, не делая, однако же, и больших уступок; псковичи помогали Иоанну в обоих новгородских походах 1471 и 1477 гг. Наместником во Пскове бывал всегда князь, назначенный князем московским; у наместников этих постоянно возникали столкновения с Псковичами, разрешать которые приходилось великому князю. В 1462 г. псковичи выгнали от себя кн. Владимира Андреевича, данного им еще Василием Темным; Иоанн не сразу принял посольство псковичей по этому поводу, но затем умиловленный просьбами и дарами, позволил псковичам самим выбрать для себя наместника, и они получили сначала кн. Ивана Александровича Звенигородского, а затем - кн. Федора Юрьевича. В 1472 г. псковичи попросили заменить кн. Федора Юрьевича князем Иваном Васильевичем Стригой Оболенским; великий князь ответил, что кн. Стрига ему самому нужен и дал им его брата кн. Ярослава Васильевича. Но с этим князем псковичи не ужились в мире; уже в 1475 г. обе стороны жаловались друг на друга: решением великого князя неправыми были признаны псковичи и принуждены были заплатить своему наместнику 130 р., но несогласие у них не прекратилось и в 1477 г., после новых, уже кровавых столкновений, и, особенно, вероятно, ввиду предстоявшего столкновения с Новгородом, Иоанн дал псковичам нового наместника, кн. Василия Васильевича Шуйского. Однако, в 1482 г. во Пскове опять наместником был кн. Ярослав Васильевич; при нем произошли в 1484-1486 гг. большие смуты по делу о смердах, отказавшихся от некоторых работ на основании новых грамот, составленных князем Ярославом без ведома веча; великий князь своим вмешательством старался вернуть отношения к их прежнему положению. В 1480 году во

Псков явились братья великого князя, во время ссоры своей с Иоанном; псковичи просили их идти против немцев; но князя требовали, чтобы сначала Псков принял их жен и детей; тогда псковичи отвечали, что они не могут быть с ними в дружбе, когда они поднялись против великого князя, и князя выехали из псковской области, грабя и опустошая все по пути. В 1480-1483 гг. воеводы великого князя деятельно поддержали Псков в столкновении его с ливонским орденом. В 1499 г. Иоанн, приблизив к себе снова Софью и сына своего Василия, бывших пред тем в опале, назвал Василия великим князем Новгорода и Пскова; псковичи отправили послов просить, чтобы у них был тот же великий князь, что и на Москве; этот слабый протест против распоряжений великого князя вызвал с его стороны суровое замечание псковичам. Почти уничтожив раздробление в собственно московском княжестве, покорив Новгород, а затем и Тверь, Иоанн продолжал собирание Русских земель и присоединил к своему княжеству несколько областей, принадлежавших в то время великому княжеству Литовскому. В действиях своих, направленных к этому присоединению, Иоанн обнаружил свою обычную осторожность, твердость, настойчивость и вместе с тем показал, что стремится совершенно сознательно именно к соединению в одно государство всех областей, занятых русским православным населением: впервые в сношениях с Александром литовским выставил он титул "государь всея Руси" и настоял на его признании; утверждая постоянно относительно всякого нового приобретения, какое бы ни делала Москва от Литвы, что это есть лишь возвращение прежде принадлежавшего преемникам св. Владимира, он заявлял притязания на все земли, находившиеся во власти князей литовских, но когда-либо принадлежавшие русским князьям, и в то же время начал принимать на себя роль защитника православия в Литве.

Отношения литовские и польские. - Первое время правления Иоаннова у него не было прямых враждебных столкновений с тогдашним королем польским и великим князем литовским Казимиром: границы Москвы и Литвы почти не соприкасалась друг с другом, на большом пространстве разделенные владениями тверскими и новгородскими; но Иоанн и Казимир постоянно являлись соперниками. Казимир обещал помощь Новгороду, обещался помочь князю тверскому, вступал в сношения с недовольными братьями Иоанна; он поднимал против Иоанна Золотую Орду, старался разрушить дружественные отношения к Москве крымского хана, но действовал вообще нерешительно и не довольно искусно и не успел помешать Иоанну ни в одном его важном предприятии, тем более, что его внимание от востока постоянно отвлекали отношения к Чехии и Венгрии, на престол которых Казимир старался постоянно посадить своих сыновей, что ему, наконец, и удалось. Со своей стороны, великий князь московский поднимал на Литву и Польшу хана крымского и Стефана, воеводу молдавского, приводил в свое подданство мелких пограничных самостоятельных князей и успел нанести Польско-литовскому государству значительно больше ущерба и хлопот, чем Казимир Москве. В 1473 г. небольшая рать великого князя сделала нападение на литовские области у

Любутска; после присоединения Новгорода в 1478 г. Иоанн решительным образом отклонил притязания Казимира получать некоторые доходы с Великих Лук и Ржева, которые шли королю польскому прежде, при новгородском владычестве над этими городами; Казимир неоднократно повторял свои требования, но в ответ слышал лишь утверждение, что за ним много вотчин великого князя, а что за великим князем его вотчин нет; впрочем, относительно Казимира Иоанн как будто бы, не решался действовать более круто и до решительных и открытых столкновений дело дошло только к концу 1492 года. На границах Московского и Литовского княжества лежала, так называемая тогда, "страна князей"; тут находились мелкие самостоятельные князья, из которых одни служили князю московскому, но большая часть признавали над собою верховную власть великого князя литовского и служили ему частью со своими родовыми вотчинами, частью с пожалованными от него на известных условиях. Князья эти постоянно ссорились между собою за границы своих владений и за право владеть тем или другим городом, на основании старейшинства и других родовых отношений. В эти ссоры князей, служивших Литве, вмешивались и соседние и родственные им князья, служившие Москве. Казимир польский относился к этим спорам и ссорам князей недостаточно внимательно и дал возможность Иоанну воспользоваться ими к своей выгоде. И вот, с конца 80-х годов не редко к таким спорившим князьям являлся московский посланец и объявлял, что великий князь Иоанн Васильевич хочет их беречь, жаловать, примет их в свою службу с городами и областями и будет защищать за ними те владения, с какими они явятся в московскую службу. Такие внушения действовали. Еще в 1482 г. отъехал к Иоанну кн. Федор Иванович Бельский; а в конце десятилетия идет целый ряд отъездов, причем каждый князь отъезжал со своею вотчиною, а иногда еще удерживал и данные ему для службы литовским князем города: сначала отъехал кн. Иван Михайлович Воротынский, затем в 1489 г. кн. Дмитрий Федорович Воротынский, в 1490-кн. Иван Васильевич Бельский, в 1492-князь Семен Федорович Воротынский, который, не получив от Казимира вознаграждения за земли, отнятые у него кн. Дмитрием Воротынским при переходе в московскую службу, сам последовал его примеру и тоже захватил два города, и кн. Иван Михайлович Воротынский, а в 1493 г. - князь Михаил Романович Мезецкий и князь Андрей Юрьевич Вяземский; немного ранее перехода двух последних началась уже открытая война у Иоанна с Литовским князем; в то же время в Москве был казнен кн. Иван Лукомский, тоже отъехавший из Литвы и обвиненный теперь в намерении отравить великого князя.

В конце 1492 г. умер Казимир; на престоле польском ему наследовал сын его Ян Альбрехт, а на литовском - второй сын Александр; тогда Иоанн решился действовать энергичнее и, направив на Литву Менгли-Гирея крымского, послал и свою рать под начальством кн. Федора Оболенского; были взяты Мезецк, Любутск, Хлепень, Рогачев, Мещевск, Серпейск, сожжен Опаков; на этом остановились завоевания, потому что уладилось дело о браке между Александром литовским и дочерью Иоанна и Софии, Еленой, переговорами о

чем Александр тщетно думал остановить войну; по мирному договору 4 февраля 1494 г. к Москве отошли Вязьма, Серенск, половина Мезецкой волости; князья новосильские, одоевские, воротынские и белевские признаны подданными московскими; за Иоанном признан титул государя всея Руси. После заключения мира 13 января 1495 г. Иоанн отпустил свою дочь Елену в Литву, в замужество за князя Александра. Первое предложение по поводу этого брака было сделано 14 июня 1492 г. в самом начале войны в Новгороде, тамошнему воеводе Якову Захарьичу наместником полоцким Забережским через своего писаря, приехавшего в Новгород как будто бы за разными покупками. Яков Захарьич сам приехал в Москву сообщить об этом великому князю и Иоанн, по совету с боярами, 17 октября приказал ему дать благоприятный для дальнейших переговоров ответ. Забережский писал по этому делу кн. Юрию Ряполовскому, а затем в январе 1494 г. приехал в Москву от Александра посол, Станислав Глебович, который сначала повел переговоры по поводу войны, а затем заговорил и о сватовстве; с обеих сторон взаимно обвиняли друг друга в обидах и нарушении мира; вообще же с литовской стороны хотели заключить договор о свадьбе прежде заключения мирного, а московское правительство твердо стояло на том, что прежде надо решить вопрос о мире; во время неоднократных пересылок по этому поводу из Литвы в Москву и обратно, 5 января 1493 г. посланный в Литву дворянин Загряжский впервые привез туда грамоты с титулом: "Иоанн, Божию милостью государь всея Руси" и т. д.; литовский князь в январе 1494 г. прислал больших послов Петра Белого Яновича, воеводу трокского и Станислава Гаштольдovichа Яновича, старосту жмудского. Они и заключили мир на указанных выше условиях и вместе с тем покончили дело о браке Елены с Александром; получив торжественные уверения, что великой княгине не будет притеснения в вере, Иоанн 6 февраля 1494 г. обручил дочь Александру, причем место жениха занимал второй посол, пан Станислав, потому что первый посол был женат вторым браком. Затем князья Василий и Семен Ряполовские отправлены были послами в Литву, чтобы привезти письменное обещание Александра, что Елене не будет принуждения в вере; вслед за их возвращением прибыло за невестой новое великое посольство и 13 января 1495 г., после торжественной обедни в Успенском соборе, Иоанн отпустил дочь в Литву. 15 февраля она была обвенчана в Вильне со своим нареченным женихом. Однако, брак этот, как и надо было думать, не улучшил отношений между Москвою и Литвою; каждая сторона надеялась и желала извлекать из него выгоды только для себя и столкновения не замедлили возникнуть. Александр почти немедленно после брака перестал в своих грамотах называть Иоанна государем всея Руси; присланных с Еленой из Москвы бояр и боярынь отправил против желания Иоанна из Литвы обратно в Москву, говоря, что у него довольно и своих слуг, и окружил супругу, к великому неудовольствию тестя, слугами католиками; обещанной церкви для великой княгини не выстроил, ссылаясь на то, что по привилегиям он не имеет права строить в своей стране новых церквей греческих и что вблизи дворца есть церковь, удобная для посещений великой княгини; наконец в Москву постоянно доходили слухи о том, что великую

княгиню принуждают к перемене веры и хотя сама Елена в письмах утверждала противное, Иоанн постоянно укорял этим Александра. Со своей стороны Иоанн не только не особенно ревностно старался удержать Менгли-Гирея от нападений на литовские земли, но вскоре даже начал подстрекать его к таким нападениям; не удерживал от враждебных отношений к Литве и Стефана молдавского; он не очищал тех из занятых его войсками земель, которые по мирному договору должны были перейти к Литве и по-прежнему старался переманить на свою сторону пограничных князей, остававшихся в литовском подданстве; с той и другой стороны очень мало делалось для устранения пограничных столкновений или хотя бы для прекращения возникавших. Сношения между зятем и тестем становились все более и более натянутыми, холодными и наконец совершенно прекратились. В феврале 1498 г. Москва и Литва обменялись, однако, посольствами, по поводу того, что в Литве был задержан русский посол к султану, Плещеев; затем опять не было никаких сношений до 30 мая 1499 г., когда до Иоанна дошло окольным путем известие из Литвы, утвердительно говорившее, что там поднято гонение на православие и что дочь его Елену тоже принуждают к переходу в латинство. Того же 30 мая отправлен был в Литву гонец с письмами к Елене, в которых великий князь убеждал ее сохранить веру; действительно, известно, что папа побуждал Александра действовать всеми способами, чтобы заставить жену приступить к римскому закону. Вскоре явилось в Москву посольство из Литвы, не прямо по этому поводу, но переговоры коснулись и вопроса о принуждении великой княгини к перемене веры; кроме того, литовские послы представили в Москве добытые ими в Крыму точные копии с тайной переписки великого князя с ханом, в которой Иоанн возбуждал хана к нападению на Литву; таким образом отношения стали только еще более натянутыми. В то же время Иоанну бил челом о принятии в службу князь Семен Иванович Бельский, выставляя ту причину, что в Литве начались притеснения православию; после довольно продолжительных переговоров об условиях подданства Иоанн к началу 1500 г. принял Бельского и отправил в Литву Дмитрия Загряжского сообщить об этом своем решении Александру; вслед за Бельским отъехали к Москве со своими вотчинами князь Мосальские, Трубчевские и другие, а затем приняты были в московскую службу князь стародубский, Семен Иванович, сын князя можайского, захватившего в Троицком монастыре вел. кн. Василия Васильевича, и князь северский Василий Иванович Шемячич, внук заклятого врага отца Иоанна; они принесли с собою Москве Чернигов, Стародуб, Гомель, Любеч, Рыльск, Новгород-Северск и другие города; вместе с объявлением об этом в Литву отправлена была и "складная грамота", т. е. объявлена война; в то же время к Стефану молдавскому и к Менгли Гирею было сообщено о разрыве с Литвою и посланы приглашения идти на Александра. Менгли-Гирей двинулся, а Стефан не хотел было исполнить желания Иоанна, так как из Литвы ему сообщили, что в Москве его дочь Елена, вдова князя Иоанна Иоанновича Молодого, и с сыном ее подвергнута опале; но в 1502 г. напал на литовские земли и он, уверенный Менгли-Гиреем, что сообщенные ему Александром известия сильно

преувеличены. Военные столкновения уже шли на границах еще до отсылки складной грамоты; князья-отъездчики уже занимали прилежащие города литовские; настоящая рать великого князя московского, сначала под предводительством царя казанского Магомета-Аминя и боярина Якова Захарьевича Кошкина, заняла несколько городов, а затем, под главным начальством кн. Даниила Щени, 14 июля 1500 г., в годовщину Шелонской победы, встретила с литовским войском у речки Ведроши, под Дорогобужем и одержала полную победу; сам предводитель литовский, гетман князь Константин Иванович Острожский, со многими другими предводителями, вся артиллерия и обоз попались в руки москвичей. Дальнейшие военные действия шли уже значительно менее энергично; московское княжество не имело еще достаточно сил, чтобы, воспользовавшись первым крупным успехом, нанести Литве еще несколько сильных ударов; хотя уже в 1501 г. опять московское войско одержало победу под Мстиславлем, но вообще дело ограничивалось занятием некоторых городов; осада Смоленска, которую начала в 1502 г. рать московская под начальством сына великого князя Дмитрия Иоанновича (по прозванию Жилка) не удалась и князь Дмитрий ограничился только опустошением окрестных земель. Князь литовский, со своей стороны после сильного поражения, не мог вести войны энергично, к тому же крымцы и Стефан отвлекали его внимание и силы; на помощь великому князю московскому двинулись псковичи, но Александр успел поднять против них Ливонских рыцарей; псковичи и посланная тогда к ним для поддержки московская рать неоднократно и с переменным счастьем бились с немцами; в степях союзник Иоаннов Менгли-Гирей в 1502 г. окончательно истребил последние остатки Золотой орды, предводимые Ших-Ахматом; с этого времени началось то усиление Крымской орды, которое впоследствии сделало враждебными и отношения Крыма и Москвы. Все участники этой борьбы были ею утомлены; в Москву еще в 1500 году являлся литовский посланец просить "опасной" грамоты для больших послов; это большое посольство явилось в Москву 13 января 1501 г., когда уже там было посольство от короля венгерского, Владислава, брата Александра литовского; вскоре приехало посольство от Яна Альбрехта польского; позже прибыли еще послы и от папы Александра VI. Послы Александра литовского привезли письма Елены к отцу, к матери и к братьям, в которых Елена просила, чтобы Польско-литовскому государству дан был сколько-нибудь сносный мир. Посольства предлагали посредничество своих властителей для заключения мира, причем польское и венгерское даже грозили, что Александру будет подана помощь; на это бояре великого князя отвечали его именем, что в таком случае помощь будет оказана неправому, перечисляли все "неисправления" Александра пред великим князем московским и заявили: "говорите вы, чтобы нам в отчину Александра не вступаться, а города и волости, которые наши люди поймали, то их поступить - то эти города, волости и земли из старины наша отчина"; "и не то одно наша вотчина, что те города, которые ныне за нами; но и вся Русская земля, Божьею волею, из старины наша вотчина", говорили бояре московские от имени своего великого князя. Тут впервые, пред лицом польских предста-

вителей русский великий князь прямо и определенно выразил мысль, что города и земли с русским населением, хотя бы и принадлежавшие тогда какому-либо другому государству, считаются в Москве долженствующими принадлежать к России. При этих же переговорах положено было и основание праву русского государя защищать в Литве религиозную свободу православных; литовское посольство косвенно как бы признало это право за Иоанном, представляя постоянно уверения, что православные не испытывают в их земле никаких притеснений за веру. Целуя пред послами крест, что будет соблюдать договор, Иоанн торжественно заявил, что опять начнет войну, если станут снова принуждать дочь его к перемене веры, и будет стоять за это дело "сколько Бог помощи подаст". С 7 марта 1503 г. начались в Москве эти переговоры с прибывшим туда литовским посольством при посредстве посольства венгерского и польского; Александр литовский опять называл Иоанна государем всея Руси; литовские послы предлагали заключить мир на основании прежнего мирного договора, затем венгерский посланец предложил половину захваченного удержать за Москву, половину возвратить; но московский великий князь не согласился ни за что отдавать те города, которые он признавал отчиною великих князей всея Руси; 28 марта 1503 года заключено перемирие по 25 марта 1509 г.; Москва удерживала за собою все земли, принесенные князем Шемячичем и Стародубским, а на время перемирия и все завоевания, - всего 19 городов и 70 волостей; Киев и другие города названы были в избежание пререканий не отчинами, а землями; чтобы взять крестное целование с Александра были посланы в Литву специальные послы; Александр неохотно, только после всяких возможных отсрочек и задержек, присягнул на соблюдение условий договора; когда вскоре после заключения мира, в Польше, престол которой к этому времени занял также Александр, написали в проезжей грамоте одному московскому Послу титул Иоанна не вполне, пропуская наименование "Государь всея Руси", он выразил по этому поводу неудовольствие и заставил Александра объяснять неправильность написания титула тем, что в польских канцеляриях еще не знали, как его следует писать; таким образом на будущее время и с польской стороны было как бы принято обязательство признать за великим князем московским титул "государя всея Руси". Это был последний успех Иоанна в отношении к Польско-литовскому государству: вскоре Иоанн и скончался; получив известие о его смерти Александр немедленно известил об этом Ливонских рыцарей, говоря, что настало время поправить свои дела; в феврале следующего 1506 г. в Москву прибыло польско-литовское посольство, завело речь о возвращении Литве городов, утверждая, что они захвачены Москвою неправильно, но встретило такой твердый ответ, что Александр счел за лучшее соблюдать перемирие.

Казань. - Таковы были отношения Иоанна к частям русской земли, еще не соединившимся с Москвою, и к ближайшему его западному соседу, государству Польско-литовскому; при изложении их мы уже неоднократно встречались с татарами и татарскими отношениями Иоанна; эти отношения имели

большое значение во все время его правления, и были очень важны для Москвы; Иоанн умел отлично пользоваться тем разделением татарского царства на три части, какое создалось к его времени; с ордою Крымскою он все время сохранял дружественные отношения и ею удерживал и ослаблял другую орду, Золотую; а в то же время - сам действовал прямо наступательно по отношению к третьему татарскому царству, Казанскому, наиболее слабому, но вместе с тем наиболее близкому и следовательно беспокойному для московской Руси. В Казани Иоанну удалось утвердить отчасти свое влияние, Золотая орда при нем была окончательно уничтожена ханом крымским; кроме этой услуги Крымская орда оказала существенную помощь Москве, постоянно отвлекая силы и внимание государства Польско-литовского.

С Казанью неприязненные столкновения начались с самых первых лет правления Иоанна. Еще в 1467 году московский служилый царевич Касим получил из Казани приглашение занять престол казанский; Касим сообщил об этом великому князю и Иоанн дал ему отряд войска, который должен был проводить его в Казань и посадить на царство; но сведения Касима о положении дел в Казани оказались неверными: казанский царь Ибрагим встретил его с большим войском и Касим с московским отрядом должен был поспешно отступить. В ответ на это казанцы сделали вторжение в соседние русские области; в декабре того же года и в январе 1468 г. отряд московских детей боярских опустошил земли подвластной Казани Черемисы; в то же время татарские отряды нападали на костромской и на муромский уезд; шайки, действовавшие под Муромом, были разбиты московскими отрядами. Весною русские имели успех против татар на Каме, но за то царь казанский Ибрагим заставил Вятку признать свою власть. Весною же двинулась значительная московская рать под начальством Беззубцева, еще ранее в 1450 г. с успехом водившего русскую рать против казанцев; но в то же время у великого князя получила позволение ехать в Казань ханша, вдова Касима и мать царя Ибрагима, которая обещала примирить Ибрагима с Иоанном; поэтому великий князь послал в Нижний Новгород главному воеводе Беззубцеву, приказание не двигаться на Казань всею ратью, а только отпустить охотников; но когда Беззубцев сообщил это распоряжение войску, то почти все оно высказало желание идти и биться с татарами. Беззубцев никого не задерживал; войско выбрало себе предводителем некоего Ивана Руно, рано утром 21 мая 1469 г. подплыло к Казани, неожиданно на нее ударило, сожгло посады, перебило множество татар и захватило большую добычу; так как возвращаться по Волге назад против течения приходилось значительно медленнее, то рать татарская, двигаясь частью по берегу, частью и на судах, дважды производила нападение на русских, но была отражена. Татары не успели так же помешать другому русскому отряду, который, получив известие, будто войско Беззубцева ушло, заключив мир, решил пройти мимо Казани из Камы на судах; татары сделали на него нападение, но русские пробились, хотя и с большими потерями. Чтобы покончить наконец эти враждебные столкновения, Иоанн летом 1469 же года отправил на Казань сильное войско, под начальством

братьев своих Юрия и Андрея Большого. 1 сентября они подступили к Казани; вылазки татар были отражены, город обложен и обведен острогом; осажденные отрезаны от воды; вскоре царь Ибрагим просил мира и принял его на всей воле великого князя; из условий этого мира мы знаем только, что были отпущены все русские пленные, захваченные за последние 40 лет, т. е., вероятно все бывшие тогда в Казани русские пленники. Этот поход, по видимому, сильно напугал казанцев; почти восемь лет они не решались после этого подняться против Москвы, но, очевидно, только ожидали удобного случая; и в 1478 г., получив ложное известие, будто бы великий князь потерпел под Новгородом решительное поражение и сам раненый едва убежал с тремя спутниками, казанцы немедленно двинулись на Вятку и Устюг; но как, все-таки, велик был у них страх пред Иоанном, видно из того, что когда пришло к этому войску справедливое известие об успехе Иоанна, оно немедленно бросилось в самое поспешное бегство, так что покинуло даже котлы с варившеюся в них пищею. В наказание за это нападение великий князь послал снова под Казань свою рать, которая хотя и не имела против города большого успеха, но все-таки принудила Ибрагима просить мира. В 1482 г. Иоанн еще раз лично сам выступил против Казани; когда он был во Владимире, а рать его уже в Нижнем Новгороде, Ибрагим прислал посольство с челобитьем о мире и Иоанн возвратился без войны. Таким образом Ибрагим, начиная с 1469 г., был до известной степени под влиянием Москвы. В 1486 г. он умер. В Казани произошли смуты и престол захватил после некоторой борьбы старший сын Ибрагима, Алегам; второй сын покойного хана от ханши Нурсалтан, Магмет-Аминь, тоже имел партию, которая желала видеть его царем; после удачи Алегама Магмет-Аминь приехал в Москву и жил здесь при дворе великого князя, пользуясь большим почетом. Иоанн охотно склонялся на его просьбы помочь ему в достижении казанского престола и потому, что находил, конечно, выгодным для себя вмешиваться в дела казанские, и потому, что мать Магмет-Аминя, Нурсалтан вышла замуж за верного союзника Иоаннова, Менгли-Гирея; поэтому, когда и из Казани пришли к Иоанну просьбы жителей защитить их от жестокостей Алегама, он 11 апреля 1487 г. отправил под Казань войско под главным начальством кн. Даниила Холмского, а вслед за ним - 24 апреля и Магмет-Аминя; 18 мая воеводы пришли под Казань, отбили вылазки татар, окружили город тыном, прогнали князя Алгазыя, который тревожил русское войско с тыла, и 9 июля царь Алегам сдался воеводам. На царство именем Иоанна посажен был Магмет-Аминь; Алегам сослан с женою на Вологду, его мать, два брата и сестра в Карголом. Магмет-Аминь платил Иоанну какую то дань и собираясь жениться спрашивал у Иоанна позволения. В 1496 г. по просьбе Магмет-Аминя Иоанн посылал в Казань войско, которое устрало противников Магмета и сохранило за ним царство; но когда войско это ушло, недовольные Магмет-Аминем казанские князья снова призвали шибанского хана Мамука и Магмет-Аминь бежал в Москву. Но кажется еще до его прибытия в Москву явились послы из Казани, просить, чтобы великий князь простил их измену и дал бы кого-нибудь в цари, но не прежнего Магмет-Аминя; в апреле того же года Иоанн послал в Ка-

заны брата Магмета, Абдыл-Летифа, который незадолго пред тем явился из Крыма и получил от великого князя Звенигород: с ним отправлены были князья Семен Холмский и Федор Палецкий, которые и посадили Летифа на царство, в начале мая; 9 мая Магмет-Аминь был отпущен в пожалованные ему города, Серпухов, Каширу и Хотунь. В 1502 г. Летиф, по приказанию Иоанна, был схвачен и приведен в Москву; на его место прислан был снова Магмет-Аминь, но он восстал против Иоанна; уже в начале 1505 г. произошли у него с Иоанном какие-то недружелюбные обсылки грамот; 24 июня посол великого князя и русские купцы, явившиеся на ярмарку, были схвачены, часть их убита, остальные посланы к ногаям; сам Магмет-Аминь получил помощь от ногаев и подступал к Нижнему Новгороду, но татарское войско было отбито воеводою Хабаром Симским, который побудил принять участие в защите города до 300 пленных стрелков литовских, сосланных в Нижний-Новгород; за эту помощь они получили впоследствии свободу и богатые дары. Иоанн не успел уже отомстить Казани: осенью того же года он умер. *Свержение татарского ига.* - Сношения Иоанна с Золотою ордою, хотя и значительно ослабевшею уже, но сохранявшею еще номинально верховную власть над московским княжеством, были постоянно недружелюбны. Иоанн не скрывал уже, что тяготится этою зависимостью; он ни разу сам не ездил в Орду; дань татарам, так называемые "выходы", если и платил, то не особенно исправно; со своей стороны и золотоордынские ханы не могли не видеть и не чувствовать постоянно возрастающей опасности, что Москва сбросит, наконец, с себя зависимость от Орды; потому, Золотая орда охотно шла навстречу всяким внушениям против Москвы. Казимир литовский, постоянно отвлекаемый другими делами от возможности противодействовать усилению Иоанна настолько, насколько он бы того хотел, старался создавать Иоанну затруднения через Ахмата, современного ему хана Золотой орды; в 1470 г. новгородцы, как уже сказано, ожидали помощи от Казимира; он отправил в Золотую орду специального посланца, чтобы возбудить Ахмата к нападению; но Ахмат не скоро успел собраться, его задержал между прочим набег вятчан, которые успели неожиданным нападением захватить самый Сарай и благополучно удалились, увозя множество пленных. Только летом 1472 г. Ахмат пошел на Иоанна; но на берегу Оки встретил уже сильные полки московские, не решился на попытку переправы и ушел в степи, ограничившись взятием и сожжением города Алексина, которому воеводы великокняжеские не успели подать помощи; полки московские подоспели к берегу Оки, когда татары были уже под Алексином, жители которого были задержаны в городе, благодаря корыстолюбию воеводы Беклемишева; но воеводы не имели средств для того, чтобы сразу переправить значительную массу войска; а под Алексином Ока настолько уже глубока и широка, что переправа вплавь в виду неприятеля была слишком опасна. После этого набега между Ахматом и Иоанном заключен был мир и в 1474 г. ездил в орду посланником Никифор Басенок, с которым обратно пришел посол Ахмата с громадным количеством татарских купцов в своей свите; в 1476 г. Ахмат потребовал Иоанна в Орду; Иоанн, конечно, не поехал, но отправил послом Бестужева; подробности этих сноше-

ний неизвестны. Когда Иоанн двинулся во второй свой поход на Новгороду Казимир опять стал поднимать Ахмата и опять татары опоздали: главные их силы пришли, не только тогда уже, когда было покончено с Новгородом, но уже и после того, как Иоанн успел почти примириться с братьями, которые после покорения Новгорода поднялись было против него. Есть известие, что хан Ахмат был страшно раздражен против Иоанна, который, будто бы, в ответ на предъявленное послом требование ехать в Орду, взял у него "басму" (ханское изображение), изломал ее, бросил на землю и, перебив всех послов, кроме одного, отпустил этого последнего в Орду сказать хану, что так будет поступлено и с ним самим, тогда как до того времени князья будто бы встречали пешие ханского посла, бывшего верхом, и слушали ханскую грамоту, стоя на коленях; но этот рассказ не заслуживает доверия, как потому, что находится только в "Сказание о земле царства казанского", источнике, составленном значительно позднее и вообще невысокой достоверности, так и потому, что известные грамоты Иоанна к ханам и ханов к нему делают совершенно невозможным предположение, чтобы существовали подобные обряды не только при Иоанне, но уже при его деде и отце. Летом 1480 г. войска Ахмата приблизилась к московскому княжеству; 16 апреля 1480 г. получил великий князь известие, что Ахмат поднялся на него; немедленно же были высланы на Оку полки московские; 23 июня и сам Иоанн прибыл к войску в Коломну; татары пришли к Оке, когда ее уже охраняли русские. Видя, что тут переправа затруднительна и опасна, хан направился на запад, чтобы пройти через земли своего союзника Казимира и вторгнуться через литовскую границу; к тому же он ожидал и непосредственной помощи от Казимира; но и московские рати пошли тоже на запад и ранее татар заняли линию по р. Угре, тогдашней границе Москвы и Литвы, и оберегали все перевозы и броды. Однако, в Москве почему-то опасались, что татары на этот раз сделают особенные усилия, чтобы прорваться мимо русских войск, и потому стали приготавливаться на случай появления татар под столицею и ее осады. Сам Иоанн приехал во время этого перехода войска из Коломны в Москву; рассказы летописей о его поведении в это время разногласят между собою: одни обвиняют его в трусости, и рассказывают, что будто бы, когда Иоанн 30 сентября подъехал к Москве, в то время, как жители перебирались из посадов в городские укрепления, из толпы раздались голоса, говорившие: "ты, государь великий князь, в спокойное время строго нами правишь и дани берешь большая, а теперь, раздражив хана тем, что ему дани не платишь, оставляешь нас на расправу татарам"; по словам того же летописца в Кремле епископ ростовский Вассиан встретил великого князя грозными укоризнами, называл его "бегуном", и вообще встреча была такова, что великий князь не решился даже жить в Москве, а остановился в Красном селе. Эти летописи говорят, что сын великого князя, Иоанн Молодой, не хотел ни за что последовать примеру отца и не ехал от войска, несмотря на настойчивое требование отца, несмотря даже на приказание, данное великим князем князю Холмскому, насильно отослать его в Москву; наконец в этих летописях читаем и самый неприязненный отзыв о великой княгине Софье, которую Иоанн, вместе с сыном Ва-

силием, отослал на север; летописец называет ее "римлянкой" и говорит, что те местности, через которые она прошла, пострадали более, чем от татарского набега; самое поведение Иоанна объясняется влиянием двух бояр, Ощеры и Мамона, которых будто бы князь великий слишком слушался в этом случае и которые убеждали его вспомнить судьбу его отца, как он попался в плен казанцам, и не рисковать на сражение. Но в других летописях нет такого враждебного отношения к Иоанну; поведение его не представляется в них ни в каком отношении недостойным. Насколько мы можем судить о характере Иоанна, мы знаем, действительно, что он не отличался безрассудною отвагою, но не можем никак сказать, чтобы он проявлял какую-нибудь трусость. Были, вероятно, какие-нибудь обстоятельства, оставшиеся нам неизвестными, которые делали необходимым присутствие Иоанна в Москве: действительно, только в этот приезд Иоанн успел при посредстве матери, примириться с братьями; на какие-то не совсем обычные обстоятельства указывает и то, что в Москве стали готовиться на случай осады, хотя сам по себе набег татар в этом году не представлял ничего особенного, а наконец и еще какое-то странное распоряжение: великий князь перевел в Переяславль, на случай осады, жителей Дмитрова, а в Дмитров послал московичей; быть может летопись, содержащая неблагоприятную для Иоанна версию рассказа, исходит из той партии, которая впоследствии сильно пострадала при опале великой княгини Елены и сына ее, великого князя Димитрия; на такое предположение наводят чрезвычайно резкие отзывы о Софье, и очень мало вероятный рассказ поведений великого князя Иоанна Молодого, сына от первого брака, столь выгодно, за то, рисуящий его сравнительно с отцом; неполная достоверность и недостаточная точность летописной версии, проявляющей большую недоброжелательность к Иоанну, доказывается еще и тем, что по ее словам Иоанн жил в селе Красном две недели, тогда как по официальным данным он пробыл тут всего с 30 сентября по 3 октября, и по летописям же можно доказать, что 9 октября Иоанна уже не было в Москве.

Как бы то ни было, Иоанн, прибыв в Москву, имел совещание с матерью, митрополитом, боярами, достиг полного примирения с братьями и через 5 дней отправился снова к войску; его провожали торжественно, с крестами; Иоанн остановился в Кременце, в 30 верстах от г. Медыни; сюда пришли к нему со своими дружинами и братья; говорят, Иоанн посылал к Ахмату с мирными предложениями, но соглашения не состоялось; ни то, ни другое войско не решалось переправляться в виду неприятеля. В Кременце Иоанн получил обширное и с жаром написанное послание от Вассиана, убеждавшего его не уклоняться от битвы с татарами; послание это представляет один из интереснейших литературных памятников той эпохи. 26 октября стала Угра - вообще в тот год зима наступила очень рано и была чрезвычайно сурова, - Иоанн приказал войскам отступить от берега Угры к Кременцу, а затем отошел еще и к Боровску, намереваясь, как говорят, там дать битву татарам. Однако, Ахмат не исполнил своей угрозы, что вторгнется в московское княжество, когда станут реки; татары простояли на месте до 11 ноября и затем

вдруг поспешно отступили, даже просто побежали; по дороге они ограбили земли своего же союзника, Казимира; причины такого странного поведения их не разьяснены окончательно; вероятно, Ахмат не решался воевать против Иоанна один, поджидал Казимира, а Казимир, по своему обычаю, не двинулся, и татары, страдая от сильнейших холодов, должны были поспешно удалиться; но во всяком случае неосновательно известие, будто Ахмата отвлекло от Угры нападение на его улусы царя Нордоулата и одного из воевод великокняжеских: Ахмат не торопился домой: он зимовал на устьях Дона, Здесь 6 января 1481 г. напал на него неожиданно хан ногайской орды Ибак, собственноручно заколол его сонного и завладел всею добычею; Золотая орда распалась окончательно; Шиг-Ахмат с последними остатками ее остался в степях недалеко от Киева, у устьев Десны; Литва теперь относилась к ослабевшей орде уже вовсе не дружелюбно. Когда Менгли-Гирей выступил с большими силами, чтобы окончательно уничтожить своих давних соперников, от Шиг Ахмата улусы один за другим стали переходить к крымцам; в начале июня 1502 г. произошла битва, остальные улусы были частью истреблены, частью взяты в плен; Шиг-Ахмат успел спастись; Менгли-Гирей прислал посольство к Иоанну, известить его об уничтожении Золотой орды и выпросить разных подарков и вознаграждение трудов своей орды. Шиг-Ахмат, после разных скитаний у ногаев и у турок, умер в заключении в Литве, где его задержали, чтобы иметь постоянно в руках человека, освобождением которого можно было бы стращать Менгли-Гирея. Так как хан Ахмат, давно уже недовольный великим князем московским и собравший все свои силы для нападения на него, не отважился на это нападение, встретив приготовленную к защите страны рать московскую, то происшедшее событие все современники рассматривали, как свержение ига, так долго тяготевшего над русской землей; Иоанна при возвращении его в Москву встретили со всеобщим ликованием и благословениями, тем более, что успех не стоил никаких жертв, и таким образом благоразумная осторожность Иоанна не имела никаких дурных последствий.

Крым. - Наиболее живые и вместе дружественные отношения создались у Иоанна с ханством крымским; но только ему и удалось жить с Крымом в мире и даже пользоваться его силами для достижения своих целей; после него крымцы являются не менее злыми врагами Руси, чем были и казанцы и золотоордынцы. Крымское ханство образовалось в 1446 г. из нескольких улусов, отделившихся от Золотой орды; первым самостоятельным ханом его был Ази-Гирей, основавшийся в Крыму с помощью Казимира литовского; поэтому он постоянно враждовал с Золотою ордою, дружил с польско-литовским государством и не раз нападал на московскую Русь. В 1467 г. Ази-Гирей умер и в царстве его утвердился, после многих смут и столкновений между его детьми, один из них Менгли-Гирей. Постоянно враждуя с Ахматом, Менгли-Гирей в 1474 г. прислал к Иоанну посла, предлагая союз и дружбу; Иоанн, с своей стороны, отыскивая помощников для борьбы с Казимиром, конечно, с большим удовольствием принял такие предложения и с этим же

послом, 31 марта 1474 г. отправил своего посла, Беклемишева; он успел положить начало тем дружественным отношениям между Москвою и Крымом, которые сохранились во все правление Иоанна. Менгли-Гирей обыкновенно под разными предлогами просил у Иоанна даров для себя и своих первых приближенных; Иоанн удовлетворял его просьбам, но за то и Менгли-Гирей иногда по желанию Иоанна отказывался от притязаний на некоторые дани; при этом, тон грамот и взаимные обращения в посольских речах мало-помалу приобретают характер все более и более равноправный. В 1475 г. Крым был завоеван турками и Менгли-Гирей признал верховную власть султана; недовольный своим положением, опасаясь, как бы султан не задумал почему-либо лишить его престола, Менгли-Гирей просил у Иоанна, чтобы в случае нужды он оказал ему помощь. Иоанн отвечал: "Дай Бог, чтобы тебе лиха не было, брату моему Менгли Гирею царю; а если что станется, какое дело о юрте отца твоего, и приедешь ко мне, то от меня, от сына моего, братьев, от великих князей и от добрых бояр тебе, царю, братьям и детям твоим, великим князьям и добрым слугам, лиха никакого не будет; добровольно прийдешь, добровольно прочь пойдешь, нам тебя не держать; а сколько силы моей станет, буду стараться достать тебе отцовское место". В 1476 г. Менгли-Гирей был изгнан из Крыма Ахматом, который посадил на его место Зенебека; но в 1479 г. Менгли-Гирей вернулся с турецкой помощью; тогда Зенебек с двумя братьями бежал в Москву и великий князь не выпускал их никогда из пределов своего княжества. Менгли-Гирей был женат на вдове казанского хана Ибрагима, Нурсалтан, и последовательно два сына ее занимали, по воле Иоанна, казанский престол; впрочем, второй из них, Абдыл-Летиф, был схвачен русскими воеводами за какие-то вины и даже заступничество Менгли-Гирея не облегчило его участи. Менгли-Гирей постоянно отвлекал силы Казимира, когда это нужно было Иоанну, и враждовал с Золотой ордой, Иоанн, в свою очередь, не выпускал Нордоулата, которого один из Ахматовых детей, одно время даже господствовавший в Крыму, думал посадить вместо Менгли-Гирея; ежегодные взаимные пересылки послов между Иоанном и Менгли-Гиреем почти не прекращались; особенные услуги оказал Менгли-Гирей Иоанну во время войны его с Александром: помимо того, что он уничтожил окончательно последние остатки Золотой орды, он причинил сильнейший вред и Александру литовскому: его земли давно уже не испытывали таких страшных разорений, какие неоднократно производил в них Менгли-Гирей; он отодвинул далеко на запад границу Польско-литовского государства сравнительно с тем, как была она при Витовте. В сношениях Иоанна с Менгли-Гиреем произошел и следующий случай, рисующий тогдашние нравы и политику Иоанна: в 1481 г. Тимофей Скрыба, отправленный послом в Крым, добился того, что Менгли-Гирей примирился с Казимиром литовским; но пока это устроилось и пока хан сообщил об этом в Москву, там обстоятельства уже изменились, Иоанн снова желал, чтобы крымцы тревожили Литву и потому отправил туда новое посольство, которое отвезло в Крым Скрыбу, объявило от имени великого князя, будто бы Тимофей действовал прежде там в противность данным ему наставлениям, выдало его го-

ловой хану и просило хана продолжать вражду с Литвою. Но, впрочем, вряд ли можно думать, чтобы Скрябу в данном случае постигли какие-нибудь неприятности; крымцы вообще охотнее грабили Литву, чем из-за московских отношений соблюдали мир с этим соседом; выдача Скрябы была, вероятно, такую чисто внешнею формальностью, как выдача головою обидчика впоследствии при местнических спорах. Так действовал Иоанн относительно русских земель, сохранивших еще самостоятельность, и боролся с татарами и литовцами; но он вел немало и дружественных сношений с западно-европейскими державами. При нем впервые возобновились эти сношения, надолго прерванные тяжелым татарским игом и усилением Польско-литовского государства. Первыми по времени и вместе с тем наиболее важными были при Иоанне сношения с Римом, результатом которых был брак Иоанна с Софьею Палеолог, а в связи с ним - и сношения с некоторыми другими итальянскими государствами. *Брак с Софьею Палеолог.* - В 1468 г., по совету кардинала Виссариона, знаменитого гуманиста и греческого патриота, из Рима отправлены были Николо Джисларди и грек Георгий к некоему Джону-Баттисте делля-Вольпе, монетчику великого князя, жившему в Москве и известному в русских летописях под именем Ивана Фрязина; они прибыли в Москву 11 февраля 1469 г. и привезли Иоанну от имени кардинала Виссариона предложение вступить в брак с Зоей Палеолог, племянницей последнего константинопольского императора. Предложение это было, конечно, приятно для национального самолюбия русских; вероятно и сам Иоанн не без удовольствия думал, что посредством этого брака род его будет связан с угасавшим родом византийских императоров. После совета с митрополитом Филаретом, матерью и боярами, Иоанн, 8 марта 1469 г., отправил Вольпе в Рим, поглядеть невесту и привезти ее портрет. Вольпе был очень хорошо принят в Риме при папском дворе, получил портрет принцессы и 14 октября 1470 г. выехал обратно, с двухлетнею охранною грамотою папы для свободного проезда через все католические земли. 16 января 1472 г. он снова выехал из Москвы в Италию; с ним ехали и русские послы; грамота, данная им, была написана на имя папы Калликста, как, по дошедшим в Москву слухам, звали папу, избранного на место Пия II, умершего в 1471 г.; будучи уже за границей, русские послы узнали, что нового папу зовут не Калликстом, а Сикстом; они не решились возвращаться за новыми грамотами, а подчистили в грамотах, заменили имя "Калликст" именем "Сикст" и продолжали путь. 24 мая 1472 г. созвано было папой собрание кардиналов, сообщено им о приходе послов от Иоанна, князя "Белой России", сватающего Зою; кардиналы соглашались на этот брак, приняв во внимание, что митрополит русский Исидор принял унию и что, следовательно, "рутены" должны быть считаемы за "православных". 25 мая послы были приняты папою, представили ему грамоты, поднесли дары, и папа выразил им согласие на брак Зои с Иоанном; есть основания думать, что дело не встретило никаких затруднений в вопросе о религии жениха потому, что Вольпе ввел на этот счет папу в заблуждение и уверил его, что Иоанн согласится на полное подчинение Риму. 1 июня 1472 г. совершено было в базилике св. Петра обручение Зои Иоанну, а уже на сле-

дующий день папа высказал в коллегии кардиналов подозрения в истине некоторых прежних заявлений Вольпе и в том, не переступил ли он отчасти данных ему полномочий, потому что когда зашла речь более определенно о вопросах веры и о походе против турок, в чем сначала Вольпе общими выражениями обнадеживал римских политиков, то оказалось, что он не имел никаких положительных прямых предписаний и полномочий на этот счет. Тем не менее, обручение уже состоялось и 24 июня 1472 г. Зоя с Вольпе и довольно многочисленную свитую отправились в Москву; путь ее лежал через Флоренцию, Болонью, Нюрнберг; в начале сентября принцесса села в Любеке, на корабль и морем приехала в Ревель, отсюда прибыла в Дерпт, где ее встретили представители великого князя; 11 октября суда, везшие Софью - как стала называться Зоя с момента вступления на русскую территорию - были в устье Эмбаха торжественно приветствованы псковичами; торжественная встреча ожидала Софью и в Пскове и в Новгороде; 12 ноября Софья прибыла в Москву, прежде всего зашла помолиться в собор, отсюда прошла в покои великой княгини Марии Ярославны матери Иоанна; здесь встретил свою нареченную Иоанн и в тот же день совершенно было их венчание, в деревянном шатре, поставленном внутри Успенского собора, который тогда перестраивался. Этот брак имел довольно большое значение во внутренней истории России за время правления Иоанна. Об этом сказано будет ниже, а пока остановимся на двух особых обстоятельствах, связанных отчасти с этим браком. Софью сопровождал легат папский Бонумбре; повсюду он занимал почетное место в ее поезде и привлекал общее внимание своим пышным и странным для русских костюмом. Во Пскове он заходил в русские церкви, но прикладываясь к православным образом только по настоятельному требованию царевны. Приближаясь к Москве, легат приказал взять пред собою в особых санях свой латинский крест. Узнав об этом, Иоанн собрал совет, чтобы решить, что делать с этим легатом, как его принимать; один говорили, что за отличный прием, оказанный русским посланцам в Риме, надо и с нашей стороны оказать легату особое внимание и сделать уступки; но митрополит Филипп заявил, что не останется ни минуты в городе, если легату папскому будет оказан такой почет, какой для православных неприлично оказывать представителям латинства. Тогда Иоанн отправил боярина Федора Даниловича и он, встретив поезд царевны за 15 верст от Москвы, настоял, чтобы легат приказал убрать крест и въехал в Москву без всякой особой торжественности, хотя при этом боярину пришлось преодолеть упорное сопротивление легата и особенно Вольпе. Затем, по летописному рассказу - очевидно, излагающему дело не беспристрастно - этот легат имел прение о вере с митрополитом Филиппом и был совершенно посрамлен русским книжником, знатком Писания, Никитой Поповичем, так что должен был отказаться от дальнейших споров, сославшись на то, что не имеет с собою необходимых книг; вероятно, со стороны легата были сделаны какие-либо попытки поднять вопрос о вере, несомненно - никого ему не удалось убедить, и из этого факта затем создался такой рассказ. Одновременно с этим возникло в Москве другое, более неприятное дело. Сопровождавший Вольпе в его первом путеше-

ствии в Италию, племянник его Антонио Джисларди, предложил Венеции содействие свое и своего дяди для заключения союза с ханом Золотой орды, который, будто бы, готов был двинуться против турок, с которыми тогда воевала Венеция, и мог выставить до 200000 войска. Не получая долго никакого ответа на свое предложение и считая это за признак недоверия, Джисларди предложил, чтобы с ним был отправлен уполномоченный республики, который бы убедился в основательности представленного им плана. Венецианская сеньярия назначила тогда своего секретаря, Джона Баттисту Тревизана, ехать с Джисларди и завести сношения с Ахматом; со слов Джисларди сеньярия думала, что сам великий князь принимает участие в этом деле. Но этого не было; все было задумано одним Вольпе. Прибыв в Москву, он не объявил никому о цели приезда Тревизана, а назвал его своим племянником; он надеялся потом доставить ему случай проехать в Орду, но прежде должен был снова ехать в Италию за Софьей. Когда прибыла в Москву Софья, кто то из ее спутников раскрыл московскому правительству, кто такой Тревизан, и какое дано было ему поручение. По тогдашним понятиям вообще без ведома государя не должны были бывать в государстве иностранцы; а с Золотою ордою как раз все это время (1470-1472) у Иоанна были отношения далеко не дружественные, поэтому - ехать без ведома великого князя через Москву в Золотую орду с целью искать союза - было принято за оскорбление для ее Иоанна. Он страшно разгневался, Вольпе приказал заключить в тюрьму, в Коломну, все имущество его отобрать, а Тревизана хотел было прямо казнить и помиловал только по просьбам спутников Софьи. Тот самый Джисларди, об участии которого в этом деле Иоанн ничего не знал, повез в Венецию грамоту великого князя, где тот выражал свое неудовольствие по поводу, такого поведения республики. Ответ республики, написанный в очень почтительных выражениях, вполне удовлетворил Иоанна, разъяснил ему, в чем дело и Тревизан в 1474 г. был отпущен в Золотую орду с русским послом, дьяком Дмитрием Лазаревым и послом Ахмата, возвращавшимся в Сарай. С извещением об этом был отправлен 24 июля 1474 г. в Венецию Семен Толбузин; ему поручено было кроме того привезти в Москву искусного зодчего; Толбузин исполнил это поручение; вслед за ним и еще появились в Москве разные итальянцы мастера; о них сказано будет несколько далее. *Сношения с западной Европой и Турцией.* - В 1486 г. начались первые сношения Иоанна с императором. В этом году явился в Москву рыцарь Николай Поппель, путешествовавший из любознательности с охранною грамотою от императора Фридриха III. В Москве он возбудил некоторое удивление своим прибытием; думали было, не подослан ли он для тайного разведывания королем польским; однако Поппель был отпущен без задержек. Возвратившись в Германию, он сообщил, что за Польшею лежит другая Русь, вовсе не подвластная польскому королю и даже пожалуй еще более обширная и могущественная. В 1489 г. Поппель вернулся в Москву уже в качестве посла от императора, заявил о желании императора быть в дружбе с великим князем и предлагал, чтобы дочь Иоанна была выдана за маркграфа баденского, племянника императора; затем он лично Иоанну сообщил, что до императора дошли слухи, будто бы

он, Иоанн, ищет, от папы королевского титула; Поппель говорил, что не папа дает этот титул, а только император, и что император охотно даст Иоанну титул короля. На это дьяк Курицын от имени великого князя отвечал 31 января 1489 г., что Иоанн не нуждается в поставлении от императора, так как русские государи - государи изначала и поставление свое имеют от Бога. 22 марта 1489 г. с Поппелем из Москвы отправлен к императору посол Юрий Траханиот, который должен был сообщить, что Иоанн готов быть в дружбе и братстве с императором, а относительно сватовства за дочь великого князя заявить, что выдать ее за маркграфа неприлично, но что Иоанн готов отдать дочь за Максимилиана, цесарева сына; вместе с тем посол должен был приглашать для переезда в московское государство разных искусных мастеров. С Траханиотом прибыл в Москву 16 июля 1491 г. посол сына цесарева Максимилиана, Юрий Делатор, (фон-Турн), который предложил Иоанну союз с императором против польского короля и завел речь о сватовстве Максимилиана на дочери Иоанновой; с московской стороны предъявлены были требования, чтобы русской княжне предоставлена была полная свобода в исповедании православной веры, разговоры же о размере приданого были отклонены, как неприличные между великими государями. 19 августа Делатор поехал из Москвы обратно и с ним русские послы - Юрий Траханиот и дьяк Василий Кулешин; они везли грамоту Иоанна, в которой он обещался помогать императору против Казимира польского, если тот будет препятствовать Максимилиану в достижении венгерской короны, и требовал, чтобы и император помогал Москве против Казимира, когда Иоанн станет отбирать у него свои земли. Траханиот привез в Москву (30 августа 1491 г.) подобную же грамоту от императора; но дело о сватовстве прекратилось, потому, что Максимилиан уже женился на принцессе бургундской. Во время отсутствия из Москвы этого посольства, 1 сентября 1490 г. в Москву приезжал человек Поппеля, Иван Саедр, с грамотой и поминками великому князю. В грамоте Поппель просил прислать для императора трех или четырех лосей и одного "гулятина, которые едят сырое мясо"; результат этой отсылки неизвестен; гонец выехал обратно 9 сентября. 20 ноября 1491 г. снова приехал в Москву Делатор просить о помощи против Польши и о принятии Иоанном под свое покровительство орденов тевтонского и ливонского. Иоанн отвечал, что Максимилиан сам уже примирился с Казимиром, уступив почти без борьбы венгерский престол его сыну Владиславу, и что Иоанн тогда двинется на помощь, когда Максимилиан сам всеми силами будет бороться с Польшею; относительно же рыцарских орденов отвечали, что с ними будет поступлено сообразно с тем, какое челобитье пришлют они в Москву. Такой же ответ должен был дать императору и Траханиот, который 6 мая 1492 г. отправлен был к императору в сопровождении Михаила Яропкина. Но становилось очевидным, что сношения Москвы с империей не получают никакого политического значения; более уже и не было настоящих официальных посольств; в сентябре 1492 г. в Москву приезжал некий Снупс, желавший выучиться по-русски и совершить путешествия в отдаленнейшие края московской земли; он имел рекомендательную грамоту от Максимилиана и его приняли ласково, но затем не пустили далее,

под предлогом, что проезд в такие отдаленные места слишком опасен; в 1504 г. прибыл от Максимилиана некий Кантингер, который имел незначительное дипломатическое поручение и вместе должен был попросить у Иоанна белых кречетов; эта просьба была удовлетворена; приезд Кантингера был последним в ряду сношений императора с Иоанном.

В 1485 г. начались у Иоанна сношения с Венгрией. Знаменитый Матвей Корвин, тогдашний король венгерский, прислал к Иоанну посольство, с предложением дружбы и союза; Иоанн принял эти предложения благосклонно и отправил к Матвею со своей стороны дьяка Федора Курицына; он просил у венгерского короля присылки разных мастеров, обещаясь со своей стороны служить королю всем, чем представится случай; в 1487 г. Иоанн сообщал Матвею о совершившемся присоединении Твери и просил его двинуться на Польшу; однако, Матвей отклонил это приглашение, обещая выступить в поход, когда сам Иоанн двинется более решительно; в 1488 г. Иоанн отправил Матвею несколько ценных подарков; смерть Матвея пресекла эти сношения. Дьяк Федор Курицын, возвращаясь от Матвея Корвина в 1487 г., был задержан в Белгороде (Аккермане) турками; стараниями Менгли-Гирея и Матвея Корвина он был вскоре освобожден; турецкие паши намекнули ему, что следовало бы Иоанну вступить в сношения и с султаном турецким; однако, на этот раз сношения не начались, хотя Иоанн, справившись через посредство крымского хана и получил благоприятный для их начала ответ, от турецких пажей; впервые Иоанн через того же Менгли-Гирея отправил к султану грамоту в 1492 г., с жалобами, что русские купцы подвергаются притеснениям и обидам в Кафе и Азове и с предложением завести взаимные сношения. Султан, получив грамоту Иоанна, отправил и своего посла в Москву; который должен был приехать с посольством великого князя, возвращавшимся от Менгли-Гирея; но в Киеве, по приказанию Александра литовского, посольство было задержано, Просьба Иоанна, чтоб посол был пропущен, не была исполнена, под тем предлогом, что прежде турецкие послы не ходили через литовскую землю и что по пути они будут ее "пересматривать". Не дождавшись этого посла, Иоанн весной 1497 г. отпустил в Константинополь Михаила Плещеева; это был первый русский посол у султана; Плещеев, согласно данному ему наказу, держался в Царьграде очень самостоятельно, добился того, что вел дело прямо с султаном, а не с пашами, так что султан остался даже не очень доволен его поведением; но все-таки он сделал просимые Иоанном распоряжения о торговле и она возобновилась; в 1501 г. Иоанн посылал еще своего посла к кафинскому наместнику. В последние годы XV века Иоанн вел кратковременную войну со Швецией; начать ее он обязан был союзом с Данией, король которой добивался шведской короны. В 1496 г. русские осаждали Выборг, но не могли его взять; в 1497 г. русские дошли, опустошая все по пути, до Тавасгуста и нанесли значительное поражение шведскому войску, а кроме того, морем, из устьев Северной Двины, напали на шведские берега и опустошили их. В том же году шведское войско осадило и заняло Иван-город; но вскоре шведы удалились; датский король достиг

своей цели, занял шведский престол и война прекратилась, по-видимому, без всяких результатов для Иоанна. Иоанн был еще постоянно в союзе с воеводой молдавским Стефаном IV, так называемым Великим. Начало сношений между ними относится к 1480 г.; один из спутников кн. Ивана Звенца, ездившего послом в Крым, отвез к Стефану предложение выдать его дочь за старшего сына великого князя. В 1482 г. Иоанн породнился со Стефаном, женив сына своего, Иоанна Молодого на дочери Стефана, Елене. Стефан очень дорожил дружбой Иоанна, потому что благодаря ей был спокоен со стороны Менгли-Гирея, прежде обнаруживавшего намерения овладеть его землею, и за это, со своей стороны, постоянно отвлекал силы государства Польско-литовского, когда это было нужно Иоанну. В 1491 г. Иоанн содействовал примирению Стефана с Максимилианом, королем римским; в 1499 г. удаление Елены и ее сына Димитрия охладило на время дружбу Иоанна и воеводы молдавского; но Менгли-Гирей; по поручению Иоанна, уверил Стефана, что сведения о положении Елены, сообщенные ему Александром литовским, сильно преувеличены и Стефан снова напал на Литву и перед смертью своею нанес Литве такие сильные удары, каких не наносил и прежде (он умер в 1504 г.). Помимо этих сношений Иоанн обменивался еще посольствами с ногайскою и тюменскою ордою; есть известие, что какой-то посол его, Марк, был в Персии, но подробности этого посольства неизвестны; в 1490 г. к Иоанну приходило посольство от джагатайского или хорасанского хана, а в 1492 г. - от грузинского князя Александра. *Внутренняя деятельность Иоанна III.* - Такова была, в главных чертах, деятельность Иоанна в области внешней политики. Ей Иоанн посвящал наибольшее внимание и, как мы видим, достиг значительных успехов. Теперь перейдем к рассмотрению его деятельности по внутреннему устройству и управлению государством.

Объединяя русскую землю путем присоединения к московскому княжеству отдельных земель, Иоанн позаботился и закрепить это соединение; для этого он выводил из вновь присоединенных областей известную часть жителей в области, истари московские, а на место выселенных посылал переселенцев из этих областей. Такая мера была неоднократно применена к Новгороду, также к Перми, Вятке; из Тверской области жители сами до присоединения переходили в московскую; подобным же образом действовало московское правительство и при сыне и внуке Иоанна. Эта мера, конечно, была неприятна тем местностям, откуда таких переведенцев брали, но она достигала своей цели. Окончив свои присоединения, Иоанн счел необходимым дать общие правила для суда и отчасти для управлений. Таким образом явился Судебник, составленный по повелению великого князя дьяком Владимиром Гусевым; он был утвержден великим князем, его детьми и боярами и получил силу закона с сентября 1497 г., тогдашнего начала нового года. В основу этого Судебника положены уставные грамоты, отчасти "Русская Правда", несколько статей заимствовано из Двинской, и из Псковской судных грамот. Главное содержание Судебника - определение кто и как судит и сколько получает за суд; право суда признано за наместниками и волостелями, но с непременным

условием участия в суде земских представителей - дворского, старосты и "лучших" людей; наместники Новгорода, Твери, Нижнего-Новгорода, и некоторых других городов имели право суда и окончательного решения по делам более важным, чем наместники других городов, которые свои решения в подобных случаях должны были представлять на утверждение великого князя. Доказательствами Судебник признает письменные акты, показания свидетелей и судебные поединки, так называемое "поле"; в качестве наказания являются смертная казнь, телесные наказания и денежные пени; тяжущиеся платят судьям определенные пошлины; постановлений гражданского характера - о наследстве, купле - продаже, о займах, и т. п. - в этом Судебнике очень мало; новостью в нем является статья, запрещающая отказывать в правосудии; но вообще по полноте и построению этот законодательный памятник стоит значительно ниже Псковской Судной грамоты. Его положения должны были быть неоднократно объявлены во всеобщее сведение в городах и селах на торговых площадях во время торга; но он не уничтожал и не отменял многочисленных отдельных частных грамот, определявших порядок суда для разных отдельных местностей и отдельных групп жителей: суд по Судебнику должен был совершаться только в том случае, когда такой специальной грамоты не было. Ко времени же Иоанна относится Белозерская таможенная грамота, сообщающая нам любопытные сведения о порядках тогдашней торговли и о связанных с нею пошлинах. Вообще в деле внутреннего управления Иоанн не внес ничего особенно важного нового; мы только знаем точнее и лучше о многих фактах и явлениях внутреннего положения Руси с его времени, благодаря тому, что от этой эпохи дошло до нас более памятников. Областное управление по-прежнему совершалось посредством назначения в города наместников, а в села и волости волостелей; они управляли известною областью, судили там и взамен этого получали доходы с управляемых, "кормились", отчего и самое название их - "кормленщики"; в управлении через наместников смешаны начало государственное - управление известною группой людей, и частное - получение известным человеком доходов; помощниками кормленщиков в управлении являлись тиуны и доводчики; отношения их к управляемым определялись отчасти уставными грамотами, а еще более - обязательством действовать по старине, сохранять исстари сложившиеся отношения. Главное значение наместничьего управлению состояло в том, что через него сохранялась более прочная связь провинций с центром, с государством; обыкновенно наместников довольно часто переменили, но известен случай, что представители одной и той же фамилии непрерывно назначались наместниками с одной местности (в Мещере) в течение почти всего XV в. и большей половины XVI в.; впрочем, в самое последнее время высказано сомнение в подлинности тех актов, которые нам об этом сообщают; нередко случалось, что князья прежде самостоятельные, но добровольно подчинявшиеся московскому великому князю, были назначаемы наместниками в их бывших самостоятельных уделах, где они сохраняли при этом большие земельные владения; известно, что еще в XVI в. князья Воротынские, Одоевские и другие владели огромными пространствами зе-

мель в своих прежних уделах. Совершенно естественно, конечно, что далеко не все знатные, богатые, родовитые бояре великого князя смотрели с удовольствием или хотя бы даже спокойно, на такое усиление его власти, какое постоянно совершалось и которое несомненно должно было раньше или позже коренным образом изменить их взаимные отношения с великим князем. Мы видели уже, на примере князя Оболенского-Лыко, что Иоанн не был склонен признавать во всей широте права отъезда, права, которое прежние князья признавали за своими слугами безусловно. Правда, что с уменьшением числа самостоятельных русских княжеств, по мере подчинения их Москве, отъезд становился возможным почти только к исконным врагам Москвы - почти только в государство Польско-литовское, но Иоанн, во всяком случае, круто и решительно высказался против права отъезда. С его времени начинается ряд записей, которыми разные знатные, видные бояре обязывались ни к какому другому государю от великого князя московского не отъезжать, причем обыкновенно за каждого боярина, с которого великий князь считал необходимым взять запись, являлись поручителями митрополит и большое число других бояр, отвечавших в случае его отъезда каждый определенной, довольно большою, суммою денег. Между боярами в правление Иоанна первое место занимали князья Патрикеевы, Ряполовские, Оболенские, вступившие на московскую службу еще при отце или деде Иоанна, и князья Холмские, бывшие прежде удельными тверскими; кн. Даниил Холмский одержал Иоанну несколько знаменитых побед, и за сына его, кн. Василия, была выдана вторая дочь Иоанна, Феодосия; эти князья, являвшиеся в Москву обыкновенно со своими прежними уделами, занимали при дворе великокняжеском места выше старинных московских боярских родов, из которых только Кошкины сохранили почти равное положение с ними. Ко времени Иоанна относятся первые такие указания источников, которые дают повод предполагать, что уже подготовлялось основание Приказов, т. е. что начинался переход от управления посредством отдельных лиц к управлению через учреждения. - Административное деление во владениях Иоанна сохранялось прежнее; общим было деление на уезды, уезды делились на волости и станы, причем это последнее деление не было всюду единообразно: в одних местностях волости подразделялись на станы, в других - станы на волости. Для взимания государственных податей уже тогда существовала система, более обстоятельно известная нам от XVI и XVII в., именно деление на сохи: для исполнения известной, заранее определенной, суммы различных повинностей уездные земли распределялись на так называемые "сохи"; каждая такая соха платила или исполняла одинаковое, равное количество податей; но различие между землями разных разрядов устанавливалось тем, что на соху полагалось одних земель меньшее пространство, а других большее; именно на соху полагалось меньшее пространство тех земель, которые должны были нести более податей, и большее пространство таких, с которых податей собиралось менее; таким образом, по количеству земли наименьшею являлась соха черных крестьян, как исполнявших повинности единственно по отношению к государству, а наибольшей - соха земель поместных, как назначен-

ных специально на содержание служилых людей. Качество земель, их доходность, так же принимались в расчет: чем земля была хуже, беднее, тем больше ее полагалось на соху. Крестьяне между собою уже сами распределяли повинности, соответственно численному составу и состоятельности отдельных семей. Даже городские оброчные статьи, как, например, лавки и вообще городские дворы, раскладывались так же по сохам, причем сохе приравнивалось определенное количество дворов, большее или меньшее тоже в зависимости от различных местных условий. Ко времени Иоанна относятся и первые дошедшие до нас описания земель; древнейшие из них, описания земель Новгородской области, сделаны в 1495 г.; летописи сообщают, что уже в 1492 г. тверские земли описаны были "по-московски в сохи"; описание 1495 г. для некоторых местностей являлось уже не первым. Можно находить довольно близкую аналогию между установившеюся в московском государстве в XV - XVII в.в. системою и системой, издревле применявшеюся в Византийской империи, но трудно проследить тот путь, каким проникли византийские порядки этого дела в Москву. Крестьяне в правлений Иоанна оставались приблизительно в прежнем положении; отношение их ко владельцам земель, на которых они сидели, продолжало развиваться и определяться в установившемся уже направлении: все более и более признавалось нормальным, чтобы земледелец не имел возможности и права слишком легко, по собственному только желанию, менять свое место жительства. Уже при великом князе Василии Васильевиче некоторые монастыри получили право не выпускать своих крестьян иначе, как в определенный срок, именно около осеннего Юрьева дня, и даже вовсе их не выпускать. По Судебнику 1497 г. все вообще крестьяне получили право выходить из-за прежних владельцев, "отказываться" из волости в волость и из села в село только в течение двух недель в году, за неделю до осеннего Юрьева дня (26 ноября) и в течение недели после него, и притом установлена была за всякий выход известная плата в пользу владельца двора. Дальнейшее развитие этих отношений мало-помалу привело, как известно, к полному закрепощению крестьян.

Вообще, в правление Иоанна собственно Московское княжество было все время спокойно и, вероятно, увеличило свое богатство. Оно не подвергалось никаким нашествиям или опустошениям; только восточные окраины были несколько раз тревожимы казанцами, да на юге два раза подходил Ахмат, но ему не удалось проникнуть внутрь Московского княжества; центральные части великого княжества были спокойны от внешних врагов и только физические бедствия несколько раз постигали их: в 1463-1464 гг. свирепствовал в Москве голод и с ним мор; страшный мор постиг север тогдашней Руси в 1467 г.; во Пскове он продолжался в 1465-1466 гг., затем возобновился в 1485 г.

Иоанну III принадлежит почин в украшении Москвы многими замечательными постройками. И возраставшее богатство великого князя, и усиливавшееся его могущество, для которого казалась необходимою и более великолеп-

ная обстановка, побуждали к этому Иоанна. Уже в самые первые годы правления у него на службе были некоторые иностранные ремесленники; так, дело о сватовстве Иоанна к Софье Палеолог велось через Джана Баттисту Вольпе (Иван Фрязин русских летописей), итальянца-монетчика великого князя московского. После того как по делу об этом браке Москва обменялась несколькими посольствами с Римом, довольно часто стали появляться в Западной Европе посольства из Москвы; политические вопросы затрагивались ими почти исключительно в Вене и касались дел с Польшею и Литвою; в сношениях с папою они давали неопределенные обещания вступить в союз против турок; главною же их целью было приглашение в Москву разных мастеров, рабочих, артистов, даже докторов. При Иоанне появились в Москве первые рудознатцы, Иван и Виктор, которые начали добывать на Руси свое серебро, ряд докторов, первый "органный игрец", каплан белых августинцев, Иван Спаситель (очевидно *Salvator*); говорят, в сношениях с Данией был затронут вопрос о приглашении в Москву мастеров печатного дела, только что сделавшегося известным и в самой Европе. Наиболее удачно было приглашение в Москву Рудольфа Фиораванти дельи Альберти, известного под именем Аристотеля; он приехал в Москву с русским послом Семеном Толбузиным в 1474 году; Аристотель был знаменит по всей Италии своим искусством в разных художествах, особенно в архитектуре; получив одновременно приглашения от султана Баязета и Иоанна III, он отдал предпочтение Москве и приехал со своим сыном Андреем и учеником Петром Соляри; по условию он получал жалованья в месяц десять рублей серебра (около двух фунтов по весу), сумму, по тогдашнему времени очень значительную. В 1490 г. множество каменщиков, оружейников, литейщиков и пр., а также доктор Леон Жидовин, известный своею трагическою смертью, были приведены в Москву братьями Дмитрием и Мануилом Ралевыми, греками по происхождению, отправленными из Москвы послами в 1488 г. В 1494 г. привезли в Москву новую партию мастеров послы Мануил Докса и Данило Мамырев; в числе их спутников были оружейный мастер Пиетро и архитектор Алевиз. - Аристотель Фиорованти построил в 1479 г. в Москве Успенский собор в том самом виде, как существует он поныне; затем итальянскими же мастерами был выстроен Благовещенский собор; Петр Антонио Соляри закончил к 1491 г. так называемую Грановитую палату; в 1499 г. Алевиз начал строить каменные царские палаты, так называемый Теремный дворец. В течение 1485-1492 гг. были выстроены разными мастерами шесть каменных башен в Кремлевской стене; в 1505 г., еще при жизни Иоанна, был заложен в Москве Архангельский собор, на месте древнего храма, существовавшего еще со времен Калиты и разобранного для возведения нового храма; Аристотель, помимо своего строительства, чеканил еще монету, лил колокола и пушки; особенно большую пушку отлил в 1488 г. Павел Дебосис; она в свое время называлась Царь-пушкою, так же как и ныне существующая (отлитая в 1686 г. мастером Андреем Чоховым).

Известно, какое сильное влияние на умы современников произвело взятие турками Константинополя в 1453 г. При тогдашнем господстве религиозного мирозерцания такой факт, как переход столицы православного Востока в руки мусульман, производил сильнейшее впечатление. Появилось немедленно же множество литературных произведений, трактовавших об этом событии; эти произведения привлекали большое внимание русских читателей и мало-помалу в них начала выдвигаться мысль, что с падением Византии первенствующая роль в христианстве перешла к Москве и что Москва должна быть представительницей всего православного мира; брак Иоанна с Софьей Палеолог должен был придать еще новые основания признавать в Москве преемницу всемирного значения Царьграда. Но два обстоятельства мешали дальнейшему развитию идеи об этом возрастающем значении Москвы. Во-первых, сама Москва была еще под властью татарских ханов, во вторых - по существовавшему в то время убеждению с концом седьмой тысячи лет от сотворения мира, т. е. в 1492 г. от Р. Х., должен был наступить конец мира. Это мнение было общераспространенным в Московской Руси и отголоски его ясно видны как в некоторых летописных заметках, так даже и в нескольких деловых актах: за некоторое время до 1492 г. замечается, что этот год все чаще и чаще ставится предельным сроком разного рода условий и обязательств. Но татарское иго свергнуто; прошел и 1492 год, не принеся никаких существенных изменений. Между тем успехи Московского княжества, рост его силы, значения и славы - факты уже неоспоримые. И вот, в новой пасхалии, составленной митрополитом Зосимою для годов, следующих за 1492 г., на которые прежде даже и пасхалии не существовало, читаем, что ныне "прославил Бог в православии просиявшего благоверного и христоролюбивого великого князя Ивана Васильевича, государя и самодержца всея Руси, нового царя Константина новому граду Константинову - Москве, и все и Русской земле и иным многим землям государя". Это есть, сколько известно, первое ясное выражение мысли, что прежнее значение Византии, как столицы всего православного мира, перенесено на Москву. Известно, что в скором времени, в первой же четверти XVI века, эта идея получила вполне определенную формулировку в посланиях старца Филофея, что впоследствии такое воззрение стало одним из факторов, определявших все мирозерцание русских людей в XVI и XVII веках; и если нельзя не признать, что именно падение Константинополя дало для этого первый повод, то несомненно, что полное великих событий правление Иоанна III много содействовало тому, что такая идея получила в Московской Руси и полное развитие и большое распространение.

Дела церковные. - Вопросы просвещения и нравственности в правлении Иоанна III стояли, конечно в ближайшей связи с деятельностью духовенства. Стремление к упорядочению жизни церковнослужителей, выступавшее не раз и прежде, вызвало во Пскове в самом начале правления Иоанна, решение отстранить от богослужения всех вдовых священников и дьяконов; архиепископ новгородский Иона хотел отменить это решение, но митрополит Феодосий одобрил действия псковичей; сам он строго следил за жизнью священни-

ков, не одобрял получавшего слишком большое распространение обычая, чтобы чуть не всякий состоятельный человек строил себе особую церковь; строгость Феодосия вообще во всех церковных делах вызвала против него неудовольствие; и митрополит, после того, как перенес тяжелую болезнь, 13 сентября 1464 г., оставил митрополию и жил до смерти в Чудовом монастыре, среди подвигов милосердия. Преемником Феодосия был Филипп, современник покорения Новгорода, посылавший новгородцам укоризненные грамоты по поводу заключенного ими союза с королем польским и убеждавший их к покорности Иоанну. В 1474 г. Филипп умер; место его занял 29 июня Геронтий, епископ коломенский, и правил митрополиею 15 лет (по день смерти, 28 мая 1489 г.). Его отношения к великому князю отличались довольно значительною самостоятельностью. Так, когда возник спор у митрополита с архиепископом ростовским Вассианом из-за того, что митрополит согласился признать за Кирилло-Белозерским монастырем право перейти из вехома ростовского владыки под ведение удельного князя верейского Михаила Андреевича, Иоанн не без затруднений добился, что митрополит отменил свое решение, а в другом столкновении великий князь должен был прямо уступать. В 1479 г., по случаю освящения Успенского собора, возник спор, правильно ли поступил митрополит, ходивший во время освящения с крестами около церкви против солнца, а не по солнечному движению; спор затянулся; прямых указаний, как поступать в подобных случаях, не находили; сторону митрополита приняло все духовенство, кроме архимандрита Чудовского, Геннадия и ростовского епископа Вассиана, и впоследствии его преемника Иоасафа. В то время, пока Москва занята была последним нашествием Ахмата, митрополит молчал; но после отражения татар, он ставил митрополию и удалился в Симонов монастырь; убеждения великого князя Иоанна Иоанновича, ездившего к нему по поручению отца, не подействовали; тогда Иоанн сам отправился в Симонов монастырь, просил у митрополита прощения и только после этого Геронтий вернулся на кафедру. Преемником Геронтию 22 сентября 1490 г. был избран Симоновский архимандрит Зосима; его управление было недолговременно. Склонность митрополита к обнаружившейся в Новгороде и перешедшей в Москву ереси и не вполне достойная его жизнь была причиною, что 17 мая 1494 г. Зосиме пришлось оставить митрополию; преемником его был избран 6 сентября игумен Троицы Сергиева монастыря Симон (правил по 1511 г.). В правление Иоанна духовенство, а с ним отчасти и светская власть, были заняты вопросом о еретиках, о церковных имуществах и о вдовых священниках. Чтобы понять возникновение этих вопросов и оценить их значение, необходимо иметь в виду довольно печальное состояние просвещения в среде тогдашнего русского духовенства. Архиепископ новгородский Геннадий, в посланиях своих жаловался, что к нему часто по выбору прихожан являются для посвящения на дьяконские и даже на священнические места люди совершенно не грамотные, и что они даже не желают учиться грамоте и убегают, когда архиепископ приказывает их обучить. Тот же Геннадий в переписке с архиепископом ростовским Иоасафом, спрашивал его, нет ли в монастырях его епархии некоторых книг, которыми поль-

зовались жидовствующие и которые поэтому необходимы были Геннадию для борьбы с ними, и в том числе спрашивает о таких книгах, как Бытия, Царств, Притчи, Иисус Навин и т. п. Известно, что сравнительно с XVI века от XV века до нас дошло рукописей чрезвычайно мало: рукописей за все время до конца XV века сохранилось менее, чем от одного XVI века. Кроме недостаточной образованности массы духовенства среди его замечались еще и другие нежелательные явления; особенно распространен был обычай ставить в священный сан почти единственно за деньги; многие священники к явному соблазну мирян вели совершенно неприличный образ жизни.

При таких условиях довольно быстро распространилось в тогдашнем обществе одно еретическое учение. Впервые оно обнаружилось в Новгороде. Наши сведения и в данном случае таковы же, как и в других подобных: и мы принуждены почерпать сведения об учении еретиков и об распространении ереси из ее обличений и потому не можем сказать, чтобы то и другое было известно нам совершенно точно. Говорят, что ересь эту занес в Новгород жил Схария, бывший в конце 1470 или в начале 1471 г. в Новгороде в свите князя Михаила Олельковича, занимавшего в это время по приглашению новгородцев новгородский стол. Еретики отрицали христианскую религию почти во всей ее сущности, отрицали учение о Троице, отрицали будущую жизнь, отрицали таинства; но до последнего времени высказываются сомнения, действительно ли в их учении было много специально еврейского. Долгое время ересь распространялась в Новгороде тайно; архиепископ Феофил, занятый борьбою Новгорода с Москвой, не обращал внимания на волнения среди своей паствы, вызванные догматическими вопросами; первый назначенный из Москвы архиепископ Сергей встретил такое единодушно недружелюбное отношение к себе со стороны новгородцев, что его влияние на внутреннюю жизнь паствы неизбежно было совершенно ничтожным. Кроме того, еретики и вообще отличались чрезвычайною осторожностью и ловкостью в своих действиях. Охотно соблюдая по внешности все предписания православной церкви и являясь зато тем более смелыми отрицателями ее учения пред людьми, склонными их слушать, еретики успешно распространяли свое лжеучение и в то же время два из главнейших представителей ереси, священники Алексей и Дионисий, успели так понравиться Иоанну III, когда он приезжал в 1480 г. в Новгород, что он перевел их в Москву и определил первого протоиереем в Успенский собор, а второго - священником в Архангельскую церковь при своем дворе. Здесь представители новгородского лжеучения успели склонить к своим мнениям очень многих: в числе их последователей были архимандрит Симонова монастыря Зосима, невестка великого князя, вдова его сына Елена, и два брата дьяки Курицыны, одни из приближеннейших к великому князю дельцов; еретики оставались в Москве тем более свободно, что в это время общее внимание было отвлечено тем столкновением великого князя с митрополитом Геронтием, о котором мы говорили выше.

В 1484 г. Геннадий, только что назначенный архиепископом новгородским, раскрыл там существование ереси. Он узнал, что четыре священника, будучи в нетрезвом состоянии, надругались над священными иконами. Виновные были привлечены к ответу и из расследования обнаружилось, что они действовали так под влиянием особого учения, которого придерживались. Геннадий узнал, что в Новгороде довольно много их единомышленников. Четыре первые обвиненные убежали из Новгорода в Москву. По донесению Геннадия они были отосланы в Новгород, с предписанием от митрополита и великого князя, чтобы было произведено обстоятельное дознание о ереси. После расследования дела Геннадий тех из еретиков, которые сознали свои заблуждения, подверг церковному покаянию и епитимиям, о нераскаянных донес и Москву, а их самих передал для наказания великокняжеским наместникам. Но из Москвы он теперь не получил никакого ответа; митрополит Геронтий лично был против него предубежден, а кроме того, в это время возвратился в Москву ездивший послом в Венгрию дьяк Курицын и, вероятно, задержал преследование еретиков своим влиянием. Вскоре митрополит Геронтий умер; более полутора года преемник ему не был избран, и отсутствие духовного главы, конечно, имело результатом, что ересь распространялась особенно успешно; великий князь смотрел на нее как-то слишком спокойно, а главный борец против нее, новгородский архиепископ Геннадий, был как бы в некоторой опале, так что его не только не пригласили в Москву на выбор нового митрополита, но Зосима, немедленно по своем избрании, потребовали даже от Геннадия нового "исповедания веры", которое Геннадий, по обычаю, уже представил при своем поставлении. Посылая это исповедание, Геннадий возобновил свои требования, чтобы ересь не была оставлена без внимания, и указал главных покровителей ее в Москве. В то же время на борьбу с еретиками выступил знаменитый своею святою жизнью, своими строгими правилами и горячею ревностью подвижник, игумен волоколамского монастыря Иосиф, (Иосиф Санин). Стараниями его и Геннадия было достигнуто, что 17 октября 1490 г. созван был в Москве по делу о ереси собор; на нем девять человек еретиков из духовных были осуждены, прокляты, выданы Геннадию и подвергнуты им в Новгороде публичному позорному наказанию.

Но ересь не была уничтожена. Горячие обличения ее Иосифом, причем он смело нападал и на самого митрополита, заставили этого последнего сложить с себя сан. Однако, вероятно, под влиянием дьяка Курицына, в новгородский Юрьев монастырь был назначен архимандритом Кассиан, оказавшийся еретиком; когда это обнаружилось, Иосиф лично явился к великому князю и склонил его принять решительные меры против еретиков; великий князь так был убежден Иосифом, что просил у него прощения за то, что так долго не обращал на ересь должного внимания и дал слово искоренить ересь; у него явилось было сомнение, не грех ли подвергать за религиозные убеждения строгим наказаниям, но Иосиф успел разубедить его в этом. Однако, когда Иосиф удалился, решительные меры снова не были приняты, несмотря даже

на то, что Иосиф напоминал великому князю через его духовника об его обещании. Только тогда, когда совершенно изменились существовавшие в семье великого князя отношения, когда его внук Димитрий, объявленный уже наследником престола и его мать, Елена, вдова Иоанна Молодого, были удалены и подверглись опале, когда подверглись опале и многие другие влиятельные лица, державшие партию Димитрия и Елены, а Елена, как известно придерживалась ереси, только тогда новый собор, созванный в 1504 г., в присутствии Иоанна и сына его Василия, под влиянием особенно Иосифа волоцкого, игравшего на соборе первенствующую роль, применил к еретикам крайние меры: дьяк Волк Курицын, архимандрит Кассиан и многие другие были сожжены, частью в Москве (27 декабря), частью в Новгороде; другие были подвергнуты различным другим наказаниям, многие заточены под строгий присмотр в монастыри. Ереси был нанесен последний удар и только уже слабые отголоски ее проявлялись в правление сына Иоанна.

Собор 1504 г., осудивший еретиков, был продолжением собора, созванного в 1503 г., и обсуждавшего сначала другие вопросы церковного благоустройства. Прежде всего был установлен возраст, не достигших которого запрещено было посвящать в диаконы и в священники, именно 25 лет для первого и 30 лет для второго сана; затем повторены строгие запрещения доставлять кого-либо в духовный сан не по достоинству, а единственно за деньги. К сожалению, это последнее постановление было тотчас же нарушено одним из выдающихся святителей того времени: Геннадий новгородский, немедленно же по возвращении в Новгород, оказался виновным в поставлении за деньги, был лишен сана, заточен в Чудов монастырь и там скончался через два с половиной года. Тот же собор отстранил от богослужения всех вдовых священников и дьяконов, и только тем из них, которые известны были своею достойною жизнью, разрешил ношение епитрахилей и стрихарей. Поводом к такому решению послужили многочисленные, бросающиеся в глаза факты крайне распущенной жизни вдовых священнослужителей. Но тем не менее нельзя не признать такое решение несправедливым по отношению к тем из вдовых священников и дьяконов, жизнь которых не представлялась безнравственною. Это соборное постановление вызвало замечательное послание к собору вдового ростовского священника Георгия Скрипицы; оно не возымело действия и соборное постановление не было отменено, но произведение Скрипицы остается памятником в высшей степени замечательным по тому уважению к человеческой личности, которым оно проникнуто, по искреннему убеждению, что несправедливо набрасывать тень на людей, ни в чем дурном не обличенных.

Тому же собору довольно неожиданно пришлось обсуждать еще одно важное дело. Члены собора начали уже разъезжаться, когда поднялся вопрос о монастырских имуществах. Довольно значительная партия в среде тогдашнего духовенства, со знаменитым строгостью жизни отшельником Нилом сорским (Майковым) во главе, утверждала, что монахам, как людям, отречшимся от

всего мирского, не прилично владеть богатствами, и что им следует содержаться исключительно трудами рук своих. Иоанн III предложил собравшимся в Москве иерархам обсудить этот вопрос; для участия в этом обсуждении уехавшие, в том числе и Иосиф, вернулись. Иосиф явился решительным противником взгляда Нила сорского. Он утверждал, что имущества принадлежат не лично монахам, а всему монастырю и что владение ими несколько не нарушает чистоты монашеской жизни; наиболее веским аргументом в доказательствах Иосифа являлось его указание, что монастыри должны и могут свои имущества употреблять на пользу бедных и несчастных, как, действительно, и поступал сам Иосиф, оказавший огромные услуги всей близкой к его монастырю местности в голодный год; конечно, слабее было другое его доказательство, именно указание на то, что если принудить монахов жить трудами своих рук, то не станут постригаться люди из хороших фамилий, а тогда некого будет делать епископами и вследствие этого поколеблется вера: в этом случае сам Иосиф своею личностью опровергал свое утверждение. После прений митрополит Симон представил Иоанну, что духовенство не считает себя в праве отдать от монастырей и церкви то, что было им пожертвовано разными благочестивыми людьми. Иоанн не принял никаких решительных мер; вопрос этот, однако, не перестал волновать умы; при сыне Иоанна III он снова поднялся, и в течение двух с половиной веков, вплоть до царствования Екатерины II, он занимал и правительство и духовенство.

Изложив события государственного Иоанна, его внешнюю политику и внутреннюю деятельность, скажем теперь о его семейных отношениях, и постараемся выяснить существенные черты его личности и значение его деятельности.

Личность Иоанна; дела семейные. - Иоанн был женат дважды. От первой супруги своей, Марии Борисовны тверской, он имел одного только сына, Иоанна Молодого (род. 15 февраля 1458 г., умер 7 марта 1490 г.); Мария умерла 22 апреля 1467 г.; 12 ноября 1472 г. Иоанн вступил во второй брак с Софьей, (Зоей) Фоминишной Палеолог, племянницей последнего византийского императора. От нее он имел сыновей Василия (род. 26 марта 1479 г., умер 3 декабря 1533 г.), Юрия (род. 23 марта 1480 г., умер в 1536 г.), Дмитрия (род. 6 октября 1481 г., умер в 1521 г.), Симеона (род. 21 марта 1487 г., умер в 1518 г.) и Андрея (род. 5 августа 1490 г., умер в 1537 г.) и дочерей - Елену (род. 8 апреля 1484 г., умерла в 1513 г.), Феодосию (род. 29 мая 1485 г., умерла в 1501 г.); и Евдокию (род. около 1492 г., умерла в 1513 г.) кроме того, умерли в младенчестве два первые ребенка Иоанна от Софьи, две дочери, обе носившие имя Елены, и родившиеся одна в 1474 г., другая в 1475 г. Из дочерей старшая Елена была, с 15 февраля 1495 г. в замужестве за Александром Казимировичем, князем литовским, впоследствии королем польским; брак этот был устроен преимущественно из политических видов и, как мы знаем, не имел значительных результатов; Феодосия была в 1500 г. выдана замуж за князя Василия Даниловича Холмского, сына знаменитого воеводы, Евдокия

была выдана 25 января 1506 г. за крестившегося татарского царевича, принявшего имя Петра. Старший сын Иоанна Васильевича, Иоанн Молодой, уже с 1471 г. называется в некоторых грамотах великим князем рядом с отцом; 6 января 1483 г. он женился на Елене, дочери Стефана воеводы молдавского. Один из иностранных писателей сообщает, будто бы Иоанн никогда не любил своего старшего сына за какие-то дурные черты в его характере; но мы ничего более об этом не знаем; русские источники говорят об Иоанне Молодом скорее с симпатией; впрочем, о сколько-нибудь активной деятельности его мы узнаем только раз, в описании последнего нашествия Ахмата. Иоанн Молодой умер 7 марта 1490 г., оставив сына Дмитрия (род. 10 октября 1483 г.). При дворе, очевидно, образовались две партии, расходившиеся по вопросу о том, кто должен быть преемником Иоанна Васильевича на престоле: внук ли его от покойного старшего сына, или второй сын, Василий, сын Софьи Фоминишны. Мы не знаем подробностей о борьбе этих партий. Но существование их с ясностью обозначилось в 1497 г.: Иоанну донесено было, что некоторые дьяки и дети боярские, Федор Стромиллов, Владимир Гусев, кн. Иван Палецкий, Афанасий Яропкин и др., подговаривают Василия подняться против великого князя и погубить Дмитрия, сына Иоанна Молодого, обнадеживая, что можно захватить казну и найти поддержку на Вологде и Белоозоре; донесено было вместе с тем, что Софья Фоминишна пользуется советами каких-то ворожей, чтобы привлечь к себе особенное расположение великого князя. Обвиненные в таких замыслах служилые люди были казнены 27 декабря 1497 г., бабы ворожеи утоплены в Москве реке; Василия великий князь заключил под стражу и удалил от себя Софию, стал жить, по выражению летописей, "в береженьи" от жены. 4 февраля 1498 г. он венчал внука своего Дмитрия в Успенском соборе на великое княжение шапкою и бармами Мономаха; это было первое торжественное венчание на царство в семье московских князей; за богослужением великий князь и митрополит Симон говорили нововенчанному приветствия. Но, вероятно, донос на Василия и Софию был неоснователен: в начале 1499 г. были схвачены важнейшие вельможи двора Иоаннова, князь Иван Юрьевич Патрикеев, два его сына, Василий и Иван, и зять князь Семен Иванович Ряполовский. Великий князь "испытал их вины" и хотел их всех казнить, но по просьбе духовенства освободил от казни Патрикеевых, причем только младший оставлен был под стражею в Москве, а отец и старший брат были пострижены в монахи, первый в Троицком Сергиеве монастыре, а второй в Кирилло-Белозерском; князь же Ряполовский был казнен 5 февраля 1498 г. Связь этого дела с борьбою партий сына и внука Иоаннова несомненна потому, что непосредственно после этого Иоанн удалил от себя Дмитрия и мать его Елену Стефановну, и наоборот, приблизил к себе опять Софию, и Василия объявил великим князем новгородским и псковским. Псковичи попробовали было почему-то выразить недовольство на это распоряжение, попросив Иоанна через посольство, чтобы во Пскове был тот же великий князь, как и в Москве; Иоанн гневно ответил, что он волен в своих детях, кому хочет, тому и дает княжение. 11 апреля 1502 г. Иоанн запретил поминать Дмитрия на ектениях, отдал его и Елену

под стражу, а 14 апреля венчал Василия, или по выражению летописи, "благословил и посадил на великое княжение Владимирское и Московское и всея Руси самодержцем". 4 сентября 1505 г. Иоанн женил Василия на Соломонии Юрьевне Сабуровой. Через полтора месяца после этого, 27 октября 1505 г., Иоанн III Васильевич скончался, пережив свою вторую супругу, Софью Фоминишну, всего на два с половиною года (умерла 7 апреля 1503 г.). В эти последние годы жизни Иоанна, в эпоху борьбы между партией Василия и партией Димитрия, без сомнения, нельзя не признать значительного влияния Софьи Фоминишны; конечно, она хотела доставить престол сыну и вместе с тем, по некоторым деталям дошедших до нас известий об этой борьбе, можно догадываться, что борьба велась до известной степени такими средствами, которые всегда особенно сильны в руках женщин. Но вообще, нам кажется, не совсем правильным общераспространенное воззрение, будто бы влияние Софьи на Иоанна было очень сильно. Мы, правда, слышим об этом почти от современников Иоанна; но приписывать то или другое следствие одному определенному лицу - прием слишком часто применявшийся прежними людьми, чтобы такое показание их было для нас особенно убедительно без каких-нибудь неопровержимых фактических доказательств. Софья же была после долгого времени первою супругою русского великого князя из такого знаменитого рода; при ее муже совершились значительные события - и в глазах современников не было никакого сомнения, что именно брак с византийской принцессой и были причиной этих перемен, хотя мы можем видеть причины их совершенно в другом. Современники говорят нам, что Иоанн стал удаляться от бояр со времени брака с Софьей; но просто брак этот совпал по времени с таким усилением московского великого князя, даже больше - явился именно вследствие такого усиления его власти - что отношение его к своим боярам, к тому же, - чрезвычайно увеличившимся в числе, - неизбежно должны были измениться; нам представляется, что Иоанн чувствовал свое положение настолько высоким, что ему казалось совершенно необходимым, чтобы и супруга его была из рода особенно знатного. Говорят далее, что Софья Фоминишна побудила мужа к решительным поступкам относительно татар, повторяя ему, что она не за тем шла за него замуж, чтобы быть данницей хана и что ее отец оставил родину, но не стал подданным султана. Нам кажется довольно сомнительным, чтобы могли являться подобные внушения; положение Софьи до брака было далеко не так почетно и блестяще, чтобы, став супругой Иоанна, она могла ему выражать неудовольствие на свое положение; кроме того, всегда мог явиться вопрос - не предстоял ли выбор ее отцу между смертью и бегством, а не между бегством и подданством султану; к тому же один из братьев ее, как известно, и жил потом в Турции, приняв мусульманство и отдав дочь свою в султанский гарем. Но самое главное, это то, что свержение ига вовсе не явилось внезапным; уже задолго до Софьи князья московские лелеяли мысли сбросить с себя это позорное подданство дикой орде и часто выражали такую надежду в своих завещаниях; самое свержение ига произошло без малейшего участия Софьи, она отправлена была Иоанном далеко на север, когда подступили полчища Ахмата. Если б даже

Иоанн и не женился на Софье Палеолог, то все-таки трудно себе представить, чтобы он, покоритель Новгорода, почти полновластный господин всей русской земли, кроме Твери и Рязани, Иоанн, распоряжающийся самовластно в Казани, влиятельный в Крыму - чтобы он оставался данником довольно слабой уже Золотой орды! Наконец, по всему складу семейной древне-русской жизни очень трудно допустить, чтобы влияние Софьи было велико вне сферы вопросов этикета, устройства домашней жизни и обстановки великого князя; но в этой сфере, конечно, к ней обращались за советами как к знавшей порядки и обычаи и византийского, да отчасти и других дворов.

О внешности, обычном образе жизни и личном характере Иоанна мы имеем очень мало прямых свидетельств. Контарини, путешественник венецианский, видевший Иоанна в 1476 г., говорит, что Иоанн был высок ростом, худощав, имел величавую осанку и красивую наружность; Герберштейн, бывший в Москве послом в 1517 г. рассказывает со слов людей, помнивших Иоанна, что он имел такой грозный взгляд, что от него женщины падали в обморок, и что вообще все кругом его трепетали. Герберштейну говорили, что сам Иоанн редко выступал из Москвы; по известиям Контарини, напротив, он объезжал свои владения каждый год; видимое противоречие совершенно просто объясняется: Герберштейн передает нам о последних годах жизни Иоанна, Контарини - о первой половине его правления; с несомненностью известно, что Иоанн лично совершил множество походов; по летописям видно также, что он принимал обыкновенно деятельное участие в тушении всякого большого пожара в Москве. Не имея обстоятельных свидетельств о личном характере Иоанна, прибегают иногда к толкованиям и объяснениям некоторых отрывочных и в сущности недостаточных указаний. Так, например, довольно часто повторяется обвинение Иоанна в крайней скупости или по меньшей мере - в излишней экономии и в доказательство приводятся слова грамоты, данной одним послам для свободного проезда, в которой сделано распоряжение, что послы будут получать на станциях для приготовления себе пищи барана, но шкуру его должны отдавать назад, а не имеют права оставлять себе; но едва ли можно сомневаться, что это распоряжение есть распоряжение соответственного Приказа и оно поэтому не может быть почитаемо за такое, которое бы отражало в себе личные характерные черты великого князя. Равным образом и распоряжение Иоанна, чтобы посол его Толбузин взял с Венецианской республики 700 руб. за все, что дал великой князь Тревизану, хотя дано было этому последнему всего на 70 руб., быть может надо рассматривать, как своего рода наказание за поступок Тревизана, вызвавший неудовольствие князя. По недостатку свидетельств мы должны отказаться от стремления очертить личность Иоанна Васильевича достаточно определенными штрихами относительно всех черт его ума и характера. Наиболее верные выводы, хотя за то лишь в главных чертах, мы получим, рассматривая его деятельность. В делах же своих он является пред нами человеком обширных дарований, чрезвычайно деятельным умственно, человеком осторожным в своих начинаниях, приступающим к делу лишь тогда, ко-

гда подготовлено все, что нужно для того, чтобы провести начатое дело до конца. Такими чертами отмечена вся деятельность Иоанна.

Уничтожая раздробленность Русской земли, соединяя ее в одно государственное тело, Иоанн, однако, не решился пойти против старинного обычая настолько круто, чтобы лишить своих младших сыновей самостоятельных владений; вероятно, ему и самому еще не представлялось возможным быть князем без удела. Умирая, он разделил свои владения между всеми пятью сыновьями. Старшего сына Василия он благословил великим княжением, дал ему княжество московское, затем Новгород, Тверь, Владимир, Нижний-Новгород с их областями, ему же подчинил Псков, всего завещал ему 66 городов; всем остальным - менее 30. Кроме обычных уже в междукняжеских отношениях условий, чтобы младшие князья соединяли свои войска с войсками старшего по его требованию, чтобы сношениями с Ордой заведовал старший князь, и чтобы младшие вообще слушались и почитали его - "держали бы его имя честно и грозно", - в духовной грамоте Иоанна даны и другие преимущества великому князю. Так, доходы с самого города Москвы назначены почти целиком ему: судные пошлины распределены были так, что две трети доходов получал великий князь, а остальная часть делилась поровну между всеми братьями, включая и его таможенные же и другие торговые пошлины целиком были отданы Василию и он только платил за это каждому брату ежегодно по сто рублей. Младшие братья не имели права чеканить свою монету; чеканил ее только великий князь в Москве и в Твери. Наконец прямо постановлено, что если какой из младших братьев умрет, не оставив мужского потомства, то удел его переходит к одному великому князю и младшие братья в это дело не должны "вступаться"; если останутся дочери, то великий князь получает удел их отца и только обязан выдать их замуж и наделить приданым. Иоанн определил, сколько каждый его сын должен был платить в тысячу рублей суммы, какая будет употреблена на ордынский выход и на содержание разных служилых татарских царевичей; на долю старшего приходилось 717 руб. остальное делилось между другими четырьмя братьями. Заметим здесь, что эти данные говорят нам, несомненно, о процентном отношении взносов того или другого князя в сумму, назначенную на поддержание татарских отношений, и что никак не должно думать, будто бы именно 1000 рублей в год и назначалось на это; такой способ расчетов был обычным для того времени, когда не умели еще части выражать процентами, и кроме того, эта самая тысяча рублей упоминается и во многих прежних грамотах, между тем как совершенно невозможно допустить, чтобы в разные эпохи и при разных обстоятельствах размер дани не менялся.

Общая оценка деятельности Иоанна. - Такова была деятельность Иоанна Васильевича III. Нельзя не видеть, что достигнутые им результаты были громадной важности. Объединение Руси, очевидно, необходимое для того, чтобы русский народ мог проявить все свои духовные силы, было подвинуто Иоанном вперед весьма значительно. Он не только соединил с Московским

княжеством такие обширные, богатые и важные области, как Новгород и Тверь, он вернул и множество областей, с населением русским, с исповеданием православным, но силою обстоятельств оторвавшихся от общерусской жизни и соединившихся с государством Польско-литовским; вместе с тем и внешняя безопасность Русского государства заметно утвердилась: татары, столь ужасные в предшествовавшие века русской истории, при Иоанне III были окончательно отражены от России; с его времени они уже только беспокойные соседи и неопасны для русского народа; внук Иоанна III начал уже подчинение татарских царств России; Иоанн III не мог еще на это отважиться, но он именно ослабил татар и притом - силами татар же; силами крымского хана он постоянно пользовался на усиление Москвы. Действуя в этом направлении, Иоанн проявлял не просто жадность к завоеваниям, он даже не стремился только к увеличению своих сил, как к средству избавляться от разных, могущих встретиться, опасностей - он руководился настоящими государственными идеями, которые и высказал не раз совершенно ясно в сношениях с Александром литовским, заявив, что он считает русскими все те земли, которые населены русским населением, где русская речь и православная вера. Иоанн ясно понимал уже, что великий народ должен составить одно государство; и знаменем объединения он поставил не экономические выгоды этого государства, не свою личную славу, как государя - он осветил это стремление идеей, той именно идеей, которая была наиболее способна привлечь симпатии всех его подданных, которая и в предшествовавшие века и впоследствии являлась одним из наиболее могучих двигателей в истории русского народа: знаменем объединения Руси Иоанн поставил православную веру. Наконец Иоанн впервые после длинного ряда веков восстановил сношения с западно-европейскими государствами, которые значительно опередили в умственном развитии Русь, занятую почти исключительно тяжелыми татарскими отношениями; он первый вступил на тот путь, которым шел и Грозный, и царь Алексей, и по которому, наконец, Петр Великий вывел Россию на подобающее ей место среди всех других государств. Иоанн обнаружил в этом случае неоспоримо широту взгляда: твердо охраняя православие, заботясь о единстве русского народа, Иоанн видел необходимость для России ознакомиться с результатами умственных успехов западноевропейских народов и вместе с тем видел полную возможность в сношениях с западными государствами охранять и самостоятельность, и достоинство русских людей. Оспаривать громадной важности достигнутых Иоанном III результатов, очевидно, нельзя; но можно, однако, разное смотреть на его личную роль в их достижении, можно разным образом оценивать Иоанна, как политического деятеля.

Карамзин, исчислив вкратце дела Иоанновы, говорит, что "Россия нынешняя есть создание Иоанна", "так как Россия Олега, Владимира и Ярослава погибла в нашествие монголов"; "Иоанн стоит, - по словам Карамзина, - как государь, на высшей степени величия; он оставил государство удивительное пространством, сильным народами, еще сильнейшее духом правления"; дела

Иоанна Карамзин ставит выше подвигов Александра Македонского; "государствование Иоанна III - говорить он - есть редкое богатство для истории; по крайней мере не знаю монарха, достойнейшего жить и сиять в ее святилище". Таким образом, Карамзин отнесся к Иоанну с восторгом, если не с благоговением; и нельзя не сказать, что это довольно понятно у первого работника по русской истории, который, можно сказать, открыл Иоанна, познакомился с его деятельностью, почти не имея представления, что его ожидает подобное зрелище. Соловьев отнесся к Иоанну значительно спокойнее. Верный своему основному принципу - "не дробить, не делить историю на периоды, не разделять начал, но рассматривать их во взаимодействии, стараться объяснить каждое явление из внутренних причин" - он считает Иоанна III преимущественно "счастливым потомком целого ряда умных, трудолюбивых, бережливых предков", который делал только то, к чему уже давно шли исторические события, и признает только, что Иоанну принадлежит честь за то, что он умел пользоваться своими средствами и счастливыми обстоятельствами, в которых находился во все продолжение жизни. Строже всех отнесся к Иоанну III Костомаров, который окончил очерк деятельности этого государя такими словами: "Истинно великие люди познаются тем, что опережают свое общество и ведут его за собою; созданное ими имеет прочные задатки не только внешней крепости, но и духовного саморазвития. Иван в области умственных потребностей ничем не стал выше своей среды. Он создал государство, но без задатков самоулучшения, без способов и твердого стремления к прочному народному благосостоянию простояло оно два века, верное образцу, созданному Иваном, хотя и дополняемое новыми формами в том же духе, но застывшее и закаменелое в своих главных основаниях, представлявших смесь азиатского деспотизма с византийскими, выжившими свое время, преданиями. И ничего не могло произвести оно, пока могучий ум Петра не начал пересоздавать его на иных культурных началах". Не можем не согласиться с замечанием К. Н. Бестужева-Рюмина, что изложение и характеристика деятельности Иоанна III у Костомарова - "прекрасная обвинительная речь, но не суждение историка"; укажем еще, что в характеристике, данной Костомаровым, заключается, по-видимому, противоречие: если созданное Иоанном III простояло два века и удовлетворяло через 200 лет требованиям общества, то, несомненно, что хотя отчасти, но он стоял впереди своего времени и, след., имел хотя некоторые черты истинно великого человека. Из современных историков К. Н. Бестужев-Рюмин и Д. И. Иловайский возвратились довольно близко ко взгляду Карамзина и, признавая, что дело Иоанна было в значительной степени подготовлено его предшественниками, в то же время признают за ним и все права быть причисленным к числу великих людей. И действительно, если мы и не должны, пожалуй, представлять себе деятельность Иоанна в таких величавых, так сказать героических чертах, какими рисует ее Карамзин, если нельзя предполагать у него вполне ясного сознания величия, прочности и важности для будущего творимых им дел, то нельзя также не признать в Иоанне того истинного и высокого ума, который создает нечто такое, что ценно и дорого потом людям в течение веков. Если Иоанн,

быть может, и не сознавал ясно, что с таким усердием восстанавливая единство русского народа, он становится на тот путь, работа на котором будет занимать его потомков еще 300 лет, то это обстоятельство нисколько не уменьшает оценки его гения, который, так сказать, инстинктивно находил задачи, поистине достойные быть руководящими идеями истинного государственного человека, Нам кажется несомненным, что Иоанн имел такие идеи; но мало этого, он проявил совершенно исключительные дарования и в осуществлении их. В течение всей своей деятельности он не испытал ни одной крупной неудачи: но нельзя сказать, чтобы успехами своими он был обязан исключительно счастью или благоприятным обстоятельствам; всякий успех доставался Иоанну с бою, и объясняется несомненно тем, что Иоанн приступал к решению всякого важного, серьезного вопроса с осторожностью, с внимательной и глубокою умственной работою; конечно, именно благодаря такой работе, он, действительно, всегда господствовал над обстоятельствами; у него не было недостатка в противниках и, не редко - в противниках, не уступавших ему в отношении сил материальных; но он очевидно далеко превосходил их всех и своею умственною силою и своею умственною работою. Создавая великое дело, Иоанн, конечно, был очень осторожен и опасался каким-либо неблагоприятным шагом нанести этому великому делу ущерб; но он никогда не доходил в своей осторожности до того, чтобы из-за нее упустить какой-нибудь существенный успех. Несомненно, конечно, что Иоанн не своими единоличными силами достиг всех тех результатов, которые дало его правление; на его стороне, очевидно, стояло все тогдашнее население, весь русский народ; мы видели, что митрополиты поддерживали Иоанна в его распри с Новгородом; все бояре его стояли дружно, послушно и убежденно за всякое дело своего великого князя; по очень подробным записям дипломатических сношений с Польско-литовским государством мы видим, как были проникнуты московские бояре теми же идеями, какие имел и Иоанн, и как настойчиво, с каким достоинством, и как умело поддерживали они его требования; сочувствие всей народной массы делу объединения не может быть подвергаемо сомнению; переходы в Московское княжество из Тверского, легкость и прочность соединения с центром "страны князей" - ясно доказывают это. Но нельзя не признавать, что безусловно возвышался над всеми окружающими, над всеми своими помощниками сам Иоанн: те же бояре, с которыми начал он правление, действовали еще и при его отце, те же бояре, с которыми он правил последние 10-15 л.; перешли и к его сыну; но самый беглый взгляд на ход дел при Иоанне и при его предшественнике и при его преемнике показывает с несомненностью, что в то время, как делами руководил Иоанн, в Москве присутствовала такая умственная и нравственная сила, которой не было ни до него, ни после. Особенности свойства тех источников, которые только и находятся в нашем распоряжении относительно тех эпох, мешают нам видеть всю ту умственную работу, какую употреблял Иоанн для подготовки и исполнения своих великих планов; но если в некоторых случаях он раскрывает пред нами эту умственную работу - а он обнаруживает ее с несомненностью в сношениях с Литвою - то мы должны и в других случаях,

где Иоанн с не меньшим успехом выходил из обстоятельств не менее трудных, предполагать в нем такую же умственную работу. - Окидывая взглядом всю деятельность Иоанна III, мы смело говорим, что он должен быть причислен к замечательнейшим государям не только XV ст., но и всех времен. Иоанн III есть истинный основатель русского государства и представляет собою одного из наиболее замечательных людей, которых русский народ должен всегда вспоминать с благодарностью, которыми по справедливости он может гордиться.

Н. Чечулин.

{Половцов}

Иоанн III Васильевич

- великий князь московский, сын Василия Васильевича Темного и Марии Ярославовны, род. 22 янв. 1440 г., был соправителем отца в последние годы его жизни, вступил на великокняжеский престол до смерти Василия, в 1462 г. Сделавшись самостоятельным правителем, он продолжал политику своих предшественников, стремясь к объединению Руси под главенством Москвы и с этой целью уничтожая удельные княжества и независимость вечевых областей, а также вступая в упорную борьбу с Литвой из-за присоединившихся к ней русских земель. Действия И. не отличались особой решительностью и смелостью: осторожный и расчетливый, не обладавший личной храбростью, он не любил рисковать и предпочитал достигать намеченной цели медленными шагами, пользуясь удобными случаями и благоприятно складывавшимися обстоятельствами. Сила Москвы достигла к этому времени уже весьма значительного развития, тогда как ее соперники заметно ослабели; это придавало широкий размах осторожной политике И. и вело ее к крупным результатам. Отдельные русские княжества были слишком слабы для борьбы с великим князем; не хватало средств для этой борьбы и у вел. княжества Литовского, а соединению этих сил мешало установившееся уже в массе русского населения сознание своего единства и враждебное отношение русских к упрочивавшемуся в Литве католицизму. Новгородцы, видя возрастание московского могущества и опасаясь за свою самостоятельность, решили было искать защиты у Литвы, хотя в самом Новгороде сильная партия была против этого решения. И. сперва не предпринимал никаких решительных действий, ограничиваясь увещаниями. Но последние не действовали: литовская партия, руководимая семьей Борецких (см. соотв. статью), окончательно взяла верх. Сперва был приглашен в Новгород (1470) один из служилых литовских князей, Михаил Олелькович (Александрович), а затем, когда Михаил, узнав о смерти брата своего Семена, бывшего киевским наместником, ушел в Киев, заключен договор с королем польским и вел. кн. литовским Казимиром, Нов-

город отдался под его власть, с условием сохранения новгородских обычаев и привилегии. Это дало московским летописцам повод называть новгородцев "иноязычниками и отступниками православия". Тогда И. выступил в поход, собрав многочисленное войско, в котором, кроме рати собственно вел. князя, были вспомогательные отряды трех его братьев, Твери и Пскова. Казимир не подал помощи новгородцам, и их войска, 14 июля 1471 года, потерпели решительное поражение в битве у р. Шелони от воеводы И., кн. Дан. Дм. Холмского; несколько позже другая рать новгородская была разбита на Двине кн. Вас. Шуйским. Новгород просил мира и получил его, под условием уплаты вел. князю 15500 р., уступка части Заволочья и обязательства не вступать в союз с Литвою. После того, однако, началось постепенное стеснение новгородских вольностей. В 1475 г. И. посетил Новгород и судил здесь суд по старине, но затем жалобы новгородцев стали приниматься и в Москве, где по ним и творили суд, вызывая обвиняемых за московскими приставами, вопреки привилегиям Новгорода. Новгородцы терпели эти нарушения своих прав, не давая предлога к полному их уничтожению. В 1477 г. такой предлог явился, однако, у И.: новгородские послы, подвойский Назар и вечевой дьяк Захар, представляясь И., назвали его не "господином", как обыкновенно, а "Государем". Немедленно был отправлен запрос к новгородцам, какого государства они хотят. Напрасны были ответы новгородского веча, что оно не давало своим посланникам подобного поручения; И. обвинил новгородцев в записательстве и нанесении ему бесчестья и в октябре выступил в поход на Новгород. Не встречая сопротивления и отвергая все просьбы о мире и помиловании, он дошел до самого Новгорода и осадил его. Лишь здесь новгородские послы узнали условия, на которых вел. князь соглашался помиловать свою отчину: они заключались в полном уничтожении самостоятельности и вечевого управления в Новгороде. Окруженный со всех сторон великокняжескими войсками, Новгород должен был согласиться на эти условия, равно как на отдачу в. князю всех Новоторжских волостей, половины владычных и половины монастырских, успев только выторговать небольшие уступки в интересах бедных монастырей. 15 января 1478 г. последовала присяга новгородцев И. на новых условиях, после чего он въехал в город и, захватив вождей враждебной ему партии, отослал их в московские тюрьмы. Новгород не сразу примирился со своей участью: в следующем же году в нем произошло восстание, поддержанное внушениями Казимира и братьев И. - Андрея Большого и Бориса. И. принудил Новгород покориться, казнил многих виновников восстания, заточил владыку Феофила и выселил из города в московские области более 1000 семей купеческих и детей боярских, переселив на их место новых жителей из Москвы. Новые заговоры и волнения в Новгороде вели только к новым репрессивным мерам. Особенно широко применял И. к Новгороду систему выселений: за один 1488 г. было выведено в Москву более 7000 житых людей. Путем таких мер окончательно сломлено было свободолюбивое население Новгорода. Вслед за падением новгородской самостоятельности пала и Вятка, в 1489 г. принужденная воеводами И. к полной покорности. Из вечевых городов только Псков сохранял еще свое старое

устройство, достигая этого полной покорностью воле И., изменявшего, впрочем, исподволь и псковские порядки: так, наместников, избираемых вечем, заменили здесь назначаемые исключительно вел. князем; отменены были постановления веча о смердах, и псковичи вынуждены были согласиться с этим. Одно за другим падали перед И. и удельные княжества. В 1463 г. присоединен был Ярославль, путем уступки своих прав тамошними князьями; в 1474 г. ростовские князья продали И. оставшуюся еще за ними половину города. Потом очередь дошла до Твери. Кн. Михаил Борисович, опасаясь возрастающей силы Москвы, женился на внучке литовского кн. Казимира и заключил с ним, в 1484 г., союзный договор. И. начал войну с Тверью и вел ее удачно, но по просьбе Михаила дал ему мир, на условии отречения от самостоятельных сношений с Литвой и татарами. Сохранив самостоятельность, Тверь, как раньше Новгород, подверглась ряду притеснений; особенно в пограничных спорах тверичи не могли добиться правосудия на москвичей, захватывавших их земли, вследствие чего все большее число бояр и детей боярских переходило из Твери в Москву, на службу вел. князя. Выведенный из терпения Михаил завел сношения с Литвой, но они были открыты, и И., не слушая просьб и извинений, в сентябре 1485 г. подступил к Твери с войском; большинство бояр передалось на его сторону, Михаил бежал к Казимиру и Тверь была присоединена к вел. княжеству Московскому. В том же году И. получил Верею по завещанию тамошнего князя Михаила Андреевича, сын которого, Василий, еще раньше, испугавшись опалы И., бежал в Литву (см. соотв. статью).

Внутри Московского княжества также уничтожались уделы и падало значение удельных князей перед властью И. В 1472 г. умер брат И., кн. дмитровский Юрий, или Георгий (см. соотв. статью); И. взял себе весь его удел и ничего не дал другим братьям, нарушая тем старые порядки, по которым выморочный удел должен был идти в раздел между братьями. Братья поссорились было с И., но помирились, когда он дал им некоторые волости. Новое столкновение произошло в 1479 г. Покорив Новгород с помощью братьев, И. не дал им участия в Новгородской волости. Недовольные уже этим, братья великого князя были еще более оскорблены, когда он приказал одному из своих наместников схватить отъехавшего от него к кн. Борису боярина (кн. Ив. Оболенского-Лыко). Князя волоцкий и углицкий, Борис (см. соотв. статью) и Андрей Большой (см. соотв. статью) Васильевичи, снесшись между собою, вступили в сношения с недовольными новгородцами и Литвой и, собрав войска, вступили в новгородские и псковские волости. Но И. успел подавить восстание Новгорода. Казимир не подал помощи братьям вел. князя, одни же они не решились напасть на Москву и оставались на литовском рубеже до 1480 г., когда нашествие хана Ахмата дало им случай с выгодой помириться с братом. Нуждаясь в их помощи, И. согласился заключить с ними мир и дал им новые волости, причем Андрей Большой получил Можайск, принадлежавший ранее Юрию. В 1481 г. умер Андрей Меньшой, младший брат И.; задолжав ему 30000 руб. при жизни, он по завещанию оставил ему свой удел, в

котором другие братья не получили участия. Десять лет спустя И. арестовал в Москве Андрея Большого, за несколько месяцев до того не высланного своей рати на татар по его приказу, и посадил его в тесное заключение, в котором тот и умер, в 1494 г.; весь удел его был взят вел. князем на себя. Удел Бориса Васильевича, по смерти его, наследовали два его сына, из которых один умер в 1503 г., оставив свою часть И. Таким образом, число уделов, созданных отцом И., сильно сократилось к концу княжения самого И. Вместе с тем, прочно было установлено новое начало в отношениях удельных князей к великим: завещание И. III формулировало правило, которому следовал он сам и по которому выморочные уделы должны были переходить к вел. князю. Этим правилом уничтожалась возможность сосредоточения уделов в чьих-либо руках мимо вел. князя и, следовательно, в корень подрывалось значение удельных князей.

Расширению московских владений на счет Литвы способствовали внутренние смуты, происходившие в вел. княжестве Литовском. Уже в первые десятилетия правления И. многие служилые князья литовские перешли к нему, сохраняя свои вотчины. Наиболее видными из них были князья Ив. Мих. Воротынский и Ив. Вас. Бельский. По смерти Казимира, когда Польша избрала королем Яна-Альбрехта, а литовский стол занял Александр, И. начал открытую войну с последним. Сделанная литовским вел. князем попытка прекратить борьбу путем родственного союза с московской династией не привела к ожидаемому от нее результату: И. не ранее согласился на брак своей дочери Елены с Александром, как заключив мир, по которому Александр признал за ним титул государя всея Руси и все приобретенные Москвой во время войны земли. Позже самый родственник союз сделался для Иоанна только лишним предлогом для вмешательства во внутренние дела Литвы и требования прекратить притеснение православных (см. соотв. статью). Сам И. устами отправленных в Крым послов так объяснял свою политику по отношению к Литве: "Вел. князю нашему с литовским прочного миру нет; литовский хочет у вел. князя тех городов и земель, какие у него взяты, а князь вел. хочет у него своей отчины, всей земли Русской". Эти обоюдные притязания уже в 1499 г. вызвали новую войну между Александром и И., удачную для последнего; между прочим, 14 июля 1500 г. русские войска одержали над литовцами большую победу у р. Ведроши, при чем взят был в плен гетман литовский кн. Константин Острожский. Заключенный в 1503 г. мир закрепил за Москвой ее новые приобретения, в том числе Чернигов, Стародуб, Новгород-Северск, Путивль, Рыльск и 14 других городов.

При И. московская Русь, усиленная и сплоченная, окончательно сбросила с себя татарское ярмо. Хан Золотой Орды Ахмат еще в 1472 г. предпринял, по внушениям польского короля Казимира, поход на Москву, но взял только Алексин и не мог перейти Оки, за которой собралось сильное войско И. В 1476 г. И., как говорят - вследствие увещаний второй своей жены, вел. княгини Софьи, отказался платить далее Ахмату дань, и в 1480 г. последний вновь

напал на Русь, но у р. Угры был остановлен войском вел. князя. Сам И., однако, и теперь еще долго колебался, и лишь настойчивые требования духовенства, особенно ростовского епископа Вассиана (см. соотв. статью), побуждали его лично отправиться к войску и затем прервать начатые уже было переговоры с Ахматом. Всю осень русское и татарское войска простояли одно против другого на разных сторонах р. Угры; наконец, когда стала уже зима и сильные морозы начали беспокоить плохо одетых татар Ахмата, он, не дождавшись помощи от Казимира, отступил, 11 ноября; в следующем году он был убит ногайским князем Иваком, и власть Золотой Орды над Русью рухнула окончательно. Вслед за тем И. предпринял наступательные действия по отношению к другому татарскому царству - Казани. В первые годы княжения И. враждебные отношения его к Казани выражались в ряде набегов, производившихся с обеих сторон, но не приводивших ни к чему решительному и по временам прерывавшихся мирными договорами. Смуты, начавшиеся в Казани, по смерти хана Ибрагима, между его сыновьями, Али-ханом и Мухаммед-Амином, дали И. случай подчинить Казань своему влиянию. В 1487 г. изгнанный братом Мухаммед-Аминь явился к И., прося помощи, и вслед за тем войско вел. князя осадило Казань и принудило Али-хана к сдаче; на его место был посажен Мухаммед-Аминь, фактически ставший в вассальные отношения к И. В 1496 г. Мухаммед-Аминь был свергнут казанцами, призвавшими ногайского кн. Мамука; не ужившись с ним, казанцы опять обратились за царем к И., прося только не присылать к ним Мухаммед-Аминя, и И. послал к ним незадолго перед тем пришедшего к нему на службу крымского царевича Абдыл-Летифа. Последний, однако, уже в 1502 г. был низложен И. и заточен на Бело-озеро за непослушание, а Казань получил опять Мухаммед-Аминь, который в 1505 г. отложился от Москвы и начал войну с ней, нападением на Н. Новгород. Смерть не позволила И. восстановить утраченную власть над Казанью. С двумя другими мусульманскими державами - Крымом и Турцией - И. поддерживал мирные отношения. Крымский хан Менгли-Гирей, сам угрожаемый Золотой Ордой, был верным союзником И. как против нее, так и против Литвы; с Турцией не только производилась выгодная для русских торговля на Кафинском рынке, но с 1492 г. были завязаны и дипломатические сношения, при посредстве Менгли-Гирея.

Характер власти московского государя при И. подвергся значительным изменениям, зависевшим не только от фактического его усиления, с падением уделов, но и от появления на подготовленной таким усилением почве новых понятий. С падением Константинополя, русские книжники стали переносить на московского кн. то представление о царе - главе правосл. христианства, которое раньше связывалось с именем византийского императора. Такому перенесению способствовала и семейная обстановка И. Первым браком он женат был на Марии Борисовне Тверской, от которой имел сына Иоанна, прозванного Молодым (см. соотв. статью); сына этого И. назвал вел. князем, стремясь упрочить за ним престол. Марья Борисовна † в 1467 г., а в 1469 г. папа Павел II предложил И. руку Зои, или, как она стала называться в России,

Софьи Фоминишны Палеолог, племянницы последнего византийского императора. Посол вел. кн. - Иван Фрязин, как его называют русские летописи, или Жан-Баттиста делла Вольпе, как было его имя в действительности (см. соотв. статью), - окончательно устроил это дело, и 12 ноября 1472 г. Софья въехала в Москву и обвенчалась с И. Вместе с этим браком сильно изменились и обычаи московского двора: византийская принцесса сообщила своему мужу более высокие представления о его власти, внешним образом выразившиеся в увеличении пышности, в принятии византийского герба, в введении сложных придворных церемоний, и отдалившие вел. кн. от бояр. Последние враждебно относились, поэтому, к Софье, а после рождения у нее в 1479 г. сына Василия и смерти в 1490 г. И. Молодого, у кот. был сын Димитрий (см. соотв. статью), при дворе И. явно образовались две партии, из которых одна, состоявшая из наиболее знатных бояр, в том числе Патрикеевых и Ряполовских, отстаивала права на престол Димитрия, а другая - по преимуществу незнатные дети боярские и дьяки - стояла за Василия. Эта семейная распря, на почве которой столкнулись враждебные политические партии, переплелась еще с вопросом церковной политики - о мерах против жидовствующих (см. соотв. статью); мать Димитрия, Елена, склонялась к ереси и воздерживала И. от крутых мер против нее, а Софья, напротив, стояла за преследование еретиков. Сперва победа была, казалось, на стороне Димитрия и бояр. В декабре 1497 г. открыт был заговор приверженцев Василия на жизнь Димитрия; И. арестовал сына, казнил заговорщиков и стал остерегаться жены своей, уличенной в сношениях с ворожеями. 4 февр. 1498 г. Димитрий был венчан на царство. Но уже в следующем году опала постигла сторонников его: Сем. Ряполовский был казнен, Ив. Патрикеев с сыном пострижены в монахи; вскоре И., не отнимая еще у внука вел. княжения, объявил сына вел. князем Новгородом и Пскова; наконец, 11 апр. 1502 г. И. явно положил опалу на Елену и Димитрия, посадив их под стражу, а 14 апреля благословил Василия великим княжением. При И. дьяком Гусевым был составлен первый Судебник (см.). И. старался поднять русскую промышленность и искусства и с этой целью вызывал из-за границы мастеров, из которых самым известным был Аристотель Фиораванти, строитель московского Успенского собора. И. ум. в 1505 г.

Мнения наших историков о личности И. сильно расходятся: Карамзин называл его великим и даже противопоставлял Петру I, как пример осторожного реформатора; Соловьев видел в нем главным образом "счастливого потомка целого ряда умных, трудолюбивых, бережливых предков"; Бестужев-Рюмин, соединяя оба эти взгляда, более склонялся в сторону Карамзина; Костомаров обращал внимание на полное отсутствие нравственного величия в фигуре И.

В. М-н.

{Брокгауз}

Иоанн III Васильевич

(или *Иван*) - великий князь московский (1462-1505); в его время возникла ересь жидовствующих (см.). При посредстве влиятельного еврея из Каффы, Хоца Кокоса, И. заключил и поддерживал союз с крымским ханом Менгли-Гиреем. Так, отправившемуся в Крым в марте 1474 г. послу Никите Васильевичу Беклемишеву было приказано передать Кокосу поклон от вел. князя и просить его выхлопотать у хана "ярлык dokonчательный", за что обещано Кокосу "свое жалованье"; посол должен также просить Кокоса: "коли будет ему к великому князю грамота послана о каких делах, и он бы жидовским письмом грамот бы не писал, а писал бы грамоты русским письмом или берменским". Кокос продолжал служить интересам великого князя. Послу Семену Борисовичу, отправившемуся в 1486 году к Менгли-Гирею, было предписано обратиться к Кокосу с просьбой сохранить верность вел. князю и расположить хана к последнему. - При дворе И. состоял врачом прибывший в 1490 году в Москву "лекарь жидовин Леон из Венеции". - Ср.: "Регесты", I.

{Евр. энц.}

Иоанн III Васильевич

- вел. кн. всея Руси, старш. сын. в. кн. Василия Васильевича (Темного), род. 22 янв. 1440 г.; вступил на вел. княжение после смерти отца 27 мрт. 1462 г. 43-летн. правление И. полно знаменат. событий: он объединил под своей властью всю с.-вост. Русь (за исключ. Рязани и Пскова), объявил себя независимым от Зол. Орды, вступил в брак с визант. принцессой Софией Палеолог и первый начал борьбу с польско-литов. государством за Зап. Русь; в делах внутр. управления И. надо отметить издание судебника. Удел. владения своих братьев, а также князей верейск., тверск., ярослав. и ростовских, И. присоединил к Москве мирн. путем; только к Твери ему пришлось применить воен. силу: 2 похода 1485 г. были вполне удачны для И., но больш. боев. при этом не произошло. Зато борьба с Новгородом, окончившаяся потерей последним самостоятельности, потребовала уже гораздо больш. напряжения. Борьба Москвы с Новгородом началась еще со времен И. Калиты, но лишь при И. III получила свое разрешение. В 1471 г. новгородцы заключили договор с польск. кор. Казимиром о подчинении ему Новгорода. 23 мая И. послал В. Новгороду объявление войны, и в июне двинулись отряды в Двин. землю и в Новгород; сам князь также находился при войске. 23 июня кн. Холмский имел первую и удачную для моск. рати стычку у Коростыня, на бер. Ильменя, а 14 июля одержал над новг.-цами блестящ. победу при Шелони. 27 июля в Заволочье воеводы И. с 4-тыс. войском разбили 12-тыс. новгород. рать. 11 авг. был заключен в Коростыне мирн. договор, по которому Новгород еще

сохранил номинал. незав-сть от Москвы. В 1472 г. воевода кн. Ф. Пестрый воен. силой привел к повиновению Москве крупное новгород. владение - Вел. Пермь. В 1477-1478 гг. И. покончил с Новгородом: осенью 1477 г. был предпринят туда поход, который окончился без боев. В последующие годы (1480, 1481, 1484, 1487) И. пришлось лишь неск. раз усмирить восстание новг-цев. Затем моск. войскам пришлось отдельно покорять важнейш. колонию Новгорода - Вятку: в 1489 г. кн. Даниил Щеня и Григ. Морозов взяли г. Хлынов и усмирили оконч-но вятчан. Псков подпал под сильное влияние И., был ему вполне покорен, и моск. воеводы деят-но поддерживали псковичей в их столк-нии с Ливон. орденом (1480-1483). С ханом Зол. Орды Ахматом I И., не желавший лично являться в Орду и неаккуратно плативший ей "выходы" (дань), имел неск. столк-ний. В 1470 г. союзные с Москвой вятчане произвели внезап. нападение на Орду, захватили самый Сарай и большую добычу, в то время как хан готовился поддержать против И. Новгород. Летом 1472 г. Ахмат, в свою очередь, произвел набег на моск. владения, но, встретив на бер. Оки сильную рус. рать, ушел в степь, ограничившись сожжением г. Алексина. Во время 2-го похода И. на Новгород (1477) хан вновь пытался поддержать последний, но опоздал: татар. полки пришли, когда И. уже покончил с Новгородом. Лет. 1480 г. Ахмат, в союзе с Казимиром Литовским, вновь пытался с многочисл. войском разгромить Москву, желая оконч-но подчинить себе И., но и этот поход татар окончился возвращением их в Орду; неудача татар, в связи со скоро последовавшей смертью Ахмата (6 янв. 1481 г.) и действиями против Зол. Орды верн. союзника И. Крым. хана Менгли-Гирея, разрушившими царство Сарайских ханов, привели к полн. освобождению с.-вост. Руси от всякого подчинения татарам. Деятельность И. в войне с Зол. Ордой воен. историк Д. Ф. Масловский характеризует как "выдающуюся", отмечая его искус. политику и умение согласовать стратег. операции с полит. обстановкой, правильн. оценку оборонит. линии и образц. твердость воли главнокомандующего, не поддавшегося давлению обществ. мнения, требовавшего ненужного боя. Взятие в 1453 г. Константинополя турками, объединение Руси под властью Москвы и свержение татар. ига - все это доставило небывалые дотоле значение и блеск власти моск. государя; появляются мысли о Москве как о "третьем Риме", и современки И. уже начинают, хотя еще и не офиц-но, именовать его "царем". С Литвой и Польшей И. вел ряд победонос. войн (1473, 1492-1494, 1500-1503), преследуя идейную цель - возвращение Руси ее западных, отторгнутых Литвой земель. Из воен. операций в эти войны необходимо отметить: сражение при реч. Ведроше под Дорогобужем (14 июля 1500 г.), где кн. Даниил Щеня в годовщину шелонской битвы наголову разбил литовцев, взял в плен гетм. кн. Острожского, всю артиллерию и обоз; победу москвитян под Мстиславлем (1501), неудач. осаду русскими Смоленска (1502) и действия моск. воевод против ливон. рыцарей, поднятых Литвой против И. Войны с Литвой дали Москве ряд городов: Вязьму, Новосиль, Одоев, Белев, Воротынский, Вельск, Трубчевск, Чериков, Стародуб, Рыльск, Гомель, Любеч, Новгород-Северск и др., в общем 19 гор. и 70 волостей. Эти войны повели за собой признание со стороны Польши и

Литвы за моск. вел. князем титула "Государя всея Руси". На востоке воен. дела И. также были удачны: он вел много войн с Казанью (1468, 1469, 1478, 1482, 1487, 1496, 1505), причем подчинил ее рус. влиянию и по своему желанию возводил на престол и свергал с него казан. царей. Из рус. воевод казан. походов выделились своими воен. успехами: воев. Беззубцев, Иван Руно, выбранный войском в 1469 г. предвод-лем и произведший 21 мая этого года удачн. набег на Казань, братья И. Юрий и Андрей Большой, кн. Д. Холмский и нижегор. воевода Хабар Симский. И. поддерживал деят-но сношения с имп-ром Фридрихом III и Максимилианом, с папой, с знам. венг. королем Матвеем Корвином и друг. европ. государями. Состоя в союзе с Данией, он вел кратковрем. и безрезульт. войну со Швецией. В 1496 г. русские осаждали Выборг, но не смогли его взять; в 1497 г. они дошли до Тавастгуста, опустошив страну, нанеся ряд поражений шведам; кроме того, морем, из устья С. Двины, было произведено удач. нападение на швед. берега. Шведы, со своей стороны, осадили и взяли Ивангород. Война прекратилась без мирн. договора, когда датск. король занял швед. престол. В отношении устр-ва моск. вооруж. сил И. III первый (1500) роздал бояр. детям поместья с обязат-вом нести воен. службу и в случае войны по первому требованию государя являться в назнач. места с опред. числом вооруж. ратников и с запасом продовольствия. Он же положил начало инозем. войсков. частям в рус. войске, приняв в него мног. литов. и польск. пленников и нанимая друг. иноземцев. Разделением войск на полки и разряды (с 1471 г., к которому относится древнейш. разрядная книга, или расписание воевод) он дал воен. устр-ву Руси правил., строго опред. вид. Преемники его продолжали развитие воен. системы И., просуществовавшей до Петра В., в том же направлении. И. III умер 27 окт. 1505 г. По сохранившимся отзывам современков, он был высок ростом, худощав, имел величавую осанку и красивую наружность, был человеком больш. ума, весьма суров, деятелен, оч. осторожен, лично совершил много походов. Результаты его деятельности были весьма велики. Карамзин считает, что "Россия нынешняя есть создание И." и что И. "как государь стоит на высшей степени величия". Соловьев смотрит на И. как на "счастливого потомка целого ряда умных, трудолюбив., бережлив. предков", который делал только то, к чему уже давно шли истор. события, и признает, что И. принадлежит честь за то, что он умел пользоваться своими средствами и счастли. обстоят-вами. Бестужев-Рюмин, Иловайский и Чечулин признают за И. III все права быть причисленным к числу велик. людей рус. народа, которыми он м. гордиться.

{Воен. энц.}

Игорь,

Игорь Рюрикович

- великий князь киевский, единственный сын Рюрика, род. в 877 г., убит в 945 г. В 879 г. по смерти Рюрика опекуном его сына и правителем государства стал сподвижник и родственник Рюриков, Олег, который вскоре из Новгорода переселился в Киев. О жизни Игоря до вокняжения летописи сообщают весьма мало сведений: в 903 г. когда еще Игорь был под опекой Олега, к нему привели из Пскова жену, именем Ольгу; в 907 г. Олег, отправляясь в поход на Византию, оставил в Киеве Игоря, как бы своим наместником. В 912 г. Олег скончался, и первым делом вокняжившегося в Киеве Игоря было усмирение взбунтовавшихся древлян, которых он наказал увеличением дани (914 г.). В тоже время покорено или возвращено к покорности племя Угличей, жившее по соседству с Тиверцами; Игорь наложил на Угличей дань, которую отдал любимому воеводе своему Свенельду; ему же отдал и древлянскую дань, чем возбудил ропот в своей дружине. В 915 г. пришли впервые на Русскую землю печенеги и киевский князь заключил с ними мир; но уже в 920 г. Игорю пришлось вести с этими степняками войну; обстоятельства ее неизвестны. В 935 г. корабли и войска Игоря ходили с греческим флотом на Италию; но в 941 г. мирные отношения их нарушились и Игорь с большой флотилией - по летописи состоявшей из десяти тысяч судов - пошел на Константинополь. Император был извещен о приходе руссов болгарам; однако Игорь успел сделать высадку и опустошить окрестности Босфора; русская флотилия стала на якоре близ Фара. Когда против нее вышел греческий флот, Игорь был так уверен в победе, что приказал своим воинам щадить неприятелей и брать их в плен живыми; но в происшедшей схватке греческий огонь, который русские увидели тут впервые, навел такой ужас на Игоря и его воинов, что они поспешно удалились к берегам Малой Азии. Здесь они попробовали высадиться в Вифинии, но Патрикий Барда и Доместик Иоанн заставили их удалиться на суда; руссы у берегов Фракии еще раз сразились с греками на море и с большим уроном ушли домой. Однако Игорь начал вновь собирать многочисленное войско: были призваны из-за моря варяги и наняты печенеги, от которых взяты были заложники. В 944 г. Игорь выступил в новый поход на Грецию с флотом и конницей. Корсунцы и болгары опять дали знать императору о приходе руссов и тот немедленно отправил к Игорю послов, которые встретили князя близ дунайского устья, предложили ему дань, какую взял некогда Олег, даже большую, если он согласится на мир. Дошедши до Дуная, Игорь, по совету с дружиной, взял у греков дары на всех воинов своих и, приказав наемным печенегам пустошить Болгарию, возвратился в Киев. В следующем году император прислал послов к Игорю, а последний отправил своих послов в Константинополь, где и был заключен мирный договор, "на все лета, пока сияет солнце и стоит мир", но на условиях, менее выгодных для Руси, чем при Олеге. Император клятвою утвердил договор и

вновь отправил послов своих в Киев, пред которыми Игорь, на холме, у подножия Перуна, торжественно поклялся соблюдать дружбу с империей; воины его, в знак клятвы, полагали к подножию идола оружие, щиты и золото, а те из них, которые были христианами, присягали в церкви св. Илии. Игорь отпустил греческих послов, одарив их драгоценными мехами, воском и пленниками. - Как выше уже замечено было, дружина Игоря завидовала отрокам Свенельда, что они богаты оружием и всякой одеждой, между тем как они, дружинники князя, босы и наги. Дружинники поэтому требовали, чтобы Игорь шел с ними собирать налоги с подвластных племен и чтобы поделился с ними. С наступлением осени 945 г. Игорь пошел с дружиной в древлянскую землю и собрал с нее дань; затем, оставив при себе небольшую часть дружины, а остальную отпустив домой, князь хотел еще взять дани с древлянской земли. Но это возмутило древлян: надобно умертвить хищного волка - решили они, иначе он истребит все стало; они вооружились под начальством местного князя Мала, вышли из Коростена, убили Игоря и похоронили недалеко от своего города, перебили и дружину его. По византийским известиям древляне привязали Игоря к двум пригнутым к земле деревьям и, отпустив деревья, разорвали его на двое. К княжению Игоря относится рассказ арабского писателя Абульфеда о том, что в 944 г. руссы взяли столицу арранскую Барду и возвратились в свою землю р. Куром и Каспийским морем. Другой восточный историк, Абульфараг, приписывает это нападение аланам, лезгинам и славянам. Что касается утверждения при Игоре русского господства на берегах Босфора Киммерийского и более решительного подчинения черных болгар русским князьям, то этот вопрос еще требует более обстоятельного исследования.

А. Э.

{Половцов}

Игорь Рюрикович

- великий князь киевский, сын Рюрика. Умирая (879), Рюрик вручил правление и малолетнего И. Олегу. И. начал княжить лишь по смерти Олега, в 912 г. Брак И. с Ольгою (см.) летопись относит к 904 г. Едва смерть Олега стала известной, древляне и другие племена восстали, но И. заставил их смириться, а воевода его Свинельд покорил угличей и взял их город Пересечен, за что и получил их землю в управление. В 914 г. близ пределов России явились впервые печенеги, которых И. встретил с многочисленным войском. Печенеги, не решаясь вступить в бой, заключили с И. перемирие на пять лет. И. - первый русский князь, о котором сообщают иноземные писатели (Симеон Логофет, Лев Грамматик, Георгий Мних, Кедрин, Зонара, продолжатели Феофана и Амартола, Лев Диакон, кремонский епископ Лиутпранд). В 941 г. И.

предпринял поход на Грецию. С флотом в несколько сот ладей И. пристал к берегам Вифинии, распространил свои опустошения до Воспора Фракийского и подступил к Константинополю. Греческий флот был в то время в отсутствии, в походе против сарацин. Тем не менее суда И. не выдержали "греч. огня", и сам он спасся только с 10 судами. В 944 г. И., при содействии варягов и печенегов, возобновил свое нападение на Грецию, но греч. послы встретили его еще по сю сторону Дуная и предложили выкуп, вследствие чего И. возвратился в Киев. В 945 г. прибыли в Киев греч. послы для подтверждения этого мира; с ними И. отправил в Царьград собственных послов, которые и заключили договор, приводимый летописцем под 945 г. Договор этот не известен визант. историкам, что послужило Шлецеру одним из главных оснований к сомнению в подлинности его, но позднейшие исследования устранили эти сомнения. В этом, наиболее пространном из договоров русских с греками X в. (напеч. в 1-м вып. "Хрестоматии по истории русск. права" Владимирского-Буданова, где и литература), весьма много положений частного международного права, в которых усматривали древнерусские народные обычаи; на основании их Эверс нарисовал цельную картину нашего древнего юридического быта. Сергеевич ("Ж. М. Н. Пр.". 1882, № 1), утверждая, что положения эти действовали только на греч. территории и притом в столкновениях греков с русскими (а не русских между собою), доказывает, что при составлении этого договора русские обычаи принимались во внимание лишь постольку, поскольку не противоречили стремлению греков наложить узду на примитивные нравы Руси и в частности на господствовавшее у нее начало самоуправства. Этим значение договора, как источника русского права, в значительной степени умалывается, зато выдвигается другая сторона договоров русских с греками, как первых по времени памятников, в которых выразилось влияние на Русь Византии. Кроме племен, обитавших по обе стороны верхнего и среднего Днепра, владения Руси при Игоре распространялись, по-видимому, на ЮВ до Кавказа и Таврических гор, на что указывает статья договора 945 г., обязывавшая И. не допускать нападений черных болгар (т. е. болгар, обитавших на нижней Кубани и в вост. части Крыма) на Корсунь и другие греч. города в Тавриде, а на С достигали до берегов Волхова, что можно вывести из указания Константина Багрянородного на то, что при жизни И. в Новгороде княжил сын его Святослав. Смерть И. летопись относит к 945 г. Случилась она на полюдьи (см.). Не удовольствовавшись данью, уже полученной с древлян, И. с небольшой частью дружины вернулся к ним за новой данью, но древляне, и именно жители Коростена, с князем своим Малом во главе, возмутились и убили И. По словам одного византийского историка (Льва Диакона) древляне привязали его к верхушкам двух нагнутых друг к другу деревьев, а потом пустили их, и И. был разорван. Резолюцией кабинет-министров 21 авг. 1735 г. некоторые старые серебряные деньги признаны за копейки вел. кн. Игоря, хотя при И. никаких копеек не было. Впоследствии оказалось, что имя И. прочли вместо слова: государь.

{Брокгауз}

Игорь Рюрикович

(877-945) - великий князь Киевский, сын Рюрика. В 879 г. по смерти Рюрика опекуном И. и правителем вел. княжества стал его родственник Олег; в 903 г. И. женился на Ольге "из Плескова"; в 912 г., по смерти Олега, стал вел. князем. Княжение И. все прошло в походах. В 914 г. он усмирил древлян, затем угличей (в Подолии); в 920 г. ему пришлось вести войну с печенегами. В 935 г. суда и дружины И. ходили вместе с визант. флотом на Италию, но в 941 г. союз с греками был разорван, и И. с большой флотилией (по летописи 10 т. судов) совершил набег на Царьград. Руссы опустошили окрестности Босфора; однако импер. войска при помощи греч. огня, впервые виденного руссами и наведшего на них ужас, заставили их удалиться от столицы; высадка в Вифинии русских, удалившихся к берегам М. Азии, не удалась, равно как и схватка с греч. флотом у бер. Фракии, и И. с больш. уроном вернулся в Киев. Собрал многочисл. "воев", призвав варягов и наняв печенегов, И. в 944 г. вновь предпринял поход на Византию. На этот раз имп. Роман Локален поспешил заключить мир и выплатить дань. В 945 г. был заключен И. известный сохранившийся в летописи "договор с греки" (один из древнейших и ценных истор. документов). В том же году И. был убит древлянами при сборе с них дани. К эпохе И. относится рассказ араб. историков о взятии руссами в 944 г. Арранской столицы Барды и о возвращении их в свою землю р. Куром и Каспийским морем, но наши летописи молчат об этом походе.

{Воен. энц.}

Игорь Святославич,

Игорь Святославич

(1151-1202) - из рода князей черниговских, сын Святослава Олеговича, князь новгород-северский. Известен несчастным походом в Половецкую землю (1185 г.). В 1169 г. И. Святославич участвовал в ополчении одиннадцати русских князей, собравшихся под знаменами Андрея Боголюбского, против Мстислава Изяславича, великого князя киевского. В 1171 г. ходил с своими северскими дружинами воевать землю Половецкую и одержал недалеко от р. Ворсклы знаменитую победу над ханами половецкими Кобяком и Кончаком. Удачный поход (1184 г.) южно-русских князей на половцев побудил И. Святославича, вместе с братом его Всеволодом, князем курско-трубчевским (см.), и племянником; Святославом Олеговичем, кн. рыльским, предпринять в следующем году новый поход. Вместе с дружиной коуев (отрасль черных клобуков) они двинулись к берегам Дона и Сала. Первая встреча с половцами окончилась удачей русских, но на берегах Каяла (Кагальник) И. был окружен нахлынувшими со всех сторон ордами половцев. Большая часть воинов легла на поле битвы, а князя, с остатками дружин, взяты в плен. Из плена И. бежал, оставив там своего сына Владимира (см.). Этот поход И. Святославича на половцев послужил канвой для знаменитого "Слова о полку Игореве" (см.). В 1198 г. И., по смерти черниговского князя Ярослава, занял черниговский стол. Оставил после себя пятерых сыновей.

{Брокгауз}

Игорь Святославович

- князь Новгород-Северский, из поколения Ольговичей, сын Святослава Ольговича, внук кн. Олега Святославича Черниговского, правнук Ярослава Мудрого (год рождения неизвестен). И. известен отважным, но несчаст. походом на половцев в 1185 г. И. с братом Всеволодом кн. Трубчевским, племянником Святославом кн. Рыльским и с сыном своим Владимиром из Путивля, а также с черниговск. боярином Олстином Олексичем, предводительствовавшим коуями (племя, близкое к "черн. клобукам"), желая добыть себе "чести" и наживы от половцев, набег которых только что перед этим удачно отразили рати вел. кн. Святослава Киевского, предпринял весной 1185 г., тайком от вел. князя, поход на Половецкую землю. Дружины соедин. северск. князей двинулись 23 апр. к рр. Дону и Салу и у р. Сююрлия имели первую удачную стычку с кочевниками и захватили много плен.; но затем через неск. дней на бер. Каялы (Кагальника) рус. рати были окружены со всех сторон многочисл. половец, ордами. И. с братьями бились весь день и всю ночь, но на рассвете

русские были побеждены, сам И. был ранен и вместе с Всеволодом и Владимиром взят в плен. Половцы, опьяненные победой, под начальством ханов Кончака и Кзы бросились на Русь, осадили Переяславль, взяли и разорили гор. Римов, сожгли Путивльскую землю, но затем, видя приближение ополчения вел. кн. Святослава и проч. рус. князей, с добычей ушли. Между тем И. удалось бежать из плена, брат же его Всеволод и сын Владимир пробыли у половцев еще 2 г., и сын его даже женился на дочери Кончака. В 1198 г. И. занял черниговский стол. Умер в 1212 г. Поход И. на половцев воспет в знаменитом "Слове о полку Игореве". "Слово", будучи памятником весьма важным для рус. истории и для истории рус. лит-ры, в то же время оч. важно и для рус. воен. истории, давая живое описание боев. действий, знакомя с тогдашними воен. терминами и т. п. Об И. автор "Слова" говорит, что он "истягну ум крепостию своею и поостри сердца своего мужеством, наполнив ратного духа". "Слово" найдено в конце XVIII ст., но рукопись его погибла в 1812 г. при пожаре Москвы; "Слову" посвящена масса учен. исследований: Тихонравова, В. Ф. Миллера, А. А. Потебни, Е. В. Барсова и др. Кроме "Слова", поход И. еще подробнее рассказан в летописи. И. предпринимал и ряд др. удач походов на половец. землю в 1175, 1184, 1191 гг. (Лит. о "Слове о п. И." довольно подробно указана в ст. П. Владимирова в XXX т. энц. словаря Брокгауза и Ефрона. СПб., 1900).

{Воен. энц.}

Мамай,

(ум. 1380), темник (военачальник) при хане Бердибеке (1357-61). Будучи женат на его дочери, М. стал фактическим правителем в Золотой Орде. Стремясь возродить её могущество, М. предпринял ряд походов в рус. земли. Ему удалось нанести тяжёлый урон Рязанскому (1373 и 1378) и Нижегородскому (1378) княжествам, но при попытке вторгнуться в пределы Моск. княжества его отряд был разбит на р. Воже (1378), а в Куликовской битве 1380 М. потерпел полное поражение. Вынужденный уступить власть в Золотой Орде ставленнику Тамерлана Тохтамышу, М. со своими сокровищами и немногими приверженцами бежал в Кафу (совр. Феодосия), где был убит. (*Большая советская энциклопедия*)

Михаил Ярославич Тверской,

Михаил Ярославич

- великий князь тверской. Родился в 1271 г., стол занял около 1285 г.; в 1286 г. успешно преследовал литовцев, напавших на Тверскую землю. В 1288 г. за то, что М. "не восхоте поклониться вел. князю Дмитрию", последний с большим войском явился в Тверскую землю, опустошил окрестности Кашина и дошел до самой Твери, но тут был заключен мир, и М. жил в согласии с Дмитрием до смерти последнего (1294). Зато с первых же лет княжения его брата Андрея открывается борьба, несколько раз прекращаемая духовенством. В 1301 г. М. пошел на помощь новгородцам против шведов, построивших на Неве против Охты крепость Ландскрону, но с полпути вернулся, узнав, что эта крепость уже сожжена новгородцами и их союзниками. В том же году он участвовал на съезде князей в Дмитрове, где переговаривали, вероятно, о Переяславле. С 1304 г., когда по смерти вел. князя Андрея множество его бояр отъехало в Тверь, начинается продолжительная борьба Москвы с Тверью из-за великого княжения. Получив в 1304 г. от хана ярлык, М. пошел с большою ратью на Москву, но, не будучи в силах взять ее, вернулся, заключив мир с Юрием. В 1308 г. снова пошел на Москву, бился под городом и "много зла сотвори". Вслед за тем М. Ярославич был приглашен в Новгород для разбора возникших там споров по поводу тверских владений в новгородской области и уладил дело, не возвращая земель. Но в 1314 г. новгородцы, воспользовавшись пребыванием М. в Орде, куда он отправился за получением ярлыка от нового хана Узбека, прогнали его наместников и пригласили к себе Юрия Даниловича. Вернувшийся М. разбил новгородцев под Торжком, взял с них окуп в 5000 гривенок серебром, равно с жителей Торжка, и казнил главных виновников возмущения, продолжая в то же время не пропускать в Новгород хлебных обозов. В 1316 г. Михаил Ярославич снова поднялся на новгородцев со всею Низовскою землею, но до сражения дело не дошло. В следующем году против него поднялся получивший ярлык на великое княжение и женившийся на сестре Узбека, Кончаке, Юрий, пользуясь содействием новгородцев, но потерпел страшное поражение при с. Бортенева (1318), после которого был заключен мир; М. Ярославич, боясь татар, согласился на уступки. В 1319 г. М. казнен по приказанию хана, обвиняемый в утайке дани и отравлении пленной Кончаки (см.). От брака с Анной Дмитриевной Ростовской М. имел сыновей Дмитрия Грозные очи, Александра, Константина, Василия и дочь Федору.

В. Р-в.

{Брокгауз}

Олег,

Олег Вещий

- Первый великий князь Киевский. Годы княжения приблизительно: 869-912. Летописное предание связывает появления Олега в России с призванием Варягов, называет его князем Урманским (т. е. Норманнским), шурином князя Игоря, а иногда племянником Рюрика. "Регентство" Олега (869 г.) летопись объясняет его родством с Рюриком, который, умирая, вручил свое княжество за малолетством сына Игоря Олегу. Впрочем, есть случаи, где Олег называется воеводой Игоря. Княжение свое Олег начал в Новгороде и скоро прославился "устройством земли", завоевательной и дипломатической деятельностью: он строил города и устанавливал подати, покорял соседние народы и облагал их данью, пытался заводить дипломатические сношения с Византией, вполне понимая важность их для народа, жившего по великому пути "из Варяг в Греки". Этот период его княжения Новгородский летописец называет "те времена и лета Ольговы". В Новгороде Олег княжил три года (до 872 г.), а затем начал свое движение на юг, стремясь распространить и закрепить на нем свою княжескую власть. Прежде всего он овладел городом днепровских кривичей - Смоленском, затем Любечем в земле северян. Оба города он закрепил за собой, посадив в них наместников с достаточным гарнизоном. Двигаясь на юг вниз по Днепру, Олег дошел до Киева, в котором, по летописному преданию, княжили отделившиеся от дружины Рюрика мужи его - Аскольд и Дир. Олег выманил их хитростью из города и, убив, завладел Киевом. Последний он сделал своим стольным городом и назвал "матерью городов русских". С присоединением земель, подвластных киевским князьям Олег завладел всем великим водным путем, а чтобы обезопасить его от набегов кочевников, решил утвердить свое могущество в степях. С этой целью им был построен ряд городков и острожков. Укрепив ими свои юго-восточные границы, Олег распространил свое завоевательное движение к востоку и западу от Днепра. Так, в 883 году он заставлял древлян платить ему дань по черной кунице с дыма. В 885 г. Олег пошел на северян, плативших дань хозарам и, покорив, обложил их легкой данью, имея в виду показать преимущества русской власти пред хозарским игом. По-видимому, благодаря такому образу действий Олега, радимичи в 885 г. согласились давать ему дань, которую они платили прежде хозарам. После многолетней борьбы (по летописи 20 лет) Олег покорил дулебов, хорватов и тиверцев. Уличей ему совсем не удалось подчинить своей власти. Упорное сопротивление их объясняется тем, что племена эти с малочисленным и слабым торговым классом не видели смысла в соединении с Русью. В 907 году Олег, собравши многочисленное войско из варягов, новгородских славян, полян, чуди, кривичей, мери, северян, древлян, радимичей, хорватов, дулебов и тиверцев, сушей и морем двинулся в поход на Царьград. Подобного рода предприятия пользовались сочувствием окрестных племен, связанных торговыми интересами с Русью и

Византией. Этот поход Олега, имевший важное значение для дальнейшего развития Киевского княжества, врезался в народную память. Предания украшают его баснословными подробностями, указывающими на то, что народ считал его крупным военным предприятием, отличным от случайных хищнических набегов. Летописный рассказ об осаде и взятии Царьграда расцвечен вымыслом, возвышающим храбрость, а главное - хитрость князя, превзошедшего ею греков. Испуганные Олегом императоры греческие, не допуская русского князя штурмовать их столицу, предложили ему путем переговоров прийти к мирному соглашению. Олег принял это предложение и послы его заключили с греками условия, по которым греки должны были дать по 12 гривен на корабль и уклады на те русские города, где сидели Олеговы мужи. На основании этих условий был заключен мир, подтвержденный клятвой обеих сторон. Русские выговорили себе право в течение шести месяцев брать у греков съестные припасы (месячину) и мыться в банях сколько угодно. Торговать им разрешалось повсюду беспошлинно. При отправлении русских в обратный путь греки обязывались снабдить их провизией и корабельными снастями. Византийские императоры внесли в договор статьи, согласно которым русские могли входить в город лишь в сопровождении греческих чиновников, чрез заранее указанные ворота, без оружия, и не более 50 человек сразу, и селиться в месте, указанном правительством. Этот первый договор Олега сохранился не в полном своем составе, а лишь в летописном пересказе.

Олег возвратился на родину с богатой добычей и слава о его удачном походе разнеслась повсюду. Народ назвал князя, победившего хитрых греков, - Вещим. В 911 году Олег, от имени своего и "иже суть под рукой его светлых бояр", послал - "от рода русского", в Царьград послов, которые и заключили известный договор русских с греками 911 г. Заключен он в сентябре 911 г. при императорах Льве, Александре и Константине. Из текста видно, что в России того времени было много князей, частью туземных, славянского происхождения, частью иноземных пришлецов, управлявших целой "волостью".

Содержание договора определяет основания для обвинения русского или грека в преступлении. Затем, в договоре русские и греки обязывались помогать взаимно торговым кораблям тех и других, попавшим в несчастье. Договор обязывал также выкупать русских и греческих невольников и военнопленных тех стран, куда будут ездить купцы договаривающихся сторон. Согласно договору, русским разрешалось, между прочим, служить у греческих императоров. По заключении договора императоры богато одарили послов и дали приказ водить их по церквям и знакомить с христианской верой. В 912 году послы возвратились в Киев. Есть предание, что осенью того же года Олег ходил на север в Новгород и Ладогу, где и скончался. О смерти его существует поэтическое сказание, известное в стихотворной обработке Пушкина. Личность и деятельность Олега вообще многократно служили предметами литературной обработки.

В. Фурсенко.

{Половцов}

Ольга,

Ольга святая

(в крещении Елена) - жена князя Игоря; великая княгиня русская. Годы правления приблизительно 945-955. Род. между 890-894 г., ум. в 969 г. Летописные и другие сведения настолько украшены легендой, что порой трудно указать границу, где кончается вымысел и начинается историческая правда. Самое имя ее читается различно: Ольга, Вольга, Волга... По Иоакимовской летописи славянское имя ее было Прекраса, и лишь после брака Ольги с Игорем Олег назвал ее "Вольгой". Есть основания думать, что и летопись путает имена Олега и Ольги.

Христианское предание называет Ольгу поселянкой из села Выбутина (Лыбутина), дочерью (а чаще правнучкой) Гостомысла, дочерью князя Тьмуторокана и даже Торокана, князя Половецкого, "неции же глаголют яко Ольгова дщи бе Ольга". Происхождение Ольги было предметом специальных исследований; летопись называет ее родиной Плесков и это повело даже к маловероятному предположению, что город этот Болгарская Плескувия. Но обычно в науке под Плесковом подразумевают - Псков. Ольгу считают псковитянкой из знатной варяжской наместнической или боярской семьи. Еще девочкой лет 10-11 она была привезена Олегом в Киев в качестве будущей жены князя Игоря. Предание говорит о ее необыкновенной красоте и уме. Обручение или бракосочетание ее отнесено к 903 году, а рождение Святослава к 942 году - т. е. к 39 году супружества.

Замужем Ольга была 43 года, до 946, когда Игорь был умерщвлен древлянами. Ольга в представлении древних повествователей является "честной вдовой", на обязанности которой лежала прежде всего месть за мужа. Подробности мести общеизвестны, они роднят сказания об Ольге с норвежскими сагами, и в этом отношении особенно интересно сожжение Искоростеля. Сжегши город древлян и перебив большую часть населения, Ольга обложила остальных тяжелой данью, 2/3 которой шли Киеву, 1/3 Вышгороду, "к Ользе, бе бо Вышгород град Вользин". Отсюда замечают, что у Ольги был собственный город Вышгород, доходы которого шли в ее личную казну.

Затем, объехав Деревскую землю и установивши по ней уставы и уроки, Ольга отправилась к Новгороду и по пути на Мете и Лузе также определила "погосты", "оброки" и "дани". Летописец при этом, желая оттенить значительность внутренней государственной деятельности Ольги, говорит, что "Ловища ее суть по всей земле, знаменья и места и повосты..... и по Днепру перевесища и по Десне....."

Одним из важнейших событий жизни Ольги надо считать принятие ею христианства, к которому она пришла, по всей вероятности, под влиянием про-

поведи Киевских христиан, быть может, еще до смерти Игоря, после которой она уже открыто исповедовала православие. Место крещения Ольги в точности неизвестно. Летопись говорит, что в 955 году Ольга в Константинополе была крещена патриархом; восприемником ее назван император. Обычно исправляют год летописи на 957, когда Ольга действительно была в Константинополе, и к этому году относят ее крещение; но этому противоречит то обстоятельство, что Константин Багрянородный, описавший прием Ольги в Царьграде, ни слова не говорит о ее крещении, но, упоминая о первом приеме, говорит и о сопровождавшем ее священнике. Вероятнее предположить, что Ольга крестилась ранее в Киеве или, быть может, при первом посещении Византии в 955 г. предание изукрасило пребывание Ольги в Царьграде и крещение ее там (выдаваемое им за факт) баснословными подробностями, вроде той, как она "переключала" царя Цимисхия. В действительности прием Ольги в столице Восточной Империи не отличался пышностью и почетом, а подарки, поднесенные ей, были незначительны, хотя летопись и говорит о "богатых дарах". По-видимому, и сама Ольга не была довольна встречей, оказанной ей в Константинополе, потому что в летописи есть известие о том, что в 959 г. царь просил у нее даров и вспомогательного войска и Ольга будто бы отвечала: "аще ты такоже постоишь у меня в Почайне, якоже аз в Суду, то тогда ти дам". В 959 году Ольга посылала к королю (позднее императору) Оттону I Великому посольство, цель которого достоверно неизвестна. Западные летописцы рассказывают, что посольство явилось пригласить епископов и священников в Русь, но оно оказалось лживым и посланные императором священнослужители возвратились из Руси назад ни с чем, подвергнув к тому же свою жизнь опасности. Христианские "житийные" предания об Ольге смягчают черты ее характера. В них она изображается целомудренной девицей, готовой для удержания князя от несправедливого поступка пожертвовать жизнью, любящей, кроткой, разумной матерью и женой, ревностной христианкой, строительницей церкви и "пречестной вдовой". Она действует в народном духе, склоняет Святослава к принятию христианства, обуздывает его порывы. Святослав чтит ее высоко и совещался с ней в важнейших делах. Можно предполагать, что, кроме регентства во время малолетства Святослава, на ней лежало бремя правления Киевским княжеством во время пребывания князя в Переяславе Болгарском. Осажденная в Киеве печенегами, Ольга вызвала в него Святослава и просила не покидать ее до смерти. Вскоре престарелая Ольга умерла, успев перед смертью уговорить сына не совершать над ней тризны, а похоронить по христианскому обряду.

Место погребения Ольги неизвестно. При Владимире Святом ее мощи были перенесены в Десятинную церковь и положены в каменную раку. Во время нашествия монголов мощи были сокрыты под спудом церкви. Время канонизации Ольги также неизвестно, чтить же ее святой начали очень рано, быть может, еще в период домонгольский. - Летописец восторженно отзываясь об

Ольге, называет ее мудрейшей из людей, "русское познание к Богу, начаток примирению быхом, си первое вниди в царствие небесное от Руси..."

Память св. Ольги чтится 11-го июля.

В. Ф-ко.

{Половцов}

Ольга святая

(в крещении Елена) - русская княгиня, жена Игоря Рюриковича. О происхождении ее делалось много предположений. В начальной летописи упоминается только, что Олег в 903 г. привел Игорю жену из Плескова (Пскова?), именем О. На основании известия одной позднейшей летописи, Плесков отождествляли с болгарским городом Плискувой и О. считали болгарской княжной; но это предположение, хотя оно и объясняет многие факты древней русской истории, нельзя считать доказанным. По смерти Игоря, О. стала управлять Киевской землей за своего малолетнего сына Святослава. По летописному рассказу, она жестоко отомстила древлянам, убившим ее мужа, и установила в древлянской земле "уставы и уроки", т. е. дань и натуральные повинности; затем пошла в Новгородскую землю и здесь устроила погосты, т. е. административные центры, и определила дани и оброки в пользу князя. В 955 г., по летописному счислению, О. отправилась в Константинополь, где и крестилась; но греческий император Константин Порфирородный рассказывает о пребывании О. в Константинополе в 957 г. и вовсе не упоминает о ее крещении там. Вероятно, О. крестилась раньше поездки в Константинополь, в Киеве, где уже тогда было много христиан-варягов. По известиям (сомнительным) западных летописцев, в 959 г. О. отправила посольство к германскому королю Оттону I с просьбой прислать епископа и священников, что и было исполнено, но посланный епископ должен был возвратиться ни с чем. Попытки О. обратить в христианство сына своего Святослава были, по летописному известию, безуспешны. Умерла О. в 969 г. в глубокой старости, завещав похоронить ее по христианскому обряду. Она причтена церковью к лику святых; память ее празднуется 11 июля.

Е. К.

{Брокгауз}

Ольгерд,

Альгирдас, великий князь литовский в 1345-77, сын *Гедимина*. В союзе со своим братом *Кейстутом* вёл упорную и успешную борьбу за расширение терр. Вел. княжества Литовского. Участвовал в битвах при р. Стреве к 3. от Тракая (1348) и при Рудаве (1370), в к-рых были разбиты войска *Тевтонского ордена*. В 1363 разбил у Синих Вод войско татар. Захватил ряд чернигово-северских уделов, Киевскую, Подольскую, Волынскую земли и др., подчинил Литве Смоленское княжество. Пытался также распространить своё влияние на Псков и Новгород, но не добился существенных успехов. Попытка О. заключить в 1349 антимосковский союз с ханом *Джанибеком* окончилась неудачей. В 1368-72 О. поддержал Тверь против Москвы и совершил три неудачных похода на Москву (1368, 1370, 1372). (*Большая советская энциклопедия*)

Рюрик,

Рюрик

- первый Русский князь. Биографические сведения о нем, почерпаемые из летописей, довольно скудны. Впервые древнейшие летописи (Лаврентьевская и Ипатьевская) упоминают о Р. в рассказе 6370 г. о восстании северных племен, покоренных варягами и обложенных данью, против своих поработителей - восстании, окончившемся изгнанием варягов. Освободившиеся племена начали управляться самостоятельно, но "не бе в них правды", "вста род на род и быша в них усобице". Тогда они решили поискать себе князя - и с этой целью "идоша за море к варягом, к Руси; сице бо тий звахуся Варязи Русь (вар.: Русью), яко се друзии зовутся Свие (вар. Свее), друзии же Урмане, Ангыляне, друзии Гъте (вар.: Готе), тако и си. Реша Руси Чюдъ и Словени и Кривичи и Все: "земля наша велика и обилна, а наряда в ней нет; да поидете княжить и володети нами". - Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку рассказ об изгнании варягов и посольстве к ним приводит наряду с другими известиями 6362 г., с неопределенным дополнением, что отмеченные события произошли во времена Кия, Щека и Хорива, причем в изгнании, по рассказу этой летописи, не участвует Весь; отсутствует в Новгородской первой летописи и объяснение племенного имени варягов - Русь. - В ответ на предложение посольства, отправленного к варягам, "избращася" три брата "с роды своими", "пояша по себе всю Русь" и отправились в путь. В отношении места, куда прибыли, наконец, братья, и, в частности, где остановился Р., один из братьев, источники наши дают разные показания. Ипатьевская летопись и некоторые списки Лаврентьевской (Радзивилловский и Академический, - из более поздних летописных сводов так называемый Летописец Переяславля Суздальского) рассказывают об этом так: "и придоша к словенам первее (вар. из Радзив. и Академ.: первое) и срубиша (Переясл.: делаше) город Ладогу и седе старейшей (Радзив. и Академ.: старей, Переясл.: старший) в Ладозе Рюрик, а другой Синеус на Белоозере, а третьей в Изборьске. И от тех Варяг прозвася Руская земля". По словам же Троицкого списка Лаврентьевской летописи, "старейший, Рюрик, седе Новегороде"; в дополнение к этому, Новгородская первая рассказывает, что сюда, в Новгород, с "дружиной многой и предивной", пришли сначала все братья. "И от тех Варяг прозвася Русская земля, Новугородьци, ти суть людье Новогородьци от рода Варяжьска, преже бо беша Словени", заключает свой рассказ Лаврентьевская летопись; в Новгородской же первой то же место изложено уже иначе: "и от тех Варяг, находник тех, прозвася Русь, и от тех словет Руская земля; и суть Новгородстии людие до днешнего дня от рода Варяжьска". - В соответствии с указанным различием места поселения Р., идет и дальнейший рассказ летописи по разным спискам. Когда, спустя два года, братья Р. скончались, то он, "прия... власть всю один", отправился "к Ильмерю и сруби город (вар. из Радзивиловского и Академического списков Лаврентьевской летописи:

городок) над Волховом, и прозваша и Новгород и седе ту княжа". Ранние летописные своды дают немного сведений о дальнейшей жизни и деятельности Р. Известно только, что Р. раздавал мужам своим "волости" и "грады", подвластные ему (Полоцк, Ростов, Белоозеро, Муром). Двое из его мужей - Аскольд и Дир "с родом своим", с согласия Р., отправились "ко Царюгороду". Р. имел сына Игоря, которого, ввиду малолетства, вместе с княжением, в год смерти (6387) поручил родственнику своему Олегу. - Приведенные скудные данные о Р. поздние летописные своды дополняют рядом новых подробностей. Так, напр., по словам Густынской и Воскресенской летописей, совет послать за мудрым мужем в Прусскую землю дал Новгородским "владельцам" старейшина Ростомысл; "они же шедше в Прусскую землю обретоша князя Рюрика, суца от рода Римского царя Августа, и молиша его с посланными всех новоградец, дабы к ним шел княжить", Происхождение Р. от Римского кесаря Августа положено в основу тех княжеских родословных, которые находятся в некоторых летописях (Воскрес., Степенная книга). По словам другого летописного свода (Никоновского), словене ("рекше новгородцы"), меря и кривичи не сразу послали к варягам за князем: было намерение пригласить его из своей среды "или от казар, или от полян или от дунаичев"; когда же посланные в 6367 г. пришли к варягам, то те не хотели сначала идти, "бояхуся зверинского их обычая и права и едва избрашася три брата" и "поидоша из немец". Спустя два года после того, как Р. сел в Новгороде (6372 г.), новгородцы, призвавшие его, "оскорбишася ... глаголюще: яко быти нам рабом и много зла всячески пострадати от Рюрика и от рода его". Р., по словам той же Никоновской летописи, жестоко расправился с недовольными: "уби Вадима храброго и иных многих изби новгородцев, советников его". Внутренний мир не устанавливался и после того, как Р. сделался единовластным правителем (смерть бездетных Синеуса и Трувора, братьев Р., Никоновская летопись относит к 6373 г.): еще в 6375 г. много новгородских мужей бежало от Р. в Киев. В дополнение к этому, некоторые поздние летописные своды (напр., Воскрес.) рассказывают, что Р. и в отношении соседей держал себя не очень мирно: едва только прибыл в Новгород, как "начал воевати всюду". В одном летописном сборнике позднего происхождения есть известия о посылке Р. (в 6374 г.) воеводы Валета для завоевания Карелии, причем и сам Р. будто бы "умре... в войне в Кореле" (6387 г.). - Поздние летописные своды дают иногда новую хронологию для отдельных моментов биографии Р. Так, некоторые указывают год рождения Игоря (6370 - по Воскрес., 6362 - Софийск., Новгородск. 4-я, 6373 - Никоновск. - и др.); год смерти Р. по одной летописи (Ермолинской) не обычный 6387, а 6877 - и др. По тем же летописям, Олег, которому Р. передал княжение, приходился ему племянником (Воскресенская и др.).

Сказание летописи о первых князьях на Руси, в частности о Р. составляет особый вопрос русской исторической науки, так назыв. "варяжский", обсуждение которого началось со времени появления первых научных трудов по русской истории и продолжается до настоящего времени. За столь долгий

промежуток времени было высказано много теорий, объяснявших в той или иной степени начало "Русской земли", но ни одна из них не может быть признана окончательной. Разница между старшими по времени исследователями вопроса (до 2-й половины XIX в.) и новыми заключается, главным образом, в отношении к летописному рассказу. Если первые принимают букву традиции и лишь изошряются в толковании летописного сказания, то новые исследователи (начиная с Д. И. Иловайского и особенно А. А. Шахматова) стараются уяснить себе происхождение и развитие летописных рассказов и домыслов о начале Русского государства. Литература вопроса до сих пор не сведена воедино исчерпывающим образом: есть отдельные обзоры (см., напр., ниже труды Куника, Креск'а и Грушевского), но полная библиография отсутствует. Ниже приводятся указания только на некоторые важнейшие сочинения, относящиеся к так называемому "варяжскому" вопросу русской исторической науки.

А. Андреев.

{Половцов}

Рюрик

- имя *русских князей*: 1) *Рюрик* - первый русский князь, призванный "Чудью, Весью, Словенами и Кривичами", "из Варяг" (из племени Русь), "княжить и володеть ими"; в 862 г. занял Ладогу, а через два года, по смерти своих братьев Синеуса и Трувора, присоединил к ней и их владения - Белоозеро и Изборск; перенес столицу в Новгород и срубил город над Волховом (нын. Городище), где впоследствии жили новгородские князья. В другие города (по летописи - Полоцк, Ростов и Белоозеро) он послал "своих мужей". В 866 г. он отпустил к Царьграду двух своих бояр, Аскольда и Дира. По позднейшим летописям ("П. С. Л.", т. IX, 9) видно, что им далеко не все были довольны в Новгороде; многие бежали от него в Киев, а какой-то Вадим возбудил восстание против него, но Р. одолел восставших. В 879 г. он умер, вручив правление и малолетнего сына своего Игоря своему родственнику Олегу. По некоторым известиям. у Р. была еще дочь и пасынок Аскольд. См. в VII томе "Полн. Собр. Лет." (под 6367 г.) легенду о происхождении Р. от Пруса, брата имп. Августа. Потомство Р. правило в России слишком 700 лет. до смерти Федора Иоанновича (1598). Одни исследователи объясняют имя Р. из древненорманнского языка, другие находят аналогичные ему и в славянском языке. 2) *Рюрик*, сын Ростислава Владимировича, правнук Ярослава Мудрого, князь перемышльский; участвовал в 1084 г. в изгнании Ярополка Изяславича из Владимира-Волынского, а вскоре сам был выгнан Владимиром Мономахом. Умер в 1092 г. 3) *Рюрик-Василий*, сан великого князя киевского Ростислава Мстиславича, правнук Владимира Мономаха, великий князь киевский.

Впервые упоминается под 1157 г., как Овручский князь и участник с смолянами в походе вел. князя Изяслава Давидовича на Туров. В 1159 г. отец послал его на помощь к кн. полоцкому Рогволоду Борисовичу против Ростислава Глебовича, и в том же году - к Святославу Ольговичу, против Изяслава Давидовича и половцев. В 1162 г. Р. ходил из Торческa против Изяслава Давидовича и отнял у Владимира Мстиславича Слуцк; в 1169 г., по смерти отца, участвовал в приглашении на киевское княжение Мстислава Изяславича и по его зову ходил походом на половцев, но в следующем же году, поссорившись с ним, помогал Андрею Боголюбскому разграбить Киев, за что Андрей посадил его в Новгороде (1170). Не поладив с новгородцами, он скоро уехал обратно в Овруч. Когда в 1174 г. Андрей Боголюбский, по подозрению в убийстве своего брата Глеба, хотел выслать братьев Р. из Южной России, он соединился с ними и занял Киев; затем осадил вел. князя Михаила Георгиевича в Торческе, от которого по мирному договору получил Переяславль и, преследуемый огромною ратью Андрея Боголюбского, заперся в Белгороде. Избавясь от осады и возвратясь в 1177 г. из неудачного похода на половцев, Р. уступил Киев Святославу Всеволодовичу Черниговскому, "не хотяче губити русской земли". Во время бегства Святослава за Днепр в 1180 г. он вновь занял киевский стол, но, несмотря на победу над половцами, приведенными сыном Святослава Игорем, вторично уступил ему Киев, ибо, как говорит летописец, "возлюбил мир паче ратных и пожити хотя в братолюбьи". В 1183 г. вместе с вел. кн. Святославом и другими князьями разбил наголову половцев; вообще много способствовал спокойствию Южной Руси, чем снискал себе любовь "крестьян и поганых". Когда умер Святослав, Рюрика "радошно" приветствовали в Киеве и народ, и духовенство (1194). Став великим князем, он старался жить в мире с Всеволодом III Владимирским, которого считал старшим, и этим много предупредил усобиц на юге Руси. Однако в 1202 г. Всеволод поссорил Р. с Романом Мстиславичем, которому он вынужден был уступить Киев. В следующем году при помощи Ольговичей и половцев Р. вновь занял Киев и предал его сильнейшему разграблению, "якого же зла не было от крещенья под Киевом". В 1205 г. он совершил вместе с Романом и другими князьями удачный поход на половцев, но на обратном пути был насильно пострижен Романом в монашество, от которого избавился по смерти Романа (1206) и снова "седе Киеве", но не надолго: во время его похода вместе с Ольговичами на Галицкую землю Киев занял Всеволод Чермный, которому Р. после некоторой борьбы окончательно уступил великокняжеский стол, а сам занял Чернигов, где и умер в 1215 г. Р. и его брату Давиду автор "Слова о Полку Игореве" говорит: "Ваши шлемы позлащенные издавна обагряются кровию; ваши мужественные витязи ярятся как дикие волы, уязвленные саблями калеными". Р. приписывается построение в Киеве церкви во имя св. Василия (1207) и в Выдубецком монастыре - каменной стены (1199). Он был женат на дочери половецкого хана Белука. От него происходят князья Вяземские (см. "Полное Собрание Летоп.", т. II и VII).

В. Р-в.

{Брокгауз}

Святополк Окаянный,

Святополк Владимирович

- великий князь Киевский, был сыном Владимира Святого. Победив в 980 г. своего брата Ярополка и убив его, Владимир взял себе в наложницы его жену гречанку, которая была похищена отцом их, Святославом, из какого-то монастыря. От нее и родился сын С., который был по счету третьим сыном Владимира Святого. Отец посадил его в Турове, но когда это произошло, в точности сказать нельзя. Вероятно вследствие близкого соседства с Польшей С. вступил в брак с дочерью короля Болеслава I и стал после этого держать сторону своего тестя. По свидетельству немецкого хроникера Дитмара С., подстрекаемый польским королем, думал даже отложиться от отца, но последний, узнав о намерении сына, посадил его с женою в тюрьму, откуда он, однако, убежал в Польшу. Вероятно, однако, С. впоследствии помирился с отцом, так как в год смерти Владимира мы видим его в Киеве. Есть предположение даже, что великий князь, помирившись с сыном, посадил его в Вышгороде, желая держать его поближе к себе. По смерти отца С. оставался старшим в роду. Окружающие Владимира почему-то скрыли от С. смерть отца, о которой он узнал только вместе с остальными киевлянами на другой день, когда в город прибыло тело покойного великого князя. Узнав о случившемся, С. тотчас же сел на столе отца и, созвав киевлян, стал раздавать им подарки, вероятно, желая расположить их в свою пользу. С. опасался своих братьев и в особенности Ростовского князя Бориса, который перед смертью отца был послан им против печенегов. Задумав погубить его, великий князь послал сказать Борису, что он желает быть с ним в дружбе и расширить его владения прибавкою новых земель. В то же время С. ночью пошел в Вышгород, где у него были преданные ему люди; придя туда, он тайно призвал какого-то Путшу и тамошних боярцев и спросил их, преданы ли они ему. Получив утвердительный ответ, он поручил им, не говоря никому ни слова, как можно скорее убить Бориса, что они и исполнили. Покончив с Борисом, С. задумал погубить Глеба, к чему его могла побуждать боязнь, как бы этот князь не стал мстить за смерть Бориса, потому что они оба происходили от одной матери. Та же участь постигла третьего брата Святослава, княжившего в Древлянской земле. Покончив с тремя братьями С., по словам летописца, задумал перебить всех братьев для того, чтобы одному завладеть всей русской землею; но тут замыслы его были остановлены движением с севера брата Ярослава, который двинулся в Киев на С., боясь за свою участь и желая отомстить за убийство братьев. Услышав о движении брата, великий князь собрал большое войско, присоединил к нему полчища печенегов и вышел навстречу Ярославу к Любечу. Войска стояли по обеим сторонам Днепра, и ни то, ни другое не решалось перейти реку и напасть на противника; это продолжалось три месяца. Наконец, войско Ярослава напало врасплох на С., который всю ночь пил со своей дружиной, очевидно не ожидая нападе-

ния. Битва была очень упорная, но киевляне побежали, так как стоявшие за озером печенеги не могли к ним присоединиться. С. убежал в Польшу к своему тестю Болеславу, а Ярослав занял Киев. События эти надо отнести к 1016 г. В Польше С. нашел помощь у своего тестя, который, занятый сначала войной с германским императором, побудил печенегов напасть на Киев. Примирившись вскоре с императором Болеслав по наущению последнего оказал помощь зятю и выступил в 1017 г. против Ярослава с большим войском. С. на некоторое время вторично утвердился в Киеве, но Ярослав в 1018 г. снова разбил его и принудил бежать. На этот раз С. бежал к печенегам, откуда явился в следующем 1019 г. с войском. Ярослав встретился с ним у реки Альты, где был убит Борис. Обстоятельство это весьма благоприятствовало киевскому князю и он наголову разбил С., который бежал в польский город Брест, откуда продолжал свое бегство дальше и умер, по преданию, в пустыне между Польшею и Богемией. Лучшей характеристикой этого князя является прозвище "окаянный", которое дали ему современники. В их глазах С. являлся злодеем по природе. Благочестивый летописец, стараясь объяснить эти качества князя, находил причину их в том, что С. был сыном, во-первых, монахини, а, во-вторых, родился от прелюбодеяния, так как мать его сделалась наложницей князя Владимира, причем усиливающим обстоятельством было то, что она раньше была женой его брата, а следовательно С. происходил как бы от двух отцов. Весьма вероятно, что злодеяния этого князя представлялись современникам в таком ужасном свете еще потому, что они были направлены против младших братьев, видимо очень популярных вследствие их благочестия и высоких нравственных качеств. Кара Божия должна была, по мнению летописцев, постигнуть С.; как результат такого воззрения, явился рассказ о смерти этого князя. Летопись рассказывает, что во время бегства С., после сражения при Альте, на него напал бес, расслабивший его кости так, что он не мог сидеть на лошади. Воины положили его на носилки и так продолжали бегство до польского города Бреста. В то же время князю все чудилось, что за ним гонятся, так что он, будучи уже в чужой земле, продолжал бежать, несмотря на уверения приближенных, что никакой погони за ним нет. Где-то между Польшей и Богемией он умер, но мучения его продолжаются и на том свете, а от могилы его постоянно исходит смрад.

Л. Куманин.

{Половцов}

Святополк I Владимирович

называемый в летописи *Окаянным* - сын Владимира Св. от вдовы брата его, Ярополка, родился около 980 г. Отец посадил его в Турове и ок. 1013 г. женил на дочери польского короля Болеслава. Вместе с молодой княгиней прибыл в Туров епископ колобрежский Рейнберн, имевший, вероятно, в виду от-

торжение русской церкви от греческой и подчинение ее Риму. С., недовольный отцом и побуждаемый женой и Рейнберном, стал готовить восстание против Владимира, рассчитывая, очевидно, на помощь тестя, но Владимир узнал о его намерениях и посадил его с женой и Рейнберном в тюрьму. Незадолго до смерти Владимира С. был освобожден и, по-видимому, получил в удел Вышгород, около Киева. Когда Владимир скончался (1015), окружающие скрыли смерть его от С., который, как старший из находившихся в живых сыновей Владимира, мог претендовать на киевский стол; но С. был в это время в Киеве, узнал о смерти отца и тотчас захватил его стол. Чтобы привлечь симпатии киевлян, мало к нему расположенных, Святополк стал раздавать горожанам подарки. Затем он постарался обеспечить себя от притязаний на киевский стол со стороны братьев. Наиболее опасен для него был Борис, в распоряжении которого были отцовская дружина и киевское ополчение, и который пользовался любовью киевлян. С. послал преданных ему вышгородцев убить Бориса; тем же путем отделался он от двух других братьев, Глеба и Святослава. Такая расправа с родственниками-соперниками хотя и не была исключительным явлением в тот век, но она произвела тяжелое впечатление на современников С., и они дали ему прозвание Окаянного. Весть об избиении С. братьев дошла до новгородского князя Ярослава, который, при поддержке новгородцев и варягов, пошел на С. войной. Столкновение произошло близ г. Любеча. С. был разбит и бежал в Польшу, но с помощью своего тестя одержал верх над Ярославом и снова занял Киев (1017). Болеслав, с частью войска, оставался некоторое время на Руси, и только когда русские стали избивать поляков, ушел домой, захватив имущество Ярослава и заняв по дороге червенские города. Между тем Ярослав, по настоянию новгородцев, снова предпринял поход на Киев. С. был разбит, убежал в степь к печенегам и привел их против Ярослава. Сражение произошло на берегу Альты, где был убит Борис. С. вновь испытал неудачу, бежал в Польшу и по дороге умер.

Е. К

{Брокгауз}

Святослав Игоревич,

Святослав

- сын Игоря, киевский князь. После смерти отца остался ребенком на попечении своей матери княгини Ольги. Возмужав начал свое княжение с нападения на Казарию. Под 965 г. русский летописец записал: "Иде Святослав на Козары. Слышавше же Козаре, изидоша противу с князем своим каганом, и съступишася бити, и бывши брань между ими. Одоле-Святослав Козаром и город их Белу Вежю взя, и Ясы победи и Косоги и приде к Киеву".

В результате этого дохода по Дону, Донцу и Осколу погибла цветущая и культурная жизнь десятков яско-славянских городов и поселков. При их раскопках археологи находят следы пожарищ, разрушения и насильственной смерти жителей. Восточные монеты, обнаруженные в могилах, принадлежат к VI-X вв. и, очевидно, среди остатков подонского населения долго еще сохранялась память об этом жестоком разгроме. Не удивительно, что в Томаторкани, по свидетельству современников, обнаруживается полная отчужденность от Киева и враждебность к нему. Не удивительно также, что Подонские Бродники на Калке в 1223 г. оказались по стороне Монголов и способствовали поражению Русов.

Разгромив Казарское царство и уничтожив наполовину подонские племена, С. пошел на Дунайскую Болгарию, временно занимал ее, но потом был побежден византийскими войсками императора Иоанна Цимисхия и должен был очистить завоеванные земли. На обратном пути в Киев, его войско было рассеяно Печенегами, а он сам пал в бою.

Святослав Игоревич

- великий князь киевский. Летопись относит рождение С. к 942 г. В момент смерти отца С. был еще младенцем и управление княжеством во время его малолетства было в руках его матери Ольги. Воспитателем С. был Асмуд, а воеводой - Свенельд. Как только С. возмужал, он обнаружил типичные черты князя-дружинника; дела земские его интересовали мало, его тянуло к военным предприятиям в отдаленных землях. Из славянских племен к востоку от Днепра только вятичи были в ту пору вне влияния киевских князей и платили дань хозарам. Из-за вятичей С. вступил в борьбу с хозарами и проник на Волгу и даже в Предкавказье, где столкнулся с ясами и касогами. Затем С. направил свое внимание на Ю - на Дунайскую Болгарию. Почин в этом предприятии С. шел со стороны византийского императора Никифора Фоки, который, желая оградить Византию от опасных соседей - болгар, послал к С. предложение напасть на Болгарию. С. явился в Болгарию со своими союзниками - венграми, печенегами и др. - в качестве друга Византии. Успех похода

С. был огромный; он занял ряд болгарских городов и стал стремиться к полному обладанию Болгарией. Греки скоро почувствовали, что приобрели в его лице еще более опасного соседа. Тогда Никифор направил печенегов на Киев, и С. должен был возвратиться в отечество, но уже в 971 г., посадив на Руси своих сыновей, снова явился в Болгарии. Между тем преемник Никифора Фоки, Иоанн Цимиский, помирился с болгарами, и С. пришлось иметь дело и с греками, и с болгарами; хотя в Болгарии была и русская партия, но движение против С. было сильное. Чтобы сломить греков, С. двинулся за Балканы и сначала имел успех, но потом должен был заключить мир с греками и уйти из Болгарии. Он пошел в лодках к днепровским порогам, но пороги были заняты печенегами. С. переждал до весны и снова попытался пройти пороги, но был убит в сражении с печенегами, которые, по преданию, сделали из черепа его чашу (972 г.).

Е. К.

{Брокгауз}

Святослав Игоревич, великий князь Киевский

- великий князь Киевский. Оставшись трехлетним ребенком по смерти отца, убитого в 945 г. древлянами, С. возрос в среде дружинников своего отца. Уже в 946 г. он находится во главе дружины, выступившей против древлян с мстью за смерть Игоря; маленького четырехлетнего князя сажают на коня и дают ему в руки копьё, которое он и бросает во врагов; копьё, брошенное слабою детскою рукою, падает у ног княжеского коня; дружина, видя у себя во главе начальника-младенца, начавшего бой, храбро бросается на врагов и быстро их одолевает. Детство и отрочество князя протекают среди воинов, где у всех один интерес - война, где одно достоинство лишь ценится в человеке - беззаветная храбрость и отвага. Развитием этих достоинств определяется программа княжеского воспитания и на всей дальнейшей жизни храброго князя неизгладимым следом отразилось воспитание, основанное на началах дружинной чести: единственной заботой князя стала война, единственным мерилom его поступков - мнение дружины, единственным идеалом - слава беззаветно храброго воина, никогда не изменяющего традициям дружины. Это, между прочим, объясняет упорный отказ С. принять христианство, которое не согласовалось с основными устоями тогдашнего дружинного быта. Выйдя из отроческих лет, князь прежде всего стремится сплотить вокруг себя товарищей-дружинников и, собрав дружину, начинает непрерывную цепь своих походов. Летопись дает такую характеристику его деятельности: "и легко ходя, аки пардус, войны многы творяше. Ходя, воз по себе не возяше, ни котла, ни мяс варя, но по тонку изрезав конину, или зверину, или говядину, на углех испек, ядыше. Ни шатра имеяше, но подклад постилаше и седло в головах. Також и прочии вои его бяху вси". В 914 г. на Волге, в стране хазар, буртасов и болгар, погибла рать вел. кн. Игоря. По понятиям

дружинной чести в. князь С., как преемник Игоря, обязан был смыть позор, лежавший на его памяти, а как сын, обязан был мстить врагам своего отца. Были и еще причины, побуждавшие в. князя к походу на Волгу: русские купцы, преимущественно новгородцы, терпели постоянные обиды и притеснения со стороны буртасов, волжских болгар и хазар; для русской торговли крайне важно было, чтобы большой водный путь, соединявший юго-восток и северо-запад восточной европейской равнины, т. е. все течение реки Волги, перешел в русские руки. Побуждаемый этими причинами, в 964 г. С. со своей дружиной выступил в поход. Поднявшись по р. Десне (на ней жили покорные уже Киеву северяне) он перешел на верховья Оки в область, населенную вятичами. Не желая во время своего далекого похода на Волгу иметь у себя в тылу врагов, С. вятичей не тронул, хотя они и платили дань хазарам, будучи враждебны Киеву. Перейдя на Волгу, он в продолжение 4-5 лет победоносно воевал с волжскими болгарями, буртасами и хазарами, разрушил главный хазарский город, Саркел на Дону, проник до Киммерийского Воспора, победив ясов и кософов и, очистив все течение реки Волги, возвратился прежним путем к Киеву. В целях окончательного закрепления за русской торговлей течения Волги С. предпринял еще поход на вятичей, живших на верховьях Оки, т. е. на пути из Киевской Руси к Волге, и вполне удачно его окончил. В этих походах он является непосредственным продолжателем дела своих предшественников, вел. князей киевских и, как видно, успешно его продолжает. Но совершенно изменяется характер его деятельности, когда он в 967 г. неожиданно для себя и своей дружины отправился в далекий поход на землю дунайских болгар. В этом году прибыл в Киев посол византийского императора Никифора Фоки, знатный вельможа, патриций Калокир, сын херсонесского правителя. Прибыл он с большими дарами и заманчивым предложением. Одарив богато князя и его приближенных, раздав до 1500 литр золота, Калокир изложил цель своего приезда. Император Никифор Фока приглашает вел. князя идти походом на дунайских болгар; дела Византии были в то время не блестящи: ее владения на востоке и юго-востоке подвергались постоянным нападениям со стороны сарацин; кроме войн с этими последними империя в 966 г. начала после почти сорокалетнего мира еще одну новую серьезную войну - с болгарями; на них-то император и звал войной С. Отличаясь большим честолюбием и, как житель Херсонеса, зная довольно близко отважный характер в. князя, Калокир решил воспользоваться удачно складывающимися для его планов обстоятельствами. Целью Калокира было завладеть императорским престолом и достигнуть этого он думал с помощью С. Надо полагать, что без особого труда удалось Калокиру склонить князя к далекому походу в Болгарию: этот поход согласовывался и с отважным характером князя; по душе он был и дружине, мечтавшей о большой добыче; на руку, наконец, был поход и русским купцам, торговавшим с задунайскими странами. Убежденный Калокиром, с десятью тысячами войска С. выступил в дальний поход. Пригласив его в Болгарию, а тем более через посредство хитрого и честолюбивого Калокира, император Никифор Фока сделал большую ошибку; в лице С. император приобрел нового врага, и притом врага более грозного и

сурового, чем тот враг, против которого приглашен был бороться Киевский князь. Итак, император Никифор, следуя завету своего мудрого предшественника, императора Константина Багрянородного, что при войне с варварами следует заводить вражду между отдельными варварскими народами и обращать их войною друг на друга, жестоко ошибся и скоро воочию увидел свой промах. Быстро спустившись в ладьях по Днепру к Черному морю, С., "аки пардус", явился в пределах Болгарии. Застигнутый врасплох, болгарский царь Петр на скорую руку собрал тридцать тысяч войска и выслал его навстречу руссам. Нанеся болгарскому войску сильное поражение и заставя его запереться в Доростольской крепости, С. быстро и легко овладел городом Малой Преславой и занял всю область, к ней прилегавшую (Малая Преслава расположена была при южном рукаве дунайской дельты). Между тем царь Петр оставался в своей столице, Великой Преславе, и всеми силами готовился к войне с руссами. Он вступил в тесные сношения со своим врагом, императором Никифором Фокой, которому за последнее время (967 г.), во-первых, изменяет военное счастье в борьбе с врагами империи, а во-вторых, грозит население столицы, раздраженное частыми войнами и постоянными поборами. Между болгарским царем и византийским императором заключен был тесный союз, направленный против С. Можно думать, что ближайшим последствием этого союза было нападение печенегов на Киев, едва не погубившее все княжеское семейство и заставившее С. летом 968 г. немедленно возвратиться домой. Плохо пришлось киевлянам, когда неожиданные гости летом 968 г. плотною стеною обложили Киев: "не бе лзе из града вылести, ни вести послати". Только благодаря мужеству некоторых воинов, собравшихся под начальством Претича на другой стороне Днепра, удалось "умчать" из Киева княгиню с внуками; с помощью хитрости те же воины заставляют отступить несколько от Киева печенегов. Тотчас же киевляне послали звать домой своего князя, говоря: "Ты, княже, чюжие земли ищещи, своей ся охабив; малым бо нас не взяли печенеги, и мать твою, и детей твоих. Аще не пойдеш ни отбранити нас, да паки ны возмут, ащели ти не жаль отчины своя, ни матери стары суши и детей своих?". Освободив Киев от печенегов, С. недолго оставался на родине. Его манила далекая Болгария, его влекли к ней и ее удобное географическое положение, и ее богатства, и та непрерывная цепь военных подвигов, среди которых протекало там его житье-бытье. "Не любю ми есть в Кieve быти, - говорил С. матери и боярам, - хоцю жити в Переяславци на Дунаи. Яко то есть среда земли моея, яко ту вся благая сходится: от Грек паволокы, и злато, и вина, и овощи разноличеныи, из Чех и из Угр сребро и кони, из Руси же скоро, воск, и мед, и челядь". Княгиня Ольга отвечала сыну: "Видишь, я совсем больна. Куда же ты хочешь уходить от меня? Уж погреби меня, а там иди, куда хочешь". Через три дня после этого она померла. Схоронив мать, С. навсегда распрощался с русской землей: ему не суждено было еще раз возвратиться в Киев. Посадив Ярополка в Кieve, Олега у древлян, а младенца Владимира у новгородцев (по их просьбе), он поспешил с дружиною в любезную Болгарию; но там ждал его иной прием, чем прежде, ибо обстоятельства изменились не в пользу вел. кн. Киевского. Дружествен-

ные отношения, установившиеся между Болгарами и Греками перед уходом С. в Киев, сохранялись. Византия, освободившись от грозившей опасности со стороны болгар, деятельно воевала с арабами в Азии. Осенью 968 г. умер болгарский царь Петр; ему наследовал его сын Борис, вступивший на престол с помощью Византии и потому, конечно, поддерживавший с ней хорошие отношения. И когда летом 969 г. С., явившись на Дунае, вторгнулся в пределы Болгарии, его ожидал сильный отпор со стороны нового болгарского царя. Первая упорная битва произошла под Малой Преславой; победа осталась за С., хотя и Болгары проявили большую стойкость. Овладев вторично Преславой и всей областью, к ней прилегавшею, и нанеся еще несколько поражений болгарскому войску, С. двинулся вглубь страны; этот поход сопровождался огромным успехом: вся восточная Болгария от Дуная до Балканских гор вскоре перешла в его руки, он занял и столицу Болгарского царства, Великую Преславу, взяв в плен царя Бориса со всем войском. В то время, когда С. шаг за шагом побивал болгарского царя, отнимая у него город за городом и проникая все далее и далее вглубь страны, союзник болгарского царя, император Никифор Фока, не мог подать ему никакой помощи. Все силы империи были сосредоточены в М. Азии на борьбе с аравитянами; сам император принимал личное участие в этой борьбе. 10 декабря 969 г. в Константинополе совершился дворцовый переворот. Император Никифор Фока, только что возвратившийся из М. Азии, был убит своим приближенным Иоанном Цимисхием, который и занял императорский престол. Со вступлением на престол Иоанна Цимисхия наступает поворотный момент в истории борьбы С. на болгарской территории. Дело борьбы значительно усложняется, ибо при незначительных силах одновременно приходится воевать и с болгарами, и с греками, и в то же время необходимо было еще оставлять гарнизоны в завоеванных городах. Но, во всяком случае, надо отдать справедливость С., что за этот период войны со всей силой проявились и его удивительное мужество и его природные воинские дарования. Государственный переворот в Константинополе совершился очень быстро и не сопровождался, как это обыкновенно бывало раньше, серьезными смутами. Уже в декабре месяце новый император короновался. Успокоив население столицы и удержав завоевательные стремления арабов в Антиохии, император все свое внимание сосредоточил на опасности, грозившей империи со стороны русов. Сперва он надеялся мирно покончить дело с ними; отправил послов к С. и, предлагая выплатить все, что следовало по договору, заключенному между С. и императором Никифором Фокой, за усмирение болгар, требовал немедленного удаления с болгарской территории. Но мог ли князь, называвший Болгарию средой земли своей, удалиться из нее, получив лишь плату за свой далекий поход, мог ли С. добровольно покинуть ту Болгарию, которая так неудержимо влекла его к себе? Вполне понятен, поэтому, ответ, данный С. императору: "Хоцю на вы ити, и взяти город ваш, яко и сий" (т. е. Переяславль-Дунайский). Весной 970 г. С., оставив гарнизоны в более значительных болгарских городах (как-то Силистре, Плескове, Динии, Великой и Малой Преславах), перешел Балканские горы, вступил во фракийские владения царя

Бориса, взял город Филиппополь и рядом суровых мер смирил непокорных болгар. Затем, усилив свою рать отрядами мадьяр и печенегов, он вступил в пределы империи и беспрепятственно дошел до Адрианополя. Здесь произошла битва между руссами и греками. Хотя по поводу исхода адрианопольской битвы византийские историки и русская летопись дают совершенно разноречивые показания, но и последующие события, и распоряжения императора, немедленно следовавшие за адрианопольской битвой, и приготовления, сопровождавшие поход императора весной следующего, 971 г., заставляют думать, что успех остался на стороне русского князя. Сопоставляя все события, сопровождавшие адрианопольскую битву, нельзя не признать, что в словах летописи: "взя же и дары многи и возвратися в Переяславец с похвалою великою", слышится правдивый голос об исходе событий этого года. Впрочем, победоносное движение С. весной и летом 970 г. было последним блистательным успехом его на болгарской и византийской территориях: слишком широк был размах Святославовой удали, слишком отважно ринулся он на более сильного врага, не рассчитав сил своей небольшой и уже измученной дружины. Весной 971 г. разыгрался последний акт в борьбе руссов и греков. Тотчас после адрианопольской битвы "император Иоанн, по словам византийского повествователя о событиях этого времени, приказал азиатским войскам поскорее переправиться через Геллеспонт из Азии в Европу, зимовать на полях фракийских и македонских, и, ожидая весеннего времени, ежедневно упражняться в учении, чтобы не сделаться к военным подвигам неспособными и в битвах не уступать в храбрости неприятелю". В то же время ведутся большие приготовления к предстоящему походу: во-первых, стянуты все сухопутные силы; во-вторых, серьезное внимание обращено и на флот. Друнгарий морских сил империи отдал приказание чинить старые корабли и строить новые. Весной 971 г. одновременно выступают в поход и армия и флот. Решив раз навсегда покончить с опасным врагом, император посылает флот к берегам Истра, чтобы отрезать врагам отступление. Беспечность руссов, не озаботившихся прикрыть балканские клейзуры, т. е. ущелья, обусловила грекам первый серьезный успех; миновав беспрепятственно страшные клейзуры, они неожиданно для руссов явились под Великой Преславой. Здесь находилась часть святославовой дружины под начальством Свенельда. Смущенные вначале, руссы скоро оправляются и вступают в горячую битву с греками. Смятые, они отступают в город и до ночи продолжают отбиваться от врагов. На следующий день возобновился жаркий бой: сам император шел на приступ к городу. Город взят. Руссы запираются во дворце и отважно отбивают все приступы врагов; только огонь, охвативший все здание, заставил их покинуть царский дворец; они бросились на врага, многие сложили свои головы, а часть, пробившись через вражеский строй, ушла к своим. Вообще за весь этот период войны руссы проявляли необычайную стойкость, и как ни пристрастны поветствования об этих событиях византийских писателей, даже и в них сквозит удивление греков перед мужеством "тавроскифов". Завоевав Великую Преславу, император двигается по направлению к Доростолу, где находился главный его враг. Заняв по дороге города Плискуву, Динейю и

другие, которые не оказывали особенного сопротивления, ибо многие болгары радовались императору, как освободителю от тяжелого гнета (С. часто очень сурово обращался с болгарами), император подошел к Доростолу. Здесь увидели греки русскую рать; словно "стена из щитов и копий" стояла она и не дрогнув под напором сильной, большой и хорошо дисциплинированной рати врагов, завязала с ней упорный бой; "и началась упорная, жесточайшая битва, которая долго, по словам Льва Дьякона, оставалась в совершенном равновесии". 12 раз сходились враги, и лишь ночь прекратила жаркое дело. Со следующего дня император начал правильную осаду Доростола: устроил стан, укрепил его крепким валом и провел глубокий ров. Приступ императора к городу окончился неудачей; греки скоро должны были отступить. В тот же день прибывает на Истр греческий флот. И этот и следующие дни продолжают упорно биться с обеих сторон. Руссы днем бились, то делая вылазки, то отбиваясь от приступов врагов, а ночью погребали убитых. 24 июля 971 г. разыгралась последняя битва между врагами, после которой С. увидел, что у него нет более сил продолжать борьбу; численность сильно уже истомленной дружины с каждым днем все уменьшалась, ежедневно со стороны греков можно было ожидать, что они "еже как прельстивше" избьют всю дружину, а помощи ждать было не откуда; поэтому в. князь и решил дать последнюю битву врагу - или победить, или "лечь костью". Судьба решила дело несколько иначе. С утра руссы под предводительством самого князя вышли из города и, решив биться насмерть, затворили за собой ворота. Бились и у стен города, бились и у лагеря греков - то греки отступали, то руссы. Варда Скляр, один из лучших греческих военачальников, с тылу зашел руссам, а одному из греков, именем Анемасу, едва не удалось поразить мечом С.; лишь прочный шлем спас князя. С каждым мигом битва становилась упорнее, и лишь ветер, с большою силою начавший дуть прямо в лицо руссов, заставил их отступить в город. Положение С. стало крайне затруднительно: дружина все уменьшалась, ратники выбывали из строя, не заменяясь новыми, настал голод, ибо все пути к получению съестных припасов были прикрыты врагами, а враг все по-прежнему был силен: и съестных припасов было у него вдоволь, и новые ратники постоянно освежали греческий строй. С. сказал дружине своей: "аще не сотворим мира с царем, а увести царь, яко мало нас есть: пришедши оступят в граде. А Руская земля далече, а Печенези с нами ратни, а кто ны поможет? Но сотворим мир с царем". Речь князя пришла по душе дружине. Послали лучших мужей к царю говорить о мире. Царь с радостью принял послов и на мир тотчас же согласился; написали клятвенную запись, в которой в. князь С., призвав в свидетели Перуна и Волоса и поклявшись своим оружием, обязался иметь мир и любовь со всяким греческим царем; клялся не только войны самому не начинать и греческих владений не трогать, но и бороться с тем, кто помыслит на греков. Со своей стороны греки (по сказанию византийских писателей) дали обязательство не мешать возвращению руссов домой, обещали ссудить их хлебом и обязались, (как это было и раньше) считать друзьями руссов, приходящих в Царьград для торговли. После заключения мира состоялось личное свидание бывших

врагов. В великолепном вооружении, на коне, сопровождаемый блестящей свитой, выехал император на берег Истра. С другой стороны реки показалась ладья. В ней переезжал реку в. князь Киевский. Сидя за веслами наряду с прочими товарищами, князь по внешнему виду ничем не отличался от них, была лишь на нем чистая рубаха, да в одном ухе висела серьга с двумя жемчужинами и рубином. Византийский историк Лев Дьякон описал наружность С.: "Святослав был среднего роста, ни слишком высок, ни слишком мал, с густыми бровями, с голубыми глазами, с плоским носом и с густыми длинными, висящими на верхней губе волосами. Голова у него была совсем голая, но только на одной ее стороне висел локон волос, означающий знатность рода; шея толстая, плечи широкие и весь стан довольно стройный. Он казался мрачным и диким". Переехав реку, князь, сидя в ладье, немного поговорил с императором о мире и переправился через реку обратно. Заключив мир с греками, С. направился в Киев. В летописи есть интересное известие, которое бросает свет на обстоятельства, сопровождавшие смерть С. Чтобы возвратиться в Киев великим водным путем, необходимо было пройти через днепровские пороги; в них сама природа создала удобное место для хищничества кочевников; из года в год на порогах кочевники грабили караваны купцов; здесь они постоянно стерегли добычу. К печенегам и послали сказать жители Переяславля, что идет на Русь С.; много у него добра, взятого им от греков, но мало с ним дружины. Получив такую весть, печенеги тотчас заняли пороги. Свенельд предупреждал С. об опасности, говоря: "иди, князь, на конях, стоят в порогах печенеги". Князь не послушался и пошел на ладьях; пришел к порогам, но не мог пройти их. Тогда, возвратившись назад к днепровскому устью, он зимовал в Белобережье. Зимовка была тяжелая: не было хлеба и иных съестных припасов, приходилось есть одну конину. Пришла весна, и князь снова пошел к порогам, но не мог их опять пройти. Его зорко стерегли кочевники; дружина была совсем измучена от долгого голода и многих трудов. В битве с печенегами С. погиб. "И убиша Святослава, и взяша главу его, и в лбе его соделаша чашу, оковавше лоб его, и пияху из него". Пала с князем и верная его дружина; лишь Свенельду с немногими воинами удалось пробиться через врагов. Свенельд пришел в Киев и принес на Русь весть о гибели отважного князя. Вопрос о годе смерти С. вызвал в исторической литературе в половине 80-х годов оживленную полемику между Н. Ламбиным, А. А. Куником и В. Г. Васильевским. Ламбин относит смерть С. к 972 г. Этот вывод следует считать наиболее верным и обоснованным.

Фактическую сторону жизни и деятельности в. к. Святослава Игоревича исследователи черпают из двух главных, друг друга дополняющих и исправляющих, источников: 1) из нашей первоначальной летописи; 2) из мемуаров и анналов византийских писателей. Летопись (по Лаврентьевскому и Ипатьевскому спискам) дает с одной стороны богатый материал для характеристики жизни и всей деятельности в. к. Святослава, а с другой стороны очень живо рисует воззрения современников как на личность самого князя, так и на характер его деятельности; этой последней стороне летописного изложения

много внимания уделили С. М. Соловьев и И. Е. Забелин, которым удалось, особенно Забелину, искусно очертить личность в. кн. Святослава и смысл его далеких походов, сообразно с народным воззрением на князя-дружинника. Долгое время фактическая сторона княжения Святослава излагалась исследователями преимущественно на основании того материала, который дает в своей истории византийский писатель третьей четверти X в., Лев Диакон Калойский; источник этот до 40-х годов нашего столетия считался главным и едва ли не единственным при изучении эпохи в. княжения Святослава и ему отдавали полное предпочтение перед летописью, которую обвиняли и в пристрастии, и в неверном изложении фактов. В 1843 г. вышел в свет труд А. Черткова: "Описание войны великого князя Святослава Игоревича против болгар и греков в 967-971 гг.", который изменил в значительной степени убеждение исследователей в беспристрастии истории Льва Диакона. А. Чертков в своем исследовании весьма внимательно сопоставляет события русско-византийской войны 967-971 годов, как они являются в изложении византийских историков Льва Диакона, Кедрина, Зонары и нашего летописца Нестора. Исследование Черткова показало, что для знакомства с событиями княжения Святослава совершенно недостаточно одной истории Льва Диакона, что источник этот не может считаться ни вполне подробным, ни вполне беспристрастным, что летопись наша для Святославовой эпохи источник не менее компетентный, чем история Льва Дьякона, и что для пользования этою историею необходимо сличение излагаемых в ней событий с изложением тех же событий в истории византийского писателя Кедрина и в анналах византийца Зонары. История Кедрина и анналы Зонары, по исследованию ученого Газе, издавшего и комментировавшего историю Льва Диакона по единственной дошедшей до нас рукописи XI - XII в. (*Leonis Diaconi Historiae ed. Bonn.*), не самостоятельны, ибо в состав их вошло сочинение старшего их современника Скилиция, писателя конца XI или начала XII в.; сам же Скилиций, по замечанию Газе, "черпал свои известия не из одного только Льва Диакона, но и из других источников" (*Not. in L. Diac. ed. Bonn. p. 476*). Таким образом для освещения событий Святославовой эпохи (в частности для обстоятельств русско-византийских войн 967-971 гг.) имеются следующие 3 главные первоисточника: 1) История Льва Диакона (русский перевод сделан Д. Поповым, СПб. 1820 г.: печатан при Импер. Акад. Н.; можно пользоваться также отрывками из истории Льва Д. в русском переводе, которые помещены в исследовании А. Черткова); 2) История Кедрина (*Cedreni Historiarum compendium. T. II 383-413, Ed. Bonn.*) и Анналы Зонары (*Zonarae Annales. T. II. lib. 17. Cap. I - IV*; см. Стриттер *Memoriae Populorum, II, 988* и след.) и 3) летопись по Ипатьевскому и Лаврентьевскому спискам (Полн. Собр. Р. Лет.); "Нестор" Шлецера, ч. III, стр. 473-625, русский перевод Д. Языкова. СПб. 1819 г.

А. Николаев.

{Половцов}

София (Зоя) Палеолог,

София Палеолог

- вторая супруга великого князя Иоанна III, сыграла немаловажную роль в истории Московского государства. Дочь Фомы, родного брата последнего византийского имп. Константина. После падения Византии Фома нашел убежище в Риме; по смерти своей он оставил двух сыновей и дочь Зою (Зинаиду - по Софийскому временнику), впоследствии, в России, получившую имя С. Папа Павел II задумал избрать Зою орудием своих замыслов - восстановить флорентийское соединение церквей. Через грека, кардинала Виссариона, он начал сношения с Иоанном III: в феврале 1469 г. Виссарион отправил в Москву грека Юрия с предложением вел. кн. руки С. Палеолог. Rauhald в "Annal. Eccles." под 1470 г. откровенно рассказывает о намерении Павла II: "Папа льстил себя надеждой, что девушка склонит супруга к принятию обрядов римско-католической церкви, в которых она была воспитана у апостольского престола". Иоанну III пришлось по душе предложение породниться с Палеологами, и он в следующем же месяце отправил в Рим своего посла итальянца Карла Фрязина (см.), который повел дело очень удачно: он произвел на всех хорошее впечатление и усердно, вдали от Москвы и русских, исполнял в Риме все обряды католич. церкви, скрыв, что сам давно принял православие. Уже в июне 1472 г. С. Палеолог выехала из Рима в Россию, а 1 октября гонец прискакал в Псков с приказом - готовиться к встрече будущей государыни. Встреча псковитянами и новгородцами была устроена торжественная, но С. Палеолог, не задерживаясь, спешила в Москву. Ее сопровождал папский легат Антоний, и к удивлению русских везде, где ни останавливалась С., кардинал этот облачался в странное красное платье и перчатки, которых не снимал даже для благословения - перед ним же постоянно несли "крыж" - латинский крест. Митрополит Филипп воспротивился этому, говоря, что "неприлично нам и слышать об этом, не только что видеть", и легат Антоний должен был въехать в Москву без "крыжа" впереди. 12 ноября 1472 г. С. Палеолог прибыла в Москву, и в тот же день состоялось венчание ее с Иоанном. Кардинал приступил к исполнению возложенной на него миссии, но вести с ним споры митрополит возложил на книжника Никиту, до того утраившего Антония, что тот быстро прекратил диспут, сказав: "Нету книг со мною"! Таким образом рушились надежды папы и Виссариона, возложенные на брак С. Палеолог. Брак этот имел важное влияние на форму Московского государства и на всю внешнюю обстановку власти (Бестужев-Рюмин). Он ускорил процесс "собирания Руси", внеся в Москву традиции империи. Изменились отношения великого князя к князьям других вотчин, изменились его отношения и к дружине (см. соотв. статью). Во всем этом сказывалось влияние С. Палеолог. Опальный боярин Берсень говорит: "Государь наш, запершись, сам третей у кровати всякия дела делает": - дружина отошла на задний план, вел. кн. думал свою думу с кем хотел. Герберштейн о С. Палеолог

писал: "Это была женщина хитрая, по ее внушению князь сделал многое". Летописец утверждает, что под ее влиянием Иоанн покончил с Ордой. Но тот же Берсень говорил Максиму Греку (в княжение Василия): "Как пришла сюда мать вел. кн. великая княгиня С. с вашими греками, так наша земля и замешалась, и пришли нестроения великия как у вас в Цареграде при ваших царях". Он разумел здесь вражду партий при дворе, дело Патрикеевых и Рязполовских, перемену в выборе наследника и т. д. (см. соотв. статью). Кн. Курбский во многом обвинял С. и многое приписывал С. Палеолог, говоря: "В предобрый русских князей род всеял диавол злые нравы, наипаче же женами их злыми и чародейцами, якоже и в израильстех царех паче же которых поимовали от иноплеменников". С. содействовала тому, что Иоанн окружил себя пышностью, завел этикет при дворе и принял герб византийской империи - двуглавого орла. Из Западной Европы были вызваны художники и зодчие для украшения дворца и столицы. Воздвигались новые храмы, новые дворцы. Итальянец Альберти (Аристотель) Фиоравенти построил соборы Успенский и Благовещенский. Москва украсилась Грановитой палатой, башнями кремлевскими, дворцом Теремным, выстроен, наконец, был и Архангельский собор. Великокняжеская столица готовилась сделаться столицей царской; значительную долю участия в этом нужно прописать племяннице последнего византийского императора. Скончалась она за два года до смерти мужа - 7 апр. 1503 г.

{Брокгауз}

София Фоминична

(*Зоя Палеолог*) - урожденная принцесса византийская, великая княгиня Московская, родилась около 1448 г., прибыла в Москву и вступила в брак с Иоанном III 12 ноября 1472 г., умерла 7 апреля 1503 г.

Зоя Палеолог происходила от последней царственной фамилии византийской. Отец ее, Фома Палеолог, родной брат византийского императора Константина XII, в 1430 г. женился на принцессе Екатерине, дочери Захария II Чентурионе, морейского государя. Последнего Фома лишил престола, а сам занял его место в Морее. Вероятно, там же и родилась у него дочь Зоя, но когда - с точностью неизвестно. Обычно дата ее рождения приурочивается к 1448 г. на основании свидетельства болонских летописцев, которые, описывая проезд Зои через Болонью в 1472 г., по виду давали ей 24 года; косвенным подтверждением того же служит карикатурное описание Зои, набросанное флорентийским поэтом Пулчи: он, высмеивая наружность Зои (в том же 1472 г.), о возрасте ее не упоминает, чем он не упустил бы воспользоваться, если бы Зоя была тогда в летах.

Детство ее совпало с бурей, пронесшейся над Византией: Магомет II, во главе многочисленного войска, нанес последний удар угасавшей Византии. В 1453 г. пал Константинополь, и турки водворились в нем. Недолго после этого мог устоять в неравной борьбе и отец Зои, Фома, господарь морейский. В 1460 г., когда Зое было около 12 л., он принужден был бежать от напора турок из Пелопонеса; без всяких средств к жизни, с одними надеждами на стороннюю помощь, Фома, оставив жену и детей на о. Корцире (ныне Корфу), направляется в Италию, к папе Пию II, чтобы здесь хлопотать о союзе против турок. Влиятельным ходатаем и посредником по его делам в Италии был известный кардинал, грек Виссарион, ревностный поборник флорентийской унии. Виссарион в дальнейшей судьбе Зои принимал самое горячее участие. Папа принял Фому очень радушно и назначил ему пенсию.

Зоя с своей семьей прожила на Корцире около 5 лет. 1465 год был для нее очень несчастным: она осталась круглой сиротой; в этом году сначала умерла ее мать, а несколькими месяцами позднее, 12 мая, скончался отец в тот самый момент, когда она и два ее брата, Андрей и Мануил, подплывали к берегам Италии, так что им даже не удалось свидеться после долгой разлуки.

Заботы об устройении их жизни и их воспитание взял на себя верный друг Фомы - кардинал Виссарион. Сохранилось любопытное письмо Виссариона, в котором он начертал программу занятий и воспитания детей византийского принца. Написано оно было наставнику их, так как, по словам Виссариона, Зоя и ее братья по своей молодости не могут полностью уразуметь преподаваемых им наставлений. Из этого письма узнаем, что папа по-прежнему будет отпускать на их содержание 3600 экю в год (около 1000 руб. ежемесячно). По-видимому, это было все, так как расходы Виссарионом рассчитаны только на эту сумму: 200 экю в месяц должны были идти на принцессу и принцев, на их одежду, лошадей и прислугу; отсюда же следовало делать сбережения на случай болезни и на непредвиденные расходы, а 100 экю предназначались на покрытие расходов по содержанию скромного двора. Среди придворных Виссарион упоминает одного медика, одного профессора греческого языка, одного профессора латинского языка, переводчика и одного или двух латинских священников. Переходя к воспитанию, Виссарион говорит: знатность не имеет цены без добродетелей, тем более, что вы сироты, изгнанники, нищие, не забывайте этого и будьте всегда скромны, любезны, и приветливы, занимайтесь серьезно учением, чтобы занять впоследствии положение, вам приличествующее. По вопросу о религии он указывает на волю их отца, принца Фомы, который просил воспитать детей в лоне западной церкви, а потому они должны жить и одеваться, как латины, посещать латинскую церковь и вести себя смиренно и покорно перед папой. У вас будет все, заключает Виссарион, если вы станете подражать латинам; в противном случае вы не получите ничего.

Зоя вполне подчинилась этому требованию и с того времени жила в Риме и называлась на официальном языке возлюбленной дочерью римской церкви, питомицей апостольского престола.

Она была уже на возрасте, а потому ее брак, который соответствовал бы ее блестящему происхождению, по словам Виссариона, был предметом неусыпных отеческих забот его.

Однако Зоя, сирота, воспитанница папы, не считалась особенно выгодной партией. Так, в 1466 г., когда венецианская сеньория на просьбу Якова II, короля кипрского, указать ему невесту ответила предложением посватать принцессу Зою, Яков II на это не согласился; по словам о. Пирлинга, блеск ее имени и слава предков были плохим оплотом против оттоманских кораблей, крейсировавших в водах Средиземного моря.

Более успеха имело другое сватовство. Около 1467 г. папа Павел II через кардинала Виссариона предложил византийским принцам выдать сестру за князя Параччиоло, знатного итальянского богача. Последовало согласие. Вскоре Зоя была торжественно обручена своему жениху. Но брак не состоялся. Тогда возник проект - выдать Зою за Иоанна III, великого князя Московского.

Инициатором проекта явился Виссарион, который действовал, вероятно, с ведома и согласия папы, так как расходы по путешествию послов в Москву были приняты папой на свой счет. Сильный Московский князь мог возбуждать в Риме надежды на помощь против турок и мечты на присоединение Руси к папскому престолу. Начались предварительные переговоры. Русская летопись повествует: 11 февраля 1469 г. грек Юрий прибыл в Москву от кардинала Виссариона к великому князю с листом, в котором великому князю предлагалась в невесты София, дочь аморейского деспота Фомы, "православная христианка". Наши летописи везде называют принцессу Зою - Софией, лишь в одном месте сделан намек на ее настоящее девичье имя, и она названа Зинаидой. Вероятно, Зоя переменила свое имя при браке, каковой обычай у нас был нередок.

Великий князь, посоветовавшись с митрополитом Филиппом, с матерью и боярами, в марте месяце отправил в Рим Ивана Фрязина посмотреть царевну. В православии невесты никто не усомнился, и до Москвы не дошло известие о том, что принцесса воспитывается в латинстве.

Иван Фрязин русских летописей, Джан Батиста делла Вольпе римских и венецианских источников, был родом итальянец из Виченцы, принадлежал к знатной и богатой фамилии, человек был ловкий и предприимчивый; в 1455 г. он попал в Россию, принял православие, вошел в доверие великого князя и сделался у него монетным мастером. Порученное ему дело о браке было не из легких: невеста была католичка, жених - православный, в Риме папа меч-

тал о подчинении русской церкви, в Москве об этом не могло быть и речи. Вольпе ловко лавировал между двух огней, слыл в Москве за православного, в Риме прикидывался истинным католиком, и там и здесь говорил льстивые речи, а попутно возбуждал в Италии надежды на сильную помощь против турок.

Царевна, по сказанию русских летописей, услышав, что великий князь и вся его земля - в православной вере христианской, выразила свое полное согласие на брак. Папа принял посла с великой честью и тоже согласился; просил великого князя прислать за невестой бояр и дал для них двухлетнюю охранную грамоту.

Иван Фрязин привез в Москву портрет Зои (царевну на иконе написану). Вскоре же Иоанн III, обмыслив дело с митрополитом, матерью своей и боярами, отправил (16 янв. 1472 г.) того же Ивана Фрязина во главе с посольством в Рим за царевной Софией; 23 мая он уже был там. На другой день папа созвал совет, на котором обсуждался вопрос о предстоящем браке, о приеме послов, а попутно о вере русских. 25 мая московское посольство явилось пред тайной консисторией и предъявило княжескую грамоту, в которой Иоанн III бил челом папе и просил послам его верить. Послы представились Сиксту IV, выразили от имени великого князя уважение и поднесли в подарок шубу и 70 соболей. Папа принял и то и другое с удовольствием и похвалил великого князя за намерение вступить в брак с принцессой Зоей, дочерью апостольского престола. 1 июня было совершено обручение Зои с уполномоченным от великого князя. Торжество, происходившее в базилике св. апостолов Петра и Павла, было отпраздновано с роскошью и блеском. Многочисленное изысканное общество окружало принцессу, самые знатные патрицианки Рима, Флоренция и Сиенцы явились лично, кардиналы прислали представителей, королева Боснии Катерина и все знатные соотечественники принцессы сопровождали ее к алтарю.

Папа Сикст IV отнесся с отеческой заботливостью к сироте: он дал Зое в приданое, кроме подарков, около 6000 дукатов и разослал наперед по городам письма, в которых во имя уважения, подобающего апостольскому престолу, просил принять Зою с расположением и добротой. О том же хлопотал и Виссарион; он писал сиенцам на случай проезда невесты через их город: "мы усердно просим вас ознаменовать ее прибытие каким-нибудь празднеством и позаботиться о достойном приеме". Неудивительно, что путешествие Зои было своего рода триумфальным торжеством. 24 июня, простившись с папой в садах Ватикана, Зоя направилась на далекий север. Ее сопровождала свита из греков, итальянцев и русских, в числе которой были Юрий Траханиот, князь Константин, Дмитрий - посол братьев Зои, и генуэзец Антон Бонумбре, епископ Аччии (его наши летописи ошибочно называют кардиналом), папский легат, миссия которого должна действовать в пользу подчинения русской церкви.

Путь принцессы лежал из Италии через немецкие страны до берегов Балтийского моря; сев в Любеке на корабль, она прибыла в Ревель, а отсюда через земли тевтонского ордена достигла границ Московского государства. Многие города Италии и Германии (по сохранившимся известиям: Сиенна, Болонья, Виченца, Нюрнберг, Любек) встречали и провожали ее с царским почетом, в честь принцессы устраивали празднества. Так, напр., в Болонье Зою принимал в своем дворце один из главных местных сеньоров. Принцесса неоднократно показывалась толпе и вызывала общее удивление своей красотой и богатством наряда. С необыкновенной пышностью было совершено посещение мощей св. Доминика, ее сопровождали самые знатные молодые люди. Болонские летописцы повествуют о Зое с восторгом.

На 4-ый месяц пути Зоя, наконец, вступила на русскую почву. 1-го октября она выехала из Колывани, скоро была в Дерпте, куда явились встретить свою будущую государыню посланные великого князя, а потом направилась к Пскову. Еще до прибытия Софии сюда прискакал от моря гонец с известием, что едет царевна, нареченная невеста великого князя. Псковичи стали мед сытить и корм обирать, а наперед послали шесть больших убранных судов, посадников и бояр, чтобы "с честью" встретить царевну. 11 октября около устья Эмбаха посадники и бояре встретили царевну и били ей челом с кубками и золотыми рогами, наполненными медом и вином 13-го принцесса прибыла во Псков, пробыла ровно 5 дней. Псковские власти и знать одарили ее и свиту подарками и поднесли ей 50 руб. Ласковый прием растрогал царевну, и она обещала псковитянам свое заступничество перед будущим супругом.

Принцесса Зоя, при самом въезде на Русь, с замечательным тактом сумела показать себя в выгодном свете: она забыла латинство и явилась ревнительницей православия, что особенно было дорого для тогдашнего русского человека, и не оправдала надежд папы. Так, во Пскове, когда духовенство встречало ее с крестами в руках, а посадники - с челобитием, она прежде всего подошла под благословение к священникам, направилась немедленно в собор, прослушала молебен и приложилась к иконам, а когда латинский епископ Антон, ее спутник, не хотел выразить почтения перед иконами, она настояла на этом.

21 октября царевна была в Новгороде, а отсюда поспешила к Москве. Около Москвы произошло небольшое замедление по поводу известного инцидента с крестом папского легата Антония. 12 ноября 1472 г. царевна вступила в Москву; многочисленная толпа народа собралась посмотреть на нее. Прямо с дороги она была привезена в церковь, где митрополит благословил ее, а потом отвел в хоромы великой княгини Марии. Вскоре сюда же прибыл и великий князь: жених и невеста впервые увидели друг друга. Тут же было совершено обручение, а через несколько часов, после литургии, в Успенском соборе митрополит Филипп (по Софийскому Врем. - коломенский протопоп Осия) повенчал их. На торжестве присутствовали: мать великого князя, его

сын, братья, князья, бояре, свита, прибывшая с царевной, и множество народа. Так византийская принцесса Зоя, питомица папы, стала Софией Фоминичной, великой княгиней московской.

Приехавши в Москву, С. навсегда поселилась в ней, лишь изредка выезжая из нее, то в минуту опасности, то на богомолье. Для нее в Москве были выстроены особые хоромы и двор, но они вскоре же, в 1493 г., сгорели, причем во время пожара погибла и казна великой княгини. Семейная жизнь ее, по видимому, сложилась довольно удачно: у нее была многочисленная семья, 5 сыновей и 5 дочерей (из последних две вскоре после рождения умерли); в 1474 г. родилась первая дочь, в 1479-первый сын, Василий-Гавриил (впоследствии - Василий III); одна из дочерей, Елена, была выдана за великого князя Литовского Александра Казимировича. София была любима своим супругом и имела на него значительное влияние. Будучи великой княгиней, С., однако, никогда не забывала, что она по своему происхождению "царевна" византийская, и при случае умела это обстоятельство подчеркнуть. В Троицком-Сергиевском монастыре хранится шелковая пелена, шитая руками Софии в 1498 г.; на пелене вышито ее имя, причем она величает себя не великой княгиней московской, а "царевной царегородской". Видимо, она высоко ставила свое прежнее звание, если помнит о нем даже после 26-летнего замужества.

Сохранилось известие (у Татищева), будто бы, благодаря вмешательству Софии, было сброшено Иоанном III татарское иго. Когда на совете великого князя обсуждалось требование ханом Ахматом дани, и многие говорили, что лучше умиротворить нечестивого дарами, чем проливать кровь христианскую, то будто бы София горько расплакалась и с упреками уговаривала супруга покончить с данническими отношениями и, положившись на воинскую силу и Бога, постоять за свою честь и веру святую. Однако во время самой борьбы с татарами Софии в Москве не было: она, перед нашествием Ахмата, ради безопасности, с детьми, двором, боярынями и княжеской казной была отправлена сначала в Дмитров, а потом на Белоозеро; в случае же, если царь Ахмат перейдет Оку и возьмет Москву, то ей было сказано бежать дальше на север к морю. Это дало повод Виссариону, владыке ростовскому, в своем знаменитом послании предостерегать великого князя от постоянных дум и излишней привязанности к жене и детям. С. вернулась в Москву зимой, когда опасность миновала. В этом же году приезжал к ней из Рима брат Андрей, был он у нее и еще раз в 1491 г., но долго не заживался. На него, а также на племянницу Марию, которую С. выдала за князя Василия Михайловича Верейского, она истратила многу казны; между прочим великая княгиня отдала племяннице в приданое дорогое украшение первой жены Иоанна III, за что последний сильно разгневался, так как собирался подарить его своей невестке Елене. Князь Василий Верейский подвергся опале и бежал в Литву; лишь в 1493 г. С. выхлопотала ему милость великого князя: опала была снята. Жизнь Софии не ограничивалась тесным кругом семьи: она давала аудиенции ино-

странцам, отправляла приветствия чужеземным государствам, писала письма к ханше. Венецианский посол Контарини рассказывает, что он в 1476 г. представлялся великой княгине Софии, которая приняла его вежливо и ласково и убедительно просила поклониться от нее светлейшей республике.

В последние годы своей жизни Софии пришлось испытать немало горя. Иоанн молодой, сын Иоанна III от первого брака, в 1490 г. после тяжелой болезни скончался. Враги Софии втихомолку клеветали, что он был отравлен Софией, будто бы хотевшей, во что бы то ни стало, возвести на великое княжение своего сына Василия. У Иоанна молодого остался маленький сын Дмитрий от супруги Елены. Являлся вопрос, кому передать княжение? Естественно, что Софии хотелось видеть великим князем своего сына, но князья и бояре, не любившие Софии, интриговали в пользу внука Дмитрия. На стороне Софии стали второстепенные придворные люди, мелкие князья, дети боярские, дьяки. Завязалась глухая упорная борьба; подробностей ее мы не знаем. Сначала казалось, что дело Софии и ее сына Василия окончательно проиграно: в декабре 1497 г. был открыт заговор, в котором был замешан Василий; тогда же Государь узнал, что к великой княгине приходили какие-то лихие бабы с зельем. Раздраженный происками, он приказал Софии не являться на его глаза, Василия - заключить под стражу, баб - утопить и казнить заговорщиков. 4 февраля 1498 г. внук Дмитрий был торжественно венчан на царство. Однако этим борьба далеко не закончилась. В январе 1499 г. самые знатные и приближенные бояре, бывшие на стороне невестки Елены и Дмитрия, князья Патрикеевы и князь Ряполовский подверглись опале за крамолу и измену, которые, надо думать, состояли в действиях, направленных против Софии и Василия. С этого времени великий князь снова начал любить и жаловать свою жену. В марте 1499 г. Василий был объявлен великим князем Новгородом и Псковом, а 14 апреля 1502 г. был посажен на великое княжение всея Руси самодержцем.

Недолго после этих потрясений прожила С.: она умерла 5 апреля 1503 г., будучи еще не в преклонном возрасте (около 55 лет), и погребена в Москве, в Вознесенском монастыре.

О наружности Софии можно было бы судить по портрету, привезенному Иваном Фрязиным, но он не сохранился. Существует фреска, на которой, в числе лишенных престола государей, окружающих папу Сикста IV, помещена и С.; но, судя по костюмам, это изображение, вероятно, сделано не в XV в., а гораздо позднее. Поэт Пульчи в 1472 г. карикатурно изобразил Зою в таком виде: это - гора жира, жирная масляница, "два турецких литавра на груди, отвратительный подбородок, лицо - вспухшее, пара свиных щек, шея, ушедшая в эти литавры, два глаза, стоящие четырех". Но патрицианка Клариса Орсини, тогда же познакомившаяся с Зоей, нашла ее красивой. По отзыву болонских летописцев, она была невысокого роста, обладала очень красивыми глазами и удивительной белизной кожи.

Современники и их ближайшие потомки не любили Софию; она считалась женщиной умной, но гордой, хитрой и очень коварной. Вся знать была против нее. Неприязнь к ней сказалась даже и в летописях. Так, по поводу ее возвращения с Белоозера, летописец замечает: "великая княгиня Софья... бегала от Татар на Белоозеро, а не гонял никто же; и по которым странам ходила, тем пуще татар - от боярских холопов, от кровопийцов христианских. Воздай же им, Господи, по делом их и по лукавству начинания их"!

Резкий отзыв о Софии дает опальный думный человек Василия III Берсень Беклемишев в беседе с Максимом Греком. Он говорил: "земля наша русская жила в тишине и в миру. Как пришла сюда мать великого князя Софья с вашими греками, так наша земля и замешалась и пришли к нам нестроения великия, как и у вас в Царь-граде при царях ваших". Максим на то Берсеню возражал: "Господине, великая княгиня Софья с обеих сторон была роду великого: по отце - царского рода, а по матери - великого герцога италийской стороны". На то Берсень отвечал: "Какова бы она ни была; да к нашему нестроению пришла". Нестроение же это, по словам Берсеня, сказалось в том, что с того времени "старые обычаи князь великий переменял", "ныне Государь наш запершися сам третей у постели всякие дела делает". Итак, по мнению Берсеня Беклемишева, С. - виновница нестроения на Руси, перемены обычаев, удаления Государя от бояр и усиления его одной личной воли. Герберштейн в своих записках передает, что Софья была весьма хитра и под ее влиянием великий князь сделал многое; между прочим она побудила мужа лишить царства внука Дмитрия и назначить на его место ее сына Гавриила. С. с большой досадой переносила унижения своего мужа перед татарами и ежедневно говорила, что она вышла замуж за раба татар. Она убедила супруга притворяться больным при приездах ханских послов, чтобы не выполнять при встрече рабского обряда. Ей удалось, между прочим, выжить татар из Кремля, где они раньше останавливались в собственных хоромы. Особенно строг к Софии князь Курбский. Он убежден, что "в предобрый русских князей род всеял диавол злые нравы, наипаче же женами их злыми и чародейцами"; обвиняет Софью в отравлении Иоанна молодого, в смерти Елены, в заключении Дмитрия, князя Андрея Углицкого и других лиц, презрительно называет ее гречанкой, греческой "чародейцей".

Роль Софии и ее влияние на уклад Московского государства с разных сторон обсуждались целым рядом историков. Еще Щербатов придавал Софье большое значение; Иоанн III, по его словам, на совете с матерью, митрополитом и боярами высказал мысль, что благодаря браку с византийской царевной он может получить право на константинопольский престол, может войти в сношения с папским двором и с другими европейскими державами, и самые достоинства княжны могут составить счастье государя и народа. Карамзин, повторяя в основном Щербатова, прибавляет, что С. способствовала "великолепию нашего двора сообщением ему пышных обрядов византийских"; был принят византийский герб; София, как пишут, "не переставала возбуждать

супруга к свержению ига". Совершенно другую оценку дает Полевой; он говорит: за Софией наследства не было, Иоанн III сам искал сношений с Западом; вопрос о роли Софии при свержении ига Полевой обходит молчанием. Соловьев указывает, что царица София принесла с собой предания империи, которые способствовали укреплению власти московского государя; благодаря ее внушениям, произошла перемена отношений Иоанна III к князьям и боярам; влияние же Софии, которая, конечно, имела в виду своего сына, сказалось в венчании Иоанном III внука на царство. Костомаров по существу повторяет Соловьева и отчасти Карамзина. С., по его словам, "могла только укреплять своего супруга в помыслах самодержавия, а не зарождала их в нем"; историк видит влияние Софии также и в том, что Иоанн III начал иногда титуловаться царем. Иловайский, подводя итог всему тому, что было сказано исследователями до него, предостерегает: "влияние Софии не следует преувеличивать". Бестужев-Рюмин того мнения, что брак Софии с Иоанном III имел важное влияние на форму Московского государства и на всю внешнюю обстановку власти государей: в Москве появилось царское величие, византийский герб, венчание на царство, придворный этикет и придворные чины. Забелин отмечает последствия брака, сказавшегося в домашнем быту московского государя: с приходом Софии преобразовываются двор и дворец, устанавливаются торжественные чины и обряды на подобие византийских. Затем он подчеркивает итальянское влияние, проникшее в Москву с Софией: с того времени идеал римских и византийских цезарей носился перед взором московского князя и дал окончательную отделку форме русского самовластия. Иконников считает, что женитьба Иоанна III на Софии имела большое значение для развития политических понятий на Руси. По мнению Пирлинга, С. считала себя наследницей византийского престола, а потому брак дал Иоанну III "реальные права (по крайней мере, наружно) на наследство, которого в равной степени добивались государь и народ"; эти права впоследствии особенно рельефно выразились в знаменитой теории: Москва - третий Рим.

Успенский тоже находит, что брак Иоанна III с Софией служил обоснованием теории константинопольского наследства, следствием его был "акт передачи Иоанну III титула и прав на Византию со стороны действительного наследника престола Андрея Палеолога". По этому же вопросу Дьяконов пришел к выводу, что Иоанн III, по-видимому, отрицательно относился к вопросу о реальном наследстве константинопольских царей. Более решителен в выводах новейший историк Савва. Он утверждает, что после брака с Софией Иоанн III не считал себя наследником Византии; при борьбе с татарами не С. или кто-либо другой внушил Иоанну III мысль о свержении ига, это была старая заветная мысль московских князей; сомнительно, чтобы София принесла с собой политические идеи об отношении государя к своим подданным. Указывая на то, что пышность московского двора вырасталась постепенно, Савва склонен отрицать и то, что с приездом Софии в Москве появились придворные обряды, чины, этикет, тем более что С. не была свидетельницей блеска и величия византийской империи.

М. Клочков.

{ПОЛОВЦОВ}

Софья Витовтовна,

София Витовтовна

- княжна литовская, в замужестве великая княгиня московская. Она была дочерью Витовта Кейстутовича, впоследствии великого князя литовского, от его второй жены Анны Святославны Смоленской, родилась около 1371 г., по видимому в Троках, где первоначально после брака (а он был около 1370 г.) жила ее мать; о детстве сведений не сохранилось. В 1386 г. она была помолвлена за Василия Дмитриевича Донского, когда тот, бежавши из Орды, пробирался чрез Молдавию и Литву в Москву. Некоторые летописцы при этом указывают, что будто Витовт принудил Василия Дмитриевича дать слово жениться на его дочери. Вероятно, литовские князья мешали Витовту устроить судьбу дочери. "У меня была дочь, девушка, жаловался он впоследствии, и над ней я не имел никакой власти; были женихи, которые много просили ее руки, но я не мог выдать ее, за кого хотел: они (Ягайло и Свидригайло, двоюродные братья Витовта) запрещали мне и говорили, что я не должен ее выдавать, и боялись, что чрез нее у меня будут новые друзья"; они, между прочим, перехватывали и переписку Витовта.

Как бы то ни было, однако, в 1390 г. дело приняло иной оборот. Василий Дмитриевич, ставши по смерти отца великим князем московским, сдержал свое слово: по благословению митрополита и по совету своей матери послал в Литву троих бояр: Александра Поля, Андрея Белеута и Селивана за невестой. Осенью того же года посольство прибыло в Пруссию, в г. Марбин (Мариенбург), где в то время под покровительством ордена жила семья Витовта. Вскоре же княжна С. была отправлена с ними в Москву; кроме вышеуказанных лиц ее сопровождал еще князь Иван Олгимонтович Гольшанский. Путь их лежал из Данцига морем до Риги, а далее - чрез Псков и Новгород. В Москву С. прибыла ("из-за моря от немец", по выражению летописца) 1 декабря (а по другим известиям 30 декабря) 1390 г. Она была встречена с великим почетом: митрополит Киприан и духовенство вышли за стены города со святыми крестами в руках и здесь приветствовали свою будущую Государыню. 9 января 1391 г. было совершено венчание в соборной церкви тем же митрополитом Киприаном.

У Софии родились дети (по Хмырову - у нее было пять сыновей и четыре дочери, но имена их не указаны): Юрий (в 1395 г., умер в 1400), Иоанн (в 1396 г., умер в 1417), Симеон (в 1405 г., в том же году и умер), Василий (10 марта 1415 г., ум. в 1462), Анна и Василиса. Итак, трое сыновей умерли еще при жизни родителей в детском и юношеском возрасте; остался в живых только Василий, который впоследствии стал великим князем московским; дочь Анна в 1411 г. была выдана за византийского императора Иоанна Палеолога, но вскоре после брака (через 3 года) умерла от морового поветрия.

Благодаря браку с Софией и, может быть, в значительной мере под ее влиянием между Витовтом и Василием Дмитриевичем завязались дружественные отношения, которые долго не прерывались. Сохранилось известие, будто бы еще в 1493 г. великий князь Василий Дмитриевич и С. ездили в Смоленск к Витовту ("на повиданье"). В 1396 г. весной, за две недели до Пасхи, Василий Дмитриевич ездил к своему тестю в Смоленск вместе с митрополитом Киприаном, был встречен Витовтом очень радушно и праздновал там Пасху. Осенью того же года сам Витовт после рязанского похода навестил зятя в Коломне и пробыл здесь несколько дней.

Великая княгиня С. по приезде в Москву поддерживала связи с родиной и своими близкими и неоднократно ездила гостить к отцу и матери. Так в 1398 г. (или в 1399) она отправилась с детьми в Смоленск, пробыла там у отца и матери две недели и уехала домой, получив богатые подарки, среди которых особенно выделялись святые иконы "чудны зело обложены златом и серебром", и часть страстей Спасовых. В 1414 г. в одном замке по Неману знаменитый путешественник того времени Гильберг де-Лануа посетил Витовта и встретил здесь великую княгиню Московскую Софию, которая гостила у родителей вместе с дочерью Анной. В 1423 г. княгиня С. снова ездила в Смоленск со своим малолетним сыном Василием. Вместе с ним она посетила отца еще раз в 1427 г.

В 1415 г. С. была сильно больна и лежала при смерти перед временем рождения сына Василия, но потом быстро поправилась и надолго пережила своего супруга. В 1425 г. она осталась вдовой: 27 февраля Василий Дмитриевич умер. Великая княгиня, по завещанию своего мужа, получила довольно обширные и богатые волости: некоторые из них "в опришнину", но большую часть в пожизненное владение. Эти волости давали княгине значительный доход, так что она могла к своим владениям прикупать новые села и деревни, которыми уже распоряжалась по своей личной воле. От Василия Дмитриевича сохранились три духовные грамоты: в первой, от 1406 г., великая княгиня София Витовтовна получила долю из коломенских волостей, из московских сел, старинные волости, что издавна были за княгинями, которые и должны были перейти к ней по смерти Василия Дмитриевича, а впоследствии их следовало передать будущей снохе; "в опришнину" отдавались только два села, Богородицкое да Олексинское. По второй духовной грамоте, от 1423 г., волости были несколько изменены; доля княгини увеличена, "в опришнину" были отданы другие села: Гжеля и село Селицинское. Третья духовная, от 1424 г., повторяет вторую без каких-либо существенных изменений. В конце духовной грамоты было сказано: "А приказываю сына своего князя Василия и свою княгиню и свои дети своему брату и тестю великому князю Витовту, как ми рекл на Бозе да на нем... и своей братье младшей".

Сохранилось известие (у Герберштейна), будто бы Василий Дмитриевич, подозревая жену свою Анастасию (Софию) в неверности, отказал великое

княжение не сыну Василию, а брату Юрию; однако это сообщение - сказка, выдуманная и рассказанная Герберштейну людьми, озлобленными на потомство Василия Темного (Соловьев).

Таким образом, великая княгиня С., по смерти мужа, при малолетстве сына, наследника престола, осталась в главе правления московского княжества; с этого времени для нее открывается широкое поле государственной деятельности. Как только умер Василий Дмитриевич, она созывает бояр и сановников и убеждает их крепко стоять за ее сына Василия, а потом обратилась к отцу, прося у него защиты и покровительства. Об этом говорит и сам Витовт: 15 августа 1427 г. он писал великому магистру Ордена, что к нему приехала дочь, великая княгиня московская, которая с сыном и великим княжеством своим, с землями и людьми подалась в его опеку и оберегание. Все это было тем более необходимо, что Юрий Дмитриевич, князь звенигородский, дядя малолетнего Василия Васильевича, являлся серьезным соперником на великокняжеском столе. С ним пришлось выдержать упорную борьбу, в которой на долю Софии Витовтовны выпала довольно видная роль.

В 1430 г. умер отец ее Витовт, поддерживавший дочь и внука. Это обстоятельство давало больший простор политике князя Юрия Дмитриевича. В 1431 г. он тягался в Орде с племянником Василием из-за великого княжения московского. София Витовтовна притекла на сторону сына московских бояр, которые и сами отлично понимали выгоды своего положения при княжении Василия, а потому стояли горой за последнего. В начавшейся борьбе успеху Василия много способствовал боярин Иван Дмитриевич Всеволожский, который в то время был во главе московского боярства. Он, благодаря уму, ловкости и лести, сумел, несмотря на сильное противодействие князя Юрия, выхлопотать Василию ярлык на великое княжение. Действовал Всеволожский не бескорыстно: он взял с Василия обещание в том, что Василий женится на его дочери. Однако С. нашла такой брак совершенно неподходящим, ни в каком случае не соглашалась на него и настояла на том, чтобы сын обручился с княжной Марией Ярославной, внучкой Владимира Андреевича Храброго.

8 февраля 1433 г. торжественно справлялась свадьба великого князя Василия Васильевича. На нее приехали и двоюродные братья Василия: Дмитрий (Шемьяка) и Василий (Косой) Юрьевичи. Здесь разыгралась история с драгоценным поясом, которая и послужила ближайшим поводом к страшной междоусобице. На Василии Юрьевиче был надет великолепный золотой пояс на цепях, осыпанный драгоценными камнями. Этот пояс имел свою любопытную историю: он был подарен Дмитрием Константиновичем, суздальским князем, Дмитрию Донскому в то время, когда последний был обручен с его дочерью Евдокией. Во время свадьбы (в 1367 г.) тысяцкий Василий Вельяминов подменил дорогой пояс, положивши вместо него другой, по ценности значительно уступавший первому, и отдал его своему сыну Николаю, за ко-

торым была замужем Мария, старшая дочь того же Дмитрия Константиновича Суздальского. Пояс этот Николай отдал в приданое Ивану Дмитриевичу Всеволожскому, женившемуся на его дочери; а Иван Дмитриевич сначала отдал его своей дочери, выданной за князя Андрея, сына Владимира Андреевича, а впоследствии, по смерти Андрея Владимировича, пояс был подарен Василию Юрьевичу, нареченному жениху дочери князя Андрея, внуки Всеволожского. Василий Косой и щеголял в нем на свадебном великокняжеском пиру. Здесь наместник ростовский Петр Константинович всмотрелся в пояс, узнал его и рассказал его историю великой княгине. София Витовтовна, считая пояс за родовую собственность, которая перешла в чужие руки при помощи мошеннической проделки, собственноручно сняла его с Василия Юрьевича и взяла себе. Племянники, оскорбленные такой выходкой великой княгини, тотчас же оставили свадебное торжество, и вскоре началась продолжительная и кровавая распря.

В том же 1433 г., после поражения Василия III, С. принуждена была бежать из Москвы вместе с сыном и невесткой к Твери, а потом на Кострому. Но затем Юрий добровольно отдал Василию III Москву, и они в нее вернулись. Однако уже в следующем 1434 г. Юрий Дмитриевич и его сыновья с большим войском нагрянули на Москву; через неделю Москва сдалась, и великая княгиня С. попала в плен и была отослана в Звенигород. Но Василий III, по смерти дяди Юрия, скоро снова утвердился на великом княжении московском и заключил с двоюродными братьями мирный договор; тогда С., конечно, снова возвратилась в Москву.

В 1440 г. княгиня ездила в Переяславль вместе с боярами и дворянами. В 1444 г. (или 1445) в Москве случился великий пожар: почти весь город выгорел, не осталось ни одного дерева, даже каменные здания и церкви - и те потрескались. Великая княгиня С. со всем семейством, боярами и двором принуждена была уехать в Ростов по другим же известиям, она направилась было в Тверь, но по дороге встретилась с Дмитрием Шемякой, который и вернул ее обратно от реки Дубны.

12 февраля 1446 г., во время отсутствия великого князя Василия Васильевича, когда он ездил в Троицко-Сергиевский монастырь на богомолье, Шемяка вместе с Иоанном, князем Можайским, неожиданно ночью напал на Москву и завладел ею: С. вторично попала в плен. Через четыре дня (16 февраля 1446) был захвачен великий князь Василий III, заключен под стражу и ослеплен, а С. была сослана в Чухлому. Вскоре, однако, Василию III удалось бежать, на его сторону перешла Москва, и он по-прежнему занял великокняжеский стол, а Шемяка был изгнан: он ушел в Галич, потом в Чухлому, а оттуда, захватив с собой княгиню Софию, в Каргополь.

Тогда (в феврале 1447 г.) Василий Васильевич послал к нему боярина Василия Феодоровича Кутузова со словами: "какая тебе честь и хвала держать в

плену мою мать, а свою тетку, или ты хочешь этим отомстить мне? ведь я теперь сижу на своем великокняжеском столе". Шемяка, посоветовавшись с боярами, отпустил Софию на Москву в сопровождении знатного боярина Михаила Сабурова. Всего в плену великая княгиня пробыла ровно год. Великий князь Василий III выехал на встречу матери в Троицко-Сергиевский монастырь. Здесь они и встретились, а отсюда С. вместе с сыном поехала в Переяславль.

И после этих испытаний С. продолжала принимать участие в делах московского государства. В 1451 г. она оставалась в осаде на Москве и защищала город от нападения татар царевича Мазовши; а когда татары из-под Москвы ушли, она известила об этом великого князя Василия, который в то время был за Волгой.

Умерла С. (в иночестве Евфросиния и, как кажется, в схиме Синклитикия) в глубокой старости (около 82 лет от роду) 15 июня 1453 г. и погребена в московском Вознесенском женском монастыре, в том самом, в котором она строила храм Вознесенья, начатый еще великой княгиней Евдокией, супругой Дмитрия Донского; храм этот С., впрочем, не окончила; она довела стены и своды только по кольцо, где быть верху, самый же верх не был сведен.

По смерти ее остались богатые волости; у нее и в Москве был собственный двор за городом на Ваганькове. В ее обширном завещании перечисляются 52 села, которыми, за исключением 6, она распорядилась по своей личной воле, она раздала их своему сыну Василию Васильевичу, снохе - великой княгине Марии Ярославне, внучатам, их сыновьям - Иоанну, Юрию, Андрею и Борису, и княгине Евфросинии; более всех был награжден любимый внук ее - Юрий.

До нас дошел портрет С., вышитый шелком, золотом и жемчугом на саккосе митрополита Фотия. Княгиня София изображена здесь в виде очень красивой молодой женщины во весь рост, в роскошном княжеском наряде. По мнению Ровинского, все такие портреты отделявались "по иконному", без малейшего намека на натуру.

Историки изображают Софию женщиной с твердым характером, умной, гордой и энергичной.

М. Клочков.

{Половцов}

София Витовтовна

- супруга великого князя московского Василия Димитриевича (1371-1453). Еще при жизни Донского Василий Димитриевич был помолвлен во время своего пребывания в Зап. России с С. Витовтовной, но брак их состоялся лишь в 1390 г. При жизни супруга С. Витовтовна была иногда посредницей в сношениях его с Витовтом; по смерти его (1425) началась ее государственная деятельность. В 1425 г. она посадила на престол своего сына Василия, несмотря на сопротивление Юрия Димитриевича. В 1430 г., по смерти Витовта, Юрий вновь стал обнаруживать притязания на великокняжеский стол, но хан, благодаря боярину И. Д. Всеволожскому, решил дело в пользу Василия Васильевича. Несмотря на это Юрий, подстрекаемый тем же Всеволожским, который надеялся на брак своей дочери с великим князем, но был обманут гордой С. Витовтовной, успевшей обручить Василия с княжной Марьей Ярославной, внучкой Владимира Храброго, снова поднялся, и после известного случая на свадьбе в 1433 г., когда С. Витовтовна велела снять с Василия Юрьевича Косого ценный золотой пояс, признав его за некогда принадлежавший супруге Дмитрия Донского, открылась продолжительная междукняжеская усобица. Во время этой войны С. Витовтовна, помогавшая своему сыну в управлении, подвергалась всем многочисленным невздам, в 1446 г. была даже взята в плен Шемякой и отправлена в Чухлому и освобождена только в следующем году. В 1439 г., спасаясь от татар, выжегших окрестности Москвы, она бежала в Ростов; но в 1451 г., оставленная великим князем в Москве, С. Витовтовна выдержала осаду татарского царевича Мазовши, явившегося с большим отрядом, побуждая сражавшихся, и вызвала сына, как только ушли татары. Вообще она своей открытой деятельностью значительно возвысила положение женщины в русской земле. Ее духовное завещание, за подписью митрополита Ионы, напечатано в "Собрании госуд. договоров и грамот", т. 1. Скончалась в инокинях, под именем Евфросинии, и погребена в Вознесенском девичьем монастыре.

{Брокгауз}

Тимур,

Тамерлан, Тимурлен г ("Тимур-хромец") (1336, с.ХоджаИльгар,-18.2.1405, Отрар), среднеазиатский гос. деятель, полководец, эмир. Сын бека Тарагая из тюркизированного монг. племени барлас. В 1361 поступил на службу к *Тоглук-Тимуру* и получил управление Кашкадарьинским вилайетом. Заключив союз с правителем Балха и Самарканда эмиром Хусейном, Т. начал длит. борьбу против Тоглук-Тимура и его сына Ильяса Ходжи. В 1366 Т. и Хусейн подавили в Самарканде восстание *сербедаров*. Борьба за власть между Т. и Хусейном закончилась в 1370 победой Т. Он принял титул эмира и стал единолично управлять Мавераннахром от имени потомков Чингисхана, опираясь на поддержку кочевой знати, оседлых феодалов и особенно мусульм. духовенства. Столицей государства Т. был Самарканд. В 1373-74 Т. подчинил Юж. Хорезм, в 1388 окончательно овладел Хорезмом, разрушив его столицу Ургенч. Объединение Ср. Азии Т. сочетал в 80-90-х гг. 14 в. с грабительскими походами в Иран, Закавказье и др. терр., отличавшимися необычайной жестокостью по отношению к их населению. В результате трёх походов против *Тохтамыши* (1389, 1391, 1394-95) Т. разгромил *Золотую Орду*, разграбил её столицу Сарай-Берке и др. города. В 1398 он вторгся в Индию и захватил Дели. Война Т. с тур. султаном *Баязидом I* закончилась поражением и пленением султана в битве при Анкаре (1402). Поход на Китай, начатый в 1404, был прерван из-за смерти Т. К концу правления Т. его государство включало в себя Мавераннахр, Хорезм, Хорасан, Закавказье, Иран и Пенджаб. *Лит.:* Новосельцев А. П., Об исторической оценке Тимура, "Вопросы истории", 1973, № 2, (*Большая советская энциклопедия*)

Тохтамыш,

(г. рожд. неизв.- ум. 1406), золотоордынский хан, потомок хана Джучи. В 70-х гг. 14 в. с помощью Тимура завоевал области в юж. Казахстане и басс. р. Сырдарьи. В 1380 Т., воспользовавшись поражением Мамаю в Куликовской битве, воцарился в Орде. Он пресек внутр. смуты и за первые семь лет правления сумел восстановить гос. единство Золотой Орды. Т. опустошил земли Моск. княжества, в 1382 обманом взял Москву, разграбил и сжёг её. В 1389-95 вёл борьбу с Тимуром за обладание землями в Закавказье и Ср. Азии, закончившуюся поражением Т. Он потерял владения восточнее р. Волги. В 1398-99 потерпел поражения от хана Заволжской Орды Темир-Кутлуя. Убит сиб. ханом Шадибеком. (*Большая советская энциклопедия*)

Узбек,

Султан Мухаммед (г. рожд. неизв.- ум. 1342), хан Золотой Орды (правил в 1313-42). В янв. 1313, после смерти хана Тохты, У. воцарился в Золотой Орде. Ввёл ислам как гос. религию и преследовал всех инаковерующих, что вызвало заговор золотоордынских эмиров, жестоко подавленный У. Опираясь на мусульм. религ. орг-цию, У. удалось ликвидировать феод. распри в Орде и добиться её подъёма. Опасаясь усиления Руси, У. постоянно разжигал вражду между рус. князьями. Против тверского князя Михаила Ярославича, стремившегося объединить под своей властью рус. земли и освободиться от монг.-тат. ига, У. в 1317 выдвинул на великое княжение Владимирское московского князя Юрия Даниловича, женив его на своей сестре Кончаке. У. дал Юрию татарское войско, но Михаил разбил войска Юрия. Тогда У. вызвал Михаила на суд в Орду и убил его. В 1327 У. с помощью моск. князя Ивана I Даниловича Колиты жестоко подавил антиордынское нар. восстание в Твери и опустошил Тверское княжество, после чего разделил осн. терр. Сев.-Вост. Руси на две части, отдав их моск. и суздальскому князьям. В 1339 У. по наущению Ивана Калиты убил тверского князя Александра Михайловича с сыном Фёдором. У. вёл также активную политику на юге. В 1319 и 1335 он совершил походы на Арран - владение Хулагуидов на терр. совр. Азербайджана, в. А. Кучкин. (*Большая советская энциклопедия*)

Чингисхан,

(собств. имя - Т э м у д ж и н, Т е м у ч и н) (ок. 1155, урочище Делпун-Болдан на р. Онон, - 25.8.1227), основатель единого Монг. гос-ва, полководец. Род. в семье одного из родов Есугэя-батура. К 1204 Ч. разгромил осн. соперников в борьбе за власть и, захватив обширные территории, стал фактически главой населявших их многочисл. родо-племенных объединений. На курултае (съезде) степной аристократии 1206 он был провозглашён великим ханом над всеми племенами с титулом "Ч." (от тюрк, тепгиз - океан, море).

В области внутр. политики усилия Ч. были сосредоточены на объединении монг. племён и централизации управления вновь созданным гос-вом в интересах феодализировавшейся родо-племенной знати. В 1206 он обнародовал постановления, представляющие собой кодификацию обычного права (яса). Разделил монг. племена на воен.-адм. единицы, наз. тысячами (т. к. по требованию хана эти единицы должны были выставлять по 1000 конных воинов), пожаловав их вместе с пастбищами в уделы (хуби) своим родственникам и нойонам - представителям нового класса феодалов из числа своих сподвижников. Ч. создал 10-тысячную личную гвардию (кэшиг), к-рая была осн. силой подавления всякого недовольства в гос-ве. В области внеш. политики Ч. стремился к макс. расширению пределов подвластной ему территории. Для стратегии и тактики Ч. были характерны тщательная разведка, внезапность нападения, стремление расчленить силы противника, устройство засад с использованием спец. отрядов для заманивания неприятеля, маневрирование крупными массами конницы и т. д. Подчинив в 1207-11 народы Сибири и Вост. Туркестана, Ч. в 1211 напал на чжуржэньское гос-во Цзинь (см. Монгольские завоевания в 13 в.). Эти войны велись в интересах монг. феодалов, верхушки (нойонства), причинили величайшие бедствия народам покорённых стран (большинство к-рых стояло на более высокой ступени экономич. и культурного развития), оказали отрицательное влияние на развитие самого Монг. гос-ва и положение осн. массы его населения - простых аратов. Войны истощили силы гос-ва и обусловили политич., экономич. и культурный его упадок уже к кон. 13 в. Ч. умер на терр. тангутского гос-ва Си-ся во время начатого им в 1226 похода в эту страну. (*Большая советская энциклопедия*)

Юрий Данилович,

Георгий (Юрий) Данилович

- великий князь Владимирский, старший сын князя Даниила Александровича Московского, внук Александра Невского, родился в 1281 году. От отца, умершего 5 марта 1303 (1304) г., Юрий унаследовал Москву и Переяславль. Дядя его, великий князь Андрей Александрович, сильно добивался Переяславля, но Юрий удержал его за собой. В том же 1303 г. он участвовал с братьями в походе на Можайск, окончившемся взятием этого города и пленением князя. В следующем году умер великий князь Андрей Александрович, и началась ожесточенная борьба из-за великого княжения между Юрием Московским и Михаилом Ярославичем Тверским. Последний имел преимущество старшинства пред своим двоюродным племянником, но, несмотря на это, Юрий явился его соперником в добывании великого княжения, опираясь на свою силу. Когда Михаил Тверской отправился в Орду за ярлыком, то и Юрий поехал вслед за ним. Во Владимире митрополит Максим уговаривал его не ходить в Орду и не спорить с Михаилом и ручался от своего имени и от имени матери Тверского князя, что Михаил даст ему из его отчины, что он только пожелает. Юрий ответил, что он идет в Орду по своим делам, а не искать великого княжения. Тверские бояре хотели перехватить его на дороге, но он пробрался другим путем. В отсутствие Михаила и Юрия их братья и бояре, поддерживая интересы своих князей, довели дело до кровопролития. Не успев схватить Юрия, тверичи пошли на Переяславль, но были разбиты князем Иваном Даниловичем Калитой. Когда Юрий явился в Орду, то татарские князья сказали ему, что дадут ему великое княжение, если он даст выходу (дани) больше Михаила. Юрий обещал дать больше, но Михаил надбавил еще больше и получил ярлык на великое княжение. В 1305 г. Михаил по возвращении из Орды ходил на Юрия, но неизвестно, чем кончился этот поход.

Юрий, по замечанию Соловьева, был совершенно в уровень своему времени: приобретать и усиливаться во что бы то ни стало - было главной его целью. Не получив великого княжения, он начал стремиться к усилению своей волости, не разбирая средств: в 1306 г. убил Рязанского князя Константина Романовича, плененного его отцом, удержал за собой Коломну и в том же году не поладил с братьями Александром и Борисом, которые после этого бежали в Тверь. В 1308 г. Михаил Тверской приходил под Москву, наделал много зла, но города не взял. Под 1312 г. находим в летописи известие о походе Тверского князя против Юрия на Нижний Новгород, причем сын Михаила, Дмитрий, был удержан от дальнейшего движения митрополитом и распустил войско. В 1313 г. умер хан Тохта и престол занял его племянник Узбек. Михаил поехал в Орду, чтобы получить ярлык от нового хана. Его отсутствием поспешили воспользоваться новгородцы, чтобы с помощью Московского князя избавиться от притеснений Тверского великого князя: в 1314 г. они послали в

Москву звать к себе Юрия, который один только из великих князей приобрел расположение новгородцев. Юрий отправил к ним сначала князя Федора Ржевского, и тот перехватал тверских наместников, посадил их под стражу на владычном дворе, а сам пошел с новгородскими полками к Волге, куда навстречу к нему вышел князь Дмитрий Михайлович с тверской ратью. Простоявши на Волге до морозов, новгородцы заключили мир с Дмитрием и послали вторично в Москву звать к себе Юрия на всей воле новгородской. Юрий приехал в Новгород с братом Афанасием. Новгородцы посадили его на княжеский стол и радовались возрождению своей вольности. Вскоре после этого, весной 1315 года, хан прислал звать Юрия в Орду, и тот поехал вместе с послами новгородскими, оставив в Новгороде брата своего, Афанасия. Между тем Михаил возвратился из Орды с татарами и наказал непокорный Новгород после кровопролитной битвы при Торжке. Князь Афанасий взят был им в Тверь в качестве заложника до уплаты новгородцами условленных денег.

В Орде Юрий пробыл почти два года, сумел приобрести расположение хана, получил ярлык на великое княжение и женился на сестре хана, Кончаке, во св. крещении Агафии. В 1317 году он уехал обратно на Русь с татарским отрядом, во главе которого стоял Кавгадый. Михаил, узнав о возвращении Юрия, заключил мир с новгородцами, с которыми он снова начал войну, и пошел к Костроме навстречу Юрию; соперники долго стояли на берегу Волги и наконец заключили мир, о котором источники дают разноречивые показания: по Никоновской летописи (III, 112), Юрий уступил Михаилу великое княжение, а по другой ("Полное собрание русских летописей", V, 208) - Михаил уступил его Юрию. Но если мир и был заключен, то не надолго: Михаил стал укреплять Тверь, а Юрий, собрав войско, пошел из Костромы в Клин; новгородцы ждали его в Торжке. Войска его вошли в Тверскую волость и сильно опустошили ее. 22 декабря 1317 года в 40 верстах от Твери, при селе Бартенева, произошел сильный бой, в котором Михаил остался победителем; Юрий с небольшой дружиной успел убежать в Новгород, а жена его, брат Борис, многие князья и бояре попали в плен. Кавгадый с татарами, видя торжество Михаила, бежал с поля битвы, а потом перешел на сторону победителя. Вскоре Юрий опять появился на Волге с новгородцами и псковичами. Михаил вышел навстречу, но соперники в бой не вступили и заключили договор, по которому обязались идти в Орду и там решить спор. Михаил обязался также освободить жену и брата Юрия, но Кончака не возвратилась в Москву: она умерла в Твери, и пронесся слух, что ее отравили. Тело ее было выдано мужу и отвезено в Ростов для погребения. Когда после того Михаил прислал в Москву своего посла Александра Марковича, то Юрий убил посла и поехал в Орду с Кавгадыем, которого летописец называет начальником всего зла: по его совету написаны были многие "лжесвидетельства" на Михаила. В 1318 году Михаил, которого успели уже оклеветать перед ханом, явился в Орду, и начался суд. Судьи явно стояли на стороне Юрия, а Кавгадый был вместе и обвинителем, и судьей. 22 ноября 1318 года Михаил был

умерщвлен убийцами, присланными Юрием и Кавгадыем. Костомаров высказывает предположение, что хан колебался исполнить приговор суда, но Юрий настаивал и добивался смерти Михаила. Тело его было боярами Юрия отвезено в Москву и там погребено. В 1320 году Юрий возвратился в Москву с ярлыком на великое княжение и привел с собой князя Константина Михайловича Тверского и бояр его пленниками. Вдова Михаила и остальные сыновья просили отпустить тело Михаила в Тверь; Юрий исполнил их просьбу после того, как Александр Михайлович Тверской явился к нему во Владимир и заключил мир. В том же году Юрий отправил в Новгород брата своего Афанасия и ходил войной на Рязанского князя Ивана, а под следующим годом встречаем известие о сборах его на Тверь; но войны не было, потому что Дмитрий Михайлович заключил мир, по которому заплатил 2000 рублей, (деньги эти должны были пойти в пользу хана) и обязался не искать под Юрием великого княжения. По заключении мира Юрий, оставив Москву в управление брату Ивану (1322 г.), отправился в Новгород, куда призывали его новгородцы, теснимые шведами. Он предпринял поход на Выборг, почти месяц осаждал его, но города не взял. Пребыванием Юрия в Новгороде воспользовался Дмитрий Михайлович Тверской - поехал в Орду и выхлопотал себе ярлык на великое княжение; есть известие, что он объяснил хану всю неправду Юрия и Кавгадыя и что хан велел казнить последнего, а Дмитрию дал великое княжение, узнавши от него, что Юрий собирает дань для хана и удерживает ее у себя. Юрий поехал в Орду, но на дороге, на реке Урдоме (Ярославской губернии, Романовского уезда), он был захвачен Александром Михайловичем Тверским, казна его была отнята, сам же он едва спасся в Псков, откуда опять приехал в Новгород, ходил с новгородцами на берега Невы, поставил там на Ореховом острове городок и заключил мир со шведами; потом, в 1324 году, по поводу оскорблений, нанесенных новгородским промышленникам устюжанами, ходил в Заволочье, на Устюг, взял этот город и оттуда отправился на Двину, куда князья Устюжские прислали просить мира и заключили его. Отсюда уже Юрий отправился в Орду по Каме, будучи позван послом ханским. Дмитрий Михайлович тоже поспешил в Орду и там без ханского суда убил Юрия 21 ноября 1325 года. Тело его было привезено в Москву и 23 февраля 1326 года погребено митрополитом Петром в Архангельском (по другому известию - в Успенском) соборе.

Юрий Данилович был женат дважды. Кто была его первая жена - неизвестно; женился он на ней в Ростове в 1297 году. Летописи и родословные не указывают у него детей. По мнению А. В. Экземплярского, его дочерью была Софья Юрьевна, жена князя Константина Михайловича Тверского.

{Половцов}

Юрий Долгорукий,

Георгий (Юрий) Владимирович Долгорукий

- великий князь Киевский, четвертый сын Владимира Мономаха, родился около 1090 года (по Татищеву, он умер 66-ти лет, следовательно, родился в 1091 году). Еще при жизни отца в удел досталась ему Ростовско-Суздальская область. Здесь деятельность его была обращена преимущественно на постройку и укрепление городов, основание церквей и монастырей; в летописях упоминается только об одном походе его на камских болгар в 1120 году. Им основаны: Юрьев Польский, Переяславль-Залесский (1152 г.), Дмитров; ему же приписывается основание Москвы. Но, живя на севере, Юрий постоянно стремился на юг, в исконную Русскую землю - Киевскую Русь. В 1132 году умер старший брат его, великий князь Мстислав Владимирович; преемником его стал следующий по старшинству брат - Ярополк. Последний, согласно условию с покойным братом, перевел его старшего сына Всеволода из Новгорода в Переяславль, но против этого восстали младшие Мономаховичи. Утром въехал Всеволод Мстиславич в Переяславль и уже до обеда был выгнан оттуда дядей своим, Юрием. Однако и Юрий продержался там не более 8 дней, потому что Ярополк вывел его оттуда и посадил на его место сначала другого Мстиславича, Изяслава, а потом младшего своего брата, Вячеслава; последний несколько раз покидал данную ему старшим братом волость, и поэтому Ярополк склонился на просьбу Юрия, дал ему в 1135 году Переяславль с тем, чтобы он уступил ему свою прежнюю волость. Юрий согласился уступить Ростовскую область (Суздаль и Ростов), но не всю. В этом же году началась многолетняя борьба Юрия с племянником своим, Изяславом Мстиславичем. Последний подговорил и брата своего, Всеволода, пойти на область дяди. Всеволод дошел только до реки Дубны, и возвратился; 31-го декабря выступили против Юрия новгородцы вторично и 26 января 1135 г. сразились при Ждановой горе, но не могли одержать победу. Ипатская летопись относит поход новгородцев к 1137 (6645) году. В этом же году происходила борьба Ярополка и Юрия с Всеволодом Ольговичем Черниговским. Ярополк, Юрий и Андрей Владимировичи пошли на Чернигов, простояли около него несколько дней и возвратились к себе в ноябре. Зимой Всеволод, в союзе с Изяславом и Святополком Мстиславичами, при помощи половцев опустошил Переяславскую землю, а затем Ярополк с Юрием простояли 50 дней у Киева. Борьба кончилась заключением мира со Всеволодом Ольговичем, по которому Ярополк отдал брату своему, Андрею Владимировичу, Переяславль, а Юрий получил обратно свою северную волость, удержав, однако, за собой на юге Городец Остерский. В 1136 г. продолжались еще враждебные действия Всеволода Ольговича, которому помогали половцы, против Мономаховичей, закончившиеся 12-го января тем, что Ярополк уступил Ольговичам их отчину. В 1137 г. Юрий возвратился в Ростов. Когда после смерти Ярополка († 1139 г.) Всеволод Ольгович в 1140 году захватил Киев, то Юрий приехал в

Смоленск к племяннику своему, Ростиславу Мстиславичу, чтобы подговорить его к борьбе с Всеволодом. Звал он и новгородцев, у которых с 1139 г. князем был его сын Ростислав Юрьевич. Новгородцы отказали в помощи, а Ростислав вынужден был уехать из Новгорода. Оскорбленный этим, Юрий взял у новгородцев Торжок. Между тем в Новгороде шла борьба партий, и изгнанные новгородские бояре находили убежище у Юрия. Благодаря такому образу действий он приобрел в Новгороде много сторонников, которые и стали звать его на княжение. Юрий сам не поехал, а послал опять своего сына Ростислава (1141 г.), который, однако, не долго продержался в Новгороде; новгородцы приняли присланного Всеволодом Ольговичем Святополка Мстиславича. Всеволод и на юге причинил неприятности Юрию: отнял у него Городец Остерский и другие города, захватил коней, рогатый скот, овец и всякое добро, какое только было у него там. В 1146 г. Всеволод Ольгович умер; Киев перешел к младшему брату его, Игорю, но вскоре отнят у последнего Изяславом Мстиславичем. Защитником Игоря выступил его брат, князь Святослав Ольгович Северский, пославший сказать Юрию: "Брата моего Всеволода Бог взял, а Игоря Изяслав взял; пойдя в Русскую землю в Киев, помилосердуй, сыщи мне брата, а я здесь с помощью Божьей буду тебе помогать". Изяслав Мстиславич, узнав о союзе Святослава с Юрием, подговорил Ростислава Ярославича Рязанского напасть на Ростовскую землю, чтобы отвлечь Юрия. Последний дошел уже до Козельска, когда получил весть, что Рязанский князь воюет его область, он возвратился к себе, а к Святославу послал своего сына Ивана, а потом еще белозерскую дружину. Другие сыновья Юрия, Ростислав и Андрей, успешно действовали против Ростислава Рязанского и заставили его бежать к половцам. Иван Юрьевич не долго пробыл со Святославом: вскоре он заболел и умер, к крайнему огорчению Северского князя. Юрий после этого так утешал своего союзника: "не тужи о моем сыне; если этого Бог взял, то другого к тебе пришлю"; вместе с тем, он прислал Святославу богатые дары - ткани и меха, одарил также и жену его, и дружину.

Весной 1147 года Юрий Владимирович снова выступил в поход, взял Торжок и земли по Мсте, а Святослав пошел на Смоленскую землю, после чего получил от Юрия приглашение приехать к нему в Москву (это первое упоминание о Москве в летописи). Князя несколько дней пировали на Москве. Юрий обещал Святославу прислать к нему другого сына, и действительно, прислал Глеба. Однако в следующем году положение дела изменилось: Изяславу Мстиславичу удалось примириться со всеми своими врагами, кроме Юрия; на его сторону перешел даже сын Юрия, будто бы обиженный отцом. В числе обвинений, предъявленных Изяславом Юрию, было то, что он обижает Новгород, дани у новгородцев поотнимал, по дорогам проезду им нет. "Хочу пойти, - говорил Изяслав, - управиться с ним либо миром, либо бранью". Князя решили идти на Юрия, как только лед станет на реках. Изяслав и Черниговские князя должны были сойтись на Волге. До начатия военных действий Изяслав и брат его, Ростислав, сделали попытку покончить дело

миром и отправили к Юрию послов, но Юрий, вместо ответа, задержал у себя этих послов. Между тем братья выступили в поход, Ростислав прямо из Смоленска, а Изяслав из Новгорода, куда он отправился за новгородцами. Соединившись у Волги и не получая ответа от Юрия, они стали жечь города и села в его волости и дошли таким образом до Ярославля. С разливом рек братья возвратились в свои волости, уведя с собой из Ростовской земли 7000 пленных. Черниговские князья не исполнили условия и не участвовали в походе против Юрия. События эти произошли в 1149 году. Возвратившись в Киев, Изяслав узнал, что Ростислав Юрьевич, оставленный им на юге оберегать Русскую землю, много зла замышляет против него. Изгнанный из Киева, Ростислав возвратился к отцу и стал побуждать его к походу на Киев. "Я слышал, - говорил он, - что хочет тебя вся Русская земля и Черные Клобуки; жалуются, что Изяслав и их обесчестил, ступай на него". Юрий собрал всю силу свою, нанял половцев и выступил в поход. Он был уже в земле вятичей, когда Изяслав узнал о походе дяди и стал созывать союзников. Святослав Ольгович Северский, бывший союзник Юрия, также был приглашен Изяславом, но прежде чем ответить ему, запросил Юрия, правда ли, что он идет на Изяслава. "Как мне не идти вправду, - ответил Юрий, - племянник приходил на меня, волость мою повоевал и пожег, да еще сына моего выгнал из Русской земли, волости ему не дал, осрамил меня; либо стыд этот с себя сложу, за землю свою отомщу и честь свою добуду, либо голову сложу". Святослав Ольгович, некоторое время ведший еще переговоры с Изяславом, стал на сторону Юрия. Дойдя до старой Беловежи, Юрий простоял месяц в ожидании половцев, а также выражения покорности от Изяслава; оттуда он прошел к реке Супой, куда к нему пришли половцы и Святослав Всеволодович Черниговский, а затем подошел к Переяславлю, не переставая надеяться, что Изяслав пришлет к нему с поклоном. Положение Изяслава было, действительно, затруднительное, потому что киевляне не хотели идти против сына Мономаха. В конце концов они выступили, хотя и неохотно. К Изяславу пришли Изяслав Давидович Черниговский и Ростислав Мстиславич Смоленский, и все вместе пошли на Переяславль. Передовые отряды их - Черные Клобуки и молодая дружина Изяслава - отогнали половцев от города; когда же сошлись главные полки, то целый день стояли друг против друга, а бились только стрельцы. Ночью Юрий прислал сказать Изяславу: "Брат! Ты на меня приходил, землю мою повоевал и старшинство снял с меня; а теперь, брат и сын, ради Русской земли и христиан, не станем проливать христианской крови, но дай мне посадить в Переяславле сына своего, а ты сиди себе, царствуя в Киеве; если же не хочешь так сделать, то Бог нас рассудит". Изяслав отверг мирные предложения дяди. Еще два дня продолжались нерешительные действия, но на рассвете 23 августа 1149 года враги наконец сошлись, и Изяслав потерпел жестокое поражение; первыми побежали поршане (жители поросских городов), за ними Изяслав Черниговский, а потом и киевляне; переяславцы перешли на сторону Юрия, крича: "Юрий нам князь свой, его было нам искать издалека". На другое утро Юрий вошел в Переяславль и, пробыв здесь три дня, отправился к Киеву. Киевляне упростили Изяслава и Ростислава оставить

их город, и Юрий въехал в Киев. Множество народа вышло к нему навстречу "с радостью великою".

Юрий сел на стол отца своего, хваля и славя Бога, по словам летописца. Затем он наградил союзника своего, Святослава, и раздал волости своим сыновьям. Изяслав, потеряв Киев, стал вести переговоры о помощи с поляками, венграми и чехами и, кроме того, стал звать дядю своего, Вячеслава Владимировича, жившего в Пересопнице; он был старше Юрия и поэтому имел больше прав на Киев. Вячеслав предложил Юрию либо примириться с племянником, либо защитить его на случай нападения Изяслава, грозившего опустошить волость дяди, если он не исполнит его желания. Юрий собрал свое войско, выступил из Киева с половцами и пришел в Пересопницу. Прислал к нему свои полки и новый его союзник, Владимирко Галицкий. Союзники Изяслава стали убеждать Юрия и Вячеслава примириться под условием уступить Изяславу Владимир и Луцк и возвратить новгородцам все их дани, отнятые у них Юрием. Вячеслав и Юрий предложили иноземцам уйти в свои земли, после чего они уже сами будут ведаться с Изяславом. Союзники исполнили их просьбу, и начались переговоры. Дело остановилось за тем, что Юрий не хотел возвратит новгородцам их дани. "Прогоню Изяслава, возьму всю его волость", - говорил он и двинулся в феврале 1150 года с Вячеславом и сыновьями к Луцку, где затворился брат Изяслава, Владимир. Шесть недель стоял Юрий у Луцка. Наконец под влиянием Владимирка Галицкого, Вячеслава и сына своего Андрея согласился на мир: Изяслав уступил Киев и получил новгородские дани; кроме того, князья обещали возвратит друг другу все захваченное после Переяславской борьбы. Возвратившись в Киев, Юрий хотел было уступить киевский стол старшему брату Вячеславу, но бояре отговорили его от этого. Вячеслав получил вместо Киева Вышгород. Нежелание Юрия исполнит условие мирного договора относительно возврата захваченного княжеского и боярского имущества заставило Изяслава вновь взяться за оружие и отправиться за помощью к Черным Клобукам. Узнав об этом, Юрий бежал из Киева в Городок Остерский, - а Вячеслав сел на его место в Киеве, но вскоре был смещен Изяславом, приглашенным самими киевлянами. Между тем Юрий соединился с Давидовичами и Ольговичами, а с запада явился к нему на помощь сват его, Владимирко Галицкий. Изяслав уступил Киев Вячеславу, но при приближении к Киеву с востока Юрия и с запада Владимирка и дядя, и племянник убежали оттуда в свои волости, и Юрий вторично вступил в великокняжеский стольный город. И на этот раз недолго владел он Киевом. Изяслав со вспомогательным отрядом подступил к Киеву, и Юрий опять бежал в Городок Остерский. Киевляне, по-видимому, были недовольны Юрием и поэтому с радостью встретили Изяслава, который сейчас же посадил на великокняжеский стол дядю Вячеслава. Юрий вновь призвал своих союзников - Святослава Ольговича, Владимира Давидовича и половцев - и стал у Днепра, при устье речки Радуни. Битва произошла на реке, от Киева до устья Десны; сражались на лодках. Не будучи в состоянии переправиться через Днепр, Юрий с союзниками пошел вниз к Витичевскому

броду, причем волокли лодки от Долобовского озера до реки Золотчи берегом, но когда он подошел к Витичевскому броду, там уже стояла киевская рать; опять началась речная битва за переправу; только у Зарубского брода Юрию удалось перейти Днепр. Попытка Вячеслава покончить дело миром не удалась. Юрий, не вняв убеждениям старшего брата, подошел к Киеву, но, после неудачного для него сражения, отступил. Мстиславичи пошли за ним следом и настигли у реки Рут. Мирные переговоры опять ни к чему не привели, потому что Ольговичи и половцы не дали мириться. Юрий не решался вступить в сражение до прихода Владимирка Галицкого и отступил, но Мстиславичи заставили его принять бой и нанесли поражение. Юрий бежал в Переяславль, но скоро принужден был уйти и оттуда. Победители заставили его целовать крест, что он уйдет в Суздаль, не станет искать Киева под Вячеславом и Изяславом и откажется от союза со Святославом Северским. Но Юрий не мог расстаться с Русской землей, нарушил договор и остался в Городке. Изяслав осадил его здесь. Юрий долго отбивался, но наконец ушел в Суздаль, оставив в Городке сына своего, Глеба.

В 1152 году Изяслав Мстиславич с князьями Черниговскими сожгли Городок вместе с Михайловской церковью. Услыхав об этом, Юрий с князьями Рязанскими и Северским и половцами пошел на Чернигов, чтобы отомстить за сожжение Городка. Двенадцать дней стоял уже Юрий под Черниговом, как пришла весть о приближении Изяслава и Вячеслава. Половцы, в начале осады сжегшие черниговские предместья, при этом известии бежали, чем принудили отступить и Юрия. Он возвратился в Суздаль, оставив Святославу в помощь сына Василька и 50 человек дружины. В 1154 году Юрий еще раз собрался на Русскую землю - и опять неудачно: на дороге открылся в его войске сильный конский падеж. Он остановился, не доходя Козельска; сюда пришли к нему половцы. Отправив с ними в степь сына Глеба, чтобы набрать еще кочевников, Юрий вернулся в Суздаль.

13 ноября 1154 года умер племянник и соперник Юрия Владимировича, Изяслав Мстиславич, а вскоре после него скончался и Вячеслав Владимирович (в 1155 году). Юрий, узнав о смерти Изяслава и приезде в Киев его брата Ростислава, выступил в поход. Около Смоленска дошла до него весть о смерти Вячеслава и захвате Киева Изяславом Давидовичем Черниговским. Ростислав, возвратившись в Смоленск, заключил с дядей мир, и Юрий пошел добывать Киев. Изяслав Давидович, после долгих переговоров, уступил Юрию его отчину - Киев, куда он и въехал 20 марта 1155 года. По вступлении в Киев Юрий раздал сыновьям южные волости: Андрею - Вышгород, Борису - Туров, Глебу - Переяславль и Васильку - окрестности Роси. Мир продолжался недолго. Вскоре Юрий стал воевать с сыном Изяслава, Мстиславом, из-за Волыни, откуда Мстислав выгнал своего дядю Владимира Мстиславича, союзника Юрия. Великий князь подступил к Владимиру Волынскому, но встретил упорное сопротивление и ушел обратно. Затем половцы начали тревожить окрестности Днепра. Юрий два раза ездил в Канев для свидания с по-

ловецкими ханами и заключил с ними союз. В 1157 году неблагоприятный оборот приняли дела и в Новгороде. Новгородцы разделились на две партии: одна стояла за Мстислава Юрьевича, другая желала иметь князем Ростислава Мстиславича Смоленского. Мстислав, узнав о прибытии в Новгород сыновей Ростислава, бежал. Изяслав Давидович Черниговский с помощью Ростислава Мстиславича и Мстислава Изяславича стал подготавливать новый поход на Киев, как пришла весть о смерти Юрия: 10 мая 1157 года он пировал у осменика Петрилы, в ночь заболел и через пять дней - 15-го мая, в среду на ночь, умер. Погребен Юрий в обители Спаса на Берестове. В день похорон его (16 мая) киевляне разграбили дворы Юрия и сына его Василька, перебили суздальцев по селам и городам и имения их разграбили. Эти действия киевлян, по замечанию Соловьева, доказывают их нерасположение к Юрию и его суздальской дружине.

Лаврентьевская летопись правильно относит смерть Юрия к 6665 (1157) году, так как в этом году 15-е мая приходилось на среду, тогда как в летописи по Ипатскому списку о кончине его говорится под 6666 (1158) годом. У Татищева находим следующую характеристику Юрия: "был роста немалого, толстый, лицом белый, глаза невелики, великий нос долгий и накривленный, брада малая, великий любитель жен, сладких пиц и пития, более о веселиях, нежели о расправе и воинстве прилежал, но все оное состояло во власти и смотреии вельмож его и любимцев". Юрий был женат дважды: с 12 января 1107 г. на половчанке (Аепине дочери), и, вероятно, на гречанке, и имел 11 сыновей: Ростислава († 1151), Андрея Боголюбского († 1174), Ивана († 1147), Бориса († 1159), Глеба († 1171), Мстислава, Василька, Ярослава († 1166), Михаила († 1176), Святослава († 1174) и Всеволода Большое Гнездо († 1212). Из дочерей его одна, Ольга, была за князем Ярославом Владимировичем Галицким, другая - за князем Олегом Святославичем Северским.

{Половцов}

Георгий (Юрий) Владимирович Долгорукий

- сын Мономаха, удельный князь суздальский и великий князь киевский, род. около 1090 г. Как одному из младших Мономаховичей, ему досталась в удел Ростовско-Суздальская область, в которой деятельность его обращена была преимущественно на постройку и укрепление городов, основание церквей и монастырей; упоминается только об одном походе его на камских болгар (1120). Симпатии его всецело принадлежали Киевской Руси, куда он постоянно и стремился. Уже в 1132 г. он занял южный Переяславль; потеряв его, удержал за собой на юге Городок Остерский, воевал с Ольговичами; вмешивался и в Новгородские дела, заставив новгородцев принять в князья сына его Ростислава (1138). В том же году киевский стол занял Всеволод Ольгович

черниговский. С южными Мономаховичами он скоро примирился, но Г. остался врагом его. Из Смоленска Г. звал новгородцев в поход на Всеволода, но те отказали ему в помощи, вследствие чего и Георгиев сын Ростислав должен был выехать из Новгорода. Оскорбленный этим Г. взял у новгородцев Торжок. Через несколько времени Ростислав опять занял новгородский стол, но скоро должен был уступить его Святополку Мстиславичу. В 1146 г. Г. является союзником одного из Ольговичей, Святослава, против Изяслава Мстиславича; в 1147 г. приглашает Святослава к себе в Москву (упомоминаемую при этом в первый раз), одаряет и угощает его; в следующем году Святослав и князья черниговские соединяются с Изяславом против Г. В 1149 г. Г. вновь вооружился на Изяслава вследствие оскорбления, причиненного последним сыну его Ростиславу. Разбитый под Переяславлем Изяслав уехал во Владимир Волынский. Не успев поднять на Г. старшего дядю своего Вячеслава, он привел венгров, богемцев и поляков. Но выступление на сцену Георгиева союзника, Владимирка Галицкого, заставило союзников Изяслава хлопотать о мире. По этому миру за Изяславом утверждались Владимирская и Луцкая области и Великий Новгород со всеми данями, а Г. уступал Киев брату Вячеславу. По удалении Изяславовых союзников Г. не выполнил условий мира. Военные действия несколько раз то возобновлялись, то прекращались, причем Изяслав вновь обращался в помощи венгров и успех вообще был не на стороне Г. В 1154 г. Изяслав Мстиславич скончался, и место его в Киеве при старом Вячеславе занял брат его, Ростислав Смоленский, а Изяслав Черниговский и Святослав Ольгович пристали к Георгию. Смерть Вячеслава изменила положение дел: Ростислав уступил Киев Изяславу Давидовичу, а Г. заставил последнего очистить столицу, в которую сам въехал 20 марта 1155 г. Вскоре Георгию удалось помириться с детьми Изяслава, Мстиславом и Ярославом, а потом и с Изяславом Черниговским. Но мир был непродолжителен. Мстислав выгнал своего дядю, Георгиева союзника, Владимира Мстиславича, из Владимирской области. Г. подступил к Владимиру, но встретил упорное сопротивление и ушел обратно. Мстислав шел за ним и жег селения по реке Горыни. Половцев, своих прежних союзников, начавших в это время тревожить своими набегами берега Днепра, Г. не мог успокоить ни переговорами с их ханами, ни дарами, и вынужден был заключить с ними новый союз. К этому же времени относится эпизод с Иваном Ростиславичем Берладником (см.), который верно служил Георгию и которого великий князь все-таки едва не выдал врагу его, Ярославу Галицкому. В Новгороде дела приняли неблагоприятный для Г. оборот: новгородцы разделились на две партии, из которых одна стояла за сидевшего у них Георгиева сына Мстислава, а другая желала иметь у себя Ростислава Смоленского. Обе партии уже готовы были решить дело оружием; но Мстислав, узнав о прибытии в Новгород детей Ростислава, ночью бежал из города. В то же время черниговский Давидович, намереваясь отнять у Г. Киев и ища для того союзников, примирился со смоленским князем; Мстислав Изяславич Волынский также пристал к нему. Князья-союзники готовились идти к Киеву; но Г. после короткой болезни умер (1167). Народ не любил его: узнав о его кончине, киевляне раз-

грабили дворец и дом его за Днепром, а также дом сына его Василька, пограбили имущество суздальских бояр и многих из них убили. От двух жен Г. имел 11 сыновей и двух дочерей.

А. Э.

{Брокгауз}

Юрий Владимирович Долгорукий

(1090-1157) - князь Суздальский, один из младших сыновей Владимира Мономаха. Большую часть жизни провел вдали от Киева, хотя и принимал активнейшее участие в феодальной борьбе своего времени. В союзе с половцами он добивался киевского великокняжеского стола, который ему удалось занять лишь за два года до своей смерти; в 1120 ходил походом на камских болгар и не раз вмешивался в новгородские и смоленские дела. Захватнические стремления Ю. Д. отражены в данном ему прозвище "Долгорукий". Сообщение об его смерти послужило сигналом к восстанию "низов" киевского населения: дворец и дом Юрия Долгорукого за Днепром, а также дом сына его Василька были разгромлены, многие бояре убиты, и имущество их захвачено восставшими.

Ягайло,

(ок. 1350 - 1. 6. 1434), великий князь литовский в 1377-92 (с перерывом), король польский (Владислав II Ягелло - Władystaw II Jagiełło) с 1386, родоначальник династии Ягеллонов. Сын Ольгерда. В Вел. княжестве Литовском вёл борьбу за власть со своим дядей Кейстутом, завершившуюся в 1382 пленением и убийством Кейстута; опирался на помощь Тевтонского ордена. Браком Я. с польск. королевой Ядвигой была оформлена польско-литов. Кривская уния 1385. Оппозиция унии со стороны литов. феодалов вынудила Я. в 1392 передать власть в Литве Витовту. В подготовке "Великой войны" 1409-11 с Тевтонским орденом и в ходе Грюнвальдской битвы 1410 (командуя польско-литов.-рус. армией) проявил себя талантливым организатором и военачальником. (*Большая советская энциклопедия*)

Ярослав Мудрый.

Ярослав I Владимирович

("Ярослав Мудрый") - князь киевский (978-1054), крупный феодал, видный участник ожесточенной борьбы за феодальное первенство. При жизни своего отца Владимира был посажен князем сперва в Ростове, а потом в Новгороде, где сделал попытку в 1014 отделиться со всей Новгородской землей от Южной Руси. После смерти отца, скончавшегося в разгар приготовлений к походу против Я., он в течение 4 лет вел упорную борьбу со своим братом Святополком. Последнему помогали печенеги и поляки, а Я. - новгородцы и наемные варяги. Став после смерти Святополка в 1019 великим князем киевским, Я. должен был вести в дальнейшем борьбу с другими своими братьями, гл. обр. с Мстиславом тмутараканским, и только после смерти последнего в 1035 стал единовластным правителем всей Киевской державы. С именем Я. связано укрепление ее влияния не только на всем Днепровском торговом пути, но и в отдаленных частях русской равнины. В 1036 войска Я. под Киевом разбили печенегов, после чего прекратились их нападения на Русь. В 1043-46 Я. вел успешную войну с Византией для ограждения торговых интересов Киева, а также с литовскими и финскими племенами, территории которых были предметом вожделений киевских феодалов и купцов для грабежа населения и захвата выгодных торговых путей. При Я. Русь находилась в тесной связи с Зап. Европой, а сам он породнился с рядом королевских домов. Киев, прекрасно отстроенный и выросший благодаря развитию торговли, стал соперником Византии. Архитектурными памятниками времени Я. в Киеве являются Софийский собор с превосходными фресками и т. н. "Золотые ворота". Умирая, Я. разделил свои владения между многочисленными сыновьями, предостерегая их в своем завещании от междоусобий.

Ярослав I Владимирович Мудрый

- великий князь киевский, сын Владимира Святого и Рогнеды (978-1054). При разделении областей Владимиром между его сыновьями, Я. тотчас же после крещения (988 г.) получил Ростов, а затем, по смерти старшего брата Вышеслава, помимо Святополка, бывшего старше его, переведен был в Новгород (по Татищеву - в 1010 году). Посажженный в 1014 г. в Новгороде, Я. отказался посылать в Киев 2000 гривен, как делали до него все посадники новгородские. Весьма вероятно, что он хотел отложиться от Киева и сделаться самостоятельным государем обширной новгородской области. Его поддерживали в этом намерении стремления самих новгородцев отложиться от Киева и надежда на помощь варягов. Обстоятельства благоприятствовали ему: внимание и силы Киевской Руси были отвлекаемы к южным пределам почти постоянной борьбой с печенегами. Владимир собрался идти усмирять мятежного сына, но смерть помешала ему выполнить это намерение: он умер 15 июля

1015 года. Из его сыновей первый узнал о смерти отца Святополк, старший сын, нелюбимый Владимиром. Ему удалось склонить на свою сторону киевлян и сделаться князем киевским. Опасаясь притязаний других братьев, он, при помощи подкупленных убийц, умертвил 3-х из них - Бориса, Глеба и Святослава. Между тем Я., ничего не зная о происходящем в Киеве, привел с собой в Новгород варягов и разместил их по дворам. Пришельцы стали бесчинствовать в Новгороде и обижать новгородцев, "насилие творяху новгородцам и женам их". Тогда новгородцы стоворились и перебили много варягов (по летописи, на дворе какого-то Поромони или Парамона). Я., чтобы отомстить за это, зазвал хитростью к себе в Раком (близ Новгорода, за Юрьевым монастырем) зачинщиков заговора и приказал перебить их. В ту же ночь, по словам летописи, пришло ему известие из Киева от сестры Предславы о смерти отца и убийстве братьев. Я. тотчас же собрал новгородцев на вече и, выразив сожаление о своем поступке, просил помочь ему. Новгородцам был расчет оказать поддержку Я., так как, в противном случае, им грозила власть Святополка, нелюбимого народом, а кроме того, их всегда тяготила зависимость от Киева. Они обещали Я. свою помощь, и не ошиблись в расчетах, так как впоследствии он, обязанный им своим успехом, дал льготную грамоту, освободившую их от непосредственной власти Киева и возвратившую новгородцам с землею древнюю их самобытность. Я. выступил в поход против киевского князя в 1016 году с большим войском, состоявшим из новгородцев и варягов; среди последних особенно отличалась дружина двух витязей норвежских - Эймунда и Рагнара. Войско Святополка состояло из киевлян и печенегов. Враги встретились под Любичем и, по летописному сказанию, долго (около 3-х месяцев) стояли на разных берегах Днепра, не решаясь вступить в бой. Воевода Святополка насмешками раздражил новгородцев. По совету одного дружинника Святополкова, перешедшего на сторону Я., новгородцы переправились на другой берег и ночью ударили на киевлян. Святополк не ожидал нападения и был застигнут врасплох, причем печенеги не могли помочь ему, так как стояли за озером; войско его было разбито, и много киевлян погибло, спасаясь бегством по тонкому льду через озеро; сам же Святополк бежал в Польшу к тестю своему, Болеславу Храброму. Я. вошел в Киев и "седе на столе отъни и дедни", после того как пробыл на севере 28 лет. Новгородцы были щедро оделены и отпущены. Между тем Болеслав Польский, воспользовавшись семейными раздорами русских князей, в целях поддержать зятя своего, Святополка, подговорил печенегов напасть на Киев; произошла под самым городом жестокая сеча, окончившаяся поражением и изгнанием печенегов. Тогда, руководимый чувством мести, Я. подступил к польским границам и заключил союз с врагом Болеслава, императором германским Генрихом II; но поход русского князя окончился неудачной осадой Бреста, как равно не удался и поход императора против Болеслава: император заключил с последним мир, а чтобы избавиться от опасного соседа и обратить его деятельность на восток, сам посоветовал Болеславу вооружиться против Я. И действительно, в 1017 г. Болеслав выступил в поход с войском, усиленным немцами, венграми и печенегами; 22 июля он достиг берегов Бу-

га, отделявшего польские владения от русских. Я. ждал на другом берегу. Здесь повторилась та же история, что и в битве со Святополком. Болеслав, раздраженный насмешками воевод Я., напал на него, разбил и принудил к бегству в Новгород. Тогда Болеслав со Святополком почти беспрепятственно вступили 14 августа в Киев. Сделавшись полновластным распорядителем в Киеве, Болеслав часть своей дружины отправил в Польшу, а часть расселил по другим городам. Киевляне были недовольны господством Болеслава, а поведение поляков возмущало их; повсюду начались избиения их, так как, разобщенные, они не могли помогать друг другу. Святополк не препятствовал этому и даже, по некоторым летописным известиям, сам побуждал к тому киевлян, наскучив и тяготясь господством своего тестя. Болеслав бежал из Киева, захватив с собой много имущества и сестер Я., за одну из которых, Предславу, он раньше сватался, но получил отказ, и теперь взял в наложницы. По дороге он взял за себя также Червенские города, добытые при Владимире.

Между тем Я., прибыв в Новгород, собирался дальше бежать в Скандинавию; но новгородцы его не пустили: им было невыгодно оставаться под властью Святополка, а бороться против него без князя было тоже неудобно. Они обложили себя данью, собрали многочисленное войско и двинулись на Киев. Святополк был разбит Я. и бежал к печенегам, так как на помощь киевлян он не рассчитывал. Приведши огромные толпы печенегов, Святополк сошелся с Я. на берегах реки Альты; произошла ожесточенная битва, в которой Святополк был разбит, бежал и дорогой умер. Я. вновь занял киевский стол (в 1019 году) и, по выражению летописца, "утер пота со своею дружиною". Из сыновей Владимира, кроме Я., в живых были только Мстислав и Судислав и племянник в Полоцке Брячислав. Я. был старший, и киевский стол принадлежал ему по праву; но все князья, как члены одного рода, имели право на равное распределение волостей, отсюда и должны были возникнуть войны Я. с родичами. Первым открывшим войну был князь Брячислав полоцкий, который в 1021 году, в отсутствие Я., напал на Новгород ограбил его, взял в плен многих новгородцев и ушел к Полоцку. Я., узнав об этом, выступил поспешно из Киева, нагнал Брячислава на берегах реки Судомы, отбил новгородских пленников и отнял награбленное; но потом помирился с ним, уступив ему во владение Витебск и Усвят. В этой войне с Я. Брячиславу помогали Эймунд и Рагнар (прежде служившие Я.), которым, по нормандским известиям, удалось захватить в плен жену Я. и тем содействовать заключению мира между князьями; вернее, однако, предположить, что Я. видел необходимость прибавить что-нибудь Брячиславу к его волости, так как иначе Новгород никогда не был бы безопасен от его набегов. Едва окончив эту войну, Я. должен был начать более трудную борьбу со своим младшим братом Мстиславом Тмутараканским; этот князь, сильный и храбрый, поднялся на Я. с подчиненными ему косогами и призвал на помощь хозар, чтобы искать волостей после умерших братьев. Пользуясь отсутствием Я., бывшего в это время в Новгороде, Мстислав хотел овладеть Киевом, но киевляне его не пустили, и он за-

нял Чернигов. Тогда Я. пригласил на помощь варягов, среди которых народное предание сохранило память о храбром Якуне. Братья встретились в Северной земле, близ Листвена (в 1024 году), "и бысть - говорит летописец - сеча сильна; яко посветяше молонья, блещашеться оружие, и бе гроза велика, и сеча сильна и страшна". Мстислав победил. Он не стал более воевать с Я. и предложил ему оставаться в Киеве, как старшему, а себе потребовал восточный берег Днепра. Но Я. не пришел в Киев на этот зов и держал там посадников. Только в следующем 1025 году, собравши большое войско, пришел он к Киеву и заключил мир с Мстиславом у Городца; братья поделили русскую землю по Днепр, как хотел Мстислав - он взял восточную сторону, с главным столом в Чернигове, а Я. - западную с Киевом, и начали жить мирно, в братолюбстве, как говорит летописец, "перестали усобицы и мятеж, и была тишина великая в земле". В 1036 году умер Мстислав на охоте. Так как после него не осталось детей (единственный сын его, Евстафий, умер еще ранее, а именно в 1032 году), то его удел достался Я., и с тех пор киевский князь остался до смерти единым властителем русской земли, за исключением Полоцка, где княжили потомки Изяслава. Правда, у Я. был еще в живых брат, Судислав, находившийся в Пскове, но Я., по какому-то оговору, тотчас после смерти Мстислава засадил его в тюрьму в Пскове, где тот и сидел до самой смерти Я.

Наступивший внутренний мир дал возможность Я. укрепить и расширить границы русской земли. К княжению его относятся первые положительные известия о столкновениях русских с финскими племенами: под 1032 годом есть известие, что какой-то Улеб (вероятно, Ульф, сын Рагенвальда) ходил на Железные Ворота, но, как видно, поход был неудачен, так как из дружины Улеба мало возвратилось народу (относительно местности, называемой Железными Воротами, высказаны были разные мнения, но наиболее вероятно то, которое считает ею Уральские горы, а именно Зырянский край). В 1042 году Владимир, сын Я., посаженный отцом в Новгороде, ходил на ям, чудское племя в нынешней Финляндии, победил это племя, но в дороге потерял от мора почти всех коней. Ранее еще, а именно в 1030 г., сам Я. утвердил свою власть на западном берегу Чудского озера: он обложил жителей данью и построил город Юрьев. Из походов на запад в летописи упоминается поход на ятвягов (в 1038 г.) и в первый раз поход на Литву (в 1040 году); походы эти, как видно, были предприняты не с целью покорения, а для отражения неприятельских набегов. В 1041 году Я. ходил на мазовшан. Важнее были отношения его к Польше. Еще при жизни Болеслава, в 1022 г., Я., вместе с Брячиславом Полоцким, ходил осаждать Брест. По смерти Болеслава (в 1025 г.) ему наследовал сын Мечислав II, неспособный удержать приобретения Болеслава. Воспользовавшись этим, Я. в 1030 году предпринял поход в Польшу и взял Бельз (в северо-восточной Галиции, при реке Солони, впадающей в Буг). В следующем 1031 году оба князя, Я. и Мстислав, собрав много войска, выступили в Польшу, взяли обратно Червенские города, привели много пленных поляков и разделили их между собой. Я. поселил пленников

по берегам реки Роси. Червенские же города были окончательно укреплены за Русью замужеством сестры Я., Марии, дочери Владимира от Анны, с польским королем Казимиром. Казимир возвратил в виде вена также восемьсот русских пленников, захваченных некогда Болеславом (в то время очень дорожили людьми, по скудости рук, необходимых для обработки полей и для защиты края). В благодарность за это Я. оказал поддержку Казимиру в борьбе его с Моиславом за Мазовию. Еще в 1041 году, вслед за походом против Литвы, Я. предпринял поход в Мазовию на лодках; быть может, уже тогда был заключен союз с Казимиром, а может быть также, что этот поход в Мазовию был предпринят вследствие союза Моислава с литовцами, врагами Я., и союз с Казимиром был следствием войны с Моиславом. В 1043 году упоминается о двукратном походе Я. в Мазовию. В 1047 году Я. опять отправился войной на Моислава и разбил его. Моислав был убит, а Мазовия подчинилась Казимиру. Союз с Польшей был скреплен еще браком Изяслава, сына Я., с сестрой Казимира.

Ко времени Я. относится последняя война с Грецией. Греческая торговля была чрезвычайно важна для Руси, была одним из источников обогащения народа и княжеской казны, поэтому всякое осложнение в этом отношении было крайне невыгодно. Поводом к этой войне послужило убийство в ссоре греками русского купца. Я. в 1043 году отправил против Византии сына своего, Владимира, с большим войском. Буря разбила русские суда и выбросила на берег много русских воинов, которые, вместе с их воеводой, Вышатою, были окружены греками и взяты в плен, причем им были выколоты глаза. Владимир был счастливее: ему удалось окружить греческие корабли, разбить их и удачно возвратиться на Русь. Через 3 года был заключен мир с греками, слепые пленники были отпущены на Русь, и мир был закреплен женитьбой сына Я., Всеволода, на греческой царевне.

Это был уже не первый случай родства Я. с иноземными государями его времени. Сам он был женат на Ингигерде, дочери короля шведского Олафа. Исландские саги об этом браке приводят известие, что Ингигерда долго не соглашалась идти за русского князя, ставя различные условия: так, она требовала, чтобы в вено за нее ей был дан город Альдейгаборг (Ладога) с принадлежащей к нему областью; затем потребовала себе в спутники родственника своего, рыцаря Рагенвальда, которому был отдан во владение Альдейгаборг. Рагенвальд долго держал этот город, платя дань Я. Во время Я. многие иностранные государи искали при дворе княжеском пристанища во время волнений в собственных государствах. Так, при дворе Я. жил некоторое время король норвежский Олаф Святой, ревность которого к христианству возбудила против него много преследований, и он был изгнан из своих владений королем датским Канутом. Сын его, Магнус Добрый, воспитывался при дворе Я. Младший брат Олафа Святого, Гаральд Смелый, также искал убежища при киевском дворе: здесь он сватался за дочь Я., Елизавету, но, получив отказ, отправился в Грецию, долго воевал на Средиземном море и у берегов

Африки и только после возвращения из своего полного подвигов путешествия получил ее руку. Он воспел ее в своей саге. Венгерские принцы, Андрей и Леванта, сыновья Ладислава Плешивого и какой-то безымянной русской княжны, жили долго на Руси, и здесь Андрей узнал о своем избрании на престол Венгрии. Он был женат на дочери Я., Анастасии. Третья дочь Я., Анна, была замужем за французским королем Генрихом I и в новом отечестве присоединилась к римско-католической церкви, тогда еще только что отпавшей от союза с восточной. Два английских принца, Эдвин и Эдуард, сыновья английского короля Эдмунда, изгнанные Канутом, искали безопасности при русском дворе. Сыновья Я., вероятно Вячеслав и Святослав, были женаты на немецких княжнах. Старший сын, Владимир, был женат на какой-то северной принцессе, которую тамошние летописцы считают дочерью английского короля Гаральда. К Я. на службу приходили многие рыцари, как, например, Якун, сын шведского короля Олафа, помогавший Я. в битве с Мстиславом. Внешние сношения Я. завершились борьбой с печенегами, последней в русской истории. В 1036 году печенеги, по древнейшим летописным известиям, большой толпой подступили к Киеву. Я. был в это время в Новгороде. Узнав о нападении печенегов, он собрал много войска - варягов, новгородцев - и напал на печенегов. После жестокой сечи, к вечеру, ему удалось победить печенегов. Их погибло очень много в бою и перетонуло в реках во время бегства. После этого имя печенегов хотя и не исчезает совершенно в летописи, но их набеги на Русь прекращаются.

Известность и значение Я. в русской истории определяется, впрочем, не столько внешними его отношениями и завоеваниями, давшими ему возможность укрепить русскую землю, сколько заботами о внутреннем устройстве страны. В этом отношении важны распоряжения его в Новгороде. Сам Я., князя здесь, отказался платить дань в Киев; став князем киевским, он не мог установить снова этот платеж, тем более что новгородцы оказали ему существенные услуги. Он дал им льготную грамоту, на которую впоследствии они часто ссылались в спорах с князьями. Вместо себя Я. поставил в Новгороде сначала сына Илью, а потом, по смерти его, другого сына, Владимира, по смерти же последнего - Изяслава. В связи с этими распоряжениями находится известие о заключении и смерти Константа, сына Добрыни. Я. рассердился на него и заточил сначала в Ростов, а затем на третий год велел убить его в Муроме. Быть может, Константин, как дядя великого князя, как сын Добрыни, хотел большего для себя. В заботах о внутреннем благоустройстве Руси, Я. старался населять пустынные страны, строил города: на Волге - город Ярославль (названный языческим именем князя), в земле Чудской - Юрьев; он огородил острожками южную границу Руси, в 1031 г. поселил пленных поляков на реке Роси, а в следующем году начал строить здесь города. Я. сам был просвещенным человеком, по тому времени, и любил читать, особенно священные книги. Он ревностно заботился о распространении и развитии христианства на Руси и деятельно боролся с остатками язычества. Так, в 1024 году он сам ездил усмирять бунт в Суздале, возникший по случаю голода.

Волхвы убедили народ, что старые женщины скрывают в себе жито, народ волновался, и несколько женщин было убито. Я. казнил волхвов, их единомышленников засадил в тюрьмы и поучал народ, что голод так же, как и другие общественные бедствия, является карой Божией за грехи. Усилению христианства при Я. много способствовало развитие грамотности в его время. Еще при Владимире греческое духовенство единственным средством распространения и утверждения христианства считало грамотность, учение книгам. Я. сам читал книги, поэтому он глубоко понимал значение просвещения и ревностно заботился о развитии грамотности на Руси. Он собрал много писцов, которые переписывали книги и переводили новые с греческого языка на славянский. Книги Я. складывал при храме св. Софии в Киеве, чтобы возможно большее количество народа могло ими пользоваться. Он покровительствовал монахам и заботился о монастырях, так как монастыри в его время были средоточием книжной учености и просвещения. Им были построены монастыри: св. Ирины (в честь христианского имени его жены) и св. Георгия (в честь своего ангела), а также и церковь св. Софии на том месте, как говорят, где была самая жестокая сеча с печенегам. Храм св. Софии был построен греческими зодчими и украшен греческими художниками по образцу такого же храма в Византии. Несмотря на последующие перестройки и переделки, храм этот до сих пор служит образцом византийского зодчества того времени. У нас это единственное здание XI века, сохранившееся сравнительно в целости. Кроме того, Я. построил так называемые Золотые Ворота (остатки которых сохранились до сих пор) с церковью Благовещенья над ними. По его желанию, сын его, Владимир, возвел в Новгороде в 1045 году церковь св. Софии по образцу киевской, хотя в меньших размерах. Церковь эта сделалась главной святыней Новгорода. При церквях Я. ставил священников, которым давал содержание из собственного имущества, приказывая им учить людей и чаще совершать церковные службы ["веля им учити люди, понеже тем есть поручено Богом, и приходити часто к церквам"]. В Новгороде Я. сделал то же, что некогда Владимир в Киеве: велел собрать у старост и священников детей и учить их грамоте. По некоторым известиям, "люди из Греции" учили детей и по другим городам; так, известно, что Феодосий Печерский, живший в Курске, еще ребенком выучился читать. Я. заботился также о внутреннем церковном благоустройстве. При нем из Греции были вызваны певцы для устройства церковного пения. Развитие христианства потребовало увеличения епископских кафедр, что, в свою очередь, повело к установлению одной главной кафедры над всеми, или митрополии. Первоначально митрополиты наши были греки или греческие ставленники. В княжение Я. замечательно поставление в 1051 году Илариона (берестовский священник, человек, по своему времени, очень ученый), независимо от византийского патриарха, собором русских епископов. Вероятно, это было следствием недавней вражды с греками; как видно, поведение прежнего митрополита Феопемпта было таково, что Я. хотел оградить себя на будущее время от подобного в случае нового разрыва с греками.

Я., как видно, имел намерение освятить в глазах народа свой княжеский род, и с этой целью вскоре после своего утверждения в Киеве перенес тело брата Глеба в Вышгород и положил рядом с телом Бориса; с этих пор они начали привлекать к себе народ на поклонение; говорили, что тела их нетленны и у гроба их совершаются исцеления. В 1044 году Я. совершил странный обряд: он велел выкопать из земли и крестить в Десятинной церкви кости Олега и Ярополка, а потом похоронить их в церкви.

Я. приписывали издание первого писаного устава гражданского, и известного под названием "Русской Правды". Новейшие исследователи считают, однако, "Русскую Правду" частным сборником, составленным сначала в краткой редакции в конце X в. или в начале XI в. и впоследствии постепенно дополненным и переработанным. Источником "Правды" служили обычное право, княжеские уставы, судебные решения и отчасти писанные уставы других народов. Толстой в своей истории церкви упоминает о церковных уставах, данных Я. при митрополите Иларионе, незадолго до своей кончины; в этих уставах суд церковный точнее отделяется от суда княжеского. Я. умер 20 февраля 1054 года в Киеве, на руках любимого сына своего, Всеволода, и погребен в церкви св. Софии, в мраморной гробнице, уцелевшей до сих пор. По словам летописца, Я. оставил своим сыновьям завещание следующего содержания: "Вот я отхожу от этого света, дети мои! Любите друг друга, потому что вы братья родные, от одного отца и одной матери. Если будете жить в любви между собою, то Бог будет с вами, Он покорит вам всех врагов, и будете жить в мире; если же станете ненавидеть друг друга, ссориться, то и сами погибнете и погубите землю отцов и дедов ваших, которую они приобрели трудом своим великим. Так живите же смиренно, слушаясь друг друга; свой стол - Киев - поручаю вместо себя старшему сыну моему и брату вашему, Изяславу; слушайтесь его, как меня слушались: пусть он будет вам вместо отца". Изяславу же особенно поручил: "Если кто захочет обидеть брата, то ты помогай обиженному". По смерти Я. осталось пять сыновей, которые распределили между собой волости так: Изяслав сел в Киеве, Святослав - в Чернигове, Всеволод - в Переяславле, Вячеслав - в Смоленске и Игорь - во Владимире-Волынском.

М. З.

{Половцов}

Ярослав I Владимирович Мудрый

(род. в 978 г., † в 1054 г.) - сын св. Владимира и Рогнеды, один из наиболее знаменитых древнерусских князей. Еще при своей жизни произведя первый раздел земель между сыновьями, Владимир посадил Я. в Ростове, а потом, по смерти старшего сына Вышеслава, перевел его в Новгород, помимо старшего

- Святополка Туровского, который, по свидетельству Дитмара, был тогда под гневом отца и даже в заключении. Будучи князем новгородским, Я. хотел порвать всякую зависимость от Киева и стать совершенно независимым государем обширной Новгородской области. Он отказался (1014 г.) платить отцу ежегодную дань в 2000 гривен, как делали все посадники новгородские; его желание совпадало и со стремлением новгородцев, которые всегда тяготились зависимостью от южной Руси и налагаемой на них данью. Я. был недоволен еще тем, что отец оказывал предпочтение младшему его брату, Борису. Разгневавшись на Я., Владимир готовился лично идти против него и велел уже исправлять дороги и строить мосты, но вскоре заболел и умер. Великокняжеским столом завладел старший в роде Святополк, который, опасаясь любимого тевлянами Бориса и желая сделаться единодержавным правителем всей Руси, умертвил трех братьев (Бориса, Глеба и Святослава); такая же опасность грозила и Я. Между тем Я. поссорился с новгородцами: причиной ссоры было явное предпочтение, которое Я. и его жена, шведская принцесса Ингигерда (дочь шведского короля Олава Скеткокунга), оказывали наемной варяжской дружине. Варяги, пользуясь своим влиянием, возбуждали против себя население жестокостью и насилиями; дело доходило до кровавого возмездия со стороны новгородцев, а Я. в таких случаях обыкновенно принимал сторону наемников и однажды казнил многих граждан, заманив их к себе хитростью. Считая борьбу со Святополком неминуемой, Я. искал примирения с новгородцами; последние легко согласились идти с ним против брата; отказать Я. в помощи и вынудить своего князя к бегству - значило бы возобновить зависимые отношения к Киеву и принять оттуда посадника; кроме того Я. мог вернуться из-за моря с варягами и отомстить Новгороду. Собрав тысяч 40 новгородцев и несколько тысяч варяжских наемников, которых нанял раньше для войны с отцом, Я. двинулся против Святополка, призвавшего себе на помощь печенегов, в злой сече одолел его под г. Любечем, вступил в Киев и занял великокняжеский стол (1016 г.), после чего щедро наградил новгородцев и отпустил их домой. Бежавший Святополк возвратился с полками своего тестя, польского короля Болеслава Храброго, который рад был случаю вызвать смуту на Руси и ослабить ее; вместе с поляками пришли еще дружины немцев, венгров и печенегов. Сам польский король шел во главе войск. Я. был разбит на берегах Буга и бежал в Новгород; Болеслав отдал Киев Святополку (1017), но сам вскоре ушел из Киева, узнав о новых приготовлениях Я. и потеряв много поляков, убитых киевлянами за насилия. Я., получив опять помощь от новгородцев, с новым большим войском разбил наголову Святополка и его союзников-печенегов, на р. Альте (1019), на том месте, где был убит Борис. Святополк бежал в Польшу и по дороге умер; Я. в том же году стал великим князем киевским. Только теперь, по смерти Святополка, Я. прочно утвердился в Киеве и, по выражению летописца, "утер пота со своею дружиной". В 1021 г. племянник Я., кн. Брячислав Изяславич полоцкий, объявил притязания на часть Новгородских областей; получив отказ, он напал на Новгород, взял и разграбил его. Услышав о приближении Я., Брячислав ушел из Новгорода со множеством пленников и за-

ложников. Я. нагнал его в Псковской обл., на р. Судоме, разбил его и освободил пленных новгородцев. После этой победы Я. заключил с Брячиславом мир, уступив ему Витебскую волость. Едва окончив эту войну, Я. должен был начать более трудную борьбу со своим младшим братом Мстиславом тмутараканским, прославившимся победами над касогами. Этот воинственный князь требовал от Я. раздела русских земель поровну и подошел с войском к Киеву (1024). Я. в то время был в Новгороде и на севере, в Суздальской земле, где был голод и сильный мятеж, вызванный волхвами. В Новгороде Я. собрал против Мстислава большое войско и призвал наемных варягов, под начальством знатного витязя Якуна Слепого (см.). Войско Я. встретилось с ратью Мстислава у местечка Листвена (близ Чернигова) и в жестокой сече было разбито. Я. снова удалился в свой верный Новгород. Мстислав послал ему сказать, что признает его старшинство и не добивается Киева. Я. не доверял брату и воротился лишь собрав на севере сильную рать; тогда он заключил с братом мир у Городца (вероятно, близ Киева), по которому земля русская разделена на две части по Днепру: области по восточную сторону Днепра отошли к Мстиславу, а по западную - к Я. (1025). В 1035 г. Мстислав умер и Я. стал единовластно править русской землей ("был самовластцем", по выражению летописца). В том же году Я. посадил в "поруб" (темницу) брата своего, кн. Судислава псковского, оклеветанного, по словам летописей, перед старшим братом. Причина гнева Я. на брата неизвестна; вероятно, последний изъявлял притязания на раздел выморочных волостей, переходивших целиком к Я. В руках Я. были соединены теперь все русские области, за исключением полоцкого княжества. Кроме указанных войн, связанных с княжескими междоусобицами, Я. пришлось еще совершать много походов против внешних врагов; почти все его княжение наполнено войнами. В 1017 г. Я. успешно отразил нападение печенегов на Киев и затем боролся с ними, как с союзниками Святополка Окаянного. В 1036 г. летописи отмечают осаду Киева печенегами, в отсутствие Я., отлучившегося в Новгород. Получив об этом известие, Я. поспешил на помощь и наголову разбил печенегов под самыми стенами Киева. После этого поражения нападения печенегов на Русь прекращаются. Известны походы Я. на север, против финнов. В 1030 г. Я. ходил на Чудь и утвердил свою власть на берегах Чудского озера; он построил здесь город и назвал его Юрьевым, в честь своего ангела (христианское имя Я. - Георгий или Юрий). В 1042 г. Я. отправил сына Владимира в поход на Ямь; поход был удачен, но дружина Владимира вернулась почти без коней, вследствие падежа. Есть известие о походе русских при Я. к Уральскому хребту, под предводительством какого-то Улеба (1032). На западных границах Я. вел войны с Литвой и ятвягами, по-видимому - для прекращения их набегов, и с Польшей. В 1022 г. Я. ходил осаждать Брест, успешно или нет - неизвестно; в 1030 г. он взял Бельз (в сев.-вост. Галиции); в следующем году с братом Мстиславом взял червенские города и привел много польских пленников, которых расселил по р. Роси в городках для защиты земель от степных кочевников. Несколько раз Я. ходил в Польшу на помощь королю Казимиру для умирения восставшей Мазовии; последний поход был в 1047 г.

Княжение Я. ознаменовалось последним враждебным столкновением Руси с греками. Один из русских купцов был убит в ссоре с греческими. Не получая удовлетворения за обиду, Я. послал к Византии большой флот (1043), под начальством старшего сына - Владимира Новгородского и воеводы Вышаты. Буря рассеяла русские корабли; Владимир истребил посланный для его преследования греческий флот, но Вышата был окружен и взят в плен при г. Варне. В 1046 г. был заключен мир; пленные с обеих сторон возвращены, и дружественные отношения скреплены браком любимого сына Я., Всеволода, с греческой царевной. Как видно из летописей, Я. не оставил по себе такой завидной памяти, как его отец. По отзыву летописи, "он был хромоног, но ум у него был добрый и на рати был храбр"; при этом прибавлено еще, что он сам книги читал - замечание, свидетельствующее об его удивительной для того времени учености. Княжение Я. важно как эпоха высшего процветания Киевской Руси, после которого она быстро стала клониться к упадку. Значение Я. в русской истории основывается главным образом не на удачных войнах и внешних династических связях с Западом (см. ниже), а на его трудах по внутреннему устройству земли русской. Он много содействовал распространению христианства на Руси, развитию необходимого для этой цели просвещения и подготовки священнослужителей из русских. Я. основал в Киеве, на месте своей победы над печенегами, храм св. Софии, великолепно украсив его фресками и мозаикой; построил там же монастырь св. Георгия и м-рь св. Ирины (в честь ангела своей супруги). Киевский храм св. Софии построен в подражание цареградскому. Я. не щадил средств на церковное благолепие, приглашая для этого греческих мастеров. Вообще он украсил Киев многими постройками, обвел его новыми каменными стенами, устроив в них знаменитые Золотые ворота (в подражание таким же цареградским), а над ними - црк. в честь Благовещения. Я. прилагал немало усилий и для внутреннего благоустройства православной церкви и успешного развития христианской веры. Когда в конце его княжения надо было поставить нового митрополита, Я. велел собору русских епископов поставить митрополитом священника с. Берестова Илариона, родом из русских, желая устранить зависимость русской духовной иерархии от Византии. Чтобы привить в народ начала христианской веры, Я. велел переводить книги рукописные с греческого на славянский и много сам их покупал. Все эти рукописи Я. положил в библиотеку построенного им Софийского собора для общего пользования. Для распространения грамоты Ярослав велел духовенству обучать детей, а в Новгороде, по позднейшим летописным данным, устроил училище на 300 мальчиков. При Я. приехали в Русь из Византии церковные певцы, научившие русских осьмогласному (демественному) пению. Наиболее известным остался Я. потомству как законодатель: ему приписывается древнейший русский памятник права - "Устав" или "Суд Ярославль" или "Русская Правда" (см.). Большинство современных ученых (Калачев, Бестужев-Рюмин, Сергеевич, Ключевский) по весьма веским соображениям полагают, что "Правда" есть сборник действовавших тогда законов и обычаев, составленный частными лицами. Как видно из самого памятника, "Правда" составила не при одном Я., но и после него,

в течение XII в. (см. Русская Правда). Кроме "Правды" при Я. появился церковный устав или Кормчая книга - перевод византийского Номоканона. Своей законодательной деятельностью, заботами о распространении христианства, о церковном благолепии и просвещении Я. так возвысился в глазах древнерусских людей, что получил прозвание Мудрого. Немалую роль в деятельности Я. играли и заботы о внутреннем благоустройстве земли, ее спокойствии и безопасности: он был князем-"нарядником" земли. Подобно отцу, он заселял степные пространства, строил города (Юрьев - Дрепт, Ярославль), продолжал политику предшественников по охране границ и торговых путей от кочевников и по защите интересов русской торговли в Византии. Я. огородил острожками южную границу Руси со степью и в 1032 г. начал ставить здесь города, поселяя в них пленных поляков. - Время Я. было эпохой деятельных сношений с государствами Запада. Я. был в родственных связях с норманнами: сам он был женат на шведской принцессе Ингигерде (в православии Ирина), а норвежский принц Гаральд Смелый получил руку его дочери Елизаветы. Некоторые сыновья Я. также были женаты на иностранных принцессах (Всеволод, Святослав). Принцы и знатные норманны находили приют и защиту у Я. (Олав Святой, Магнус Добрый, Гаральд Смелый); варяжские торговцы пользуются его особым покровительством. Сестра Я. Мария была замужем за Казимиром Польским, вторая дочь его Анна - за Генрихом I Французским, третья, Анастасия - за Андреем I Венгерским. Есть известия иностранных летописцев о родственных связях с английскими королями и о пребывании при дворе Я. двух английских принцев, искавших убежища. Столица Я., Киев, западным иностранцам казалась соперником Константинополя; ее оживленность, вызванная довольно интенсивной для того времени торговой деятельностью, изумляла писателей-иностранцев XI в. Я. умер в Вышгороде (под Киевом), 76 лет от роду (1054), разделив землю русскую между сыновьями. Он оставил завещание, в котором предостерегал сыновей от междоусобиц и убеждал жить в тесной любви. Специальных исследований о нем не имеется.

{Брокгауз}

Общественные и религиозные деятели, деятели культуры, науки и образования:

митрополит Алексей,

Алексей, митрополит всероссийский

- святой, митрополит всероссийский и чудотворец, род. в 1292 или в 1300 г., преставился 12-го февраля 1378 г. Во времена князя Даниила Александровича из разоренного Черниговского княжества переселился в Москву боярин Феодор Бяконт, которого в Москве, как и других выходцев, приняли ласково. Род этого боярина разросся и от него пошли ветви - Плещеевых, Игнатьевых и Жеребцовых. Старший сын боярина Феодора, назывался Елевферий и воспринят был от купели сыном князя Даниила, Иоанном. В свое время мальчик отдан был учиться грамоте и при заметных успехах в учении начал обнаруживать склонность к уединенно-сосредоточенной жизни. На 20 году жизни Елевферий поступил в московский Богоявленский монастырь и принял иночество с именем Алексея, которое, будто бы, было ему предсказано еще в детстве. Поступив здесь под руководство опытного в духовной жизни старца Геронтия, молодой инок Алексей проводил все свое время, кроме молитв общественных и келейных, в чтении и изучении священного писания и святоотеческих творений. Через двадцать лет монастырского искуса и книжной подготовки, инок Алексей выступил на общественное поприще. Тогдашний митрополит Феогност взял Алексея, вероятно, по указанию друга его Стефана, брата преп. Сергия и духовника князя, к себе на святительский двор и поручил ему заведовать судебными делами церкви, что продолжалось 12 лет. Несомненно, что если не до этого времени, то за это время, будучи в близких сношениях с святителем-греком, Алексей должен был изучить и греческий язык, что значительно способствовало обогащению его знаниями. 6-го декабря 1352 г. Феогност посвятил Алексея во епископа владимирского. В следующем же 1353 г. скончались митрополит Феогност и великий князь Симеон, которые пред смертью заповедали, чтобы епископ Алексей наследовал и митрополичью кафедру. Но прежде чем утвердиться на митрополичьем престоле, святителю Алексею пришлось вынести немалую борьбу с другими кандидатами на митрополию: Феодоритом, рукоположенным в этот сан болгарским патриархом, и Романом, посвященным в Константинополе по проискам и интригам некоторых удельных князей, не желавших возвышения Москвы. В следствие этого митрополиту Алексею пришлось два раза ездить в Константинополь, последствием чего было утверждение его патриархом Калластом "архиепископом Киева и великой России с титулом всечестного митрополита и экзарха". Устроив в России церковные дела, пришедшие, вследствие бывшей тогда моровой язвы и распрей удельных князей, в крайнее запущение, для чего понадобилось даже низложить сарского епископа Афанасия, митрополит Алексей принял горячее участие в политическом благоустройстве своей родины, непосильно страдавшей как от татарского ига,

так и от усобиц княжеских родов. С этой целью он, подвергая опасности свою жизнь, дважды ездил в Золотую орду, причем в первый раз в августе 1357 г. излечил слепую Тайдулу - жену хана Чанибека, а во второй раз - в следующем году, причем находился в Орде в то время, когда прежний добрый хан Чанибек скончался, а его место занял свирепый Бердибек, убивший при воцарении 12 своих братьев. Летописец замечает, что "многу истому приим святитель Алексей от татар в это время" и только "с Божию помощю и пречистою его Матере молитвою цел и здоров от насилья поганых возвратился на Русь". При таких неблагоприятных условиях печальнику земли русской - святителю Алексею удалось не только умилостивить свирепого хана Бердибека, собиравшегося снова опустошить Россию, но и выхлопотать от него ярлык для охраны и освобождения русского духовенства от всяких сборов и налогов. С января 1358 по июнь 1360 г. святитель Алексей прожил в разоренном Киеве, занимаясь восстановлением церквей и монастырей. С 1359 г., со смертью великого князя Иоанна, святитель сделался опекуном несовершеннолетнего сына его Дмитрия, которому помог получить в 1362 г. ярлык на великое княжение, вместо суздальского князя Дмитрия Константиновича, три года величавшегося великим князем и венчанного на это звание митр. Алексеем в кафедральном Владимирском соборе. Трудями святителя росла и крепла власть великого князя московского Дмитрия, а строптивость удельных князей смирялась решительными мерами, доходившими иногда до закрытия церквей, как это сделал пр. Сергей Радонежский, согласно воле святителя Алексея, в Нижнем Новгороде. Вместе с тем, митрополит усердно занимался и построением монастырей. Так, в 1361 г. он основал в Москве женский Алексеевский монастырь; в том же году, на берегу Яузы, обетный монастырь во имя нерукотворенного образа Спасителя, где первым настоятелем был ученик пр. Сергия - Андроник, почему и самый монастырь получил название "Спасоандрониевского"; в 1362 г. основан святителем Владычний монастырь в 3 верстах от гор. Серпухова; в 1365 г. восстановлены им два древних монастыря - Благовещенский в Нижнем и Константино-Еленский во Владимире. В том же году основана в самом Кремле обитель в честь чуда архангела Михаила на месте, подаренном царицею Тандулою в благодарность за исцеление ее. Пробыв на митрополичьей кафедре 24 года и посвятив свыше 20 епископов русской церкви, первосвятитель Алексей погребен был, согласно его завещанию, в Чудовом монастыре. 20-го мая 1431 г. обретены были его нетленные мощи, которые и доселе почивают там же. Драгоценными Памятниками его пастырского учения служат: а) Евангелие, собственноручно им написанное и хранящееся в Чудовом монастыре; оно в 1892 г. издано было в количестве 100 экз. фототипией; б) окружное послание к пастве; в) послание к христианам Нижегородской области (первое изд. в "Приб. к тв. св. отцов" 1849 г., второе, с предисловием Невоструева, в "Душеполезном Чтении" 1861 г., кн. 1).

Житие митр. Алексея написано Пителимом, епископом Пермским († в 1445 г.). Над обработкой жития трудился затем целый ряд писателей, оканчивающийся чудовским иноком во второй половине XVII столетия.

{Половцов}

Алексей святой

- митрополит киевский и всея Руси; сын черниговского боярина Федора Бяконта, род. в Москве в конце XIII или самом начале XIV в., получил при крещении имя Элевферия-Симеона. С раннего детства выказывал стремление к иноческой жизни; 20-ти лет был пострижен в московском Богоявленском монастыре, в 1345 г. рукоположен в епископы Владимирские, а в 1348 г., по смерти митрополита Феогноста, отправился в Константинополь для посвящения в митрополиты и получил этот сан, несмотря на то, что в него был уже посвящен другой - Роман; вследствие этого между ними возгорелась борьба, из которой победителем вышел Алексей благодаря своей настойчивости, энергии и твердости характера - качества, которые в соединении с умом и обширным образованием помогли ему приобрести большое влияние и могущество не только в делах церковных, но и на события политические и поставить архипастырскую власть на небывалую в России высоту. В то же время строгостью своей жизни он приобрел всеобщее уважение, перешедшее в глубокое благоговение, когда по смерти Алексея, последовавшей 12 февраля 1378 г., были обретены его мощи 20 мая 1431 г. (по арх. Филарету, а по митрополиту Макарию, в 1439 г.); с тех пор он стал одним из самых чтимых угодников русских, чудеса которого описаны в многочисленных житиях.

В духовной литературе сохранились грамоты, поучения и переводы митрополита Алексея: "Прибавл. к Твор. св. отцов" (1849 г.); "Душеполезное чтение" (1861) и в других журналах, а в Чудовом монастыре хранится собственноручный его перевод Нового Завета, писанный им в бытность в Константинополе в 1355 г., перевод буквально близкий к греческому тексту.

Церковь празднует память этого святителя 12 февраля, а обретение его мощей - 20 мая. Мощи его почивают в Чудовом монастыре.

{Брокгауз}

Алексей, митрополит Киевский и всея Руси

- митрополит "Киевский и всея Руси" (род. между 1293-98, ум. 1378), но фактически живший в Москве и управлявший лишь великорусскою церковью; происходил из бояр, в мире Симеон-Елевферий Бяконт, с 1340 исполнял должность митрополичьего наместника, в 1354 получил от константинополь-

ского патриарха, которому тогда подчинялась русская церковь, митрополи-
чью кафедру. Русская церковь 14 в. представляла из себя крупнейшую фео-
дальную силу. Зависимая когда-то (в киевский период) от князей или от го-
родских веч, она с завоеванием Руси татарами получает при поддержке по-
следних целый ряд выгод и становится почти совершенно самостоятельной.
Не только свобода вероисповедания, но и освобождение от всякой дани, за-
крепление за церковью всех ее недвижимых имений и, наконец, полная авто-
номия суда и управления ("иммунитет") были предоставлены церкви "невер-
ными" ханами. Делалось это, конечно, не даром. Церковь обязывалась пуб-
лично молиться за хана, торжественно признавать т. о. законность его власти
и этим побуждать к повиновению ей народные массы. Сделавшись сильней-
шим феодалом и находя себе поддержку в верховном сюзерене русских кня-
зей - хане, церковь вступает в борьбу со своим ближайшим сюзереном Вла-
димирско-Тверским вел. князем, весьма неблагосклонно смотревшим, в свою
очередь, на усиление своего вассала. Но с Владимирско-Тверскими князьями
боролась и другая тогдашняя феодальная сила - Московские князья, тогда
еще не настолько сильные, чтобы возбуждать к себе какие-либо подозрения
со стороны церкви или хана. При А. этот союз церкви, хана и Москвы против
Владимирско-Тверского князя с его союзниками сказался особенно ярко.
Симеон Гордый, умирая, завещал своим наследникам слушаться во всем "от-
ца нашего, владыки Олексея", и при Иване II, особенно же при малолетнем
его сыне Дмитрие Донском, А. фактически управлял Московским княжеств-
ом, используя свой церковный авторитет в интересах московской политики.
Пользуясь связями в Орде, он добывает своим князьям ярлыки на великое
княжение в ущерб Тверским князьям, которые по старейшеству имели бы на
это больше прав. Когда Тверской князь Михаил Александрович пошел было
по этому случаю воевать против Москвы, А., как митрополит, вызвал его на
свой третейский суд в Москву, где Тверской князь неожиданно был аресто-
ван, и т. о. оказался пленником своего противника. Ускользнув из ловушки,
Михаил соединился против Москвы с Литвой. Тогда А., не имея возможно-
сти физически настичь его, использует против него духовное оружие, налага-
ет церковное отлучение на него и его союзников, и этим, в конце концов, за-
ставляет его подчиниться Москве.

В. Семенов.

Алексий Бяконт

(Елевферий Федорович) - святитель, митрополит Московский и всея Руси.

† 1378, память 12/25 февраля, 20 мая/2 июня, 5/18 октября и в воскресенье
перед 26 августа в Соборе Московских святых.

Родился в конце XII века (между 1292 и 1300 гг.) в г. Москве в семье черниговского боярина Федора Бяконта.

На 20-м году жизни ушел в Московский Богоявленский монастырь и в 1320 году принял монашество с именем Алексия, находясь под руководством опытного старца Геронтия.

В 1340 году митрополит Феогност определил его жить при своем святительском дворе и заведовать церковными судебными делами Церкви.

6 декабря 1352 года митрополитом Феогностом хиротонисан во епископа Владимирского и Суздальского.

В 1354 году патриархом Каллистом был утвержден "архиепископом Киева и великой России с титулом всечестного митрополита и экзарха".

Скончался 12 февраля 1378 года в Чудовом монастыре.

20 мая 1431 года в Чудовом монастыре обрушилась церковь, в которой был погребен святитель Алексий. Падавшими камнями был разбит гроб его, в котором и обрели нетленные мощи святителя.

Святитель Алексий явил собою образ доброго пастыря и деятельного патриота. Он сумел сочетать в себе эти два великих качества. Это был муж славный в добродетелях, отличавшийся силою слова, сведущий в канонах и искусный в знании как церковных, так и гражданских законов. Эти качества и послужили причиной представления его к иерархическому управлению самой святейшею митрополией Киевской и всея Руси.

Со времени возведения святителя Алексия в митрополита началась его деятельность по устройству и восстановлению церквей и монастырей.

В 1361 году были восстановлены монастыри: Чудов, Спасо-Андроников и Алексеев в Москве; в 1362 году - Симонов, Серпуховской, Владычный вне Москвы; в 1365 году - Константинов близ Владимира, Благовещенский в Нижнем Новгороде.

Святителю Алексию пришлось вести напряженную борьбу за единство Русской Церкви. Благодаря своей настойчивости, энергии и твердости характера в соединении с умом и образованием он смог поставить архипастырскую власть в России на небывалую высоту. Призванный волею Божиею к управлению дел церковных и государственных, он, как первоиерарх Русской Церкви, всегда оставался первоимолитвенником за православных людей, церковным пастырем, кротким аскетом, человеком безупречной иноческо-подвижнической жизни.

Духовно-нравственный облик святителя раскрывается из его поучений, которых сохранилось два. Одно к Нижегородской пастве, а другое вообще к христианам.

Содержание этих посланий выявляет смирение святителя и глубокое понимание им высоты архиерейского сана. Сознвая свою ответственность пред Богом как архипастырь, он наполняет свою душу заботою о спасении вверенной ему паствы. "Дети, - пишет святитель, - пишу вам и побуждаю вас на благое, игуменов, священников, диаконов и всех православных христиан, дабы вы последовали Спасову Евангелию".

Мы видим, что святитель заботился обо всех: о пастырях и мирянах. Всех охватывает его пастырская попечительность.

Он учил пастырей избегать нерадения, лености, страха человеческого пред сильными мира сего, заступать за немощных и учить пасомых добрым взаимоотношениям между собою.

Мирян он призывал иметь любовь между собою и страх Божий, исполнять заповеди Божий и искренно каяться, любить храм Божий, благоговейно стоять и молиться нерассеянно в нем и всегда помнить час кончины.

Особо поучал святитель князей, бояр и вельмож. Их он учил справедливости на суде, бескорыстию и защите ими вдовиц, сирот и обидимых.

Самою яркою чертою его духовно-нравственного облика является горячая и преданная любовь к своему отечеству. В этом отношении святитель Алексей был поистине печальником и мудрым государственным мужем Русской земли. Его содействие великому князю Московскому Ивану Ивановичу окончательно возвысило Москву и способствовало, с одной стороны, подчинению удельных княжеств Московскому княжеству, а с другой - положило начало свержению монгольского ига.

После смерти великого князя Ивана Ивановича на попечении святителя Алексея остался малолетний сын усопшего Дмитрий. Как опекун Дмитрия, он принимал самое активное участие в дальнейшем возвышении Москвы. В заботе об отечестве были проявлены святителем мудрость, миротворчество, строгость и в то же время осторожность, обдуманность и выдержанность во всех поступках.

Подвергая свою жизнь опасности, он дважды ездил в Золотую Орду. При этом открылся и дар чудотворения святителя Алексея, когда он после молитвы пред Богом исцелил жену хана Чанибека Тайдулу.

И вторично он ездил к грозному хану с ходатайством за всю Русскую землю. Кроткой и разумной беседой он укротил ярость хана и благополучно возвратился в свое отечество, неся мир своим соотечественникам.

Святитель Алексей был связан с преподобным Сергием узами тесной дружбы. Он так высоко ценил преподобного, что имел намерение сделать его своим преемником, но скромный угодник Божий уклонился от этого.

Существует любопытное предание о посещении святителем Алексием Самары. Говорят, что, следуя в одну из своих поездок в Золотую Орду (1353 или 1357 г.), святитель остановился на неизвестной ему реке, которая впадала в Волгу. Находившиеся при нем люди, идя по берегу, поросшему густым лесом, увидели одну тропинку и, идя по ней, к ужасу своему, нашли в необитаемом лесу человека, забравшегося в эту глушь, как оказалось, для спасения души. Тотчас же донесли об этом святителю. Святитель Алексей, интересуясь жизнью пустытника, призвал его к себе, потом сам был у него, расспрашивал об этой местности и между прочим любопытствовал узнать название реки. "Названия ей не знаю, сам я зову ее Самарой", - ответил пустытник. Как говорит летописец, святитель Алексей, видя добродетельное житие сего пустытника, не только оное название подтвердил, но, благословляя его и место, духом пророчески предрек: "Будет на сей реке град того же имени, в нем просияет благочестие, и оный никакому разорению подвержен не будет".

Кончина святителя Алексея была мирна и безболезненна. Летопись сообщает, что святой, почувствовав приближение своей кончины, призвал своего духовного сына великого князя Дмитрия Ивановича, преподал ему мир и благословение и конечное целование и заповедал положить его тело не в церкви, а вне, близ алтаря, и "также предаде дух свой в руке Божий".

По другим источникам, он пред самою своею кончиною совершил Божественную литургию и приобщился Святых Тайн, затем, пожелав всем мира и любви, воздав последнее целование, мирно предал Господу свою душу.

Труды:

Грамота митрополита Алексея на Червленый Яр боярам, баскакам, духовенству и мирянам о подсудимости их Рязанскому епископу // Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею: в 5 т. - СПб., 1841-1842, т. 1, № 3, с. 3-4; Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. № 19. Стб. 167-172. Поучение Алексея митрополита от апостольских деяний к христоролюбивым христианам // Прибавления к Творениям святых отцов в русском переводе. - М., 1847, ч. 5, с. 30-39. Невоструев К. И. Вновь открытое поучительное послание святого Алексея, митрополита Московского и всея России. Поучения христианам нижегородских и городецких пределов // Душеполезное чтение. - 1861, ч. 1, с. 449-467. Новый Завет Господа

нашего Иисуса Христа. Труд святителя Алексия, митрополита Московского и
всех Руси. - М., 1892.

Борис и Глеб,

Борис и Глеб

- сыновья Киевского великого князя Владимира Святославича, убитые в 1015 по приказу кн. Святополка во время междоусобиц преемников Владимира из-за великокняжеского престола. О жизни и деятельности Б. и Г. и даже их отношении к христианству ничего достоверно не известно. Во 2-й половине 11 в. среди первенствовавшей в Киевской Руси военно-торговой знати, князей и дружины стало обрисовываться стремление иметь своих собственных классово-национальных святых. Монахи Киево-Печерского монастыря во 2-й половине 11 в. начинают заниматься усиленными поисками таких святых. Б. и Г. были первым опытом этого рода. Первое житие Б. и Г. составлено великокняжеским придворным духовником Иаковом; написано, по господствующему мнению, около 70-х гг. 11 в. Автор использовал византийские жития. Почитание Б. и Г. распространялось в первое время очень вяло. Постройка на их предполагаемой могиле в Вышгороде сравнительно редкой в тогдашней Руси каменной церкви стала привлекать к ним значительное количество молящихся; пошли слухи о чудесах, явились новые, расширенные жития. Как святые, выдвинутые княжье-дружинной средой, Б. и Г. стали, по преимуществу, покровителями ратного дела и тогдашней государственности. К жертвам Святополка относят трех князей (Б., Г. и Святослава). В почитании лишь двух из них проявляется отображение и в русском христианстве старинного, идущего через Византию, культа священных двоиц: 2 братьев или друзей - подвижников, мучеников, а ранее - богов.

С. Урсынович

Борис Владимирович

(в крещении Давид) - святой князь, сын великого князя Владимира Святославича, князь ростовский, ум. 24 июля 1015 г. В летописях под 980 г. он, вместе с Глебом, называется сыном болгарыни. Если принять существующее мнение, что они были сыновьями Владимира и Анны, двоюродной сестры византийских императоров, Василия и Константина, дочери болгарского князя, то год рождения Бориса надо считать не ранее 988 г., так что в 1015 г. ему могло быть около 25 или 27 лет. По описанию летописца, это был еще юноша полный сил, красивый, приятный лицом, "царски светел" и разумен. При жизни отца, в промежуток времени от 987-990 г., он получил в удел Ростов. В 1015 г., во время болезни отца, Борис находился около него, но был послан им с ратью против печенегов; во время его отсутствия Владимир умер, а на киевский престол сел Святополк. В это время Борис, не найдя печенегов, возвращался назад и расположился станом на берегу реки Альты. Туда пришли к

нему послы от брата Святополка, который извещал его о смерти отца и предлагал ему быть с ним "в любви и согласии", обещая увеличить его удел. Сам же Святополк в то время поехал в Вышгород, призвал там к себе Пушту и вышгородских бояр, и, потребовав от них верности себе и молчания, открыл им свое намерение покончить с братьями. На Альту были посланы Пушта, Талець, Еловить и Ляшько с некоторыми другими для совершения кровавого дела. Между тем Борис остался к этому времени лишь с немногими верными ему отроками в своем стане; его дружина требовала, чтоб он двинулся к Киеву и, свергнув Святополка, сел сам на великокняжеский престол; но князь ответил им, что рука его никогда не поднимется против старшего брата; тогда после тщательных уговоров, Владимирова дружина, с которой он ходил на печенегов, оставила его и почти вся разошлась. Ночью 24 июля явившиеся убийцы застали князя стоящим на молитве в своем шатре и с ним несколько верных ему отроков. Тревожное предчувствие беды, которой ждал Борис, сбылось. Едва он лег после молитвы на свое ложе, как убийцы бросились на него и закололи его копьями, а вместе с ним и любимого его отрока, Георгия, родом венгра, который кинулся на тело своего господина, чтобы защитить его от ударов. В эту же ночь, завернув тело убиенного князя, они тайно повезли его в Вышгород; дорогой он еще дышал, и посланные Святополком два варяга прикончили его, после чего он был погребен в вышгородской церкви св. Василия. В 1019 г. князь Ярослав, завладев Киевом, собрал сведения о месте нахождения его тела и тела князя Глеба, а затем перевез в церковь, где был погребен Борис, также и прах св. Глеба. По словам летописца, тело Бориса оказалось нетленным, и многие исцелились от прикосновения к его мощам. В 1070 г. мощи его были перенесены в новую церковь, построенную князем Изяславом Ярославичем; еще раз, в 1115 г. мощи эти были перенесены князьями в новую каменную вышгородскую церковь во имя святых Бориса и Глеба и положены в каморе на правой стороне. Позднее нередко приезжали в Вышгород князья поклониться его мощам, так, например, в 1150 г. кн. галицкий Владимир Володаревич, в 1194 г. кн. Святослав Всеволодович. Его именем и его чудесной помощью, как говорит летописец, творились чудеса, и князья одерживали победы в битвах и получали исцеление в болезнях. Во имя святого мученика Бориса было построено очень много церквей; древнейшие из них - в Вышгороде, на Альте и на Нерли.

Акты исторические. - "Русская Историческая Библиотека", III, IV, X, XIII, XV. - Соловьев, "История России". - Летописи. - Житие свв. Бориса и Глеба, написанное преп. Нестором.

{Половцов}

Борис Владимирович

(в крещении Роман) - любимый сын великого князя Владимира Святославича Равноапостольного. По начальной Киевской летописи, он рожден от болгарыни и при втором разделе земель получил в удел Ростов, которым до того владел Ярослав. Раньше, как видно из прибавлений к некоторым спискам летописей, бывших в руках у В. Н. Татищева, Б. был дан Муром. Второй раздел произошел около 994-6 гг. С этого времени до 1015 г. в летописях о Б. нет никаких упоминаний. В 1015 г. заболел Владимир, и Б. был призван в Киев. Вскоре по его прибытии стало известно о вторжении печенегов, и Владимир посылает его с дружиною для отражения их. Борис нигде не встретил печенегов и, возвращаясь обратно, остановился на реке Альте. Здесь он узнал о смерти Владимира и о занятии великокняжеского стола Святополком. Дружина предложила ему идти на Киев и овладеть престолом. Но Борис не хотел нарушать святости родовых отношений и с негодованием отверг это предложение, вследствие чего дружина Владимира покидает его и он остается с одними своими отроками. Между тем Святополк, который, извещая Б. о смерти отца, предлагал быть с ним в любви и увеличить его удел, отправил Путшу и вышегородских бояр для убийства брата: симпатии к Борису народа и дружины делали его опасным соперником Святополка. Путша с товарищами пришел на Альту, к шатру Борису, ночью на 24 июля; услышав пение псалмов, доносившееся из шатра, Путша решился обождать отправления Б. ко сну. Едва только последний, вдвойне опечаленный и смертью отца, и слухами о злодейском намерении брата, окончил молитву и лег на свой одр, как ворвались убийцы и копьями пронзили Б. и его слугу, родом венгра, именем Георгия, пытавшегося защитить господина собственным телом. Еще дышавшего Б. убийцы завернули в шатерное полотно и повезли. Святополк, узнав что он еще жив, послал двух варягов прикончить его, что те и сделали, пронзив его мечом в сердце. Тело Б. тайно было привезено в Вышгород и там погребено в церкви св. Василия. Так погиб Б., любимый сын Владимира и известный своею любовью к церковному пению и молитве, жертвою уважения к родовым понятиям, еще в цветущей юности (около 25 л.). Вскоре же пал от рук убийц, подосланных тем же Святополком, и брат Бориса - Глеб. Его тело также было погребено Ярославом (уже в 1019 г.) в церкви св. Василия. Память обоих страдальцев осталась для России священной. Русские люди и преимущественно княжеский род видели в них своих заступников и молитвенников. Летописи полны рассказами о чудесах исцеления, происходивших у их гроба, о победах, одержанных их именем и помощью (напр. о победе Рюрика Ростиславича над Кончаком, Александра Невского над немцами), о паломничестве князей к их гробу (напр. Владимира Владимировича, кн. галицкого, Святослава Всеволодовича - кн. суздальского) и т. д. В 1071 году церковь включила их в число святых, и с того времени утвердился праздник Бориса и Глеба 2 мая, день перенесения их мощей в новую церковь, выстроенную кн. Изяславом Ярославичем в Вышгороде. В 1115 г. их мощи вновь торжественно перенесены русскими князьями в построенную во имя Бориса и Глеба каменную церковь в Вышгороде. Впоследствии в честь их возникло много церквей и обителей в разных городах России. До половины XVI ст. летописи

сец приводит более 20 случаев построения церквей в честь их. Самый факт убиения служит для древних летописцев любимой темой для отдельных сказаний, из которых наидревнейшие и наиболее полные приписываются преп. Нестору и черноризцу Иакову. "Сказание о св. Борисе и Глебе" по Сильвестровскому списку издано И. И. Срезненским, с предисловием издателя, в 1860 году. В летописи под 1175 г. упоминается еще о мече Бориса, принадлежавшем в то время Андрею Боголюбскому.

В. Р.

{Брокгауз}

Глеб Владимирович, князь Муромский

(во св. крещении Давид) - святой, князь Муромский, сын св. Владимира, великого князя Киевского. В начальной киевской летописи его мать называется "болгарыней" (по Якимовской же летописи - царица Анна). Год рождения Г. точно не известен (около 984 г.). Перед своей смертью Владимир разделил русскую землю между сыновьями, и Глебу достался Муром. Летопись отметила Г. как доброго и смиренного князя. Читая преимущественно творения св. отцов, Г. был истинным христианином. Из деятельности Глеба в Муроме известны его заботы по распространению христианства. В особенности же он, по примеру отца, заботился об убогих: лечил их, раздавал щедро милостыню. После смерти Владимира один из сыновей его, Святополк, прозванный впоследствии "окаянным", задумал погубить всех братьев своих. Преследуя эту цель, он прежде всего решил покончить с братьями от другой матери, Борисом и Глебом, пользовавшимися большой любовью в народе. Покончив с Борисом, Святополк послал к Глебу в Муром сказать: "Отец твой очень болен и зовет тебя к себе, желая видеть - поспеши к нему и не бери с собою много слуг". Тотчас же с небольшой дружиной Г. отправился в путь, торопясь застать отца в живых. Когда он пришел на Волгу к устью Тмы, то конь его споткнулся на поле во рве и намял ему немного ногу. Затем Г. пришел к Смоленску, оттуда поплыл на лодке и остановился в виду города на Смядыне. В это время сестра его Предислава, жившая в Киеве, уведомила Ярослава Новгородского о смерти Владимира, убийстве Бориса и о дальнейших злых намерениях Святополка. Получив эти известия, Ярослав немедленно отправил гонца к Глебу и велел передать ему: "Не ходи в Киев к Святополку, потому что наш отец уже умер, а Святополк уже убил Бориса и тебя хочет убить". Посланный нагнал Г. в Смядыне. Пораженный злодеянием Святополка и смертью отца, Г. горько заплакал и в нерешительности оставался на месте. В это время подросли и посланные Святополком убийцы во главе с Горясером. Обнажив оружие, убийцы вошли в ладью Глеба, не дав слугам его придти в себя; Горясер приказал убить Глеба (по житиям святого, дружине Глеба было запрещено употреблять оружие для защиты, по летописям же,

дружина "приуныла"). Повар - торчин, злобствовавший на своего господина, предупредил намерение убийцы, схватил сзади за голову Г. и вонзил ему нож в гортань. Это произошло в понедельник 5 сентября 1015 г. Так изображается мученическая кончина Глеба в Лаврентьевской летописи под 1015 г. Что же касается других летописей (Воскресенская и Софийская 1-я), то там об этом событии рассказывается несколько иначе. Увидя приближающихся врагов, Глеб "возрадовался душою", Горясер же омрачился и приказал грести к ладье Г., который, когда лодки сошлись и убийцы вскочили в его ладью, встретил их лобызанием. Убийцами овладело смущение. Сообразивши цель посланных, Г. начал умолять пощадить его жизнь и отвезти его прямо к брату - Святополку, если он в чем провинился пред ним. Но тщетны были его мольбы: "яко свирепые звери" напали убийцы на князя и зарезали его. Тело Г. было брошено недалеко от берега, в пустом месте, между двух колод, и прикрыто несколькими ветвями дерев. Долго пролежало здесь оно, пока рыбаки, а по другой версии охотники, не наткнулись на него и не сказали об этом жителям Смоленска, которые перенесли его в церковь. По толкованиям некоторых историков (между прочим, Голубинского в "Истории канонизации святых"), тело князя было не брошено в буквальном смысле, а похоронено без подобающих князю и христианину обрядов. Ярослав Новгородский позаботился о разыскании останков Бориса и Глеба. Тело первого было найдено в Вышгороде, а о Глебе известно было, что он находится недалеко от Смоленска, где же именно - этого не знали приближенные Ярослава. Немного спустя сами жители Смоленска известили Ярослава, где находилось тело Г., и рассказали о чудесах от его мощей. Посланные священники и дьяконы торжественно перевезли тело Глеба по Днепру в Киев, где и были встречены Ярославом, митрополитом Георгием, духовенством и народом. Затем гроб Г. был перенесен в Вышгород, в церковь св. Василия, и положен в каменную раку, рядом с Борисом (1019 г.). Через некоторое время церковь эта сгорела, и Ярослав над гробами своих братьев построил новую. При его сыне Изяславе эта церковь пришла в ветхость, и великий князь построил новую во имя св. Бориса и Глеба и торжественно перенес туда мощи их. Это произошло 2 мая 1072 г., и с тех пор установлен праздник перенесения мощей св. Бориса и Глеба. Вторичное или, вернее говоря, третье перенесение мощей св. князей было при Владимире Мономахе, который положил их в серебряную раку и 2 мая 1115 г. перенес в новый храм. Наконец, в 1191 г. ветхие раки их были перенесены в г. Смоленск в монастырь на Смядыне. До сих пор, неподалеку от Смядынского колодца, возле которого, как предполагают, произошло убийство, находятся развалины существовавшего монастыря, основанного, очевидно, в память этого события. Мощи св. Глеба были утрачены во время нашествия Батые, когда Вышгород был razoren, но по предположению С. И. Писарева они почивают под спудом в Смоленске. Память Бориса и Глеба празднуется православной Церковью 24 июля и 10 декабря, и отдельно Глеба 5 сентября, а, кроме того, 20 мая празднуется первое перенесение мощей, 2 мая - перенесение мощей в 1072 г. и 11 августа перенесение раки из Вышгорода в Смоленск в 1191 г. Святость Глеба долго не хотели признавать в Константинопо-

ле, даже митрополит киевский Георгий (родом грек) убедился в святости Глеба только тогда, когда новая церковь, куда перенесли мощи, при Изяславе, по открытии раки, по словам летописца, наполнилась благоуханием. Вопрос о святости Глеба в Константинополе был решен в положительном смысле в конце XII столетия, так как в 1200 г. встречаются упоминания об образе св. Бориса и Глеба в Константинопольском Софийском соборе. В древней Руси св. Борис и Глеб были очень популярными святыми. Все летописи полны рассказов о разных чудесах, от мощей св. князей. На это указывает и масса церквей, разбросанных по всей Руси, имени Бориса и Глеба. К древнейшим из них относится вышгородская церковь на Альте и туровская. По "Иконописному подлиннику" Глеб изображается "подобием млад, лицом бел, власы с ушей кратки малы, очень кудреваты".

Жития Бориса и Глеба быстро распространялись по всему славянскому миру и, судя по множеству списков, дошедших до нашего времени, были любимым чтением наших предков. Сказание об убиении Бориса и Глеба помещено в летописи в повести временных лет под 6523 г.; оно известно в 2 редакциях: краткой (Лаврентьевский и Радзивилловский списки) и пространной (Ипатский и Хлебниковский списки). Кроме того дошли до нас два подробных жития св. Бориса и Глеба: "Чтение о житии, и о погублении, и о чюдесех святуую и блаженную страстотерпцю Бориса и Глеба" летописца Нестора и "Сказание, и страсть, и похвала святуую мученику Бориса и Глеба", приписываемое мниху Иакову. Сочинение Нестора почти не имеет сходства с летописной редакцией сказания о св. Борисе и Глебе в известных теперь сводах. Оно написано в условно-риторическом стиле византийских агиографических памятников, но тем не менее является важнейшим источником для биографии св. князей, будучи написано, по определению академика А. А. Шахматова, в 80-х годах XI в., через 60-70 лет после кончины братьев, когда еще сохранялись в памяти рассказы современников события. Это житие сохранилось в сравнительно небольшом количестве списков (по подсчету Н. К. Никольского - 25). В особой редакции, с дополнениями из "Сказания", и с измененным заголовком оно попало в Великие Четии-Минеи. В гораздо большем числе списков (их насчитывают до 150) дошло до нас второе житие, или так называемое житийное сказание, являющееся одним из самых распространенных памятников древней русской агиографии. Большинство прежних исследователей считало житийное сказание оригинальным памятником, написанным монахом Иаковом, и более древним, чем Несторово житие; оно послужило, по их мнению, источником для летописного рассказа о Борисе и Глебе. Некоторые новейшие исследователи пришли к совершенно противоположным выводам. А. И. Соболевский и Н. К. Никольский пошатнули гипотезу об авторстве Иакова, а А. А. Шахматов высказал мнение, что сказание имеет своими источниками летопись (начальный свод) и Несторово житие и написано только в начале XII в. Житийное сказание дошло до нас в нескольких редакциях (до 9). Как "Чтение", так и "Сказание" были несколько раз изданы по разным спискам (преосв. Макарием, Бодянским, Срезневским, Серебрянским и др.).

Существуют еще проложные жития св. Бориса и Глеба в двух редакциях: древнейшей (до 1115 г.), южно-русской, и более поздней (не старше второй половины XV в.), северно-русской. Житие Бориса и Глеба не только было распространено среди южных славян, но даже попало очень рано в армянские Четии-Минеи. Новейшее издание житий св. князей: "Жития св. мучеников Бориса и Глеба и службы им. Приготовил к печати Д. И. Абрамович. Изд. отдел. рус. яз. и слов. Имп. Академии Наук. П. 1916 г." (Памятники древнерус. литературы, вып. 2).

А. Ельницкий.

{Половцов}

Глеб Владимирович, князь муромский

- во св. крещении Давид, князь муромский, сын Владимира св. от "болгарыни" (по Якимовской летописи - от греческой царевны Анны), причтенный к лику св. мучеников; род. около 984 г. В 1016 г. Святополк, заняв Киев, хотел убийством сыновей Владимира (сам он должен считаться сыном Ярополка) устранить соперников по обладанию княжеством. Убив Бориса, он звал в Киев Глеба, к опасно, будто бы, заболевшему отцу. Когда Г. остановился в виду Смоленска, он получил от брата Ярослава известие о смерти отца, о занятии Киева Святополком, об убиении им Бориса и о намерении убить и его, Глеба; при этом Ярослав советовал ему не ездить в Киев. Когда юный князь со слезами молился об отце и брате, явились посланные к нему Святополком и обнаружили явное намерение убить его. Сопровождавшие его отроки, по известиям летописей, приуныли, а по житиям св. князя им запрещено было употреблять в защиту его оружие. Горясер, стоявший во главе посланных Святополком, приказал зарезать князя его же повару, родом торчину. В 1019 г., по занятии Киева Ярославом Владимировичем, заботами этого князя тело Г. было отыскано, привезено в Вышгород и погребено, вместе с телом Бориса, в церкви св. Василия. В 1072 г. в честь святых князей установлено празднество. Борис и Глеб в древней Руси были самыми популярными святыми, чтимыми всем народом: об этом свидетельствует, между прочим, множество до сих пор уцелевших древних церквей в разных концах России, поставленных в память этих св. князей. Память св. князей празднуется 24 июля (ср. т. IV, стр. 411). Мощи их утрачены во время Батыева нашествия на Киев в 1240 г.

А. Э.

{Брокгауз}

Даниил Заточник,

Даниил Заточник

- автор известного "Моления", или "Слова". Биографических данных о Данииле Заточнике не имеется никаких. Из его произведения можно лишь заключить, что он был молодой дружинник, за что-то прогневивший своего князя и сосланный на Лач-озеро (Олонецкой губернии) или Белоозеро, откуда и написал свое "Моление", желая смягчить гнев князя и склонить его к прощению. "Моление" бесспорно обнаруживает в его авторе большую начитанность в тогдашней духовной письменности и несомненный литературный талант. Что касается определения имени князя, к которому обращено "Слово", и времени составления последнего, то это остается до сих пор вопросом открытым. Дело в том, что "Слово" Даниила Заточника дошло до нас в двух редакциях, не всегда сходных между собою. Первая редакция, признаваемая древнейшей, известна по трем спискам: Толстовскому (теперь Императорской публичной библиотеки) начала XVII в., копенгагенской публичной библиотеки XVII в. и библиотеки с.-петербургской духовной академии, тоже XVII в. Списков второй редакции два: Ундольского (теперь Румянцевского Музея) XV в. и Чудовской библиотеки XV в. Известные еще списки: казанской духовной академии и гр. Д. Н. Толстого признаются за переделки "Слова", как утратившие многие древние черты памятника. Толстовский список не дает имени князя, к которому направлено "Моление", оно называет его сыном великого царя Владимира. Список копенгагенский и академический называют князя прямо Ярославом Володимировичем, "сыном великого царя Володимира". В обоих списках второй редакции "Моление": адресовано к Ярославу Всеволодовичу. Исследователи: И. И. Срезневский, О. Ф. Миллер и И. Я. Порфирьев настаивали на том, что "Слово" адресовано к Ярославу, сыну Владимира Мстиславича, внуку Владимира Мономаха, княжившему в XII в. Но их мнение значительно поколеблено и Е. Модестовым и А. Лященко, причем последний не без основания называет, как более правильное, - имя князя Ярослава Всеволодовича (1191-1246), бывшего князем новгородским и переяславским (Переяславля-Южного), что дает также возможность согласить его мнение с мнениями предыдущих исследователей относительно места ссылки, именно Лач-озера, принадлежавшего к новгородской области. Что Лач-озеро могло быть местом ссылки Даниила, подтверждается и следующими словами летописца (под. 1378 г.): "изымоша... попа... и послаша на Лач-озеро, иде-же бе Данило Заточник". При этом вполне правдоподобным является мнение г. Лященко, подтверждаемое и новейшим исследователем Гуссовым, что "Слово" - памятник начала XIII в. Оба названные автора указывают и на причину ссылки Даниила, именно трусость его на войне. Стоявший за большую древность списков второй редакции проф. Бессонов, который впервые подробно указал и источники "Слова", утверждал, что ни одна из дошедших до нас редакций не может быть признана древнейшей, а явля-

ются переделками не дошедшего до нас и адресованного к Андрею Юрьевичу "Моления". Но это положительно отвергается почти всеми. В самое последнее время г. Гуссов утверждал большую древность и важность списков второй редакции. Наконец, запутанность вопроса об имени князя вызвала такие крайние мнения, по одному из которых - Даниил Заточник лицо вымышленное, и послание его, как принадлежащее одному из членов младшей дружины, есть не более, как выражение взглядов, господствовавших между членами дружины (Е. Модестов), а по другому - "Слово" представляет собою переработку поэм греческого хрониста XII в. Максима Глики, а частями его современника Федора Птохопродрома, и Даниил Заточник есть одно лицо с Даниилом Несчастливым, дворянином народных сказаний (г. Щурат). То и другое мнение являются совершенно изолированными и встретили серьезный отпор. Очевидно, что "Слово" Даниила Заточника есть частное послание дружинника к князю, написанное с известною целью и вызванное действительным фактом. Так как целью его было умиловить князя, то он и начинает "Моление" восхвалением князя; затем, после неудачного подражания псалмам, автор описывает свое горькое положение на озере Лаче, после чего и обращается с просьбою о помиловании, приводя оправдания своей вины и вместе с тем обоснования причин, почему князь должен дорожить таким человеком, как автор "Слова". В конце помещены краткие ответы на предполагаемые недоверчивые вопросы князя. Заклучая свое желание, автор написал: "ни за море ходил, ни от философии научился, но яко пчела по моим книгам собирал сладость словесную и разум... Сия суть словеса, да не уже много глаголю". В некоторых списках имеются еще в конце после приведенных слов рассуждения о злых женах и о монашеской жизни, но они обыкновенно считаются позднейшими вставками.

Ввиду того что в "Слове" много притч чисто русских, народных, ясно видно его самостоятельное происхождение и значение как важного историко-литературного памятника конца XII или начала XIII в.

В. Р-в.

{Половцов}

Даниил Заточник

- уроженец южного Переяславля (XII в.). С его именем связано знаменитое "Слово Д. Заточника", литературный памятник XII в., подвергшийся значительным переделкам и не дошедший до нас в первоначальном виде. О Д. как историческом лице есть случайная заметка в летописях (1378). Память о нем сохранилась в пословице "Как Данило несчастный не заслужил ни хлеба мягкого, ни слова гладкого", в сказках о Даниле несчастном, в былинке о Ставре, иногда называемом Даниилом. Будучи по неизвестной нам причине

сослан на оз. Лаче (в нынешней Олонецкой губ.), Д. шлет просительное послание о помиловании своему князю, "сыну великого царя Владимира" (Мономаха). Этим князем мог быть Андрей Владим. Добрый переяславский (1135-1141) (в "Слове" приводится поговорка этого князя: "Лучше бы ми смерть, неже курское княжение"). На место Андрея переписчиком поставлен был князь Ростислав Юрьевич переяславский, потом Ярослав Всеволодович (в Переяславле 1201-1206), названный "сыном великого царя Всеволода ; в некоторых же списках является кн. Ярослав Владимирович новгородский (1182-1199). Д. был до ссылки близким к князю лицом; быть может, это - бывший дружинник. Он - типический представитель русского книжника, черпающего "сладость словесную и разум... аки пчела" из разных книг, обращавшихся в его время. "Слово" представляет ряд изречений из книг св. Писания, Премудрости Иисуса сына Сирахова, Притчей Соломона, Псалтири, Пчелы, Слова о злых женах. Этим заимствованиям соответствует и тон "Слова" - поучительный, а положение жалующегося на свою судьбу опального человека сообщает "Слову" характер сатиры на современное ему положение общества. Д. возмущается против богачей, княжеских тиунов и рядовичей, угнетающих народ, дурных советников князя; но самой резкой сатире подвергаются "злые жены". В последнем случае Д. следовал греческим поучениям, направленным против развращенных византийских женщин, и, кроме того, внес в "Слово" свое личное нерасположение к женщине. План в "Слове" отсутствует. Это - просто подбор изречений и пословиц на различные темы. Такой гномический его характер много способствовал позднейшим дополнениям и искажениям, сделав его как бы народным протестом против злоупотреблений наместников, монастырских беспорядков, безнравственности, оскорбления слабого сильным. Позднее был прибавлен рассказ о том, как Заточник бросил завощенное свое послание в озеро; его проглотила рыба, поданная к княжескому столу, и таким образом послание дошло до князя. Несмотря на наслоения, "Слово" имеет большой исторический интерес. Важны приводимые им пословицы и поговорки как зачатки рифмы и аллитерации. Составлено ли "Слово" самим Д. или кем-либо другим от его лица, сказать трудно. Древнейшая дошедшая до нас редакция этого памятника (XII в.) носит заглавие "Слово Д. Заточника", "Слово о Д. Заточн.". Вторая редакция (XIII в.): "Послание или моление Д. Заточника к вел. кн. Ярославу Владимировичу", сохранила несколько древних черт, отсутствующих в 1-й редакции. Есть и другие позднейшие переделки, напр. XVII в.

А. Лященко.

{Брокгауз}

Даниил Заточник

- автор литературного памятника начала 13 в. - "Моления", обращенного к переяславо-суздальскому князю Ярославу Всеволодовичу (1213-36). Д. жалу-

ется па свое бедственное положение, между тем как он сам себя считает незаурядным по уму и по образованию. Желание это доказать литературным путем и определило характер "Моления". Оно представляет собой композицию из отдельных изречений, набранных по разнородным источникам; материал заимствуется из книг, также из живой устной речи, в виде пословиц, "мирских притч", и умело связывается с реальными бытовыми образами окружающей Д. действительности. Списки "Моления" (с 15-16 вв. по 18-й) различны по редакции, чему способствовала его афористичность; сам автор под впечатлением игры слов о "Лаче озере - плаче горьком" представлен "заточенным" и пишушим из ссылки. Эта традиция о Д. сложилась не позже 14 в. (в летописи под 1378 озеро Лаче указано как место ссылки Д.).

Даниил Заточник

- древнерусский писатель, с именем которого связывается написание популярного в старой Руси произведения, известного под названием "Моление (в другой редакции "Слово") Д. З.". Происхождение этого памятника, так же как и точное определение его автора, до сих пор является спорным. Достовернее всего следующая гипотеза, наиболее обстоятельно развитая академиком Истриным: Д. З. написал свое "Моление" как обращение к переяславскому князю Ярославу Всеволодовичу в XIII в., в период от 1213 до 1236. Будучи сыном зажиточных родителей и принадлежа к дворянскому классу, он не поладил с родными, впал в бедность и решил использовать для улучшения материального положения свою образованность и литературный талант. Типичный деклассированный аристократ, не ужившийся со своим классом, самоуверенный и даровитый попрошайка, он предлагает князю свои услуги в качестве придворного советчика и, в доказательство своих способностей, пишет ему послание, исполненное внешнего блеска, уснащенное цитатами из священного писания и других ходких книг, сравнениями, притчами, риторическими украшениями и витийственной патетикой. В очень едких и образных выражениях Д. З. попутно критикует боярство и монахов. Упоминание о заточении Д. З. является по-видимому плодом позднейшего измышления. Списки памятника относятся к XV - XVII вв. и обнаруживают значительную его эволюцию.

{Лит. энц.}

Дионисий,

Дионисий

(ок. 1440 – после 1503), русский иконописец, мастер фрески; представитель московской школы живописи, продолжатель традиций Андрея Рублёва. Предположительно, учился в мастерской при московском Симоновом монастыре под руководством старца Митрофана, совместно с которым расписал собор Рождества Богородицы в Пафнутьево-Боровском монастыре (между 1467 и 1476 г.). Искусство Дионисия формировалось в столичной учёной «книжной» среде. Творчество иконописца было высоко оценено современниками, в том числе Иваном III. Мастеру заказывали работы архиепископ Ростовский Вассиан Рыло, духовник Ивана III (иконостас Успенского собора Московского Кремля, 1481); архиепископ Иоасаф Оболенский (росписи собора Ферапонтова монастыря, 1502—03); богослов Иосиф Волоцкий (росписи и иконы Иосифо-Волоколамского монастыря, после 1485 г.). В кругу этих крупных церковных деятелей разрабатывалось представление о государстве как о некоем идеальном организме, где царствуют духовные ценности, нестяжательство и красота.

Дионисий. «Распятие». Икона. Ок. 1500 г. Государственная Третьяковская галерея. Москва

Иконы Дионисия, сияющие светлыми, торжественными белыми, золотыми, красными красками, пронизаны ликующей радостью. Даже «Распятие» (ок. 1500 г.) не передаёт трагедию умирающего на кресте Спасителя, а утверждает победу жизни над смертью. Житийные иконы мастера и его учеников давали зримые образы человеческой жизни как пути духовного совершенствования («Митрополит Пётр с житием», «Митрополит Алексей с житием»; обе – ок. 1481 г.). Фигуры московских митрополитов возвышаются посреди преображённого их трудами и молитвами благостного и несуетного мира. Прославление именно отечественных святых подвижников и основателей монастырей («Прп. Кирилл Белозерский», рубеж 15–16 вв.) отвечало идее укрепления русской церкви и русской государственности. В житийных сценах представлены не только сотворённые ими чудеса, но и деяния во благо государства, переговоры с князьями, поездки в Орду, возведение соборов. В фигурах митрополитов мастер подчёркивает «ангелоподобность», удлиняя их пропорции, замедляя ритм движений. Невесомые, почти бесплотные фигуры, словно парят в светозарных сферах.

Дионисий. Фрески Ферапонтова монастыря. 1502—03 гг. Вологодская область

Вершина творчества Дионисия – выполненные им совместно с сыновьями росписи собора Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря в Вологодской области. Чудом сохранившиеся почти в полной неприкосновенности фрески погружают вошедшего в храм в атмосферу небесного праздника. Среди сюжетов, посвящённых земному пути и прославлению Богородицы, нет главных и второстепенных; все детали, подобно голосам в хоре, звучат в ликующе-радостном созвучии. В красочной гамме фресок царствует синий – цвет Богородицы и горнего, небесного мира. Удлиненные фигуры, погру-

жённые в глубокую синеву, вырваны из плена земного притяжения; все линии, силуэты, движения устремлены ввысь. Каждая сцена – торжественное, возвышенное, полностью очищенное от обыденности действо. Сюжеты разворачиваются на стенах по мере движения вошедшего в храм от входа к алтарю, от «Страшного суда» в западной части до композиций, звучащих радостным гимном Богородице («Покров», «О Тебе радуется», «Собор Богоматери»), в светлом подкупольном пространстве.

Дионисий. «Св. Пётр Митрополит с житием». Икона. Ок. 1481 г. Успенский собор Московского Кремля

После 1503 г. сведения о жизни и творчестве мастера отсутствуют.

(Искусство. Современная иллюстрированная энциклопедия - Издательство: Росмэн – Пресс 2007 г.)

Дионисий

(ок. 1440 - после 1502, по другим исследованиям, после 1503), русский живописец. Работал гл. обр. в Москве и среднерус. монастырях. Большая часть работ Д., исполненных им совместно с др. живописцами, не сохранилась и известна по письменным источникам (фрески Рождественского собора Боровского Пафнутьева монастыря, между 1467 и 1476; иконы для иконостаса Успенского собора Моск. Кремля, 1481; иконы и фрески соборной церкви Успения богородицы в Иосифо-Волоколамском монастыре, после 1485; и

др.). Творчество Д. и его школы развивалось в период образования рус. централизованного гос-ва во главе с Москвой, когда постепенно усиливалось значение церк. догм, когда гос-во, стремившееся использовать иск-во для укрепления авторитета великокняжеской власти, проводило политику его последовательной регламентации. В иконах и фресках Д. по сравнению с иск-вом эпохи Андрея Рублёва проявляются единообразие приёмов, черты праздничности и декоративности, перед к-рыми несколько отступает психологич. выразительность образов. Иконам Д., с их тонким рисунком и изысканным колоритом, с сильно вытянутыми грациозными фигурами, присущи нарядность и торжественность ["Богоматерь Одигитрия", 1482, "Спас в силах", "Распятие", обе 1500,- все три в Третьяковской гал.; иконы для Ферапонтова монастыря, 1500-02 (по другим исследованиям -1502-03), совместно с сыновьями Владимиром и Феодосием, гл. обр. в Рус. музее в Ленинграде и в Третьяковской гал.]. Д. приписывают также иконы "Митрополит Пётр в житии" (Успенский собор Моск. Кремля), "Митрополит Алексей в житии" (Третьяковская гал.) и ряд др. работ. Созданные Д. с сыновьями росписи собора Ферапонтова монастыря близ г. Кириллова (1500-02, по др. исследованиям-1502-03) принадлежат к числу наиболее совершенных образцов ср.-век. рус. монументального иск-ва, где в стройной и цельной системе росписей органично решены идейно-образные и декоративные задачи. Эти росписи отличаются слитностью с архитектурой и красотой подчинённых плоскости стены композиций, с изящными, как бы лишёнными тяжести фигурами и холодной колористич. гаммой, в к-рой преобладают светлые оттенки. Творчество Д. способствовало распространению на Руси торжественного и праздничного иск-ва Москвы, позже ставшего общерусским. (*Большая советская энциклопедия*)

Епифаний Премудрый,

Епифаний Премудрый

- Иеромонах, прозванный *Премудрым*, один из учеников и сожителей Преподобного Сергия Радонежского Чудотворца, сочинил *Службу, Житие и Чудеса* учителя своего и преемника его Никона Радонежских, которое и напечатано было в Московской типографии 1647 г. в лист, также *Житие Св. Стефана Пермского*, помещенное подлинником в Макариевых, а сокращенное в Дмитриевых Четьих Минеях. Он скончался в первой половине XV века и погребен в Обители Сергиевой.

{Болховитинов}

Епифаний Премудрый

ученик Св. Сергия Радонежского, троицкий иеромонах, духовник братии; автор житий: Св. Сергия и Св. Стефана пермск., † 1420 г.

{Половцов}

митрополит Иларион,

Иларион, митрополит киевский

- митрополит киевский, пятый по общему счету и первый из русских. До избрания в митрополиты был священником в с. Берестове, любимом местопребывании Владимира Святого и его ближайших преемников. Отличаясь высоким, по тогдашнему времени, образованием, вел и жизнь благочестивую: на одном из ближайших холмов он ископал себе "печерку малу" - в ней впоследствии поселился св. Антоний - и часто приходил туда втайне молиться Богу. Великий князь Ярослав I также любил Берестово и следовательно не мог не знать тамошнего священника. В 1049 г., умер митрополит Феопемпт; великий князь, находившийся в не совсем хороших отношениях с Византией, собором русских епископов в 1051 г. поставил в митрополиты Илариона. По некоторым известиям он впоследствии принимал участие в решении вопроса о делах, подлежащих духовному, а не светскому суду. Известны следующие произведения св. Илариона: 1) Слово о законе и благодати, к которому присоединены: похвала князю (кагану) Владимиру, просветившему Русь св. крещением, и молитва к Богу от лица всей новопросвещенной Руси (подражание византийскому духовному красноречию, чуждое всякой простоты содержания и слога), 2) Изложение или исповедание веры и 3) Поучение о пользе душевной.

{Половцов}

Иларион, митрополит киевский

- митрополит киевский. Сведения о нем скудны. Известно только, что он был родом русский, одно время был священником в княжеском селе Берестове, рано отдал себя иноческим подвигам. По своему образованию и подвижнической жизни, И. скоро приобрел известность, его полюбил великий князь и, по желанию последнего, в 1051 г., собором русских епископов И. был поставлен русским митрополитом. Это был первый случай поставления митрополита из природных русских и в России. С именем И. связано составление *церковного устава* (номокана) кн. Ярослава, относящееся к последним годам княжения этого князя. По-видимому, И. недолго оставался митрополитом: уже под 1055 г. в летописях упоминается другой митрополит, Ерем. Время кончины И. также неизвестно. Митроп. И. один из знаменитейших писателей нашей начальной литературы. Из соч. И. до нас дошли: "Слово о законе и благодати", написанное еще до поставления И. в митрополиты, "Исповедание веры", произнесенное, предполагают, по случаю поставления, "Поучение о пользе душевной ко всем христианам" (некоторыми исследователями приписываемое, впрочем, Илариону Великому) и "Слово к брату-

столпнику", встреченное в одном сербском сборнике XIV-XV в. Содержание первого из названных сочинений видно из его заглавия: "О законе Моисеем даннем и о благодати и истине Иисус Христом бывшим, и како закон отъиде, благодать же и истинна всю землю исполни, и вера в вся языки простресе, и до нашего языка русского, и похвала кагану вашему Владимиру, от него же крещени быхом, и молитва к Богу от всея земля наша". Слово является свидетельством быстро проникавшего в киевскую Русь византийского образования. Представителем этого, нового на Руси, элемента является не только сам автор, но уже целый кружок лиц, к которым он обращает свое "слово" и которых он называет "преизлиха насыщшимися сладости книжные", кружок лиц, которым хорошо "ведомы книги". Замечательно в авторе его воодушевление; вся первая половина слова - как бы сплошной восторженный крик древнерусского язычника, сознавшего бедность старой веры, сравнительно с новыми идеями и понятиями, принесенными христианством. Чрезвычайно любопытно в новопросвещенном христианском митрополите и чувство национальной гордости, с которой он вспоминает о "старом Игоре" и "славном Святославе", - "не в худе бо и не в неведоме земли владычтвоваша", с гордостью заявляет писатель, - но в "Русской, яже ведома и слышиша есть всеми конци земля". "Исповедание веры" - содержания догматического, отличается богословской точностью и ясностью изложения. "Поучение о пользе душевной" и "Слово к брату-столпнику" - кратки и довольно общи по содержанию. Едва ли названными произведениями исчерпывалась вполне литературная деятельность митроп. И. "Невозможно допустить, справедливо замечает один из исследователей, чтобы человек, мало упражнявшийся в сочинениях, мог вдруг написать такое художественное слово, как "Слово о законе и благодати" И., и выразиться с такой богословской точностью, какую отличается его "Исповедание веры".

А. Архангельский.

{Брокгауз}

митрополит Иона,

Иона, митрополит Киевский и всея Руси

- митрополит Киевский и всея Руси.

Был архимандритом Минского Вознесенского монастыря.

С 1503 по 1507 годы управлял Киевской митрополией.

Скончался 9 июля 1507 года.

Своим выдвижением на митрополию он обязан православной королеве Елене, дочери московского великого князя Иоанна III, которая ходатайствовала за него перед королем Александром. Благословение и поставление на митрополию Иона получил, вероятно, от Цареградского патриарха Пахомия в 1504 году.

Жизнь его до избрания на Киевскую митрополию точно не известна. До принятия монашества он был человеком семейным и имел сына Семена (Сенька Кривой). Можно полагать, что происходил он из Московского государства и, возможно, был духовником королевы Елены после попа Фомы, с которым она прибыла из Москвы.

Как пастырь митрополит Иона был ревностным и строгим, но как человек - очень простым. Он отличался благочестием и горячей преданностью интересам своего народа и веры и пользовался глубоким уважением своей паствы. Во время его правления Западная Русь вновь повернулась к Православию, "за своим пастырем последовали духовные овцы, и не только низший класс народа, но и шляхта и вельможи, поколебавшиеся было прежде". (В 1505 году ходатайствовал к Московскому великому князю о своем сыне, находившемся в московском плену.)

Иона, митрополит московский

- святой, митрополит московский; род. близ Солигалича, на 12-м году постригся в монашество в Галиче, потом перешел в Симонов монастырь в Москву. Здесь он являлся строгим охранителем монашеских уставов, за что подвергался гонениям. В 1437 г. он был поставлен во епископа Рязани и Муррома, а после смерти Фотия собором иерархов был избран в митрополиты. По существовавшему дотоле порядку, он прибыл для посвящения в Константинополь; но оказалось, что он был уже предупрежден Исидором (см. соотв. статью). Когда Исидор был низложен, И., с согласия патриарха константинопольского, был посвящен в митроп. московские (1448) *собором русских свя-*

тителей в Москве, после чего русская церковь сделалась независимой от Константинополя. В 1451 г. вел. князь, оставляя Москву, чтобы собрать войска против ногайцев, охрану столицы доверил И. с боярами. По современным свидетельствам, когда напавшие на Москву ногайцы зажгли ее предместье, И., отставив Кремль, совершил, среди дыма и зноя от пламени, крестный ход по его стенам - и ветер, гнавший пламя на Кремль, внезапно утих. Умер в 1461 г. Еще при жизни ему приписывали дар творить чудеса. Жизнеописатели его рассказывают о многих чудесах при его мощах. После него осталось писанное им самим "Евангелие келейное" и 38 учительных посланий, принадлежащих к числу лучших произведений древнерусской церковно-учительной литературы. Из них одни имеют предметом благосостояние государства и порядок внутреннего управления; другие относятся к охране православия от латинства и к борьбе с стремлениями лжемит-лита Исидора; третьи обращены к частным лицам и содержат в себе утешение скорбящим и увещания к святой жизни. Тридцать пять посланий И. изданы в "Актах историч." и "Актах" археогр. ком. и экспедиции. И. составил чин поставления в епископы.

{Брокгауз}

Иона, святой

- святой, митрополит московский, род. в с. Одноушеве близ Солигалича; умер 31 марта 1461 г. Он принял монашество в одном из галицких монастырей, имея всего 12 лет от роду, затем он был иноком в московском Симонове монастыре и здесь обратил на себя внимание митрополита Фотия, который возвел его в сан епископа рязанского и муромского. В Рязани Иона много сделал для обращения в христианство местных инородцев - Мордвы, Мещеры, Муромы. В 1431 г., после смерти митрополита Фотия, собором русских иерархов избран был ему в преемники Иона, но политические обстоятельства помешали ему немедленно отправиться в Константинополь для утверждения в новом сане: борьба из-за великого княжения сначала между кн. Юрием Дмитриевичем и вел. кн. Василием Василиевичем, а затем между последним и Димитрием Шемякой, удержала Иону в Москве. Он, как и митрополит Фотий, держал сторону вел. кн. Василия Васильевича, стоял за возвышение Москвы, за самодержавие Василия даже тогда, когда Шемяка завладел Москвой, ослепил Василия, а самого Иону признал митрополитом. Отправив ослепленного вел. кн. Василия в Углич, Шемяка упросил Иону взять малолетних детей Василия - Иоанна и Юрия - у князя Ряполовского, который их укрыл из Троицкой лавры в то время, как кн. Иван Можайский захватил вел. кн. Василия; Шемяка дал при этом всеми уважаемому святителю торжественное обещание оставить малолетних князей на свободе. Иона поверил, отправился в Муром и 6 мая 1446 г. привез Иоанна и Юрия к Шемяке в Переяславль; но Шемяка нарушил свое слово и немедленно же отослал своих

новых пленников в Углич. Скоро Василий восторжествовал над своим противником, занял великокняжеский престол, а против Шемяки собор русских епископов, при участии и Ионы, издал в 1447 г. грозное послание, в котором осуждался весь удельный порядок; сам Шемяка в послании этом приравнивался Кайну и Святополку. Между тем в Константинополе был посвящен патриархом в митрополита всея Руси смоленский епископ Герасим, присланный литовским князем. Герасим не успел посетить Москвы: в 1435 г., заподозренный в измене, он был сожжен кн. Свидригайлом; но Иона и после этого не получил утверждения в сане митрополита, так как на русскую митрополию был назначен из Константинополя Исидор, орудие императора Иоанна Палеолога и патриарха Иосифа, замышлявших унию с Римом. Немедленно же по приезде в Россию Исидор отправился, против желания великого князя, на Флорентийский собор, принял там унию, попытался по возвращении в Москву ввести ее и в России, но в 1441 г. был осужден собором русских епископов и заключен под стражу; вскоре однако он успел бежать в Рим. Великий князь Василий приготовил тогда константинопольскому патриарху грамоту, в которой перечислял преступления Исидора и просил утвердить митрополитом Иону, но узнав, что император и патриарх сами приняли унию, он грамоты не послал. Внутренние смуты в России замедлили еще на несколько времени утверждение Ионы в сане митрополита и утверждение это состоялось только 15 декабря 1448 г., помимо патриарха, собором русских епископов. В окружном послании к русскому духовенству Иона доказывал законность своего избрания, ссылаясь на прецеденты, а в Грецию отправлена была грамота, объяснявшая, что митрополит избран самостоятельно "не по кичливости и дерзости", не из желания разорвать союз с греческой церковью, а по "великой нужде", вследствие трудности и отдаленности пути, вследствие внутренних смут и "разногласия в церкви Божией", происходивших в Греции. Падение Константинополя (1453 г.) сделало излишними такие извинения. Нуждавшийся в материальной помощи со стороны России патриарх Геннадий не только прислал свое благословение Ионе, но, приняв во внимание трудности", почти невозможность для русских посещать Константинополь, захваченный турками, предоставил по соглашению с другими патриархами раз навсегда русским епископам право самостоятельно ставить митрополита и притом признал за этим митрополитом по достоинству первое место после патриархов. И по утверждении митрополитом, Иона как и прежде держал сторону великого князя Василия, в грамотах своих требовал покорности ему, обличал Шемяку, посылал грозные грамоты в Новгород, принютивший этого непримиримого врага великого князя московского, и всему духовенству вообще предписывал побуждать князей к войне с татарами в союзе с Василием. Своей деятельностью, Иона много способствовал упрочению власти московского великого князя, которого он именовал уже "великим государем, царем русским".

Митрополиту Ионе подчинена была с 1440 г. также и митрополия литовская, которою он управлял через заместника, жившего в Киеве, но несколько раз

ездил туда и сам, заботился об укреплении православия, просил короля, а также князей, о присоединении митрополии галицкой. Литва к этому времени сложилась уже в самостоятельное государство, для которого митрополит, преданный другому государству, был не особенно желателен.

И в 1459 г., с согласия Исидора, все еще считавшего себя митрополитом всея Руси, папа Каллист III назначил в Киев самостоятельного митрополита Григория, ученика Исидора. Несмотря на грамоты, разосланные вел. князем Василием и митрополитом Ионою, к польскому королю Казимиру, князьям и духовенству, с увещанием не принимать нового митрополита, не нарушать старины, Григорий был принят и, таким образом, митрополия киевская отделилась от московской. Собор русских епископов, созванный 15 декабря 1459 г., своим посланием к литовскому духовенству не мог предотвратить этого факта и только поклялся не принимать Григория. - Митрополит Иона умер 31 марта 1461 г. При перестройке старого Успенского собора, 29 мая 1472 г. открыты были его мощи. Канонизован Иона на соборе 1547 г. Около этого же времени написано, по поручению митрополита Макария, и его житие.

Карпов, "Очерки из истории росс. церковной иерархии"; Макарий, "История русской церкви", т. VI; Терновский, "Исследование о подчинении киевской митрополии московскому патриарху"; Дьяконов, "Власть московских государей"; Барсуков, "Источники русской агиографии"; Васильев, "История канонизации русских святых"; Ключевский, "Жития святых, как исторический источник".

В. Б.

{Половцов}

Кирилл и Мефодий,

Кирилл (ок. 827—869) и **Мефодий** (ок. 815—885), просветители славянских народов, создатели славянской азбуки, проповедники христианства, первые переводчики богослужебных книг с греческого на церковнославянский язык.

Кирилл и Мефодий — братья, родились в г. Солуни.

Кирилл (до принятия монашества в 865 — Константин) получил образование при дворе византийского имп. Михаила III, отказался от административной карьеры, стал патриаршим библиотекарем, затем преподавал философию (отсюда прозвище «философ»). Участвовал в диспутах с иконоборцами, в спорах с мусульманами, хазарскими раввинами.

Мефодий был управителем одной из славянских стран, затем удалился в монастырь и, отказавшись от сана архиепископа, стал игуменом монастыря Полихрон на берегу Мраморного моря.

В 836 Кирилл и Мефодий были отправлены византийским императором в Моравию проповедовать христианство. Речь шла о создании в Моравии самостоятельной, не связанной с Баварией церковной организации.

Славянская азбука была создана Кириллом задолго до поездки и была продолжением деятельности, начатой при дворе византийского имп. Михаила III, связанной с освоением византийской властью славянских земель. Перед отъездом Кирилл с помощью Мефодия перевел с греческого на славянский язык несколько богослужебных книг (избранные чтения из Евангелия, апостольские послания, Псалтирь и др.).

В науке нет единства мнений о том, какую азбуку создал Кирилл — глаголицу или кириллицу. Проповедь на славянском языке вызвала протест немецкого духовенства, т. к. на латинском Западе существовала доктрина, согласно которой общение верующего с Богом должно было обязательно осуществляться на одном из трех священных языков — еврейском, греческом или латинском. В 866 братья были обвинены в ереси и вызваны в Рим, где Кирилл и умер. Мефодий уже в сане архиепископа вернулся в Моравию, где снова подвергся гонениям и с 882 жил в Византии. О деятельности братьев дают представления их жития.

(Использованы материалы сайта Большая энциклопедия русского народа - <http://www.rusinst.ru>)

Кирилл (Константин) - младший из великих славянских просветителей, Константин родился около 827 г. в Солуне (совр. Салоники, греч. название Фессалоника) в семье военачальника. За свою ученость (он знал 5 языков: славянский, греческий, латинский, арабский и еврейский) и красноречие прозван Философом. В 50-е годы IX в. Константин по поручению византийского императора Михаил III (842-867) проповедывал христианство у болгар, арабов и хазар. Когда в 863 г. князь Ростислав (846-870) попросил у Михаила III проповедников для Великой Моравии, он послал туда Константина и его брата Мефодия. До отъезда Константин создал славянскую азбуку, по мне-

нию современных ученых, глаголицу и перевел несколько богословских книг на славянский язык. В Моравии братья в отличие от немецких священников вели проповеди на славянском языке, набирали учеников из местных жителей, учили их читать славянские книги. Из-за происков немецких миссионеров они в 866 г. должны были отправиться в Рим для подтверждения своих полномочий у папы Николая I (858-867). В Риме Константин заболел и скончался 14 февраля 869 г., приняв перед смертью схиму и монашеское имя Кирилл. Позднее канонизирован православной и католической церквями.

(Русско-славянский календарь на 2005 год. Авторы-составители: М.Ю. Досталь, В.Д. Малюгин, И.В. Чуркина. М., 2005.)

Мефодий - старший из славянских первоучителей. Он рано поступил на военную службу, 10 лет являлся правителем одной из областей Византии. Затем Мефодий удалился в монастырь, вел успешную миссионерскую деятельность в Болгарии. В 863 г. он вместе с братом Константином отправился в Великую Моравию. После смерти Константина (Кирилла) в 869 г. папа Адриан II (867-872) посвятил Мефодия в сан архиепископа Моравии и Паннонии. Вместе с учениками Мефодий занимался распространением славянского богослужения в этих славянских княжествах. После гибели своего покровителя князя Ростислава в 870 г. и прихода к власти Святополка (870-894) просветитель был заключен в тюрьму Зальцбургским епископом, где пробыл более двух лет. Благодаря вмешательству папы Иоанна VIII (872-882) Мефодия освободили и восстановили в сане архиепископа. Он вместе со своими учениками вел упорную борьбу с немецким духовенством. После смерти Мефодия Святополк изгнал его учеников из Великой Моравии. Как и Кирилл, Мефодий канонизирован православной и католической церквями.

(Русско-славянский календарь на 2005 год. Авторы-составители: М.Ю. Досталь, В.Д. Малюгин, И.В. Чуркина. М., 2005.)

Нестор,

Нестор

- преподобный, монах Киево-Печерского монастыря; род. в 1056 г.; 17-ти лет пришел в монастырь, был пострижен в иноки, потом посвящен в диаконы. В 1091 г. ему было поручено открыть мощи преподобного Феодосия. Умер около 1114 г. Других сведений о нем не сохранилось. Долгое время преподобному Н. приписывали составление первой русской летописи - "Повести временных лет", но приблизительно с середины нынешнего столетия это мнение поколеблено. Защитники его основывались на приписке имени Н., как составителя, в Хлебниковском своде (XV-XVI вв.) и на словах черноризца Поликарпа в его послании к киево-печерскому архимандриту Акиндину (XIII в.): "якоже блаженный Н. в летописце написа..." П. С. Казанский одним из первых указал ("Отечественные Записки" за 1851 г.) на значительный ряд противоречий летописи с другими произведениями Н., несомненно ему принадлежащими: "Сказание о Борисе и Глебе" и "Житие Феодосия" (см.). Другие исследователи доказывали даже, что составителем летописи был не только не Н., но даже и не монах киево-печерского монастыря. "Житие Феодосия" (написано около 1088 г.) считается, по полноте и стройности, образцом летописной биографии. Оно богато сведениями о киево-печерской обители и лицах, живших в ней. "Житие" в переводе на русский язык напечатано преосв. Филаретом в "Ученых Записках II отд. Академии Наук" (1856, II т.).

В. Р-в.

{Брокгауз}

Нестор Летописец

- преподобный. Было время, когда к преп. Нестору относили все те места Повести временных лет, где идет речь в первом лице, - и получалась довольно обстоятельная биография: указывали точно год и место рождения, время прибытия и поступления в монастырь, год смерти и общий возраст (Миллер, Шлецер, Татищев, м. Евгений, арх. Филарет, м. Макарий, Кубарев, Бутков, архп. Димитрий и многие др.). Теперь же, когда принадлежность Нестору Начальной летописи оспаривается, требуют значительных ограничений и все эти биографические подробности. Во всяком случае, несомненно, что преп. Нестор был инок Киево-Печерского монастыря: прибыл он сюда при игумене Стефане, который его принял, постриг и возвел в сан диакона. При торжественном открытии мощей преп. Феодосия (1091 г.) Нестор является одним из главных действующих лиц. На большой авторитет Нестора среди братии Печерской обители указывает рассказ Киево-Печерского Патерика об изгнании беса из черноризца Никиты Затворника: здесь, наряду с такими подвиж-

никами веры и благочестия, как игумен Никон, Пимен Постник, Агапит Лещец, Григорий Чудотворец, Исаакий Печерник, Григорий, творец канонов, Онисифор Прозорливец, - стоит и Нестор, "иже написа летописец", тогда еще сравнительно юный инок. О времени канонизации преп. Нестора ничего определенного сказать нельзя. Имени его нет ни в древнейших Месяцесловах, ни в Прологах, ни в Четьих-Минях. В Описании иконописи Киево-Печерской Лавры начала XVIII в. упоминается живописное изображение "преп. Нестора диакона" и "преп. Нестора летописца", но как далеко восходит основа этого Описания - вопрос спорный.

Житие Нестора впервые находим в славянском печатном издании Киево-Печерского Патерики 1661 г. ("сказание многословное, - справедливо замечает преосв. Филарет, - но бедное по содержанию"), откуда оно заимствовано в Четьи-Минеи св. Димитрия Ростовского.

Церковная служба ему, как и другим "Преподобным отцем Печерским, ихже мощи в ближней и дальней пещере нетленно почивают", составлена еще позже: первое печатное издание ее относится лишь к 1763 году. Мощи преп. Нестора открыто почивают в Киеве, в Антониевых (ближних) пещерах. Церковь ублажает его, как "богомудрого житий святых писателя первейшего и ревнителя о них доброго", "времена и лета многочисленныя церкви, житие и добродетели отец первоначальных писанием нам изъяснившего". В Иконописном подлиннике о преп. Несторе замечено: "подобием сед, брада аки Богословля, не раздвоилась, на плечах клубук, в правой руке перо, а в левой - книга и четки, ризы преподобнические".

Из литературных трудов" преп. Нестора мы знаем: 1) Чтение о житии и погублении блаженную страстотерпцю Бориса и Глеба, 2) Житие преподобного отца нашего Феодосия, игумена Печерского и 3) Летопись. Главнейший труд - Житие Феодосия Печерского, составленное в промежуток времени между 1077 и 1088 годами: оно одно может дать некоторую точку опоры в суждениях о Несторе, как писателе. Пользуясь большой популярностью в древнерусской письменности, Житие преп. Феодосия имеет довольно сложную литературную историю, которую можно проследить при более или менее внимательном отношении к различным редакциям Киево-Печерского Патерики, в составе которого это Житие издавна занимает очень видное и почетное место. Как литературное произведение, Несторово Житие обладает значительными достоинствами и ясно говорит о большой начитанности и выдающейся образованности автора: хороший язык (выдержанный церковно-славянский стиль), толковое и по местам занимательное изложение, сравнительно немного того "добрословия" и "плетения словес", которыми так изобилуют позднейшие (северорусские) жития. Древнейший список Жития Феодосия дошел до нас в так называемом Успенском Сборнике XII в. По этой рукописи, хранящейся теперь в Московск. Синод. библ., Житие издавалось три раза: Бодянским ("Чтения в Общ. ист. и др. р." 1858, III), А. Поповым ("Чтения в

Общ. ист. и др. р." 1879, I) и А. А. Шахматовым и П. А. Лавровым ("Чтения в
Общ. ист. и др. р." 1899 г. и отд.: Сборник XII в. Моск. Успенск. Собора.
Вып. I).

Раньше Жития преп. Феодосия Печерского Нестором составлено (вскоре по-
сле 1079 г.) Чтение о житии и погублении Бориса и Глеба, стоящее совер-
шенно независимо от других агиологических памятников, посвященных свв.
Борису и Глебу. В историко-литературном отношении Чтение стоит ниже
Жития: в нем больше общих мест и таких подробностей, которые не имеют
прямого отношения к делу, больше бесцветности и шаблонности в характе-
ристиках; заметно пренебрежительное отношение к собственным именам и
хронологическим датам, как не прибавляющим назидания; отсутствие в со-
держании историко-бытового материала. Указанные недостатки объясняются
отчасти авторской неопытностью начинающего Нестора, а отчасти тем, что
самый предмет второго сочинения был гораздо интереснее и ближе нашему
автору, как иноку Печерского монастыря, чем предмет первого. Древнейший
список Несторова Чтения о Борисе и Глебе относится к первой половине XIV
в.: это - так называемый Сильвестровский Сборник Московской Типограф-
ской библиотеки. По этому списку Чтение издано три раза: Бодянским ("Чте-
ния в Общ. ист. и др. рос." 1859, I), Срезневским ("Сказания о свв. Борисе и
Глебе". СПб., 1860) и Абрамовичем (в "Памятниках древнерусской литерату-
ры". Вып. 2-й). Большой известностью Чтение не пользовалось, как можно
видеть из того, что оно дошло до нас в сравнительно ограниченном количе-
стве списков и не повлияло на другие аналогичные памятники.

Что касается отношения преп. Нестора к Начальной Летописи, то все разно-
образие мнений по данному вопросу можно свести к трем категориям. 1) Нестору
принадлежит вся так называемая "Повесть временных лет", сохра-
нившаяся, впрочем, - как утверждает большинство сторонников этого мнения
с Татищевым и Шлецером во главе, - не в первоначальном своем виде, а зна-
чительно измененное и искаженное вставками, пропусками и ошибками
позднейших переписчиков и редакторов. 2) Нестору в Повести времен. лет
могут принадлежать только те статьи, которые непосредственно касаются ис-
тории Киево-Печерского монастыря. Таким образом вопрос о Несторовой
Летописи отделяется от вопроса о Повести времен. лет в том смысле, что
Несторова Летопись не должна быть отождествляема с Повестью, как одна из
составных ее частей. 3) Наконец, Нестор, автор Жития преп. Феодосия Пе-
черского и Чтения о свв. Борисе и Глебе, и Нестор Летописец - ничего обще-
го между собой не имеют, кроме имени (П. С. Казанский, Голубинский, А. И.
Соболевский). В современной исторической науке все права гражданства по-
лучил взгляд на Начальную Летопись, как на свод самого разнообразного ис-
торического и литературного материала, нечто вроде исторической хресто-
матии. Высказанное еще в 1820 г. Строевым, это мнение вполне подтверди-
лось учеными наблюдениями Соловьева, Срезневского, Сухомлинова, Беляе-
ва, Костомарова, Бестужева-Рюмина, Ключевского, А. А. Шахматова, Е. Н.

Щепкина, М. С. Грушевского, С. Ф. Платонова и др. Самыми типичными выразителями такого взгляда на Начальную Летопись являются Костомаров, Бестужев-Рюмин и А. А. Шахматов. В летописный свод, известный под именем Повести времен. лет, вошел целый ряд статей и заметок, касающихся специально истории Киево-Печерской обители, короче сказать - Печерская Летопись. В деле составления этой Печерской Летописи ближайшее участие принимал преп. Нестор: связываемый с его именем (в Печерском Патерике) "летописец" есть не что иное, как летопись Печерской обители за вторую половину XI столетия. Вот единственно возможное решение давнего вопроса об отношении Нестора, составителя Жития Феодосия и Чтения о Борисе и Глебе, к нашей Начальной Летописи. Совершенно игнорировать свидетельство Печерского Патерика или различать двух Несторов современников: младшего, диакона, автора житий, и старшего - летописца, мы не имеем ни исторического, ни литературного права. На основании тех историко-литературных данных, какими располагает наука в настоящее время, можно думать, что в состав предполагаемой Несторовой Летописи входили: Сказание, что ради прозвася Печерский монастырь; Слово о первых черноризцах Печерских; Слово о перенесении мощей преп. Феодосия; несколько мелких заметок, напр. о проречении преп. Феодосия и внесении имени его в синодик, о погребении Яневой и др. Источниками для изучения Несторовой Летописи служат - Повесть времен. лет (ср. Лаврентьевский и Ипатьевский списки, Никоновский свод, Летоп. Переяславля Суздальского и др.) и Киево Печерский Патерик. В Повести времен. лет Сказание о начале Печерского монастыря читается под 1051 годом, Слово о первых черноризцах Печерских - под 1074, а о перенесении мощей преп. Феодосия - под 1091-м. Что же касается Печерского Патерика, то наибольший интерес при изучении Несторовой Летописи представляют так называемые Кассиановские редакции этого памятника, в особенности же вторая Кассиановская, составленная в 1462 г. "повелением смиренного Кассиана, уставника Печерского".

Д. И. Абрамович.

{Половцов}

Афанасий Никитин,

Никитин, Афанасий

- тверской купец, описавший свои странствования по Персии и Индии в любопытном дневнике, известном под заглавием "Написание Офонаса тферитина купца, что был в Индии четыре года, а ходил, сказывают, с Васильем Папиным". Это "Написание" внесено в полном виде в "Софийский временник" под 1475 г. ("Полное Собр. Рус. Летоп.", VI), а в сокращении - в "Русский летописец" (там же). Н., человек любознательный и предприимчивый, узнав в 1466 г. о посольстве, отправлявшемся в Шемаху, решил ехать туда же, с товарищами. В дневнике описано его плавание по Волге, битва с татарами, плен и освобождение, по требованию русского посла Папина и Ширваншаха. Первое путешествие по Востоку Н. совершил с зимы 1467 до весны 1469 г., через Персию, до берегов Персидского залива. Затем до февраля 1472 г. Н. путешествовал по Индии три года, часто в нищенском состоянии, потеряв все, что имел, и подвергаясь опасности лишиться жизни. Третья поездка, занявшая лето и осень 1472 г., была совершена Н. по Персии и Турции к берегам Черного моря, в Трапезунт, откуда Н. отправился через Литву на родину, но, не доехав до Твери, скончался. В свой дневник Н. заносил все, что казалось ему любопытным и полезным. Долго живя среди туземцев Индии, он ознакомился с их религией, привычками и домашним бытом. Большой точностью отличается описание поклонения "Буте" в священном городе Парвате. Н. дает сведения об алмазных коях, торговле, вооружении, животных: главным образом интересуют его змеи, обезьяны и таинственная птица гукук, предвещающая, по верованию индусов, смерть. Путешествие Н. совершено было за 25 лет до открытия пути в Индию Васко де Гама; по своей точности его записки могут быть, как говорит И. И. Срезневский, поставлены наряду с дневником Васко де Гама и отчетами Де Конти.

См. Срезневский, "Ученые Записки Академии Наук" (кн. II, вып. 2, 1856).

В. П.

{Брокгауз}

Никитин, Афанасий

(г. рожд. неизв. - ум. 1472) - рус. путешественник, тверской купец. В 1466 отправился с торговыми целями из Твери (ныне г. Калинин) вниз по Волге, достиг морем Дербента, добрался до Баку, затем пересек Каспийское м. и проник в Персию, где жил около года; весной 1469 он прибыл в г. Ормуз (Хормуз; на одноименном острове у входа в Персидский зал.) и по Аравийскому

м. достиг Индии, где прожил ок. 3 лет; на обратном пути он вернулся в Ормуз, через Персию и современную Вост. Анатолию дошел до Трапезунда, пересек Черное м. и в 1472 прибыл в Кафу (Феодосия). Во время путешествий Н. вел записи, к-рые известны в литературе под названием "Хождение за три моря"; они отличаются точностью и обилием фактич. материала. Н. дал разностороннее описание посещенных им областей, имевшее важное значение для ознакомления с Индией, о к-рой в Зап. Европе, а также в России существовали фантастич. представления. Работа Н., являясь литературным памятником, представляет собой ценный документ по истории Индии, Персии и России того времени. Соч.: Хождение за три моря, М., 1950.

Лит.: Хождение за три моря Афанасия Никитина. 1466-1472, под ред. В. Д. Грекова и В. П. Адриановой-Перетц, М., 1948 (имеется библиография).

Никитин, Афанасий Никитич

- тверской купец XV века, писатель-путешественник. Время рождения Н. в точности не известно. В 1466 г., когда посол владетеля Шемахи, ширваншаха Форус-Есара, именем Асан-бег, бывший у великого князя Иоанна III, собрался в обратный путь в Шемаху вслед за русским послом Василием Папиным, Никитин, проведавший о московском посольстве в Шемаху, решил вместе с ним отправиться туда для распространения русских товаров. Он с товарищами снарядил два судна, получил проезжую грамоту от тверского князя Михаила Борисовича и посадника Бориса Захарьича и с благословения владыки Геннадия, помолившись в соборе Спаса Золотоверхого, поплыл вниз по Волге. В Костроме Никитин получил от великого князя Александра Васильевича великокняжескую проезжую грамоту за границу и с ней поехал в Нижний Новгород, где думал сойтись с послом московским Папиным, но не успел его захватить. Дождавшись приезда шемахинского посла Асан-бега, он вместе с ним поплыл Волгой далее, благополучно опустил к рукаву Волги - Бузану, но подле Астрахани был ограблен татарами, причем погибла вся рухлядь Никитина, в том числе и книги. Татары отпустили из устья Волги только два судна, но одно из них разбилось во время бури о берег, и бывшие на нем русские люди захвачены в плен горцами - кайтанами. Никитину, однако, удалось добраться до Дербента, где он застал московского посла Василия Папина, которого стал просить позаботиться об освобождении захваченных кайтанами русских. Русские были освобождены и вместе с Никитиным представлены в Кайтуне ширваншаху, который принял их очень ласково, но на просьбу помочь возвратиться на родину отвечал отказом, ссылаясь на то, что их слишком много. Пришлось русским людям расходиться в разные стороны, причем Никитин, по его собственным словам, "пошел к Дербенту, из Дербента к Баке, где горит огонь неугасимый, а потом за море". Свое путешествие Никитин впоследствии назвал "хождением за три моря" - Дербентское (Каспийское), Индейское и Черное. "Хождение" Никитина можно разделить на

четыре части: 1) путешествие от Твери до южных берегов Каспийского моря; 2) первое путешествие по Персии; 3) путешествие по Индии и 4) обратное путешествие чрез Персию на Русь. Первое его путешествие через Персидские земли, от южных берегов Каспийского моря (Чебукара) до берегов Персидского залива (Бендер-абаси и Ормуза), продолжалось более года, от зимы 1467 до весны 1469 г. Он проехал через "Чебокар, Сару, Амиль, Димовант, Рей, Кашан, Каин, Езд, Сырчан, Таром, Лар, Бендер, Гурмыз". В его заметках об этом путешествии имеется лишь указание пути посредством обозначения местностей и некоторых расстояний и упоминание о смутном состоянии, в котором тогда находилась Персия. Переправившись из Дагестана по Каспийскому морю в Мазандеран, Никитин полгода провел в Чапакуре, где, между прочим, праздновал и Пасху 1468 года, затем перешел в Сари, где оставался месяц; отсюда направился в Амоль, из которого поднялся в горы, и за Демавендом спустился к Тегерану, или точнее, к Рею, ибо Тегеран был в то время незначительным городом в окрестностях Рея. Затем, из Тарома Никитин повернул на запад к Лару, а из Лара опять на восток в Бендер-Абаси. Такой характер путешествия Никитина объясняется его торговыми интересами; он посещал все видные торговые места и даже по месяцу оставался в них. Из Персии Никитин отправился в Индию. Путешествие его по Индии продолжалось почти три года: от весны 1469 г. до января или февраля 1472 г. Описание этого путешествия занимает большую часть дневника Никитина. Он отправился из Ормуза на Фоминой неделе 9-го или 10-го апреля 1469 г. и в двадцатых числах апреля подошел к Индийскому берегу в Диу, затем имел остановку у Камбои по пути к Чювилю, куда прибыл через шесть недель. Здесь он был поражен видом "черных" обнаженных индийских туземцев и их "плохой едой". Продолжая свое путешествие через горы Гатские до Пали, Умри и далее к Чюнейру (Джюниру), Никитин не забывал своего торгового дела и, по-видимому, умел и на чужбине извлекать из него выгоду. Из Чюнейра, где он чуть не лишился свободы за отказ переменить веру, Н. отправился через Кулонгер и Кольберг в Великий Бедерь, где оставался несколько месяцев. В течение следующего затем года Никитин, по-видимому, продолжал путешествовать по Индии, что видно из подробных, изобличающих самовидца, описаний городов Биджнягура и Рачюра. С наступлением 1471 г. Никитин задумал вернуться на родину, что осуществить было нелегко вследствие происходивших в то время на Индостане войн. Боясь оставаться в Индии, чтобы не издержать всего своего достояния, Н. вынужден был отказывать себе во многом: не пил ни вина, ни сыты и все же издерживал в день по два с половиной алтына. За месяц до байрама он вышел из Бедеря и чрез Кельберг, Кулури, город, знаменитый драгоценными камнями, особенно сердоликом (в этом городе Н. провел пять месяцев), Алянд, куда он прибыл, вероятно, во второй половине октября 1471 года, Камендрию, Кынаряс, Сур, в начале 1472 года добрался до Дабыля. Таким образом, во время своего путешествия по Индии Никитин объехал значительную часть западного полуострова, между реками Кистной и Годавери, т. е. области Аурунгабад, Бедерь, Гейдерабад и Беджапур. Вместе с описаниями местностей, которые он посе-

тил, он занес в свои записки и замечания о природе страны и ее произведениях, о народе, его нравах, верованиях и обычаях, о народном управлении, войске и т. п. Его заметки о народном управлении, несмотря на свою сбивчивость, любопытны тем, что их нет в рассказах других современников. Большой точностью отличается рассказ Н. о поклонении индусов "Буте" в священном городе Парвате. Из животных он обратил внимание на слонов, буйволов, верблюдов, обезьян, живущих, по его словам, в горах, по скалам и по лесам, и имеющих своего "князя обезьянского". Поразили Н. также змеи "в две сажени длиной" на улицах Бедеря и птица "гукук", летающая ночью, предвещающая смерть и изрыгающая огонь на тех, кто намеревается ее убить. Из царства растительного Н. обратил внимание исключительно на некоторые пальмы и "великие", по-видимому, кокосовые, орехи. Подробно описаны Н. в особых заметках пристани Индийского моря. Описание это особенно любопытно, так как дает довольно подробные сведения о торговле и мореплавании того времени. Н. указывает, чем богата каждая пристань. В Дабыле Никитин окончательно распростился с Индией. Припоминая свой отъезд, он отметил, что Дабыль - город очень большой, что туда съезжается все поморье Индейское и Ефиопское. "И ту окаянный аз рабище Афанасие Бога вышняго, творца небу и земли, взмыслихся по вере, по христианской, и по крещении Христове, и по говейных святых отец устроеных, и по заповедех апостольских, и устремихся умом поити на Русь". Он сел в тову (судно), договорив для себя место за два золотых от Дабыля до Ормуза. Однако ветры занесли корабль в сторону и после месячного плавания он пристал к берегу в виду Ефиопских гор, где подвергся нападению туземцев. Через пять дней корабль продолжал плавание, а через двенадцать Никитин высадился в Мошкате. Здесь он отпраздновал шестую за время своего странствования Пасху и после девятидневного плавания прибыл в Ормуз, откуда по знакомым местам добрался до расположенного близ Тавриза стана знаменитого завоевателя Западной Азии - Асан-бега, где провел десять дней, чтобы разведать, каким путем можно пробраться на север. В сентябре 1472 г. он через Арцингам направился в Трапезонт, куда прибыл ко дню Покрова. Здесь Н. подвергся обыску, причем у него "все, что мелочь добренькая, они выграбили все". С большим трудом, вследствие частых бурь на Черном море, удалось Н. добраться до Балаклавы, а оттуда к Кафе, где он облегченно воскликнул: "милостию Божию преидох три моря". Неизвестно, какой дорогой воротился Н. на Русь, но можно думать, что возвращался он через Крым и Литву. Умер Н., не доехав до Твери, - в Смоленске. Лучшая характеристика Афанасия Никитина и его дневника, внесенного в полном виде в "Софийский временник" под 1475 годом под заглавием "Написание Офонаса тверитина купца, что был в Индеи четыре года, а ходил, сказывают, с Васильем Папиным", - дано академиком И. И. Срезневским. "Как ни кратки записки, оставленные Никитиным, - говорит он, - все же и по ним можно судить о нем как о замечательном русском человеке XV века. И в них он рисуется, как православный христианин, как патриот, как человек не только бывалый, но и начитанный, а вместе с тем и как любознательный наблюдатель, как путешественник-писатель, по

времени очень замечательный, не хуже своих собратьев иностранных торговцев XV века. По времени, когда писаны, его записки принадлежат к числу самых верных памятников своего рода: рассказы ди Конти и отчеты Васко де Гама одни могут быть поставлены вровень с "Хождением" Никитина. Как наблюдатель, Н. должен быть поставлен не ниже, если не выше современников-иностранцев". Предприимчивый, совершивший, вероятно, не одно путешествие за пределы Руси, что видно из приведенного им сравнения изображения Будды со статуей Юстиниана, находившейся в Константинополе, и дружественных его отношений с иностранными купцами, Н., несмотря на неудачи, не падал духом и увлеченный рассказами восточных купцов, "залгавших его псов-бесерменов" о находившихся в Индии товарах, полезных для его родины, смело пробирался вперед, в земли неведомые. Общительный, наблюдательный, быстро усваивавший языки, Н. тщательно знакомился с предметами торговли каждого города, а попутно и с природой и жителями каждой страны. Человек верующий, после пропажи религиозных книг вынужденный соблюдать посты и праздники приблизительно, Никитин искренно скорбел об этом, жалуясь в "Хождении", что не знает, "когда пост, когда Рождество Христово, когда среда, когда пятница". Видя новые религии, Н. невольно должен был задаваться вопросом, какая же вера правая, и приходил к замечательному для человека того времени заключению: "А правую веру Бог ведает, а правая вера - Бога единого знати и имя его призывати на всяком месте чисте чисто". Отмечая особенности и достоинства виденных им земель вполне беспристрастно, Н. часто переносился мыслью на Русь. С особенной силой проснулись в нем воспоминания о родине в городе Дабыле. Даже после всего того, что он видел в разных странах, русская земля кажется ему всего прекраснее, и вспоминая ее Никитин восклицает: "А Русская земля - да сохранит ее Бог. Боже, сохрани ее! В этом мире нет такой прекрасной страны. Да устроится Русская земля!".

А. П.

{Половцов}

Пахомий Серб,

иначе **Пахомий Логофет** (гг. рожд. и смерти неизв.), учёный монах, писатель-агиограф 15 в. Серб по происхождению. Прибыл с Афона на Русь между 1429 и 1438. Составитель первоначальной редакции Русского хронографа. Автор житий моск. и новгородских святых (Сергия Радонежского, митрополита Алексея, Варлаама Хутынского и др.), а также многочисл. "похвал" и "служб" святым, написанных по заказу светских и духовных властей. Соч. П. Л. свойственны нравоучит. панегиризм и риторически украшенный стиль. (*Большая советская энциклопедия*)

митрополит Пётр,

Петр, митрополит всея России

- святой, митрополит всея России; родился на Волыни во второй половине XIII в. Двенадцати лет он поступил в монастырь, где научился писать иконы и отличался своим подвижничеством; впоследствии основал обитель на р. Рате. В 1299г. тогдашний митрополит Максим окончательно оставил Киев и поселился во Владимире на Клязьме. Недовольный этим вел. князь Галицкий Юрий Львович захотел иметь своего собственного митрополита. С этой целью он избрал П. и отправил его в Константинополь для посвящения; но именно в это время умер митрополит Максим (1305), и патриарх Афанасий посвятил П. не в митрополиты Галицкие, а *всея России*. Сделавшись митрополитом, П. только проездом остановился в Киеве и отправился на север, где в это время шла борьба за великокняжеское достоинство между Михаилом Тверским и Юрием Московским. П. принял сторону последнего, вследствие чего возведено было на П. обвинение перед патриархом со стороны тверского епископа Андрея. Для суда над П. был созван в 1311 г. собор в Переяславле, признавший обвинение Андрея клеветой. В 1313 г., когда ханом сделался Узбек, первый из ханов принявший магометанство, П. отправился в Орду. Его приняли там с честью и отпустили с новым ярлыком. Все прежние льготы духовенства были подтверждены и прибавлена новая: все церковные люди по всем делам, не исключая и уголовных, были подчинены суду митрополита. Когда после смерти Михаила Тверского и Юрия Московского Александр Михайлович Тверской получил от хана ярлык на великое княжение и вступил в борьбу с Иваном Даниловичем (Калитой) Московским, П. принял сторону последнего, поселился в Москве и уговорил Калиту построить кафедральный собор во имя Успения Богородицы. Своим переселением в Москву он много способствовал возвышению Моск. княжества. П. умер в 1326 г. Церковь причислила его к лику святых; память его чествуется 21 декабря.

Н. В-ко.

{Брокгауз}

Петр, митрополит Киевский и всея Руси

- святитель, митрополит Киевский и всея Руси.

† 1326; память 24 августа/6 сентября, 5/18 октября и 21 декабря/3 января.

Родился на Волыни от благочестивых родителей.

Семи лет отрок Петр был отдан учиться грамоте.

В 12 лет постригся в монахи, служил, нося воду и дрова в монастырской поварне, выучился по собственному желанию "иконному письмени и бысть иконник чуден".

На реке Рати на Волыни (между Львовом и Бельзом) основал собственный монастырь. Впоследствии был игуменом созданного им на реке Рате монастыря.

Когда этот монастырь посетил во время своего путешествия в Константинополь митрополит Киевский и Владимирский Максим († 1305; память 6/19 декабря), Петр подарил ему написанный им образ Пресвятой Богородицы. После смерти митрополита Максима один из владимирских игуменов, Геронтий, заявил притязания на сан митрополита. Он отправился в Константинополь за патриаршим благословением, по-видимому, по инициативе великого князя Михаила Ярославича Тверского, взяв эту икону для поставления в митрополиты. Но прежде него туда прибыл Петр, посланный Галицким великим князем Юрием Львовичем, недовольным переносом места пребывания митрополита из Киева во Владимир и желавшим раздела русской митрополии. Патриарх Афанасий, за несколько лет до этого (в 1303 году) давший Галиции отдельного митрополита, теперь (в мае-июне 1308 года) рукоположил Петра в митрополиты всея Руси, а привезенную Геронтием икону передал Петру.

Из Константинополя святитель Петр возвратился в Киев - столицу русской митрополии, однако оставался там недолго (город был в развалинах, разрушенный татарами).

В 1309 году святитель Петр переехал во Владимир и перенес туда свою первосвятительскую кафедру и, несмотря на то, что был встречен в северовосточной Руси враждебно, "нача учити заблудшая крестьяны, ослабевша нужда ради поганых иноверец", обходя "Волынскую землю, Киевскую и Суздальскую землю".

5 июня 1309 года он рукоположил архиепископа Новгородского Давида († 1325).

В 1310 году был в Брянске, убеждал там князя Святослава, изгнавшего оттуда своего племянника Василия, вернуть ему город или поделиться с ним княжением, но тщетно, и пережил там, укрывшись в церкви, набег татаро-монголов, с помощью которых Василий вернул себе город и убил Святослава.

В 1311 году рукоположил епископа Ростовского Прохора († 1328; память в Соборе Ростово-Ярославских святых 23 мая/5 июня).

В 1311 году в Переяславле-Залесском состоялся Собор, явившийся результатом какой-то жалобы, поданной на митрополита Петра епископом Тверским

Андреем († 1323), сыном литовского князя Герденя. На этом Соборе в присутствии детей великого князя, Дмитрия и Александра Михайловичей Тверских, митрополит Петр сумел доказать свою правоту. Доносчик был посрамлен, но святитель Петр кротко простил его, сказав: "Не ты сие сотворил, но древний завистник рода человеческого - диавол".

В 1312 году митрополит Петр лишил сана епископа Сарайского Измаила.

В 1313 году святитель Петр с великим князем Михаилом Ярославичем († 1318; память 22 ноября/5 декабря) ходил в Орду по случаю восшествия на престол хана Узбека. В 1315 году получил от этого хана ярлык, согласно которому подвластные митрополиту лица освобождались от княжеского суда.

В 1325 году из Владимира в Москву была перенесена митрополичья кафедра.

Весной 1325 года в Москве митрополит Петр рукоположил архиепископа Новгородского Моисея († 1362; память 25 января/7 февраля).

В 1325 году похоронил убитого в Орде великого князя Владимирского Юрия Даниловича.

Обходя города Суздальской земли, узнавая и испытывая людей и князей, он особенно любил кроткого и миролюбивого великого князя Московского Ивана Даниловича Калиту. В то время как из великокняжеской Твери шла крамола и вражда, в Москве тихолюбивый князь заботился более всего о тишине, вселяя уверенность, что желанное спокойствие будет крепко и на будущее время.

В августе 1326 года по желанию и совету митрополита Петра великий князь Иван Данилович Калита заложил в Москве первую каменную церковь в честь Успения Пресвятой Богородицы. "Если ты, - сказал святитель, - упокоишь старость мою и возведешь здесь храм Богоматери, то и сам прославишься с родом своим паче иных князей, и град твой будет славен перед всеми градами русскими, и святители поживут в нем, и въздут руки его на плечи врагов его, и прославится Бог в нем". Князь с усердием приступил к постройке храма, но святитель Петр не дождался окончания строительства. Он только успел собственными руками приготовить себе в алтаре гроб, но освятить церковь не успел. Перед смертью он завещал все свое имение на строительство этой церкви, заочно благословил отсутствовавшего князя и во время вечерней службы скончался с молитвой на устах и с воздетыми к небу руками.

Скончался митрополит Петр с 20 на 21 декабря 1326 года и был погребен в приготовленной им самим гробнице в стене Успенского собора Московского Кремля, с левой стороны жертвенника.

Канонизирован сначала в 1327 году на Соборе во Владимире, где епископ Ростовский Прохор прочел записанные по инициативе Ивана Даниловича Калиты посмертные чудеса митрополита Петра.

В 1339 году, при митрополите Феогносте († 1353; память 14/27 марта), по благословению патриарха Константинопольского Иоанна XIV, митрополит Петр был причислен к лику святых. С тех пор ни одно значительное государственное событие в истории России не обходилось без молитвы у гроба святителя Петра. Святитель призывался в свидетели при составлении государственных договоров. У раки святого целовали крест на верность великому князю Московскому. При гробе его нарекались и избирались русские перво-святители.

В связи с перестройкой Успенского собора дважды совершилось перенесение мощей святителя Петра - в 1472 и 1479 годах, в память чего установлено празднование 24 августа/6 сентября.

Святые мощи митрополита Петра находятся в Успенском соборе между северным предалтарем главного престола и приделом святых апостолов Петра и Павла.

Чтобы понять, каким сокровищем для паствы был митрополит Петр, достаточно вспомнить о дне его рукоположения Константинопольским патриархом Афанасием в храме Святой Софии в Царьграде. Когда Петр явился в храм Святой Софии, храм наполнился благоуханием, и патриарх пророчески сказал тогда: "Повелением Божиим притек к нам дивный муж, который благодатию Божией упасет вверенное ему стадо".

Кротость и милосердие митрополита Петра были беспредельны. Он отдавал бедным все, что имел, до убогой своей власяницы.

Святитель Петр утверждал на Руси православную веру, ниспровергая ереси, подвергая церковному прещению еретиков. Для духовного назидания своей паствы митрополит Петр неоднократно писал послания. До наших дней сохранилось шесть посланий, связанных с именем митрополита Петра.

Выдающаяся церковно-государственная деятельность святителя Петра уже современникам давала основание сравнивать его со святителями Василием Великим, Григорием Богословом и Иоанном Златоустом. Главный подвиг святителя Петра - борьба за единство Русского государства и благословение Москвы как собирательницы Русской земли.

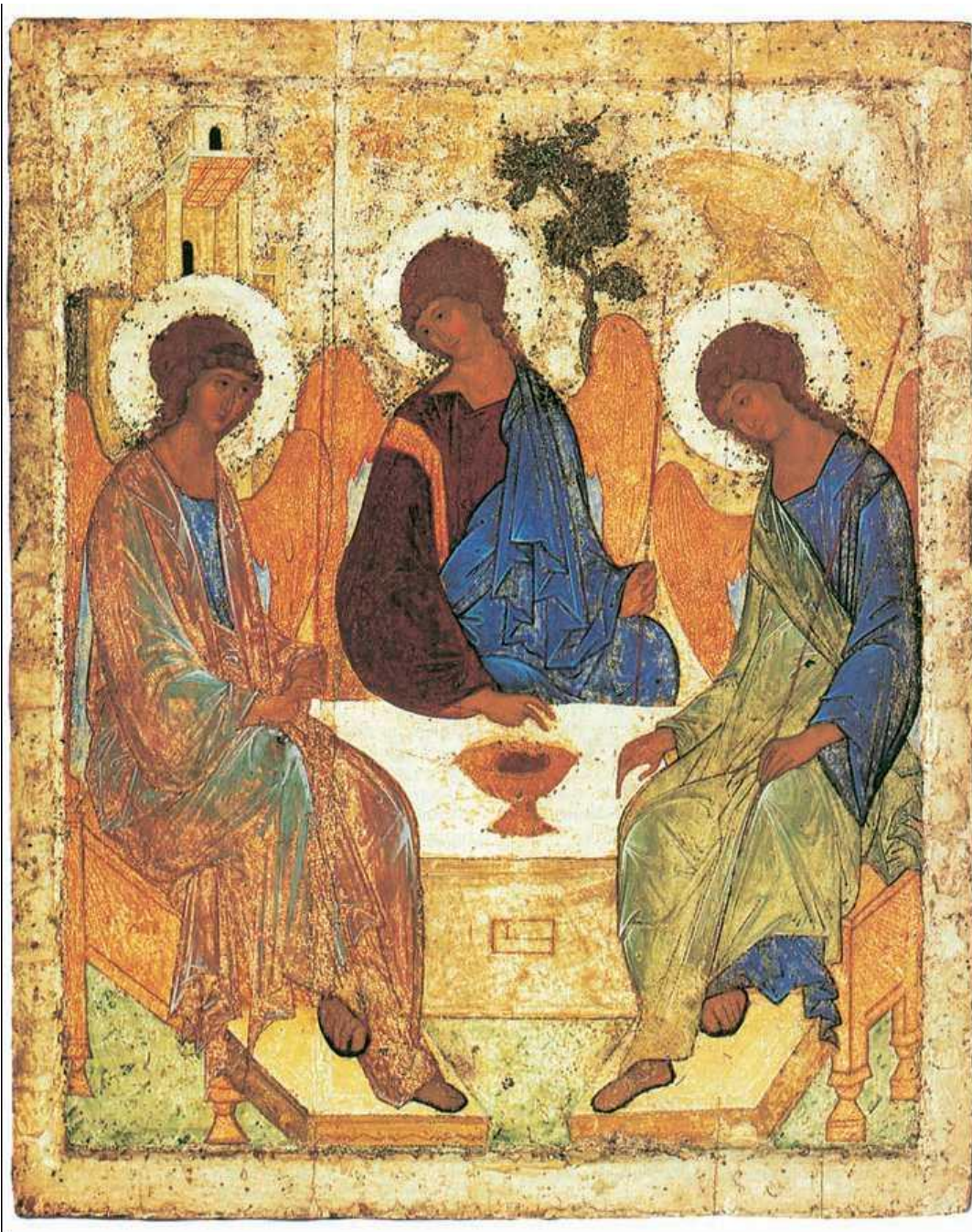
Великий святитель предстательством своим пред Господом много раз оберегал землю нашу от вражеских нападений и почитается как небесный покровитель Москвы и всей земли Русской.

Андрей Рублев,

Андрей Рублёв

(ок. 1370–1427), выдающийся русский иконописец и мастер монументальной живописи. Творчество Андрея Рублёва занимает особое место в истории иконописи. Великому мастеру удалось воплотить в зримых образах небесную чистоту горнего (высшего) мира, молитвенное благоговение перед Божественным, тихое сосредоточенное созерцание тайн Бытия. В образах Андрея Рублёва слиты земное и небесное; они несут, в соответствии со словами Библии, «свет во тьме»: умиротворение, любовь и нравственную чистоту посреди земной смуты и вражды.

Андрей Рублёв – современник святого подвижника и чудотворца Сергия Радонежского, князя Дмитрия Донского и его наставника митрополита Алексия – жил в эпоху, овеянную славой Куликовской битвы. Великая победа вызвала духовный подъём и укрепила национальное самосознание, но вражда между князьями продолжала раздирать русские земли. В творениях Рублёва, высоко оценённых уже при его жизни, отразились духовные чаяния времени – стремление к возвышающему душу идеалу и счастье от созерцания прекрасного, несмотря на окружающую жестокость, тяготы и беды. Сохранилось лишь немного из созданного иконописцем, и почти все уцелевшие произведения несут следы утрат и поновлений, но и сегодня красота рублёвской живописи поражает и искущённого знатока, и простого зрителя.

Андрей Рублёв. «Троица». 1420-е гг. Государственная Третьяковская галерея. Москва

Андрей Рублёв. «Архангел Михаил». Икона из «Звенигородского чина». Ок. 1394 г. Государственная Третьяковская галерея. Москва

Андрей Рублёв. «Спас». Икона из «Звенигородского чина». Ок. 1394 г. Государственная Третьяковская галерея. Москва

Андрей Рублёв. «Апостол Павел». Икона из «Звенигородского чина». Ок. 1394 г. Государственная Третьяковская галерея. Москва

Андрей Рублёв. «Шествие праведных». Фреска. 1408 г. Успенский собор. Владимир. Фрагмент

Первое упоминание в летописи о чернце (монахе) Андрее Рублёве относится к 1405 г., когда он вместе со старшими мастерами – Феофаном Греком и Прохором с Городца – писал иконы и фрески для Благовещенского собора Московского Кремля. В мае 1408 г. Андрей Рублёв и «иконник Даниил» (известен как Даниил Чёрный) были направлены во Владимир для украшения Успенского собора. Сохранилось несколько созданных там икон и фрагменты фресок. Перед мастерами стояла сложная задача – расписать криволинейные поверхности сводов и арок сценами Страшного суда. В центре композиции – Христос-Судия на троне в ореоле небесной славы, к которому устремлён весь окружающий мир. «Страшный суд» Андрея Рублёва и Даниила Чёрного внушает не страх и трепет, а веру в торжество добра, милосердия и справедливости, в грядущую великую радость, выстраданную всем существованием человечества. Образ Христа величав и светел, спокойны беседы апостолов и лучатся счастьем взоры шествующих на небо праведников.

В 1918 г. в деревянном сарае близ собора в Звенигороде были найдены три почерневшие доски. После расчистки иконы были признаны творениями Андрея Рублёва. Согласно летописному известию, ок. 1394 г. Андрей Рублёв и Даниил Чёрный были приглашены создать иконостас для звенигородского Успенского собора на Городке. Из девяти икон т. н. Звенигородского деисусного чина сохранилось только три – «Спас», «Архангел Михаил» и «Апостол Павел». Образ Спаса – одна из вершин творчества Рублёва. Внимательному, мудрому и любящему взору Спасителя открыты все сердца и помыслы людей. В тонком, излучающем тёплый золотистый свет лике Христа – бесконечное могущество доброты, сострадающей и всепрощающей. Архангел Михаил предстаёт в иконе светлым ангелом-хранителем всех живущих. Предводитель небесного воинства обращён к Богу, его светлый нежный лик, лазурно-розовые одежды, золотые крылья словно тают в воздухе – лишь на миг явился взорам бесплотный ангел. Лучезарные краски напоминают сияние утренней зари. Апостол Павел выглядит суровым мыслителем, его лик и одежды написаны плотными, чуть разбелёнными красками. Некоторые исследователи полагают, что этот образ создан Даниилом Чёрным. Величайшее творение Андрея Рублёва – икона «Троица» (1420-е гг.), созданная для Троицкого собора Троице-Сергиева монастыря. Образ Троицы был посвящён основателю монастыря преподобному Сергию Радонежскому (1314–1392). Во время междоусобных распрей и разорения он призывал русских людей к единению и милосердию и построил посреди леса храм Св. Троицы, «дабы возрением на него побеждался страх перед ненавистной рознью мира сего». Почитание Св. Троицы – основа христианской веры. Троица – это Бог, единый в трёх лицах. «... И нет первого или последнего, большего или меньшего, но все равны – Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух Святой», – гласит христианское учение. В «Троице» Андрея Рублёва выражена вся глубина мировоззрения преподобного Сергия о единении и христианской любви. В Ветхом Завете говорится о праведном старце Аврааме и его жене Сарре, которых посетил сам Бог в виде единой неразделимой Троицы (отсюда название этого летописного сюжета – «Троица Ветхозаветная»). Обычно на иконах Троицы изображали стол с обильной трапезой, устроенной гостеприимным хозяином. Андрей Рублёв отказывается от подробностей, оставив на столе лишь одну чашу – символ будущей жертвы Иисуса Христа. На светлом золотом фоне (ныне утрачен) три ангела восседают вокруг стола с чашей. Над средним ангелом, возвышающимся над другими, изображено дерево; это и мамврийский дуб, под сенью которого была приготовлена трапеза, и Древо Жизни, и провозвестие древа жертвенного Креста. За правым ангелом – гора, образ духовного восхождения; за левым – палаты, жилище Авраама и символ Божественного Домостроительства, Сотворения мира. Головы ангелов склонились навстречу друг другу в молчаливой беседе; вся композиция вписана в систему кругов, сходящихся к жертвенной чаше, символизирующей искупление человеческих грехов. Изображена не трапеза, а таинство искупительной жертвы. Центральный ангел благословляет чашу, два других, безмолвно склоняя головы, признают необходимость жертвы. Удивительные рублёвские

краски, небесные, прохладные, открывают взорам нерушимый высший мир, где правит самоотверженная любовь. Рублёв не обозначает лики божественной Троицы, на иконе нет надписей, нет крестчатого нимба у Христа. Великий иконописец создаёт образ неразрывного союза, «единого светила», согревающего жизни людей.

Кисти Андрея Рублёва предположительно приписывают также некоторые миниатюры «Евангелия Хитрово», икону «Богоматерь Владимирская» из Успенского собора во Владимире и некоторые др. Стиль иконописи Рублёва, его линии и краски, воплощённый им духовный и эстетический идеал надолго определили характерные черты московской школы иконописи.

(Искусство. Современная иллюстрированная энциклопедия - Издательство: Росмэн – Пресс 2007 г.)

Андрей прозв. Рублев

преп. Радонежский (неканонизиров.) иконописец. XV в. Ученик Феофана Грека и Симеона Черного, а также своего друга и сподвижника Даниила Черного, с которым никогда не расставался, он был, по древнему „Сказанию о иконописцах“, сперва послушником у преп. Никона Радонежского († 1428), повелевшего ему написать образ Пресв. Троицы, в похвалу отцу его, св. Сергею Чудотворцу († 1391), а потом-иноком в обители св. Спаса преп. Андроника († 1374 -1404) и Саввы († 1410-1420), т.-е. в Спасо-Андрониковом мон. в Москве, призванный туда игум. Александром († не ранее 1427), вместе с другом своим, для исполнения живописных икон и стенописи в церкви. Там оба они скончались почти одновременно с Никоном, пригласившим их, перед своей кончиной, вместе с друг. художниками, расписать вновь воздвигнут. каменный собор в Троице-Сергиевом мон. (впоследствии разоренный и опять восстановленный), и погребены в в 1427-30 гг. (как полагают, под алтарем соборного храма): сначала Андрей, затем Даниил, умерший в преклонных годах и видевший своего друга пред самую смертью, успев расписать, по некотор. предположениям, Спасо-Андрониковский храм-после Троице-Сергиевского.

В украшенном многочисл. миниатюрами древнем житии преп. Сергия Радонежского (составл. учеником его Елифанием, † около 1420, и дополн. Пахомием Сербом, † около 1484) - оно изд. литографически Троице-Сергиевской лаврой в 1853 г. по рукоп. XVI в. - изображено даже, в статье о „начале

Андрониковой мон.“ (па л. 227): как иконописец Андрей, сидя на подмостках, пишет икону Нерукотвор. Спаса на стене храма, а также (на обор. лл. 226 и 227): как он приходит, вместе с Ефремом, к новопостр. там каменной церкви и как он, одновременно с ним, погребается братией.

По словам же „Степенной Книги“, чернец Андрей Рублев расписал еще церкви: св. Благовещения на великокняж. дворе в Москве, весной 1405, вместе с греч. иконником Феофаном и старцем Прохором с Городца („не ту, иже ныне стоит“, прибавляет летописец), и соборную Пресв. Богородицы (Успения) во Владимире, с мая 1408, вместе с иконником Даниилом. Но золотом обложенный Деисус раб. Андрея Рублева, вместе с многоценными образами греч. письма его прародителей, как и вся златоверхая церковь Благовещения (перестр. еще в 1489) на царском дворе, у царской казны, сгорел во время бывшего в июне 1547 большого пожара в Москве; следоват., вновь открытое изображение Спаса в куполе Моск. Благовещенского собора (не раз поновленное и переписанное даже в XVIII и XIX ст.) никак не может принадлежать кисти этого мастера. Кроме фресок в Владимирском Успенском соборе, Андрею Рублеву и Даниилу Черному приписывались также фрески в тамошнем же Дмитровском соборе (сходные с фресками на св. воротах Рождествена мон. там же, которые, по предполож. *Снегирева*, относятся к той же эпохе), а сверх того (по *Иванчину-Писареву*) -стенопись собора в Моск. Симоновом мон. и церкви Рождества Богородицы на сених, про которую известно только, что ее расписывали Феофан Грек и Симеон Черный с учениками, равно как образа в церквях: Никольской в с. Федоровском („Успения“) и Зачатия св. Анны в Коломне, наконец, в Кирилло-Белоз. мон. (тоже „Успения“) и в собрании гр. А. И. Мусина-Пушкина,-пока последнего не опроверг *В. Сахаров*; но так. образ. нашему иконописцу приписывали в старину все древние образа.

Насколько уважались и ценились вообще иконы работы Андрея Рублева видно из того, что в „Стоглаве“ 1551 г. прямо велено было „писати живописцом иконы с древних образов, как греческии живописцы писали, и как писал Андрей Рублев и протчии пресловутыи живописцы“, а по житию преп. Иосифа Волоколамского († 1515), пис. Саввою, еписк. Крутицким в 1546 и изд. в „Чтен. Моск. Общ. Любит. Дух. Просвещ.“ в 1865, святой этот, желая примириться с Тверским князем Феодором Борисовичем, „начат князя мздою утешати, и посла к нему иконы Рублева письма и Дионисиева“. По замечанию глубокого знатока и исследователя русс. древностей, *И. Снегирева*, „рисунки в иконах Рублева-строгий и отчетливый; раскраска, хотя твердая и бойкая, но плавная и тонкая, или, как говорят иконники,-облачная: темною она кажется, сколько от преобладания вохра и санкиря, столько и от олифы. На сильных местах лиц вохра не нанесена белилами, но пущена в тонкую тень; по своему стилю Рублев был верным Византинской школе“.

Из книги Н. П. СОБКО "СЛОВАРЬ РУССКИХ ХУДОЖНИКОВ"

Андрей Рублев

- иконописец XV века, ученик Феофана Грека, Симеона Черного и Даниила Черного, ум. в 1427-30 годах. Сперва он был послушником у преподобного Никона Радонежского, а потом иноком в Спасо-Андрониковом монастыре в Москве, где скончался и погребен, как полагают, под алтарем соборного храма. В древнем житии преподобного Сергия Радонежского, составленном учеником его Епифанием, украшенном многочисленными миниатюрами и изданном литографически Троице-Сергиевой лаврой в 1853 г., Андрей изображен в трех видах: сидящим на подмостках и пишущим на стене храма икону Нерукотворенного Спаса; приходящим к новопостроенной в лавре каменной церкви и погребаемым лаврскою братиею. Наиболее крупные работы Андрея Рублева - живописные иконы и стенопись: в Спасо-Андрониковом монастыре, в церкви Благовещения на великокняжеском дворе в Москве (1405 г.) и в соборе Успения во Владимире (1408 г.). Деисус работы Андрея Рублева, равно как и вся златоверхая церковь Благовещения на царском дворе, у царской казны, сгорел во время большого пожара в Москве в 1547 г. Иконы, писанные этим иноком-живописцем настолько ценились, что в "Стоглаве" (1551 г.) прямо было велено "писати живописцом иконы с древних образом, как греческие живописцы писали, и как писал Андрей Рублев и протчии пресловутыи живописцы". По стилю он был верным последователем византийской школы.

{Половцов}

Сергий Радонежский,

Сергий Радонежский

- преподобный Радонежский, основатель Троице-Сергиева монастыря. Ни в житии С., ни в других источниках нет точного указания на год рождения преподобного, и историки, по различным соображениям, колеблются между 1313, 1314, 1318, 1319 и 1322-м гг. Наиболее вероятным представляется 1314 г. Мирское имя С. было Варфоломей. Отец его, Кирилл, был боярин Ростовских удельных князей, "един от славных в нарочитых бояр, богатством многим изобилуя"; он имел, по словам жизнеописателя С., "житие велико в Ростовстей области", т. е. владел более или менее значительными вотчинами и угодьями. Кроме Варфоломея, у Кирилла было еще два сына, старший - Стефан и младший - Петр. Годы детства и юности Варфоломея, до двадцатилетнего возраста, протекли под родительским кровом и, по рассказу жития, были ознаменованы рядом чудесных событий. Принадлежа к высшему, боярскому кругу общества, Варфоломей рос, однако, в простой, деревенской обстановке, в усадьбе своего отца. Так, явление чудесного старца, предсказавшего Варфоломею славу великого подвижника, произошло в поле, куда он был послан отцом искать лошадей. Семи лет Варфоломей вместе с братьями отдан был в ученье грамоте одному из тех учителей, духовных или мирян, которые в те времена учили детей у себя на дому т. е. содержали частные школы грамоты. Ученье сначала не давалось мальчику; "было это, по словам жизнеописателя, по смотрению Божию, дабы дитя получило разум не от людей, но от Бога" С ранних же, детских лет стала развиваться у Варфоломея склонность к тихой, созерцательной, молитвенной жизни, к чему располагал и благочестивый строй домашней жизни. Уже двенадцатилетним мальчиком он вступил на путь подвижничества, которого не возбраняли ему благочестивые родители: соблюдал строго посты, предавался молитве в храме и дома, усердно изучал священные книги.

Когда Варфоломею исполнилось 15 лет, в жизни всей его семьи произошла крутая перемена. Ростовское княжество, после получения великого княжения московским князем Иваном Даниловичем Калитой, приведено было в зависимость от Москвы; подчинение это сопровождалось со стороны московских властей террористическими мерами, постигавшими прежде всего лучших ростовских граждан и бояр, обвиняемых в изменнических замыслах. Спасаясь от насилий московских наместников, многие жители Ростова покидали родину. В эту же тяжелую для всего Ростова пору политического бедствия на боярина Кирилла обрушилось еще личное несчастье: некогда "богатством многим изобилуя", он "на старость обнища и оскуде"; его разорили частые поездки с князем в орду и приемы татарских послов, дани и выходы, хлебные недороды, набеги татарских ратей, особенно опустошение татарами в 1328 г. Тверской области в наказание за восстание тверичей во главе с князем Алек-

сандром Михайловичем. В этом году пострадало не одно Тверское княжество; по словам летописца, "бысть тогда всей Русской земле велия тягость и томление и кровопролитие от татар". По примеру многих своих сограждан, боярин Кирилл со всей семьей покинул Ростов и поселился в городе Радонеже, уделе младшего сына Ивана Калиты, Андрея. В юноше Варфоломее бедствия, постигшие его родину и семью, еще более укрепили отвращение от суеты и превратностей мира и стремление к иноческому идеалу. Давно уже инок в душе и по жизни, он через несколько лет по переселении в Радонеж, достигнув двадцатилетнего возраста, решился постричься в монахи. Со стороны родителей, проникнутых теми же идеалами, он не встретил возражения. Они просили только обождать их смерти: братья Стефан и Петр жили отдельно своими семьями, и Варфоломей был единственной опорой своих родителей в годы болезненной старости и скудости. Недолго пришлось ему ждать. Через два-три года он похоронил отца и мать, постригшихся перед смертью в Хотьковом монастыре близ Радонежа, где уже монашествовал овдовевший старший их сын, Стефан. Идеалом Варфоломея была древнейшая и совершеннейшая форма иночества - пустынножительство. Между тем русские монастыри того времени поддерживали постоянные и тесные связи с миром, от суеты которого желал уйти юный подвижник. Варфоломей уговорил брата Стефана разделить с ним подвиг пустынножительства. В окрестностях Хотькова монастыря, в дремучем лесу братья избрали место, называвшееся Маковцем или Маковской горой, на реке Консере или Коншуре (по актам XVI-XVII вв.), Кончюре - в настоящее время. "Здесь, - говорит проф. Голубинский, - пустыня была настоящая и суровая; кругом на большое расстояние во все стороны дремучий лес; в лесу - ни единого жилища человеческого и ни единой человеческой стези, так что нельзя было видеть лица и нельзя было слышать голоса человеческого, а можно было видеть и слышать только зверей и птиц". Братья срубили келью и малую церквичку, освященную, по просьбе их к митрополиту Феогносту, во имя Св. Троицы. Стефан не перенес тяжелого искуса пустынножительства и скоро ушел в Москву, в Богоявленский монастырь, но Варфоломей остался тверд и, расставшись с братом, постригся в монахи у некоего игумена Митрофана, настоятеля одного из окрестных приходов, и принял имя Сергия в честь мученика, память которого празднуется 7 октября. В это время Варфоломею было 23 года. После пострижения, совершенного в присутствии "некоторых людей", быть может родных и знакомых из Радонежа, молодой инок остался "един в пустыни безмолвствовати и единствовати" и провел в полном уединении около двух лет. Это было для него тяжелое время самоиспытания. Подобно многим другим подвижникам древней Руси, С. перенес нравственную борьбу, олицетворяемую в агиографии борьбой с темной силой демонских наваждений и козней.

Двухлетнее уединение С. не укрыло его от мира. Слух о новом подвижнике скоро распространился, и к С. стали приходить монахи, желавшие разделить с ним подвиг пустынножительства. Скоро собралось двенадцать человек бра-

тии, и кругом церкви сгруппировались тринадцать келий, обнесенных тыном "не зело пространнейшим". Так возникла знаменитая Троицкая обитель. Сначала никто из братии не имел священнического сана, и для совершения литургии приглашались священники или иеромонахи из окрестных приходов. Наконец, пришел к С. игумен Митрофан, постригавший его в монахи. По избранию С. и его сподвижников он стал первым игуменом и священником новоустроенного монастыря, но через год умер. Тогда по настоятельному желанию братии сам С. решил стать во главе монастыря и епископом Волынским Афанасием, приехавшим в Москву в отсутствие митрополита, был возведен в сан священника и игумена. Теперь для С., уже закаленного в борьбе с самим собой в годы одиночества, началась пора иных трудов и испытаний - по устройению нового центра религиозно-нравственного просвещения. Трудна и исполнена всяких лишений была жизнь первых иноков Троицкой обители. Немногие обладали достаточной силой духа, и число братии некоторое время не превышало 13 человек с игуменом. Не принося с собой из мира никакого имущества, троицкие иноки должны были добывать себе пропитание тяжелым трудом, пример которого подавал сам неутомимый игумен, обладавший большой физической силой и необходимыми в сельском быту знаниями, между прочим знанием плотничьего мастерства. По словам жития С., около келий "различные сеяхуся семена", т. е. разведен был огород и, может быть, небольшая пашня. Но трудолюбие иноков не всегда обеспечивало им кусок хлеба, и иногда им случалось голодать по несколько дней пока приношение какого-нибудь христороубца не выручало их из беды. Но С. строго запрещал братии ходить за милостыней и позволял принимать лишь то подаяние, которое приносилось в монастырь самими благочестивыми людьми. Весь обиход монастыря был скуден до нищеты. Иной простец богомolec, привлекаемый в Троицкий монастырь славою его игумена, простодушно создавал в своем воображении образ величественного старца, "окруженного отроками предстоящими и слугами скорорищущими и множеством служащих и честь воздающих"; но, войдя в ограду монастыря где было "все скудно, все нището, все сиротинско" и встретив смиренного монаха, в изодранном и "пелесоватом" рубище копающего гряды, не хотел верить, что это и есть знаменитый С. Нищета препятствовала даже совершению церковных служб; иногда приходилось откладывать литургию по неимению вина и просфор; на утренних и вечерних службах храм освещался березовой или сосновой лучиной, богослужебные книги писались "на берестех", церковные сосуды были выточены из простого дерева, облачения шились из грубой крашенины. Немало трудов и огорчений пришлось положить С. также на то, чтобы воспитать в братии ту силу духа, которою проникнут был он сам и без которой нельзя было делить с ним подвиг пустынножительства. Кротость и незлобие были отличительными чертами характера С., и для нравственного воздействия на малодушных он пользовался только двумя средствами: кротким увещанием и личным своим примером во всяком иноческом подвиге. Подвергая желающих постричься в его монастыре долгому и строгому иску-

су, он неусыпно следил за жизнью своих иноков и особенно старался не допускать их до физической и духовной праздности.

Неизвестно, как долго пребывал Троицкий монастырь в состоянии первоначальной скудости и нищеты. По мере того как росла слава монастыря и его великого игумена, милостыня и подаяния, сначала только спасавшие братию от голода, стали сменяться крупными вкладами и пожертвованиями. По обычаю, крепко укоренившемуся в древнерусском обществе, обращение к монастырю, как посреднику в деле душевного спасения, за молитвой и поминовением всегда сопровождалось большими или малыми денежными и земельными вкладами. Первым крупным жертвователем явился архимандрит Симон из Смоленской области, человек богатый и пользовавшийся почетом. Но он променял его на честь быть учеником троцкого игумена, и поселившись в его монастыре, вручил ему свое немалое богатство. На средства, принесенные Симоном, С. поставил новый, более обширный деревянный храм и расположил вокруг него кельи правильным четырехугольником. Затем, мало-помалу, стала заселяться и лесная глушь, непосредственно окружавшая монастырь. В окрестностях вырастали постепенно починки и деревни, вырубался лес, расчищались пашни и луга. Заселение края пошло еще быстрее, когда дорога из Москвы в северные города близко придвинулась к монастырю. Если в первые годы существования обители в нее приходили лишь редкие избранные, уходившие из мира и искавшие душевного спасения в подвиге пустынножительства, то спустя лет 10 она стала духовным центром для мирского населения как окрестного края, так и отдаленных областей Руси. В монастыре постоянно сменялись многочисленные богомольцы - миряне. Метко и образно охарактеризовал нравственное воздействие Сергиева монастыря на окружавший его мир проф. Ключевский: "мир приходил к монастырю с пытливым взглядом, каким он привык смотреть на монашество, и если его не встречали здесь словами *прииди и виждь*, то потому, что такой зазыв был противен Сергиевой дисциплине. Мир смотрел на чин жизни в монастыре преп. Сергия, и то, что он видел, быт и обстановка пустынного братства научали его самым простым правилам, которыми крепко людское христианское общежитие". Из монастыря мир "уходил ободренный и освеженный, подобно тому, как мутная волна, прибываясь к прибрежной скале, отлагает от себя примесь, захваченную в неопрятном месте, и бежит далее светлой и прозрачной струей". Вместе с тем наступило для монастыря время материального довольства и изобилия. "И начаша, - говорит житие С., - посещати и учащати в монастырь, приносяще многообразная и многообразная потребования, им же несть числа". Источники не дают прямого ответа на вопрос, владел ли Троицкий монастырь при жизни С. вотчинами и принимал ли он земельные вклады. Известно только, что незадолго до смерти С., когда он уже сложил с себя игуменство, один галицкий боярин Семен Федорович подарил монастырю половину варницы и половину соляного колодезя у Соли Галицкой (Акты Юридические, I, № 63). "Начал приобретать вотчины в монастырь, - говорит проф. Голубинский, - непосредственный преемник и лич-

ный ученик Сергия, преподобный Никон, и нельзя думать, чтобы этот поступал вопреки воле и завещанию своего учителя... Но, принимая за вероятнейшее, что при самом преподобном Сергии монастырь не имел еще недвижимых имений или вотчин, со всею вероятностью должно думать, что монастырь имел при нем собственное хлебопашество, именно - что преподобным Сергием заведены были кругом монастыря пахотные поля, которые и обрабатывались отчасти самими монахами, отчасти наемными крестьянами, отчасти же крестьянами, которые хотели поработать на монастырь Бога ради".

Пока С. подвизался в глухой пустыне вдали от мира, в обществе немногих избранников, порядок жизни его обители определялся строгим единством идеалов и помыслов братии и безусловным преклонением перед нравственным авторитетом игумена. Но когда мир плотной стеной окружил прославленный монастырь и установил с ним постоянные и близкие сношения, когда умножилось число монашествующих, тогда в монастырь должны были проникать влияния и элементы, нарушавшие прежнюю простоту и гармонию строгой подвижнической жизни. Подобно всем другим русским монастырям того времени, Троицкий монастырь был сначала "особножитным": подчиняясь одному игумену, сходясь для молитвы в один храм, монахи имели каждый свою келью, свое имущество, свою одежду и пищу; эта свобода располагать собою, приобретать имущество и распоряжаться им была источником многих зол и нестроений в монастырях древней Руси и несомненным признаком упадка монашеской жизни. Между тем в XI-XII вв. на Руси существовала другая, более совершенная и древняя форма монастырского устройства, введенная преподобными Антонием и Феодосием Печерскими, - "общежитие", по примеру христианской общины апостольских времен. Но постепенно в русских монастырях утвердилось "особножителство", и преподобному С. принадлежит заслуга восстановления в монастырях северной Руси "общежителства". Жизнеописатель С. рассказывает, что около 1372 г. к С. пришли послы от Константинопольского патриарха Филофея и принесли ему параманд, схиму и патриаршую грамоту: восхваляя С. за добродетельную жизнь, патриарх убеждал его ввести в своем монастыре "общее житие". Московский митрополит Алексей, которому С. сообщил о послании патриарха, со своей стороны благословил его на введение общежителства. Сопоставляя этот рассказ с другими фактами и свидетельствами источников, проф. Голубинский несколько иначе изображает эпизод введения общежития в Троицком монастыре: "Необходимо думать, - говорит он, - что преподобный Сергий ввел в своем монастыре общежитие не потому, чтобы это посоветовал ему патриарх, а потому что он сам хотел этого и что хотел этого вместе с ним святой митрополит Алексей, и что они - Сергий и Алексей - лишь прибегли к авторитету патриарха, дабы придать своему начинанию большую твердость. Необходимо предполагать, что патриарх написал преподобному Сергию послание по просьбе святого Алексея, обращенной к нему этим последним во время бытности в Константинополе для посвящения в митрополиты, бытности целогодичной в 1353-1354 гг.". Согласно с уставом общежителства в

монастыре устроены были новые помещения: трапеза, хлебопекарня, амбары, кладовые, разные мастерские, в которых сосредоточивался хозяйственный обиход монастырской жизни. Из среды старейшей братии избраны были должностные лица, помощники игумена: келарь, духовник, экклезиарх, пономарь, канонарх. В богослужение введен был устав иерусалимский (обители преп. Саввы освященного), отличавшийся большею торжественностью сравнительно с уставом Студийским. Остальная братия в свободное от богослужения время должна была заниматься по кельям каким-нибудь рукоделием по назначению игумена. Одним из келейных послушаний было "списание книжное" и переплет рукописей. Сам С. подавал пример трудолюбия: шил одежду и обувь для братии, пек просфоры, катал свечи и вообще не гнушался никакой черной работой. Поддерживая и устроая свою обитель первоначально пожертвованиями и милостыней христороубцев-мирян, С. установил обычай странноприимства и благотворительности, когда его монастырь достиг материального благосостояния. По выражению жизнеописателя, "бе рука его простерта к требующим, яко река многоводна и тиха струями". И своим преемникам С. завещал хранить "без роптания" заповедь странноприимства.

Введение общежительства было для С. источником больших трудов и огорчений, которые даже побудили его однажды оставить монастырь и снова предпринять подвиг пустынножительства. Некоторые монахи не желали подчиниться общежительному уставу и ушли из монастыря. Ко времени этой смуты в Троицком монастыре, вызванной введением общежительства, историки относят послание вселенского патриарха к С., осудившего обычный мирской образ жизни русских монахов и увещевавшего братию монастыря во всем повиноваться игумену. Но особенно тяжело было для С. недоброжелательное отношение к нему старшего брата Стефана, вернувшегося в Троицкий монастырь. Покинув С. в пустыне, Стефан ушел в Москву и поселился в Богоявленском монастыре, где встретил Алексия, будущего митрополита. За свою строгую жизнь Стефан был избран игуменом Богоявленского монастыря и приобрел расположение вел. князя Семена Ивановича, который сделал его своим духовником. Но через несколько лет Стефан отказался от своего почетного положения в Москве и снова пришел к младшему брату, чтобы стать иноком его обители. Вместе с собой он привел 12-летнего сына Иоанна, постриженного С. с именем Феодора, впоследствии основателя Московского Симонова монастыря и архиепископа Ростовского. Стефан был человек властолюбивый и хотел первенствовать в монастыре; некоторые монахи, недовольные С. за введение общежительства, сочувствовали ему. Однажды, во время вечерни, Стефан, рассердившись на канонарха, громко сказал: "кто здесь игумен? не я ли первый сел на этом месте?" - и "ина некая изрек, их же не лепо бе". Слова Стефана были услышаны С., служившим в алтаре, и глубоко потрясли его. Окончив вечерню, он, ни сказав никому ни слова, ушел из монастыря за 30 верст, к своему другу Стефану, игумену Махрищского монастыря. Взяв здесь одного монаха, он стал искать места для построения новой обители и остановился, наконец, на берегу реки Киржачи, в 40-50 вер-

стах от монастыря Троицкого. Здесь он решил снова начать подвиг пустынножительства, сознавая, что для борьбы против зла, которое овладело Троицким монастырем, бессильно слово кроткого увещания; другого же средства борьбы С. не знал. Встревоженная внезапным исчезновением игумена, братия Троицкого монастыря скоро отыскала его новую обитель, и некоторые монахи, нелicenseмерно преданные С., тотчас же переселились к нему. Вместе с ними он, с благословения митрополита Алексия и на средства своих почитателей, выстроил церковь во имя Благовещения Богородицы, окружил ее кельями и скоро устроил новый монастырь, получивший название Киржачского Благовещенского. Между тем смута в Троицком монастыре улеглась, и братия, чувствуя свою виновность, усердно просила С. вернуться на игуменство в свой старый монастырь. Сам митрополит послал к нему двух архимандритов, увещевая исполнить просьбу братии и обещая извести из монастыря строптивых монахов. Незлобивый С. склонился на эти просьбы и увещания и вернулся в Троицкий монастырь, оставив на Киржаче ученика своего Романа.

С первых лет пустынной жизни С. о нем далеко прошла молва, как о великом подвижнике. С течением времени за ним утвердилось слава чудотворца и прозорливца. По словам жизнеописателя, "слава же и слышание о нем пронесся повсюду; вси имеяху его, яко единого от пророк". Современники уже при жизни называли его "преподобным" и "святым"; в летописном известии о болезни, постигшей его в 1375 г., говорится: "того же лета болезнь бысть тяжка преподобному игумену, Сергею святому". В жизнеописании С. собраны предания о многих совершенных им чудесах и знамениях, которые свидетельствовали перед братией о благодати, почивающей на их игумене, а для него самого являлись моментами наивысшего духовного удовлетворения и просветления. Таковы предания - о видении множества "птиц зело красных", символизировавших будущее обилие иноков в монастыре, о сослужении ангела С. во время литургии, о посещении его Божиею Матерью. Великий духовный авторитет Троицкого игумена открывал ему путь к высшему церковному сану в России, к кафедре митрополита. Митрополит Алексий, близко знавший С., однажды пригласил его к себе и предложил ему в подарок митрополичий параманд с золотым крестом. Не угадывая сразу намерения митрополита, С. уклонился от подарка: "прости меня, владыко, от юности моей не был золотоносцем, тем более хочу пребывать в нищете в лета старости". Тогда Алексий объяснил, что этот подарок есть "знак обручения святительскому сану" и что он желает видеть С. своим преемником; "знаю достоверно, - говорил митрополит, - что все, от великодержавного до последнего человека, тебя пожелают иметь своим пастырем. Теперь заблаговременно ты почтен будешь саном епископа, а после исхода моего и престол мой восприимешь". Но С. на все увещания отвечал решительным отказом и говорил, что лучше снова удалится в безвестную пустыню, чем примет непосильное бремя власти. Когда митрополит Алексий 12 февраля 1378 г. скончался, вел. князь и многие знатные люди, по известию Степенной книги, снова безуспешно об-

ращались к С. с увещанием принять святительский жезл. Из числа кандидатов на митрополичью кафедру С. поддерживал Киприана, который после долгой церковной смуты сделался митрополитом в 1390 г. Но С. не мог ограничить свои труды на пользу церкви тесной оградой Троицкого монастыря. По просьбам князей, митрополита, частных лиц, он основал еще несколько монастырей, вводя в них строгие порядки общежития и ставя игуменами своих избранных учеников. Так, по поручению вел. князя Димитрия Ивановича он построил два монастыря Дубенских перед Куликовской битвой и после нее, Московский Симонов, Коломенский-Голутвин, по поручению князя Серпуховского Владимира Андреевича - Серпуховский Высоцкий, совместно с митрополитом Алексием - Московский Андроников; наконец по благословию С. построены монастыри: Борисоглебский Устьинский в Ростовской области и Георгиевская пустынь на Клязьме. Многочисленные ученики С. по его примеру строили монастыри вдали от городов, в пустынных местах и неизменно вводили в них устав общежития. Всего С. с его непосредственными учениками основано от 30 до 40 монастырей, которые в свою очередь стали рассадниками монашества и опорными пунктами колонизации и хозяйственной культуры пустынных дебрей северного Поволжья. Таким образом преподобный С. является отцом северно-русского монашества. В известии Воскресенской летописи о преставлении С. говорится, что он "бе начальник и учитель всем монастырем, иже на Руси".

Своим нравственным авторитетом С. послужил также политическим успехам Московского государства в княжение вел. князя Димитрия Ивановича Донского. В это время Московское государство, оканчивая тяжкую борьбу за существование, впервые вступало на путь широких национальных предприятий, и московский князь из вотчинника превращался в национального государя, вождя северной Руси в борьбе за политическую независимость. В это же время совершался перелом и в национальном самосознании. Поколения, возраставшие под свежими воспоминаниями первых времен татарского ига, угнетаемые мыслью о кончине мира, о гибели Русской земли, сменялись новыми, приносившими более бодрости и уверенности в себе, дерзавшими на открытую борьбу с врагом, перед которым трепетали старые поколения. Мысль русского человека, размышлявшего о судьбах своей родины, снова окрылялась горделивым сознанием, что Русская земля есть золото, искушаемое в горниле бедствий, что бедствия, переживаемые ею, являются доказательством особенного попечения Божия, потому что тернистый и тесный путь к спасению есть путь только избранных божиих. Нравственное обаяние личности преподобного С. было одною из движущих сил в этом процессе национального самосознания, отражавшемся в политических судьбах Руси. "Примером своей жизни, высотой своего духа преп. Сергей поднял упавший дух родного народа, пробудил в нем доверие к себе, к своим силам, вдохнул веру в свое будущее. Он вышел из нас, был плоть от плоти нашей и кость от костей наших, а поднялся на такую высоту, о которой мы и не чаяли, чтобы она кому-нибудь из наших была доступна. Так думали тогда все на Руси, и

это мнение разделял православный Восток, подобно тому цареградскому епископу, который, по рассказу Сергиева жизнеописателя, приехав в Москву и слыша всюду толки о великом русском подвижнике, с удивлением восклицал: *"како может в сих странах таков светильник явиться?"*" (проф. Ключевский). Важнейшее по своим нравственным последствиям событие XIV века, Куликовская победа 1380 г., приписывалась современниками молитвам С. Перед выступлением из Москвы, 18 августа, вел. князь приехал в Троицкий монастырь с боярами и воеводами испросить благословение игумена. Отслужив напутственный молебен и упросив вел. князя разделить братскую трапезу, С. вдохнул в него мужество предсказанием победы, хотя ценою тяжелых потерь. По просьбе Димитрия он дал ему двух монахов Александра Пересвета и Андрея Ослябю, которые в миру были боярами и людьми опытными в военном деле. Оставляя монастырь, вел. князь дал обет построить монастырь во имя Богородицы, если одолеет врага. В самый день сражения, 8 сентября, С. прислал вел. князю в благословение Богородичную просфору и грамоту, конец которой сохранен одной летописью: *"чтобы ты, господине, таки пошел, а поможет ти Бог и Троица"*. После победы вел. князь не замедлил явиться в Троицкий монастырь и щедро одарил его; во исполнение же обета, при помощи С., построил Успенский Дубенский монастырь. В 1382 г. русская земля подверглась новому бедствию, нашествию Тохтамыша. На этот раз вел. князь Димитрий не решился отразить врага вооруженною рукою и, покинув Москву, ушел на север. Услышав о разорении Москвы, С. с братией удалился в Тверь; но монастырь его остался невредим. Несколько раз московский государь пользовался нравственным авторитетом С. в спорах со своими соседями, удельными князьями. В 1365 г. С. был послан вел. князем и митрополитом Алексием в Нижний Новгород мирить суздальских князей Димитрия и Бориса Константиновичей; при этом митрополит, бывший главным советником юного вел. князя, уполномочил С. прибегнуть к крайней мере - закрыть в Нижнем Новгороде церкви. Но в конце концов пришлось все-таки смирять строптивного Бориса Константиновича силою оружия. В другой раз, в 1385 г., С. послан был с мирными предложениями к Рязанскому князю Олегу Ивановичу, самому гордому и непокорливому врагу Москвы. *"Преподобный игумен Сергей, - рассказывает летопись, - старец чудный, тихими и кроткими словесы и речми и благоуветливыми глаголы, благодатию, данною ему от Св. Духа, беседовал с ним (князем Олегом) о пользе душевной и о мире и о любви; князь же великий Олег преложи свирепство свое на кротость и утишись и укротись и умились вельми душею, устыдебося так свята мужа и взял с великим князем Дмитрием Ивановичем вечный мир и любовь в род и род"*. Этот рассказ характеризует С., как защитника политических интересов московского государя; бесхитростный и незлобивый старец, чуждый политических интересов, брался за исполнение трудных дипломатических поручений только потому, что на распри князей смотрел, как на явления, противные христианской нравственности, и своим духовным авторитетом умел заменять дипломатические аргументы нравственными поучениями. С. принимал также близкое участие в делах семейной жизни вел. князя Димит-

рия Ивановича и удельного князя Владимира Андреевича, во владениях которого находился Троицкий монастырь. У обоих князей он крестил нескольких сыновей и был свидетелем при составлении духовного завещания вел. князя Димитрия Ивановича.

С. достиг глубокой старости. За шесть месяцев до кончины он передал игуменство ученику своему Никону, а сам предался совершенному безмолвию. Кончина его последовала, после продолжительной болезни 25 сентября 6900 г. от с. м., т. е. в 1391 г., если считать по сентябрьскому летоисчислению, или в 1392 г. - если по мартовскому. Неизвестность, когда именно старое мартовское летоисчисление было заменено сентябрьским, служит причиной разногласия историков в вопросе о годе смерти преподобного С. Известно только, что летоисчисление изменено около времени его кончины. С. просил братию похоронить его вне церкви, на общем монастырском кладбище. Но с разрешения митрополита Киприана его тело было положено в церкви с правой стороны. Через 30 лет, 5 июля 1422 г., совершилось открытие мощей С., в присутствии крестного сына преподобного князя Галицкого Юрия Дмитриевича. Тогда же было установлено местное празднование его памяти в монастыре 25 сентября. В 1448 или 1449 году С. был причислен митрополитом Ионою к лику всероссийских святых. В 1463 г. поставлена первая известная церковь во имя преподобного Сергия Радонежского в Новгороде, на владычном дворе. 25 сентября 1892 г. по всей России торжественно праздновалось пятистолетие дня его кончины.

Житие преподобного Сергия написано спустя 26 лет после его кончины учеником его, Епифанием премудрым. Но этот первоначальный труд, встречающийся в списках XVI - XVII в., был мало распространен: его вытеснили позднейшие переделки, составленные официальным церковным биографом XV в. - ученым сербом Пахомием Логофетом, который редактировал сочинение Епифания, дополнил его сказанием "о проявлении мощей преподобного и о последующих чудесах" до 1450 г. и составил краткую редакцию жития для чтения в церкви и трапезе. Обширное похвальное слово Сергия обыкновенно усваивается в списках Епифанию, но некоторые критики и его приписывают перу Пахомия. Проложное сокращение жития Сергию также предположительно усваивается Пахомию. Наконец, в сокращенном виде житие Сергия вошло в летописные сборники, Софийский Временник, Никоновскую летопись. - Издания житий и литература: "Службы и жития и о чудесах списания преподобных отец наших Сергия Радонежского чудотворца и ученика его преподобного отца и чудотворца Никона". Напечатано в 1646 г. по повелению царя Алексея Михайловича троицким келарем Симоном Азарьиным. - Его же "Книга о новоявленных чудесах преподобного Сергия", изд. С. Ф. Платоновым в "Памятниках древней письменности", LXX, 1888. - Предисловие Симона Азарьиного к сказанию о новоявленных чудесах преп. Сергия, "Временн. Общ. Ист. и Древн. росс.", X.

С. Р-ский.

{Половцов}

Сергий Радонежский

(в миру Варфоломей) - св., преподобный, величайший подвижник земли русской, преобразователь монашества в Сев. Руси. Происходил из знатного рода; родители его, Кирилл и Мария, принадлежали к ростовским боярам и жили в своем поместье недалеко от Ростова, где и родился С. в 1314 г. (по другим - в 1319 г.). Сначала обучение его грамоте шло весьма неуспешно, но потом, благодаря терпению и труду, он успел ознакомиться со Свящ. Писанием и пристрастился к церкви и иноческому житию. Около 1330 г. родители С., доведенные до нищеты, должны были покинуть Ростов и поселились в гор. Радонеже (54 вер. от Москвы). После их смерти С. отправился в Хотьково-Покровский м-рь, где иночествовал его старший брат, Стефан. Стремясь к "строжайшему монашеству", к пустынножитию, он оставался здесь недолго и, убедив Стефана, вместе с ним основал пустынь на берегу р. Кончуры, посреди глухого Радонежского бора, где и построил (ок. 1335 г.) небольшую деревянную церковь во имя св. Троицы, на месте которой стоит теперь соборный храм также во имя св. Троицы. Вскоре Стефан покинул его; оставшись один, С. принял в 1337 г. иночество. Года через два или три к нему стали стекаться иноки; образовалась обитель, и С. был ее вторым игуменом {первый - Митрофан) и пресвитером (с 1354 г.), подававшим всем пример своим смирением и трудолюбием. Постепенно слава его росла; в обитель стали обращаться все, начиная от крестьян и кончая князьями; многие селились по соседству с нею, жертвовали ей свое имущество. Сначала терпевшая во всем необходимом крайнюю нужду пустынь обратилась в богатый монастырь. Слава С. дошла даже до Царьграда: патриарх константинопольский Филофей прислал ему с особым посольством крест, параманд, схиму и грамоту, в которой восхвалял его за добродетельное житие и давал совет ввести в монастыре строгое общинножитие. По этому совету и с благословения митрополита Алексея С. ввел в монастыри общинножительный устав, принятый потом во многих русских монастырях. Высоко уважавший радонежского игумена митрополит Алексей перед смертью уговаривал его быть ему преемником, но Сергей решительно отказался. По словам одного современника, С. "тихими и кроткими словами" мог действовать на самые загрубелые и ожесточенные сердца; очень часто примирял враждующих между собою князей, уговаривая их подчиняться великому князю московскому (напр., ростовского князя - в 1356 г., нижегородского - в 1365 г., рязанского Олега и др.), благодаря чему ко времени Куликовской битвы почти все русские князья признали главенство Дмитрия Иоанновича. Отправляясь на эту битву, последний в сопровождении князей, бояр и воевод поехал к С., чтобы помолиться с ним и

получить от него благословение. Благословляя его, С. предрек ему победу и спасение от смерти и отпустил в поход двух своих иноков, Пересвета и Ослябю (см.). Приблизившись к Дону, Димитрий Иоаннович колебался, переходить ли ему реку или нет, и только по получении от С. ободрительной грамоты, увещевавшей его как можно скорее напасть на татар, приступил к решительным действиям. После Куликовской битвы великий князь стал относиться еще с большим благоговением к радонежскому игумену и пригласил его в 1389 г. скрепить духовное завещание, узаконивающее новый порядок престолонаследия от отца к старшему сыну. В 1392 г., 25 сентября, С. скончался, а через 30 лет были обретены нетленными его мощи и одежды; в 1452 г. он был причислен к лику святых. Кроме Троице-Сергиева м-ря, С. основал еще несколько обителей (Благовещенскую на Киржаче, Борисоглебскую близ Ростова, Георгиевскую, Высотскую, Галутвинскую и др.), а его ученики учредили до 40 м-рей, преимущественно в Северной Руси.

В. Р-в.

{Брокгауз}

Стефан Пермский,

Стефан, епископ Пермский

(по прозвищу Храп) - святитель, епископ Пермский (Великопермский).

† 1396, память 26 апреля/9 мая, в 3-ю Неделю по Пятидесятнице в Соборе Вологодских святых, в воскресенье перед 26 августа в Соборе Московских святых, 6/19 июля в Соборе Радонежских святых, 23 мая/5 июня в Соборе Ростово-Ярославских святых.

Родился в 1345 году в Великом Устюге в русской семье. Согласно Житию Прокопия Устюжского, юродивый Прокопий был другом отца Стефана, Симеона, который служил причетником устюжского собора. Юродивый Прокопий поклонился матери Стефана, Марии, когда ей было всего три года, поприветствовав ее как мать великого Стефана, учителя и епископа Пермского.

Отданный в "научение книжное", мальчик удивлял своими способностями. Свободное от занятий время он любил посвящать чтению Священного Писания. Через год он стал чтецом в соборной церкви. Как и многие северные русские города, Великий Устюг был в то время богатым торговым городом. Вокруг него в густых лесах были расположены поселения, в которых жили языческие племена зырян, или западных пермяков. Общаясь с зырянами, юный Стефан в совершенстве овладел их языком. К этому времени юноша окончательно решил оставить мирскую жизнь и посвятить себя служению Богу.

По благословию Ростовского епископа Парфения († 1369), в монастыре во имя святителя Григория Богослова, славившемся своими образованными монахами, в 1365 году был совершен монашеский постриг молодого послушника с наречением ему имени Стефан. Вскоре епископ Ростовский Арсений удостоил его сана иеродиакона.

Стремление просветить светом Христовой истины язычников-зырян (коми), с детства жившее в его сердце, воодушевило святого Стефана на особый подвиг. Он создал для зырян письменность, которой они не имели, в качестве алфавита используя зырянские знаки на дереве, посредством которых охотники вели свою торговлю. С помощью созданной азбуки (состоявшей из 24 букв) святой Стефан перевел на зырянский язык богослужебные книги и частично Священное Писание. К концу своего десятилетнего пребывания в монастыре (около 1375 года), чувствуя себя уже достаточно подготовленным к делу евангельской проповеди, святой Стефан отправился в Москву за благословением. В Москве епископом Коломенским Герасимом († 1388) святой Стефан был рукоположен в сан иеромонаха и получил благословение на миссионерское служение. Снабженный антиминомсами, миром, частицами святых

мощей, а также необходимой для богослужения церковной утварью, святой Стефан отправился на родину, чтобы проститься с родителями.

Осенью 1379 года святой Стефан отправился в Пермскую землю. Язычники-зыряне поклонялись стихиям (воде и огню), зверям и деревьям; главным их божеством была "Золотая баба" - каменный идол, которому приносилась в жертву лучшая часть добычи. Особым влиянием у зырян пользовались жрецы или волхвы, державшие в страхе и подчинении народ. Положение для проповедника осложнялось еще и тем, что великокняжеские сборщики дани озлобили зырян непомерными поборами, поэтому все, что исходило из Москвы, казалось зырянам враждебным. Пырас (ныне город Котлас) стал первым селением, в котором святой Стефан начал свою проповедь. Жители его чаще бывали в Устюге и общались с русскими. Когда они услышали, что инородец прекрасно говорит на их родном языке, то оказали ему гостеприимство.

Поначалу миссионерство святого Стефана не имело успеха. Непривычно и страшно было слышать зырянам, что их боги - ложные и бесполезные истуканы, созданные людьми, и что есть лишь один истинный Бог - Творец всего сущего, воплотившийся на земле, имя Которому - Христос. Жители селения всячески старались помешать святому Стефану, а однажды, по наущению волхвов, предприняли даже попытку сжечь его. Но кротость, терпение и любовь, а также всецелая преданность воле Божией, с которыми выносил святой Стефан все испытания, тронула наконец их сердца. Покоренные его личностью, убедительностью и простотой доводов в пользу новой веры, почти все жители Пыраса, кроме нескольких наиболее упорных язычников, приняли святое крещение.

Святой Стефан выбрал себе из новокрещенных зырян нескольких спутников и отправился с ними далее вверх по течению Вычегды. За короткое время святой Стефан крестил жителей селений от Пыраса до Усть-Гама и везде ставил кресты и часовни, как самые понятные для новообращенных символы. В Усть-Гаме, большом зырянском селении, где находилась главная кумирница с особо почитавшимися идолами и где преимущественно жили жрецы, святой Стефан подвергся наибольшей опасности. Как только святой Стефан появился в селении, навстречу ему бросилась разъяренная толпа. Но кроткое лицо и дружелюбная речь на их родном языке обезоружили нападавших, и они невольно стали слушать, что говорил им Стефан. Считая, что лучшим доказательством бессилия языческих богов будет уничтожение идолов и кумирниц, он поджег кумирню, где стояла так называемая "Золотая баба". Когда жители Усть-Гама с топорами и кольями бросились на святого Стефана, он, подняв руки к небу, со слезами молился о прозрении заблудших. Никто из зырян не решился напасть на него. Природная кротость этих людей отмечена иноком Епифанием Премудрым († ок. 1420): "Обычай лих имать не творить начало бою". Так, сопровождаемый трудностями и опасностями, про-

двигался святой Стефан в глубь Пермской земли, убеждая словом, сокрушая идолов и кумирни, все новых и новых язычников обращая в христианство. Решающим моментом его миссионерской деятельности явилось столкновение с Памой, главным зырянским жрецом. Пытаясь поколебать у своих подопечных уважение к святому Стефану, Пама предложил ему пройти сквозь огонь и тем доказать на деле существование проповедуемого им Бога. Когда же смиренный инок, помолившись, решился подвергнуть себя жестокому испытанию и предложил Паме последовать за ним, то Пама проявил малодушие и в страхе отступил. После этого началось обращение многочисленных зырян ко Христу: реки Вымь и Вычегда ежедневно становились купелью для множества крещаемых.

Огромная заслуга принадлежит святому Стефану в строительстве Божиих храмов на Пермской земле. Первая построенная им церковь была освящена в честь Благовещения Пресвятой Богородицы в устье реки Выми. Затем в селе Усть-Выми были построены еще два храма: во имя святителя Николая Чудотворца и во имя Архангела Михаила. Придавая большое значение благолепию храмов, святой Стефан украшал их иконами, часть которых была написана им самим. Во всех построенных им храмах богослужение совершалось на зырянском языке. Святой Стефан учил крещеных созданной им грамоте, с помощью которой они читали Евангелие, Псалтирь, Часослов и другие переведенные на зырянский язык книги. При храме Благовещения было учреждено училище, где занимались будущие пастыри - зыряне.

По истечении четырех лет миссионерской деятельности иеромонах Стефан отправился в Москву, чтобы решить вопрос о епископе для зырян.

Собор русских архипастырей и благоверный великий князь Дмитрий Иванович Донской († 1389; память 19 мая/1 июня) постановили, что первым архиереем новообращенной Пермской земли должен стать сам святой Стефан. Зимой 1383 года во Владимире-на-Клязьме митрополитом Киевским Пименом († 1389) была совершена епископская хиротония святого Стефана. Возвратившись в Усть-Вымь, святитель Стефан учредил при соборном храме Благовещения архиерейскую кафедру и первый в тех краях монастырь, получивший название Архангельского. Впоследствии им были построены еще три монастыря и несколько странноприимных домов.

Святителя Стефана связывала духовная дружба с преподобным Сергием Радонежским. Святитель Стефан с благоговением относился к Радонежскому подвижнику и очень желал повидаться с ним на пути из Пермской земли, но не смог исполнить своего желания из-за недостатка времени. Находясь в десяти верстах от монастыря преподобного Сергия, святитель Стефан обратился в сторону обители и с молитвой и поклоном произнес: "Мир тебе, духовный брате!" Преподобный Сергий, сидевший вместе с братией за трапезой, встал, помолившись, и, поклонившись в ту сторону, где проезжал святитель,

ответил: "Радуйся и ты, пастырю стада Христова, и мир Божий да пребывает с тобой!" Об этой глубокой духовной связи святителя Стефана Пермского и преподобного Сергия Радонежского свидетельствует совершаемая и ныне особая повседневная молитва к ним на братской трапезе в Троице-Сергиевой лавре.

Богословская образованность Пермского епископа и его выдающиеся личные качества создали ему высокий авторитет в Русской Православной Церкви. Несмотря на отдаленность его епархии, великие князья и митрополиты часто вызывали его в Москву для совета или участия в церковных Соборах.

В начале 1396 года, по приглашению святого митрополита Киевского Киприана († 1406; память 16/29 сентября), святитель Стефан вновь отправился в Москву. Здесь он заболел: здоровье его было подорвано 18-летними изнурительными трудами и подвигами, и хотя ему было всего пятьдесят лет, выглядел он значительно старше своего возраста.

26 апреля 1396 года святитель Стефан мирно скончался. Он был погребен в кремлевской великокняжеской обители, в соборе Спаса на Бору.

На Соборе Русской Православной Церкви 1549 года святитель Стефан был причислен к лику святых.

Стефан Пермский

- святой. Род. (около 1340 г.) в гор. Устюге. Сопровождая отца (сельского дьячка) во храм, он выучился церковному пению и уставу. После того он сосредоточил свое внимание на языке зырянском, на котором говорило почти все местное население. Еще в раннем детстве С. устюжанин св. Прокопий юродивый предсказывал ему, что он будет просветителем пермяцкого народа. Под влиянием этого предсказания он переселился в Ростов и поступил в монастырь св. Григория Богослова, чтобы подготовиться к прохождению миссионерского служения. Это было время просветительной деятельности св. Сергия Радонежского, который скоро сделался другом С. Мысль молодого аскета послужить миссионерскими трудами для Перми была всеми одобрена. Чтобы пользоваться Свящ. Писанием и творениями отцов церкви, С. изучил греческий язык; но он скоро понял, что успех проповеди среди зырян не будет обеспечен если он не будет знать зырянского языка. Скоро он овладел этим языком настолько, что приступил к переводу на него богослужения православной церкви. Для составления зырянской азбуки С. воспользовался денежными значками зырян, которые они вырезывали на тонких четырехугольных палочках (пасы). Посетив Устюг, С. убедился в способности зырян усвоить новые понятия и правила жизни на их собственном языке. Он нашел себе помощников, и весь край скоро огласился словом нового для дикарей учения. С. отправился в Москву, где получил благословение митрополита св.

Алексия и был поставлен в пресвитеры. Вел. кн. Димитрий дал ему охранную грамоту. В 1379 г., имея ок. 40 лет от роду, С. направился в Пермь и уже не воротился в Ростов, жители которого доселе чтут его наряду с святителями ростовскими. По Северной Двине и Вычегде С. достиг Котласа и начал проповедовать христианское учение. Его встретили крайне враждебно: наметали костер дров, его самого окутали соломой, чтобы сжечь; но никто не посмел подойти к нему с зажженной лучиной. Его кроткий вид и бесстрашие обезоружили дикарей, и они сами стали просить его проповедовать им. Везде, где бывал С., он строил церкви и часовни, уничтожая языческие кумирни. Проповедь в Гале и в Усть-Выме, где им уничтожена обоготворяемая береза, грозила ему смертью, но здесь была сооружена первая в крае церковь. С. был еще раз в Москве и в 1383 г. сделан был епископом края, им благодетельствованного. Скончался С. 26 апреля 1396 г. См. прот. Попов, "Святитель С. Великопермский" (1885).

Н. Б-в.

{Брокгауз}

Феофан Грек,

- (ок. 1340 - после 1405), живописец, работавший в Византии и Др. Руси. Писал фрески, иконы, миниатюры. Исполнил ряд росписей в церквях в Константинополе, Галате, Халкедоне, Кафе (Феодосия). На Руси расписал Спаса на Ильине церковь в Новгороде (1378), вместе с Симеоном Чёрным - церковь Рождества богородицы (1395), Архангельский собор (1399), вместе с Андреем Рублёвым и Прохором с Городца - Благовещенский собор (1405) - все в Моск. Кремле. Работал также в Серпухове, Ниж. Новгороде и, возможно, в Коломне и Переславле-Залесском. Ф. Г. приписывают иконы деисусного чина иконостаса Благовещенского собора в Моск. Кремле - "Спас", "Богородица", "Иоанн Предтеча", а также "Архангел Гавриил", "Апостол Павел", "Иоанн Златоуст" (с помощниками). Следы его поправок сохранились на ликах архангела Михаила и Василия Великого на иконах того же чина. По прорисам Ф. Г., а нек-рые и по его непосредственному рисунку, исполнены иконы праздничного чина того же собора. Мастерской Ф. Г. (по мнению ряда исследователей - самому Ф. Г.) приписываются иконы "Богородицы Донской" с "Успением" на обороте (1380 или 1392), "Четырёхчастная" и "Преображение"- из Переславля-Залесского (все в Третьяковской гал.) и инициалы рукописи "Евангелия Кошки" (ок. 1392, Б-ка СССР им. В. И. Ленина, Москва). Для произв. Ф. Г. характерны одухотворённая патетика образов, драматич. динамика и оригинальность приёмов письма, смелая живописность, сочетающаяся с мастерством пластической лепки и чётким конструктивным рисунком. Творчество и личность Ф. Г. были высоко оценены в Др. Руси, где его называли "философом". Созданная им в Москве мастерская стимулировала деятельность местных живописцев, выработавших, однако, отличный от феофановского стиль.

(Большая советская энциклопедия)

Феофан Грек

- [ок. 1335, Константинополь (?) – ок. 1410, Москва (?)], византийский живописец, работавший на Руси. Сведений о жизни и творчестве Феофана Грека сохранилось крайне мало. Самая ценная информация содержится в «Послании Епифания Премудрого», известного писателя, инок Троице-Сергиева монастыря, архимандриту тверского Спасо-Афанасьевского монастыря Кириллу (ок. 1415 г.). Епифаний перечисляет города, где работал Феофан (Константинополь, Халкидон, Галата и Кафа, ныне Феодосия; на Руси – Москва, Новгород Великий и Нижний Новгород), описывает некоторые его произведения, в том числе поразившие современников «страннолепные» (чудесные) росписи княжеских палат, на стене которых художник изобразил Москву. Характеризуя личность и творчество Феофана, Епифаний называет его «пре-

славный мудрец, философ зело хитрый, книги изограф искусный и живописец изящный среди иконописцев».

На Русь художник приехал не позднее 1378 г. Сохранилась копия ктиторской (ктитор – церковный староста) надписи, согласно которой он расписал в этом году церковь Спаса Преображения на Ильине улице в Новгороде. Эти росписи частично сохранились и стали надёжным источником для изучения творческого почерка мастера. В это время в Новгороде ещё сохранялась атмосфера вольности, активно обсуждались религиозные вопросы; духовное брожение в обществе выразилось в возникновении еретических учений, особенно влиятельным было движение стригольников, отрицавших церковную структуру и основные христианские догматы. В ответ активно выступали церковные круги, появлялось множество богословских трудов, ширилось церковное строительство. В этой обстановке сыграло исключительно важную роль искусство Феофана Грека, вдохновлённое «исихазмом» (от греч. hesychia – покой, безмолвие) – византийским аскетическим учением о пути человека к единению с Богом через «очищение сердца», «попаление» (сожжение) греховных страстей, достижение благодати через приятие нетварного (Божественного) света. Свет выступает в произведениях этого времени не только как эстетическая, но и догматическая категория.

Феофан Грек. «Христос Пантократор». Фреска. 1378 г. Церковь Спаса Преображения на Ильине улице. Новгород

Феофан Грек. «Столпник Симеон Старший». Фреска. 1378 г. Церковь Спаса Преображения на Ильине улице. Новгород. Фрагмент

Феофан Грек. «Троица Ветхозаветная». Фреска. 1378 г. Церковь Спаса Преображения на Ильине улице. Новгород

Мастер круга Феофана Грека. «Преображение». Икона. Нач. 15 в. Государственная Третьяковская галерея. Москва

Пространство храма Феофан трактует как место Богоявления. Центральный медальон купола с поясным изображением Христа Пантократора (Вседержителя) окружён строкой из псалма: «Господь с небеси на землю призри». Взор Спасителя, являющегося людям во всём своём грозном величии, озаряет храм, подобно вспышке молнии, потоком благодатного света. Христос окружён фигурами архангелов, огненных херувимов и серафимов и – ниже – фигурами ветхозаветных праведников и пророков. Всё человечество предстоит перед Христом в мистическом единении с Богом, пронизавшим храм-Вселенную лучами очистительного Божественного света. Росписи в нижней части храма сохранились хуже, но и фрагменты – фигуры святых отшельников, мучеников, воинов, сцены из Священной истории позволяют почувствовать атмосферу благоговения, трепетной молитвы, глубочайшего духовного потрясения от грандиозного явления Спасителя. Кисть Феофана стремительна, энергичные мазки чередуются с лёгкими прорисовками тканей. Фигуры и лики словно выхвачены светом из мрака небытия.

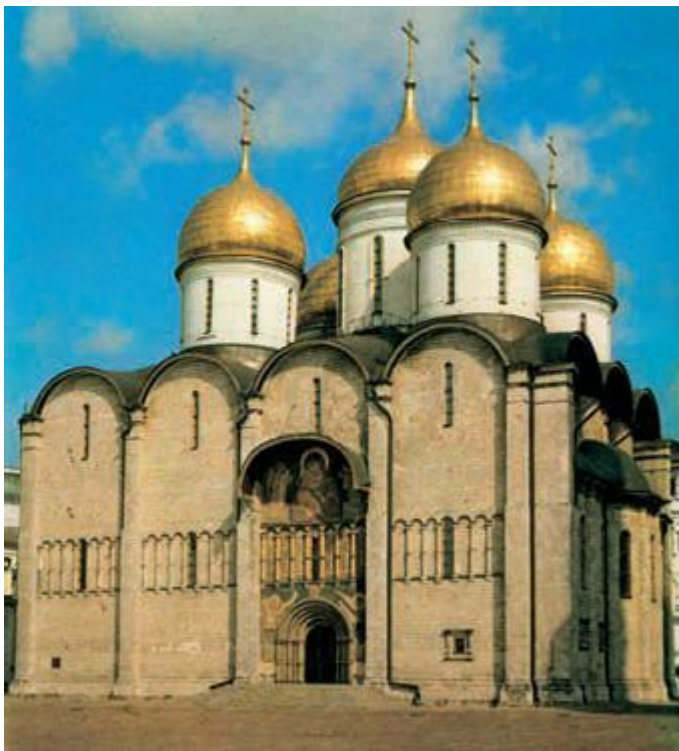
Между 1378 и 1390 г. Феофан, по свидетельству Епифания, участвовал в восстановительных работах в Нижнем Новгороде после набега татар, которые сожгли город и монастыри. Его росписи не сохранились. Ок. 1390 г. мастер прибыл в Москву; возможно, руководил ок. 1392 г. росписью Успенского собора в Коломне. По свидетельству московских летописей, Феофан Грек участвовал в украшении кремлёвских храмов (1395, 1399 и 1405 гг.). В 1395

г. он расписывал церковь Рождества Богородицы в Московском Кремле (позднее здание было разобрано в связи со строительством на этом месте Архангельского собора, 1505—08). В 1403 г. Феофан, возможно, участвовал в поновлении Спасского собора в Переславле-Залесском, откуда происходит известная икона Преображения, в живописи которой заметно влияние византийского мастера. В 1405 г. Феофан расписывал Благовещенский собор в Московском Кремле вместе с Прохором с Городца и «чернецом» (монахом) Андреем Рублёвым. По традиции Феофану Греку приписывают также оформление знаменитых рукописей рубежа 14–15 вв. – Евангелия Хитрово и Евангелия Ф. Кошки, хотя вопрос об их авторстве окончательно не решён. Творчество Феофана Грека оставило ярчайший след в живописи Новгорода и Москвы, его вдохновенное искусство нашло множество последователей. *(Искусство. Современная иллюстрированная энциклопедия - Издательство: Росмэн – Пресс 2007 г.)*

Аристотель Фиораванти.

Аристотель Фиораванти

(1415-1485?) - Итальянский архитектор и инженер. В 1475-1479 гг. проектировал и возглавлял строительство Успенского собора.

*А. Фиораванти. Успенский собор. 1475—79 гг. Кремль. Москва
(Искусство. Современная иллюстрированная энциклопедия - Издательство:
Росмэн – Пресс 2007 г.)*

Фиораванти дельи Альберти, Рудольфо

называвшийся также *Аристотелем* (за его хитрость, как сказано в летописях) - зодчий XV в. (1475-85 гг.) в Москве. Род. в 1415 г. в Болонье, умер после 1485 г. По преданию, он происходил из известной флорентинской фамилии Альберти, давшей Италии более 20-ти художников разных специальностей. Инженер-механик, архитектор, литейщик и монетчик, Ф. еще на родине составил себе большую известность и даже славу. В первый раз имя его встречается в 1436 г., когда он отливает в Болонье колокол, вместе с Гаспаром Нади, при содействии которого передвигает там же в 1455 г., помощью придуманного им механизма, Torre della Magione или колокольню церкви Св. Марии del Tempio со всеми колоколами на 35 футов в сторону. Между этими двумя работами он предается суду в 1447 г. за называние золотых дел мастера Жерардо Гализано делателем фальшивой монеты и фигурирует в 1453-54 гг. еще в двух незначительных процессах. Принадлежа с 1456 по 1472 г. к

обществу каменщиков N. D. della Yita или dei Battuti, он дважды исполняет должность Massaro dell'arte dei Muratori; в 1457 г. получает приказание очистить вокруг Болоньи известное пространство от всех построек, которые могли бы служить прикрытием при неприятельском наступлении, что однако вовлекает его в новые процессы в 1457 и 1459 гг. Затем, в 1458 г. получает приглашение от флорентинского скульптора Рагно перенести, за 1000 зол. флоринов, колокольню, на что, однако, не решается без ознакомления с качеством грунта и состоянием фундамента здания; в 1459 г. получает поручение от миланского герцога выпрямить у него башню и такое же приглашение от г. Мантуи; в 1461 г. "i dodici Riformatori" гор. Болоньи просят миланского герцога отпустить Ф. к ним дней на 10-12; в 1464 г. он нанимается своим родным городом, на один год, в должность крепостного инженера, с платой по 15 лир в месяц; в 1465 производит работы во дворце Подесты у городских ворот и в других публичных местах, успев за все время своей службы построить башню у дворца, городские стены близ ворот св. Феликса и новые укрепления, а также поправить ворота и проч.; наконец, в 1468 г. ему разрешается начальником гор. Болоньи отправиться, с сохранением содержания, в Венгрию, где он, по преданию, сооружает разные здания и мосты, бьет, с разрешения короля, монету со своим изображением и подписью и жалуется королем Матвеем Корвином в придворные кавалеры; в 1470 г., находясь уже на родине, Ф. исполняет разные гидравлические работы в Сан-Джиоване в Персичето и в Чекто, где выпрямляет, не вынимая ни одного кирпича из стены, колокольню церкви св. Власия, отклонившуюся от отвесной линии на 5½ футов; 1471 г. его отпускают опять, с сохранением содержания, на три недели в Рим, где он переносил уже монолитовые колонны Минервы в Ватикане, и куда он приглашается так же в 1473 г., пользуясь протекцией папы Павла II, но через три месяца, вследствие интриги, обвиняется в изготовлении фальшивой монеты, за что болонское правительство лишает его должности и жалованья. Освободившись из заточения, Ф. поселяется в Венеции, живет там в собственном великолепном доме и строит церковь и кривые ворота. В это время он приглашается приехавшим туда в 1474 г. послом вел. князя Иоанна III Семеном Толбухиным в Москву для достройки соборной церкви во имя Успения, выведенной уже под своды в течение трех лет русскими мастерами Кривцовым и Мышкиным, но в 1473 г. начавшей валиться из-за недостаточной вязкости цемента.

Перед самым вызовом в Москву Ф. получил приглашение и от турецкого султана Магомета II приехать в Царьград для постройки сераля, но не пожелал служить врагу Венеции; теперь же покровительствовавший ему дож Марчелло с трудом согласился отпустить его и то только в угождение московскому государю за его услуги республике по возбуждению татарского хана против ее врагов турок. По заключенному Толбухиным условию с Ф., последний должен был получать на Руси по 10 руб. (около двух фунтов серебра) в месяц. Посол великого князя так был очарован Ф., что все превосходные здания в Венеции, в том числе собор св. Марка, считал его произведени-

ями, и с удивлением рассказывал про его чудеса, как он, напр., лил у себя из оловянного сосуда вроде умывальника на медное блюдо - и воду, и вино, и мед. Не менее сильное впечатление произвел Ф. и на москвитян, удивлявшихся его умению ставить церкви и палаты, а также лить колокола, пушки и пр. В Москву Ф. прибыл в 1475 г., 26 апреля (а не марта, как, по ошибке, записано в летописи), вместе с сыном своим Андреем, также архитектором, и архитекторским учеником, неким Петром по имени, которые и помогали ему в его работах.

Осмотрев три уцелевшие стены (восточную, западную и южную) строившего русскими мастерами храма, Ф. хотя и хвалил чистоту кладки ("гладость"), тем не менее, находя, что известь не имела достаточной вязкости ("неклеевита"), а камень (собств. кирпич) твердости, не захотел приделывать четвертую стену (северную), вместо обрушившейся, и объявив, что храм надо воздвигать сызнова, велел ломать уже построенное - частью диковинною для русских машиною из дубового бруса на трех деревьях, прозванною ими бараном, частью поджиганием деревянных подпор, поставленных под вынутые из стен камни. Разбив таким образом менее чем в неделю то, что было воздвигнуто в три года, он, по словам летописца, представил всем воочию разрушение Титом Иерусалима. После того ископали новые рвы, глубиною в две и более сажени, вбили в них дубовые сваи, сделали из найденной Ф. за Андрониковым монастырем в Калитникове лучшей глины кирпич, по наставлению самого зодчего, уже, продолговатее и тверже прежнего, так что разломать его не было иной возможности, как только размочив наперед в воде; кирпич обжигался в устроенной Ф. на берегу Яузы особой печи; стали густо мешать известь, которая так засыхала к следующему уже утру, что ее нельзя было расколупать ножом, причем, по его приказанию, ее намазывали на кирпич железными лопатками; стены же начали выкладывать сплошь и внутри камнем, вместо щебня и булыги. Съездив перед началом работ во Владимир на Клязьме, для осмотра тамошнего Златоверхого Успенского собора, Ф. узнал в последнем произведение своих одноземцев, по замечанию летописца, но строил свою церковь по иному плану, причем, когда стены были выведены высоко (в 1477 г.), камни не носили на верх, а поднимали устроенною Ф. машиною из большого и малых колес на цепях, прозванною у нас векшей. Четыре столпа, поддерживающие своды храма, он заложил круглые, ручаясь за их прочность, а два в алтаре - четырехугольные; в стенах и столбах, где прежде клались дубовые брусья, положил железные связи, на верху же столбов - большие четырехугольные камни; но своды он сделал в один кирпич, так что сквозь них бывала течь от дождя. Храм свой он увенчал четырьмя главами, около большой шеи устроив казну (помещение для ризницы) и сделав лестницу для входа на верх собора, подле же алтаря, от боковых дверей, поставил хоры, а в алтаре, за престолом, над митрополичьим местом, высек было латинский крест, не возбудив, однако, подозрения в каких-либо видах, но митрополит Геронтий приказал его стесать; пол в церкви Ф. вымостили мелким камнем, который перед передними дверьми свел в один

кирпич, приводя всем этим в изумление москвитян. Для покрытия самых глав великий князь вызвал мастеров из Новгорода, которые и покрыли верхи церкви деревом, а поверх его немецким железом.

Построенный таким образом в 5 лет храм освящен был 12 авг. 1479 г. Имея внутри 55 аршин высоты от пола до купола большой главы, 50 длины от горнего места до западных дверей и 35 ширины от южных до северных, и освещаясь длинными и узкими окнами в два яруса, "бысть же та церковь, - по отзыву летописца, чудна вельми величеством, и высотой, и светлостию, и пространством; такова же прежде того не бывала в Руси, опрочь Владимирския церкви". Но с течением времени собор подвергся разным переделкам, без особенного впрочем изменения общего вида, почему и по его нынешнему состоянию можно судить о произведении Ф.

Несмотря на просьбу правителей Болоньи в 1479 г. об отпуске Ф. на родину, он был удержан великим князем в Москве, вероятно, для постройки и перестройки других церквей (напр.: Иоанна Златоуста в 1479 г., Сретения Богородицы и Богоявления Господня в 1482 г., Спаса за Яузою в 1483 г., Благовещения в 1484 г., Ризы положения в 1485 и проч.). Кроме построек в Москве, Ф. принадлежали, по преданию, некоторые строения и в других русских городах: в Вологде, в Новгороде и др. Но помимо зодчества, Ф. занимался еще и литейным искусством.

Так, с самого прибытия его к нам, в Москве - там, где ныне артиллерийское депо, у св. Софии премудрости Божией, что выше Кузнецкого моста, - учрежден был в 1475 г. первый у нас пушечно-литейный двор, но до нас ничего не дошло из его работ эпохи Ф. (если не считать за таковую - древнейшую двухфунтовую пищаль, длиною 4 ф. 6¼ д., в СПб. артиллер. музее). Во время походов Иоанна III на Новгород (1478), Казань, Нижний (1482) и Тверь (1485), этот литейный мастер был всегда при возках с пушками и пищальями, а в декабре 1478 г., когда великокняжеское войско стояло под Новгородом, Ф., по воле Иоанна, построил через Волхов под Городищем мост на судах, притом столь прочный, что он стоял еще и тогда, когда великий князь, одолев республику, возвращался в Москву.

В довершение всего, Ф. чеканил у нас и монету в 1475-1483 гг., причем на многих деньгах обозначал свое имя "Aristoteles", а на обороте некоторых изображал всадника с цветком под ним. Уже в 1476 г. у него был в Москве, недалеко от дворца, довольно хороший дом, в котором и останавливался в том году, на несколько дней, возвращавшийся из Персии венецианский посол Контарини, пока ему не было приказано, именем великого князя, выехать оттуда. Несмотря на то, что Ф. пользовался уважением Иоанна III и носил, по сохранившемуся в фамилии Альберти преданию, золотую медаль на груди, в знак милости к нему Московского государя, он, после мучения и умерщвления зимою 1483 г. прибывшего из-за границы медика, немчина Антона, за

неизлечение царевича касимовского Каракучу Данвярова, просился у великого князя на свою сторону, но Иоанн III приказал задержать его, отнять у него все имение, а самого посадить на Антоновом дворе, за св. Лаврентием; но опала эта, видимо, продолжалась только до 1485 г., после же того имя Ф. более не упоминается в летописях.

Слава Ф., научившего многому наших мастеров, навеки сохранилась на Руси, затмив собою известность других иностранных зодчих той же эпохи, как напр.: Антония и Марко Фрязиных, Петра Антония Солярия, двух Алевизов и друг., являвшихся лишь последователями его. Популярность Ф. может быть сравнима, и то только отчасти, с популярностью архитектора XVIII ст. графа Растрелли. Ф. был выведен даже в одном из популярнейших наших романов, - в "Басурмане" Лажечникова.

Н. Собко.

{Половцов}